

Фонд Фридриха Науманна

Ассоциация Исследователей
Российского Общества
АИРО-XXI

Москва
2009

Андрес АДАМСОН
Карл АЙМЕРМАХЕР
Валентин БОГАТЫРЕВ
Фальк БОМСДОРФ
Геннадий БОРДЮГОВ
Олег БУХОВЕЦ
Мунира ДЖАМАЛОВА
Отар ДЖАНЕЛИДЗЕ
Александр ИСКАНДАРЯН
Эльдар ИСМАИЛОВ
Алан КАСАЕВ
Георгий КАСЬЯНОВ
Жанат КУНДАКБАЕВА
Виктор МАКАРОВ
Ильгар НИФТАЛИЕВ
Гия СИАМАШВИЛИ
Татьяна ФИЛИППОВА
Ирина ЦВИК
Нериус ШЕПЕТИС

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ – II

Под редакцией

Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова

Научные консультанты:

Карл Аймермахер

Алан Касаев

Научно-вспомогательная работа:

Надежда Козлова

Москва
2009

Национальные истории на постсоветском пространстве – II/Под редакцией
Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, .– М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI,
2009.– 372 с.

ISBN 978-5-91022-111-0

© Фонд Фридриха Науманна, 2009

© Авторы, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ (<i>Фальк Бомсдорф</i>)	8
ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>Геннадий Бордюгов</i>)	9
ИСТОРИОПИСАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ: ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ «РЕМИФОЛОГИЗАЦИИ»	15
<i>(Олег Буховец)</i>	
Непознанная «непохожесть» Белоруссии	16
Чуяло ли свою страну белорусское национальное возрождение?	18
«Белорусский взгляд» на историю и современная наука	20
Националистическая теория и практика историописания и преподавания	23
Русификация в Российской империи и СССР в свете исторических фактов	25
Каковы были перспективы «национализации» историописания в Беларуси?	31
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МОЛДОВЫ: МОДЕЛИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОШЛОГО	51
<i>(Ирина Цвик)</i>	
Взгляды на характер национальной истории в конце 1980-х – начале 90-х годов	51
Основные черты и тенденции общественных процессов 1998-2008 гг.	54
Проблемы инструментализации прошлого	59
Научное сообщество историков: дискуссии по вопросам идентичности	65
Отдельные этносы или единая общность?	67
«РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ» И ЕЁ ИСТОРИЯ: ПЕРЕЗАГРУЗКА СМЫСЛОВ	84
<i>(Татьяна Филиппова)</i>	
Государство и власть в «историческом интерьере» – обновление стилистики	84
Государственное – гражданское – национальное: историческое наполнение исследовательских «оптик»	91
Курс на «позитивную идентичность» – цели, средства и сферы реализации	96
Новый академизм – между «апологией самобытности» и универсальностью критериев	103
«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» ИСТОРИИ В УКРАИНЕ	117
<i>(Георгий Касьянов)</i>	
Новая политика истории и памяти	119
«Национализированная» история: эпикриз	124
Между «Востоком» и «Западом»: «ориентация на местности»	127

«БОИ ЗА ИСТОРИЮ» В ЛАТВИИ	148
<i>(Виктор МАКАРОВ)</i>	
ОТСУТСТВУЮЩАЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ» ЛИТВЫ	157
<i>(Нериюс Шепетис)</i>	
Эпоха воссоздания государства и «появления» национальной истории	157
Актеры исторической культуры: общественное сознание, политика, наука	160
Об условиях и задачах «актуальной» историографии	166
Бои за историю: «носители памяти» и «профессионалы»	167
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЭСТОНИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕИЗАЦИИ ПРОШЛОГО И «ВОЙНЫ ПАМЯТНИКОВ»	182
<i>(Андрес Адамсон)</i>	
Историзация политики и политизация истории	183
О двух позициях в массовом историческом сознании	187
Страсти вокруг «Бронзового солдата»	188
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	201
<i>(Эльдар Исмаилов, Ильгар Нифталиев)</i>	
Изучение прошлого страны: проблемы и приоритеты	201
Исторические образы России: противоречия восприятия	206
Этнополитический конфликт в контексте информационной войны	200
История страны в XX веке: пересмотр ключевых событий и попытки нового прочтения	210
АРМЕНИЯ: УДРЕВЛЕНИЕ МОДЕРНА	225
<i>(Александр Искандарян)</i>	
Путь	227
Политика	229
Геноцид	231
Независимость	233
ПО СЛЕДАМ «БЕЛЫХ ПЯТЕН» ИСТОРИИ ГРУЗИИ	244
<i>(Отар Джанелидзе, Георгий Сиамашвили)</i>	
«За гранью дружеских штыков»	246
«Прощайте, товарищи!»	247
Февраль перестал быть для Грузии началом весны	249
Возвращение забытых имён	250
Великая Отечественная или Вторая мировая война?	252
История и государственная политика	254
Инструментализация истории	256

В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА КАЗАХСТАНА: «ДИАЛОГ ПАМЯТЕЙ» ИЛИ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ»	265
<i>(Жанат Кундакбаева)</i>	
Проблемы идентификации и общенациональной консолидации	267
Репрезентация страны	271
Память разных этнических и социальных групп	273
Ловушки мифологизации прошлого	277
Полотно исторического развития в нормативной историографии	279
Переосмысление советского прошлого республики	283
КЫРГЫЗЫ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИИ	296
<i>(Валентин Богатырев)</i>	
От мифов к истории. Период романтизма	296
Два президента – два подхода к истории	298
Тысячелетний прорыв в прошлое	299
История кыргызов	302
Болевые точки национальной истории	303
Кыргызы и «другие»	304
История и реальность	306
Кыргызская профессиональная историография	307
НОВОЕ ВИДЕНИЕ ИЛИ НОВАЯ АРХИТЕКТУРА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА	327
<i>(Мунира Джамалова)</i>	
Таджики: кто мы?	328
Об арийской цивилизации	333
Об опыте государственного строительства таджиков	338
Россия – Таджикистан: лицом к истории взаимоотношений	342
Единство древней нации	347
СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ ПРОЕКТА	368

К ЧИТАТЕЛЮ

10 лет назад Фонд Фридриха Науманна совместно с АИРО и Институтом русской и советской культуры имени Ю.М. Лотмана Рурского университета в Бохуме осуществили проект «Национальные истории в советском и постсоветских государствах». В рамках этого проекта состоялась Международная конференция и опубликованы два издания сборников (1999 и 2003) с результатами исследования, вызвавших большой резонанс.

За прошедшие годы значение истории в трансформации новых государств несколько не уменьшилось. Дискуссии вокруг истории способны объединять или раскалывать общество. Часто это сопровождается мифологизацией или «национализацией» массового исторического сознания. Если десять лет назад ведущую роль в создании «своих» картин прошлого играли национальные движения и их лидеры, то сегодня ведущая роль в этом процессе принадлежит, как представляется, власти и политической элите.

И СМИ, и массовая учебная литература тоже вносят свой вклад в переосмысление прошлого. В обществе прослеживаются две тенденции: с одной стороны, к «присвоению» исключительно себе права трактовать и интерпретировать прошлое, а с другой, к критическому прочтению «трудных» страниц недавней истории независимо от национальных границ.

Перечисленные и многие другие причины делают сегодня анализ и мониторинг национальных историй, а также их представления миру крайне актуальными. Тем более, что первый и второй проекты по данной тематике охватывают без малого двадцатилетний период существования постсоветского пространства.

Фальк БОМСДОРФ

ПРЕДИСЛОВИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ: ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Геннадий БОРДЮГОВ

Десять лет назад участники проекта «Создание национальных историй в советском и постсоветском государствах» зафиксировали ряд положений, которые оказались характерными практически для всех стран СНГ и Балтии.* Не без острых споров, вызвавших заметный резонанс в научной среде,** в основном было достигнуто согласие по поводу того, что понятие «национальная история» в социологическом смысле означает систему знаний, сотворенную национальной (принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбежных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм. Понятие «национальная история» объединяло в себе как этнорегиональные (к примеру, татарская, башкирская, североосетинская и др.), так и государственные истории (казахская, таджикская, украинская, армянская, грузинская и др.). Естественно, что версии истории Российской империи и СССР не рассматривались как «национальные», поскольку эти образования не являлись национальными государствами.

В контексте актуальных культурных представлений «национальная история» воспринимается во взаимодействии с истори-

* Результаты проекты см. в различных публикациях: Бордюгов Геннадий. «Свое» и «чужое» прошлое // Независимая газета. 1998, 15 сентября; Бордюгов Геннадий. Создание национальных историй. Новое поколение ученых СНГ размышляет о «своем» и «чужом» прошлом // Независимая газета. Прил. «Содружество». 1998. № 10; «Свое» и «чужое» прошлое, или поиск новых идентичностей в постсоветских государствах. Материалы обсуждения на Международной научной конференции «Создание национальных историй» (Москва, 15-16 сентября 1998 г.). Сост. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, К. Вашик. – М., 1999; Бордюгов Геннадий, Бухараев Владимир. Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи. – М., 1999; Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. – М., 1999; -- 2-е изд., исправл. и дополн. – М., 2003.

** См.: Люкшин Д. Фантомная история // Ex libris НГ. 1999, 14 октября; Журавлев Валерий. Договориться о прошлом // Ex libris НГ. 2000. № 15; Котов Владимир. О книге «Национальные истории» // Отечественная история. 2001. № 5; Сорокина Ольга. О книге «Национальные истории» // Pro et Contra. 2001. Осень; Буховец Олег. Клио на пороге 21 века: искушение национализмом // Вопросы истории. 2002. № 3 и др.

ческими соседями, она организована посредством национальной идеи, обосновывающей культурные и политические притязания руководящих классов. Это относится и к понятию «национальный историк», которое вполне определенно звучит как обозначение носителя, контрагента, завуалированного или явного этноцентризма. Смыслы, приносимые в такое понимание истории и историка, в немалой степени отражают реальное положение дел. Национальные историки на постсоветском пространстве «переигрывают» историю по тем сценариям, которые отвечают задачам обоснования процессов формирования национальных государств. В этом деле приближение к научной истине, к сожалению, не фигурирует в качестве ценности.

Участники проекта зафиксировали и проанализировали роль основных акторов процесса создания национальных историй – национальных движений и их лидеров, политической элиты и профессиональных историков. В 1990-е годы основные тенденции создания новых историй определяла первая группа, что не могло не повлиять на понижение общего уровня историознания. Оно было подчинено не внутренним научным задачам, а духу эпохи – героизации своего прошлого, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей.

Все эти устремления объединяла, как уже подчеркивалось, одна общая черта – этноцентризм, локальный и геополитический, претендующий стать исследовательским подходом, который фиксирует черты определенной этнической группы. Этноцентризм действительно стал вензелом национально-государственных историографий. Он явственно обнаружил себя в школьных и вузовских учебниках, энциклопедической литературе.

За последние десять лет условия для историописания на постсоветском пространстве усложнились. Произошли первые постсоветские «цветные революции» с харизматическими провайдерами и первая война между бывшими республиками СССР с трагическими последствиями. Появились новые независимые государства и новые границы. Военные и экономические конфликты вышли за пределы постсоветского пространства, стали дополнительным свидетельством того, что довольно быстро складывается иная конфигурация, не связанная с однозначным доминированием какой-либо страны среди заново образованных государств. Наоборот, появляются новые арбитры при осложнении межгосударственных отношений и новые богатые спонсоры в контексте экономического кризиса.

Одновременно растет и роль независимых интеграционных институтов, в том числе в гуманитарной сфере, в продвижении новых научных проектов.

Кризис государственности в ряде стран СНГ и одновременно поиск собственных путей развития народовластия, не связанных с продлением полномочий одного лидера, очевидное завершение процесса формирования собственной государственности потребовали новых программ и проектов по изучению и репрезентации истории. Это связано как с опасностью дезинтегративных тенденций, так и с воспроизводством идентичности, сохранением её главной основы – исторической памяти и национальной культуры. Поэтому ведущая роль в создании национальных историй перешла к политической элите, заинтересованной в инструментализации прошлого для реализации определенных политических целей, в том числе укрепления независимого статуса новых государственных образований.

На всём постсоветском пространстве на государственном уровне сформулированы задачи политики истории, что связано с сохранением и развитием языка, национальных духовных и материальных ценностей, государственной школы обучения молодого поколения. Подконтрольные власти СМИ, система образования и издание учебной литературы, в зависимости от характера внешнеполитических ориентиров вообще и двусторонних межгосударственных отношений в частности, выпячивали то одни, то другие образы в представлении соседей и общей истории. Диапазон для этого был довольно широким, хотя и не новым – «враг – чужой – другой – иной – друг - брат». Однако выстраивание взвешенной внешней политики предопределило переход к созданию образа прошлого страны, который бы способствовал стабилизации, нормальным отношениям с соседями, который был бы свободен от излишней политизации. Безусловно, это не означало, что исчезло стремление правящих элит отойти от общей истории, связанной с Российской империей и СССР, что история перестала быть инструментом политики. Во всяком случае, режимы власти, установившиеся в последние пять лет в Украине, Грузии, Эстонии и Латвии, в определенные критические моменты тенденциозно освещали трагические моменты истории, надуманно взвинчивали ситуацию вокруг памятников и памятных знаков, что нередко вызывало раскол общества. Возникли невиданные для постсоветского пространства определения «война памятников», «война памяти».

Работа в контексте инструментализации прошлого, с одной стороны, и время от времени возникающих «войн памяти» и «информационных войн», с другой, поставили перед историками вопросы: что делать?, гасить эти войны?, создавать новую идентичность на

«счастливой истории», и только так, игнорируя трагические события, воспитывать молодежь? Чем вообще отличаются национальные картины прошлого и почему? Какие модели национальной памяти превалируют сегодня в массовом сознании? Какие перспективы впереди – апология почвы, облечение мифов в национальную оболочку, или возвращение профессиональной историографии на подобающее место? Продолжится ли дифференциация историков по национальной принадлежности или всё-таки на основе научной позиции?

Как свидетельствуют статьи профессора из Украинской академии наук Георгия Касьянова, профессора Белорусского государственного экономического университета Олег Буховца, а также культуролога из Молдавии Ирины Цвик, у историков в повестке дня сложное, но крайне важное задание: преодолев всеобщее «воспаление этничности» ранних постсоветских лет, постараться вписать уникальный опыт каждого народа в культурно-историческое многообразие постсоветского пространства и мира в целом.

В странах Балтии нет общей идентичности, а потому трудно найти позитивное объединяющее прошлое, -- об этом пишут директор исследовательских программ «Балтийского форума» Виктор Макаров из Риги и профессор Вильнюсского университета Нейрюс Шепетис. Спор идет через забор – происходит интерпретация интерпретации фактов. Это, по мнению историков, создает дополнительную внутреннюю проблему: нет спора в установлении исторических фактов, но есть серьезная проблема в их восприятии. Латыши с болью вспоминают такие даты, как день оккупации и дни массовой депортации, считают 18 ноября (день создания Латвийской Республики) своим праздником, русскоязычные латвийцы к этим датам относятся с прохладцей, зато горячо и эмоционально отмечают 9 мая. Это болезненно для обеих сторон, потому что обе эти интерпретации долгое время «завязывались политиками». Возникла усталость общества от разыгрывания этнической карты в политике. Неграждан становится все меньше, но расхождение траекторий остается и подпитывается обидами: история не расширена и не растолкована таким образом, чтобы никто не чувствовал дискомфорта. Историческая рефлексия, естественная для открытого и зрелого общества, – нежелательная роскошь, пока исторические водоразделы совпадают с этнополитическими. Но как можно растолковать историю, если те, кто может ее растолковать, имеют собственное толкование? Эстонский историк и издатель Андрус Адамсон в своей статье сформулировал эту проблему так: для России, к примеру, успех – это победа в войне, у нас другой взгляд: если, победив, освободили – почему не ушли, а не ушли – значит, захватили. Это знание снять у эстонца можно

только вместе с головой.

Безусловно, необходимо понимание и уважение к различиям национальных памятей. События 1944 г., когда Красная армия выбила немцев из Литвы, Эстонии и большей части Латвии, – это победа. Однако для эстонцев, литовцев и латышей военные победы советских солдат означали еще и возвращение их стран в состав СССР. Это государство в 1940 г. лишило их национальной независимости, возвращение режима, который всего за 11 месяцев, с июля 1940 по июнь 1941 г. зарекомендовал себя многочисленными политическими арестами и приговорами, высылкой десятков тысяч человек в Сибирь и Казахстан, бессудными казнями заключенных в первые дни войны. А после «освобождения» осенью 44-го – насильственной коллективизацией, новыми арестами и массовыми депортациями. Следовательно, нисколько не поступаясь законной гордостью за военные успехи Красной армии, надо знать и понимать, что, кроме освобождения от нацизма, принесли эти успехи народам Балтии. А народы Балтии, в свою очередь, помня о своей трагической истории, должны помнить и понимать, что означает для России, других постсоветских государств, да и для всего человечества, память о великой борьбе народов с нацизмом. Не для того нужен диалог, чтобы переубедить, а чтобы понять друг друга. Эта позиция, предложенная Международным обществом «Мемориал», разделялась всеми участниками проекта.

Кто есть сегодня «постсоветские люди», чью историю пишут историки, рассеянные по пространству независимых государств, – народа, нации, этноса, государства, режима? Как работают в этой области государственный заказ и общественный интерес? На эти вопросы отвечают в книге историки и политики из стран Южного Кавказа – директор Института Кавказа, профессор Александр Искандарян, профессор Бакинского государственного университета Эльдар Исмаилов и доцент этого же университета Ильгар Нифталиев, профессор Института политологии Грузии Отар Джанелидзе и журналист Гия Сиамашвили, а также ученые из стран Центральной Азии: профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби Жанат Кундакбаева, доцент Российско-Таджикского славянского университета Мунира Джамалова и председатель наблюдательного совета Европейского клуба Кыргызстана Валентин Богатырев.

Многие авторы статей обращают внимание на то, что в России, ее политическом и культурном пространстве появилась мода на имперскость – во внешних проявлениях, в символике, стилистике. Исток этой тенденции – в позднеельцинском времени, когда власть

стала играть с темами патернализма и монархической традиции. Татьяна Филиппова, представитель РФ в проекте, являющаяся заместителем главного редактора Российского исторического журнала «Родина», приводит в этой связи слова идеолога британских консерваторов Уильяма Хейга: «Я – за патриотизм без фантазий». Вот так же, без фантазий, стоит относиться и к задачам исторической науки и исторического образования, – пишет она. Именно историки способны содействовать созданию той «дорожной карты», которая поможет современным государственным деятелям не наткнуться на ухабы застарелых этнических и национальных конфликтов и спокойно заниматься своими делами – «без фантазий».

* * *

Участники нового проекта, как и предшественники, использовали самый разнообразный инструментарий изучения проблемы – обращение к историографии, проработку школьных и университетских учебников по истории, созданных в последнее десятилетие, контент-анализ СМИ, научной периодики и интернетовских форумов, специальные социологические опросы студентов, просмотр множества политических документов общественных движений и партий, наконец, личные наблюдения.

В приложениях к каждой статье сборника представлены визуальные образы темы проекта.

ИСТОРИОПИСАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ: ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ «РЕМИФОЛОГИЗАЦИЙ»

Олег БУХОВЕЦ

В самом начале «перестройки» ничто, казалось бы, не предвещало того, что национализм сумеет вскоре набрать такую силу, которая обеспечит вначале распад Варшавского пакта, СЭВ и коммунистической системы, а затем и появление на развалинах социалистических федераций 23-х новых государств. Такого поворота событий не предвидели даже наиболее авторитетные в мире специалисты по нациям и национализму – Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, Т. Нейрн, М. Манн и др.¹

А между тем, рассмотрение происходившего тогда через призму историзма обеспечило бы большую адекватность в понимании разворачивающихся процессов, да и куда больший прогностический потенциал. В частности, нельзя не обратить внимание на то, как за 80 лет до «перестройки» и «гласности», в ходе революции 1905-1907 гг., национальные активисты сумели «перезагрузить» изначально доминировавшую социальную энергетику революции на работу по «национализации». В результате, локализованные до того интеллигентскими организациями «национальные идеи» уже начиная с весны-лета 1905 г. превратились в западной части империи в феномен массового общественного сознания.²

История повторилась в Февральской революции 1917 г. Последняя совершена была, безусловно, на социально-политической «тяге». И лишь потом, на пути от Февраля к Октябрю национальная энергетика начала неуклонно усиливаться, что в 1917-1918 гг. и позволило Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве и Польше обрести, в конце концов, независимость.

Советские союзные республики, фактически бывшие, особенно в наиболее суровые десятилетия коммунистического строя, всего лишь квазигосударственными образованиями, сумели, тем не менее, заложить «фундамент», и даже поднять «стены» будущих государств. Это оказалось возможным благодаря заложенному Лениным и Сталиным в государственное устройство СССР принципу многоярусного этнического федерализма. Который по существу, был, конечно, псевдофедерализмом. История показала, что он, тем не менее, был способен подпитывать латентный национализм даже в самые суровые годы большевистской диктатуры.

В условиях же начавшейся в СССР с середины 1980-х гг. внутрисистемной либерализации, быстро переросшей во внесистемную демократизацию и

плюрализацию общественной, политической, духовной жизни, национализм достаточно скоро заявил о себе как о самой мощной и грозной для многонациональных социалистических стран силе. Внутренняя логика процесса «национального самоопределения» республик довольно быстро поставила в повестку дня задачи возведения, образно говоря, «суверенных крыш» над ними и форсирования «нациестроительства».

Для обеспечения последнего, как в Советском Союзе, так и в странах «народной демократии» развернулась беспрецедентная национализация гуманитарного, и прежде всего, исторического знания. Главной на поверку ее функцией стало формирование новых и переформирование старых идентичностей. «Этнические предприниматели» всех национальных оттенков, абсолютно доминировавшие к тому времени на «научном» и идеологическом рынке, исключительно быстро развернули своеобразную «колонизацию» исторического прошлого из современности, как выразился В. Тишков. Реанимированные или же заново «сочиненные археологами, историками, географами, писателями и журналистами мифы идеализировали прошлое своей нации как цепь славных деяний – саркастично отмечал он, – или же культивировали комплекс страданий как цепь злонамеренных действий этнических «чужаков».³

Как и в других союзных республиках бывшего СССР, в Белоруссии начавшаяся в годы перестройки и гласности национализация исторического знания позиционировала себя поначалу лишь как антитеза его тогдашней коммунистической идеологизированности и орудие демократизации политической жизни. При этом, создававшийся национальными активистами белорусский «мифо-символический комплекс» воспроизводил все типологически важные общие черты. Во-первых, нации вообще и белорусская, в частности, представляли в нем не как современное политическое оформление культурных различий, а как нечто существовавшее «от века». Во-вторых, он содержал в себе идею «пробуждения» белорусской нации, неизбежно наступающего после длительного исторического «сна». В-третьих, акцентировалось внимание на существовании внешних и внутренних недругов, не заинтересованных в таком «пробуждении».⁴

НЕПОЗНАННАЯ «НЕПОХОЖЕСТЬ» БЕЛОРУССИИ

Вместе с тем, давала о себе знать общая «непохожесть» Белоруссии на ее ближайших соседей. Тех, у которых белорусские национальные активисты в первую очередь считали полезным и необходимым «учиться нациестроительству» – Литвы, Латвии и близкородственной Украины. Что же является главной составляющей этой непохожести? Это то, что литовцы и латыши сумели осуществить переход, если воспользоваться типологией М. Гроха, от патриотической агитации (фаза «В») к массовому политическому движению (фаза «С») еще в ходе революции 1905-1907 гг. А украинцы (в основном западные) – после

Февральской революции 1917 г. В Белоруссии же национальное движение массовым, да и то относительно, впервые становится лишь в разгар перестройки и гласности.

Но даже в эти годы белорусское национально-демократическое движение не сумело занять доминирующее место в общеполитическом движении протеста в БССР. Именно по этой причине последнее и «не заслужило» тогда должной оценки в либерально-демократическом общественном мнении Центра и союзных республик. Почему? Потому, что в соответствии с господствующими в ту эпоху представлениями, демократия и национализм почитались «естественными» попутчиками и союзниками. Поэтому «мало национализма» практически означало и «мало демократизации». Вот почему в Советском Союзе за тогдашней Белоруссией закрепился образ республики, «где ничего не происходит».

А ведь в целом ряде случаев именно в Белоруссии происходили события, этапные для перестройки и демонтажа тоталитаризма в СССР. Так, например, на начальной стадии перестройки, в рамках формулирования «общественного обвинительного заключения» коммунистическому правлению стратегическое значение имело выявление и предание гласности союзным «Мемориалом» и аналогичным республиканскими организациями материалов о «фабриках смерти» ГУЛАГа. Благодаря этой деятельности довольно абстрактные до той поры сведения о миллионах и десятках миллионов репрессированных превращались в итоге проведенных обследований и раскопок в конкретные места массовых расстрелов. Информация о них буквально всколыхнула широкое общественное мнение. И вот первые такие материалы – а конкретно речь шла об уничтожении НКВД близ белорусской деревни Куропаты многих десятков тысяч людей – были опубликованы в июне 1998 г. не в Москве, Ленинграде или Киеве, а в Минске – столице «антиперестроечной Вандеи» (как назвал Белоруссию писатель и публицист А. Адамович). Они вызвали большой международный резонанс, а слово «Куропаты» сразу же превратилось в конкретный символ преступлений сталинизма против человечества.⁵

Другие важнейшие для той эпохи сферы. Известно, насколько детонирующую для политических процессов в СССР роль сыграли события 1989 г. в Тбилиси и в январе 1991 г. в Вильнюсе. Но первое-то аналогичное столкновение произошло все-таки в Минске, еще в октябре 1988 г. По традиционному народному обычаю («Дзяды») 10 тысяч минчан тогда вышли, несмотря на запрет властей, на манифестацию – поминовение жертв сталинского террора. Для разгона демонстрации были привлечены большие силы милиции и внутренних войск, наряду с дубинками использовались и химические средства, 72 человека были задержаны. Кровопролития, к счастью, не произошло, и это одна из причин очень слабого отражения данного события в центральной прессе. Ну, а другая причина – безусловно, стереотипное отношение к Белоруссии, в которой «ничего не происходит».

То самое отношение, которое не позволило по достоинству оценить и апрельский 1991 г. забастовочный взрыв в Белоруссии. Это особенно поразитель-

ный пример того, как предвзятая установка восприятия обрекает даже образованный класс на неспособность видеть очевидное: ведь ни до этого, ни после в СССР не было случая, чтобы практически вся республика, причем далеко не самая маленькая, была охвачена забастовками.

Таким образом, выводы перестроенных публицистов о «покорности» белорусского народа⁶ – не просто безосновательны, но даже курьезны. Они результат своего рода аналитической абберации: пониженный «фон» национал-демократизма в Белоруссии как бы «гасит» повышенный «коэффициент» социально-демократической активности широких слоев ее населения в ту пору.

ЧУЯЛО ЛИ СВОЮ СТРАНУ БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ?

Все это имело далеко идущие отрицательные последствия и для самого национально-возрожденческого движения Белоруссии. Его лидеры, оказавшись неспособными отказаться от комплекса «ученичества» (прежде всего, по отношению к прибалтам и украинцам), явно не желали принять белорусскую специфику – неинтенсивное национальное самосознание – как исторически сложившуюся данность. С упорством, достойным лучшего применения, они пытались эту реальную белорусскую специфику подогнать под некие привлекательные для них эталоны: прибалтийский и, в меньшей мере, украинский. От белорусов требовалось как можно скорее стать народом по типу прибалтийских – начать говорить исключительно на своем языке (на первоначальном требовании государственного белорусско-русского двуязычия был быстро поставлен крест), проявлять особую гордость своей историей и культурой, стремиться к независимости и т.д.

Абсолютно неприемлемой для лидеров и активистов белорусского национального движения была мысль о том, что относительно слабовыраженное национальное самосознание ни в коей мере нельзя рассматривать как какую-то «неполноценность», а, напротив, его сила вовсе не является особым достоинством. И что белорусы в этом смысле ничуть не «хуже» русских или поляков.

Но дело-то в том, что история, идеологическое, культурное развитие Европы, начиная с XIX века, выработали некий образ «настоящей нации», которому придается сугубо оценочное значение (нечто вроде образов «настоящего мужчины» или «настоящей женщины») и которому белорусы как бы явно не соответствуют.⁷ Поэтому для национально ориентированной белоруской интеллигенции, видевшей вокруг себя такие народы, как поляки, литовцы, латыши, эстонцы, русские, и совершенно не настроенной на восприятие белорусской специфики как варианта нормы, специфика эта представлялась, да и по сию пору представляется, именно неполноценностью. Чем-то едва ли не постыд-

ным, тем, что нужно как можно скорее преодолеть. Как выразился на пороге независимости Республики Беларусь один из видных деятелей националистического движения А. Астапенко, «сегодня, наверное, ни для кого не секрет, что белорусскую нацию вряд ли можно назвать полноценной (выделено мной. – О.Б.)». ⁸ Еще более жестко высказался несколько позднее на этот счет лидер Белорусского народного фронта «Возрождение» (БНФ) З. Позняк: белорусская нация «глубоко и тяжело больна»... ⁹.

Столь уничижительная оценка свидетельствует, что лидеры национально-возрожденческого движения сами явно не доверяли не соответствующему их идеальной модели белорусскому народу и рассчитывали на победу не столько его силами, сколько силами соседей. Народофронтский деятель В. Ивашкевич заявлял, в частности: «Я думаю, что ухватившись, так сказать, за хвост прибалтов и украинцев, мы успеем на этот раз на свой поезд, на который мы опоздали вскочить в 1918 г. (выделено мною. – О.Б.)». ¹⁰

Приведенные высказывания просто поражают отсутствием какого бы то ни было исторического реализма. Ибо говорилось это как раз в те годы, когда национал-возрожденческие силы во главе с БНФ добились наибольших успехов. Ведь тогда, в начале 1990-х гг. для оппозиционной коалиции демократов и либералов, ведущую роль в которой играл БНФ, национальные задачи выступали хотя и как очень важная, но все-таки одна из многих других составляющих демократической платформы. Поэтому итогом согласованных действий широкой оппозиции явилось отвоевание у коммунистической монополии четверти всех мест на мартовских 1990 г. выборах в Верховный Совет. И тогда, и потом, – и в Белоруссии, и за ее пределами, – этот результат расценивался как неудача. Мнение поверхностное, проистекающее из непонимания выраженной белорусской специфики. Состоящей, опять-таки в том, что если в Прибалтике, Молдавии и, в меньшей степени, на Украине электоральных успехов можно было, эксплуатируя националистические лозунги, достигать по линии наименьшего сопротивления», то в Белоруссии, при отсутствии массовой базы для национализма, этот путь дивидендов дать не мог.

После получения Белоруссией независимости национал-возрожденцы сумели найти взаимопонимание и наладить сотрудничество с частью номенклатуры в том, чтобы уравновесить более чем заметное количественное преобладание противников радикальной «белорусизации» новым формальным статусом республиканских властных структур как институтов белорусской государственности. В результате, изменения, и притом весьма серьезные, произошли уже в течение первого года независимости. В частности, в реализацию закона о языках 1990 г. началась форсированная белорусизация школ и дошкольных учреждений. В итоге, на начало 1993 г. из всех 4953 школ полностью белорусскими были уже 3141 или 63,4%, а 1415 школ – с параллельными русскими и белорусскими классами (28,6%)¹². Русскими же оставались только 397 школ, что составляло лишь 8%.¹³

Развернулся процесс перевода на белорусский язык делопроизводства в государственных учреждениях и обучения в вузах. Стало заметно изменяться в пользу белорусской прессы соотношение по числу изданий. Из зарегистрированных в республике на 1.01.1993 г. 627 печатных периодических изданий 140 или 22,3% выходили на белорусском языке, а 116 (18,5%) – на белорусском и русском.¹⁴ Что касается такого весьма важного показателя, как совокупный тираж, то и здесь наметился сдвиг в пользу белорусского языка, хотя и небольшой: на начало 1993г. на белорусские издания приходилось 12,4% тиража.¹⁵

«БЕЛОРУССКИЙ ВЗГЛЯД» НА ИСТОРИЮ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Наиболее масштабный и далеко зашедший «возрожденческий» проект конца 1980-х гг. – первой половины 1990-х гг. – «колонизация» белорусским национализмом истории. Последняя – совершенно незаменимый материал для изобретения, в рамках создания мифо-символических комплексов, так называемых «национальных традиций». Применяемый при этом метод «рекомбинации» исторического материала открывает возможность, в зависимости от конкретных задач по «изобретению», либо «забывать» в истории то, что в ней было, либо «вспоминать» то, чего не было.¹⁶

Поначалу белорусский проект создания новой исторической мифологии был довольно незамысловатым. Особенно на фоне того, что уже к тому времени было сделано в других республиках СССР. Он в основном исчерпывался стремлением максимально «удревнить» родословную белорусского этноса и в наиболее выгодном свете представить его место в истории. Так, время появления на территории Белоруссии первых государственных образований было «передвинуто», без привлечения каких-либо новых письменных источников, на целых 3 столетия: с IX века – на VI.¹⁷ Еще более смелым было доведение «возраста» белорусского языка до тысячи лет.¹⁸ Но и в этом случае не указано на основании чего происходит радикальное «удревнение». Нельзя в этой связи не отметить, что «белорусским» современники и творцы его все-таки не называли ни в XIII в., когда наметился процесс его отпочкования от древнерусского, ни даже в XVI, давшем начало белорусскому книгопечатанию. К примеру, для первопечатника Ф. Скорины он – «русский», а для выдающегося гуманиста и просветителя С. Будного (1530-1593) – «словенский».

«Прорабы» национализации истории, очевидно, понимали, что элементарным «удревнением» не обойтись, необходима также и выработка теоретико-методологических основ нового историописания и преподавания истории в средней и высшей школе.

Уже к началу 1990-х гг. проект «национализации» становится куда более масштабным и решительным по своим интенциям. Выдвигается задача полностью сменить парадигму исторического познания и преподавания истории. Основной

предпосылкой выполнения такой задачи и официальными статусными учеными, и молодыми историками-радикалами мыслилась разработка так называемой «национальной концепции истории Беларуси» и выработка «белорусского взгляда» на историю вообще. Как объясняли смысл этого широкой общественности накануне I Всебелорусской конференции историков (3-5 февраля 1993 г.) руководители ведущих научных и вузовских учреждений декан исторического факультета БГУ П. Шупляк и директор Института истории Академии наук Белоруссии М. Костюк, «белорусского взгляда на историю как не было, так и нет до сих пор (выделено мною. – О.Б.)», а изучать ее (историю) «с чужого листа нельзя».¹⁹

«Чужой лист», «чужие формы дискурса», писали жесткие критики «бэсэ-сэровской историографии» – это дискредитировавший себя историзм марксистской традиции. Поскольку, по их убеждению, в истории человечества «нет ничего универсального и всеобщего», то и «нет мировой истории» как таковой. Есть история национальная (выделено мною. – О.Б.)».²⁰ С этой точки зрения вполне «логично» и следующее звено концептуальной цепочки националистического историописания: «Современная историографическая практика показывает, что конкуренция теорий... совпадает главным образом с национальной принадлежностью (выделено мною. – О.Б.)».²¹

Но ссылки адептов «национализации» на то, что такова, мол, практика историописания «в цивилизованном мире» – совершенно несостоятельны. На Западе к тому времени большинство историков, как отметил британский ученый Э. Смит, «скептически, если не откровенно враждебно», стали относиться к «идеологическим притязаниям» национализма.²²

В немалой мере этому благоприятствовали проявившиеся в 1970-е и заметно усилившиеся в 1980-е гг. тенденции и интернационализации исторической науки. Вызванное ими, как писал французский историк М. Эмар, ускорение циркуляции идей и специалистов последовательно отодвигало на второй план дискуссии между европейскими национальными историографиями.²³

А в контексте новой «общей европейской истории» рамки того или иного государства уже «не являются общепринятым форматом для исторического исследования (курсив мой. – О.Б.)».²⁴ Да и в более общем плане: «Сегодня, – констатировал Эмар в середине 1990-х гг., – сходят на нет не только концепции национальной исключительности (например: «французской исключительности»... или германского «особого пути»), но и соответствующие философские школы».²⁵

Итак, предлагавшийся «прорабами» белорусизации исторической науки решительный отказ от старой, марксистско-ленинской парадигмы (без чего Белоруссии просто предрекался «тихий уход в небытие»)²⁶ – вовсе не означал отказ от научного редуccionизма как такового. Это просто замена социально-классового редуccionизма национальным. Но разве последний настраивает на одномерное восприятие и интерпретацию в меньшей степени, нежели социально-классовый? Отнюдь нет. В ряде отношений он явно превосходит марксизм. В частности, установкой не только на допустимость фальсификаций в истори-

описании, но и даже их необходимость, коль этого требует политическая целесообразность.

Сошлемся хотя бы, к примеру, на рассуждения о том, что «объективная истина» лишь «благородная мечта» и что для национальных историографий подчинение политических приоритетов интеллектуальным «чаще остается только добрым пожеланием», ибо «национальное» является едва ли не главной природой субъективности». ²⁷

Еще красноречивее (в конце-то XX века!) прямое одобрение практики двух последних столетий по созданию в Центрально-Восточной Европе исторических мифов и «фальсификации документов, так как они «служили одной цели – делу укрепления народа через соответствующую трактовку истории». ²⁸

Концептуальный материал постсоветских националистических проектов в истории способен впечатлить стороннего наблюдателя еще в одном отношении. В них замечательно быстро был освоен и использован опыт возникших в последние десятилетия XX века паранаучных «антиуниверсалистских» по своему духу «тоннельных историй» отдельных социальных, гендерных, возрастных групп, этнических, религиозных, расовых, сексуальных меньшинств.

Известный историк Э. Хобсбаум так описывал специфическую методологию, которой руководствуются при создании таких историй:

– «основной предмет истории – не то, что произошло, а то, какое касательство имеет произошедшее к членам определенной группы»;

– «моя истина столь же значима, как твоя, каковы бы ни были факты (курсив мой. – О.Б.)». ²⁹

Понятно, что подобные теоретические установки максимально благоприятствовали «массовому изобретению исторических контр-истин и мифов», призванных обслуживать политические, социальные, экономические, культурные интересы определенных групп – националистов, феминисток, геев, чернокожих и др. ³⁰

Постсоветских «национализаторов» истории, стремящихся – и безуспешно – преобразовать посткоммунистический мировоззренческий «хаос» в националистический «космос» искушает, в первую очередь не содержание западных маргиналистских подходов. В этом отношении последние во многом вредны и опасны для «нашего» национализма по причине исповедуемого им в той или иной степени принципиального мультикультурализма. Они ведь – из другого, из «будущего» для нас исторического времени.

Анализируемый здесь нами материал показывает, что, как и других постсоветских, белорусских националистов в постмодерне привлекает в качестве модели только обеспечившая ему завидную популярность форма, точнее даже – «упаковка» – эффектная, эпатирующая. Равно как и его кураж! Но при этом в афишировании определенных заимствований национализм никак не заинтересован: содержательно, повторяем, западный космополитический по преимуществу постмодерн ему не только чужд, но и враждебен.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИОПИСАНИЯ
И ПРЕПОДАВАНИЯ

Не менее выпукло, чем в историописании выражены ультрасубъективистские установки и волюнтаристская доминанта в националистическом проекте преподавания истории. Наиболее знаковым в этом отношении является проект «Концепции национальной школы Беларуси», представленный в 1993 г. весьма внушительным по численности коллективом (34 чел.), состоявшим из ученых, правительственных чиновников, видных оппозиционных деятелей и возглавлявшийся заместителем министра образования (ныне – лидером оппозиции) А. Козулиным.

Одно из самых видных мест в 45-страничном тексте «Концепции» принадлежит, конечно, вопросам истории. Разработчики «Концепции» полагали необходимым:

- Первое. «Преобразование истории в национальную историю»³¹;
- Второе. Поскольку «нация обосновывает, укореняет себя в историческом времени и пространстве...» «мы сегодня стоим перед острой необходимостью создания в кратчайшие сроки своей национальной концепции исторического пути белорусского народа (выделено мною. – О.Б.)»;
- Третье. Необходима последующая трансляция на народ разработанной концепции, прежде всего через систему среднего образования³²;
- Четвертое. Для преодоления квазимарксистских «объективных закономерностей» в истории, «унитарного характера исторического знания (выделено мною. – О.Б.)» следовало, по убеждению авторов, отказаться от принципа «научности» в преподавании учебного предмета «История»³³;
- Пятое. Взамен «научности» предлагалось «представлять события прошлого в форме трагедии или драмы».³⁴

Однако проект данной «Концепции», даже для той части тогдашнего правительственного аппарата, которая относилась к планам «национализаторов» сдержанно-благожелательно, был, безусловно, слишком смелым и его положили под сукно. Впрочем, будет справедливым сказать, что неутверждение «Концепции» не слишком затруднило деятельность националистов. В либеральной обстановке начала 1990-х они могли без особых препятствий вводить явочным порядком в школьные и вузовские курсы истории национал-патриотические «новации», основным поставщиком которых тогда были печатные массмедиа. Самый яркий пример – постоянная газетная рубрика «100 вопросов и ответов по истории Беларуси», авторами в которой побывали в общей сложности около 40 наиболее известных в то время белорусских историков, археологов, культурологов, философов, публицистов. В 1993 г. издательство газеты «Звезда» опубликовало «100 вопросов и ответов...» отдельной книгой. Ее тираж составил 50 тыс. экз.: для Белоруссии – достаточно массовой (для сравнения: в России, пропорционально численности населения, эта цифра составила бы 725 тыс. экз.).

В предисловии к сборнику его составители, обращаясь к белорусскому читателю – человеку с «ограбленной» исторической памятью, сетуют на большие трудности с популяризацией «подлинной» национальной истории (что явно не соответствовало тогдашней действительности). Из контекста предисловия явствует, что под «алчными соседями»-грабителями, которые «растасили наши сокровища, присвоили наши святыни, сделали все, чтобы отбить нам память...» составители подразумевали исключительно «российских оккупантов»³⁵. Другие же соседи, «быстро возрождающие свою государственность», для «просыпающейся к национальной жизни» Беларуси должны служить примером.³⁶ В общем, довольно незамысловатый «мифо-символический» набор.

Оценивая результаты конкретного историописания сборника «100 вопросов и ответов», трудно удержаться от определения его как своеобразной «выставки достижения антиисторизма». По этой книге массовый читатель узнает, в частности, что Полоцкое княжество было «старобелорусским государством... с признаками империи», а Великое княжество Литовское – «средневековое Белорусское государство» (и даже «Белорусская речь посполитая»³⁷). Одним из выдающихся государственных деятелей этого «белорусского государства» объявлялся Степан Батура, именно так «переименовали» польского короля Стефана Батория.³⁸ Статут Великого княжества Литовского 1588 г. – это «первая белорусская конституция», а Виленский университет – «первое высшее учебное заведение в Беларуси».³⁹ Что касается белорусского языка, то он, ни много, ни мало, был языком международных отношений, международным языком (выделено мною. – О.Б.).⁴⁰

Жесткий исторический счет предъявлялся авторами соседям Беларуси – прежде всего России, но некоторыми авторами также Польше и Литве. В частности, твердо проводилась мысль о том, что не современная республика Литва, а Беларусь является наследницей Великого княжества Литовского. Например, Ягайло, ставший польским королем, объявлен «белорусским князем».⁴¹ Литовцев же авторы сборника довольно бесцеремонно «переименовывают» в «жамайтов» либо «летувисов».⁴²

Достаточно «колючи» и оценки исторической роли поляков в судьбе Беларуси: и за ополячивание белорусов-католиков, и за позицию Польши по отношению к Беларуси в переговорах с Советской Россией 1920-1921 гг., и за репрессии против интеллигенции и народа Западной Белоруссии в 1920-1930-е гг.⁴³

Но особенно последовательна и однозначна русофобская линия: при рассмотрении любого вопроса, касающегося России, идет ли речь о Московском государстве, Российской империи, Советском Союзе, современной Российской Федерации, этот восточный сосед всегда подается как вековечный, жестокий и коварный враг Беларуси.⁴⁴ Логичной квинтэссенцией такой линии явился заключительный раздел книги, в котором из 6 важнейших праздничных исторических дат, рекомендованных коллективом авторов белорусам, 4 по своему духу и содержанию – антироссийские!⁴⁵

В свете приведенных исторических «откровений» авторов сборника «100 вопросов и ответов» куда как обоснованными представляются слова автора Предисловия ко второму изданию коллективного труда «Национальные истории в советском и постсоветских государствах» Ф. Бомсдорфа, который констатирует происходящую «во многих постсоветских государствах» «ремифологию» историописания, «вместо требующейся демифологизации».⁴⁶

В рамках «белорусизации», проводившейся, как уже отмечалось, в первой половине 1990-х гг., «100 вопросов и ответов» призваны были сыграть особо важную роль. Их книжный, и куда более массовые газетные варианты, несмотря на отсутствие соответствующего грифа Министерства образования, стали использоваться в школах практически в качестве учебного пособия, иногда заменявшего сами учебники. Мало того, они даже предлагались в качестве пособия по истории Беларуси для поступающих в вузы на негуманитарные специальности.

«Белорусизация» собственно учебной литературы шла в том же направлении, хотя, безусловно, и не зашла так далеко, как в «100 вопросах и ответах». В частности, первый год своей независимости Республика Беларусь встретила в базовым учебником по белорусской истории для 10-11 классов средней школы, в предисловии к которому авторы писали, что «идеологи КПСС – КПБ превратили историю в свою служанку».⁴⁷ Этими идеологами, продолжали они, «многие десятилетия под фальшивым флагом интернационализма... проводилась русификация белорусского народа, его исторической памяти и национального сознания (выделено мной. – О.Б.).⁴⁸

Не менее жесткий исторический счет предъявляют авторы и к властям Российской империи, которыми «существование белорусского этноса целиком игнорировалось», а белорусский язык почитался «мужицким», «хамским» и официально не признавался (выделено мной. – О.Б.).⁴⁹ Данное положение практически без изменения было перенесено в двухтомник «Очерки истории Беларуси», который вышел в свет в 1994 г. и сразу же стал выполнять функцию основного учебного пособия по белорусской истории для студентов вузов.⁵⁰

РУСИФИКАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Поскольку тема русификации – «сквозная» и, не будет преувеличением сказать, «краеугольная» как в белорусской, так и в других в «национальных концепциях истории» новых независимых государств (а также автономий Российской Федерации) – давно назрела необходимость рассмотреть ее в свете исторических фактов.

Новые и исключительно важные сведения на этот счет дают результаты архивных изысканий автора этих строк в Российском государственном истори-

ческом архиве (РГИА). Остановимся на некоторых из них. Большой, в частности, интерес представляют некоторые документы из фонда Совета министров, содержащие обзоры правительственной политики во второй половине XIX – начале XX вв. в белорусских, литовских, украинских губерниях, предложения по ее изменению и совершенствованию. Особую ценность им придает то, что они представляют, как минимум, четыре уровня административной государственной системы – от губернатора до императора Николая II.

В нашем распоряжении имеется разнообразная документация, отражающая подходы государственных деятелей и чиновников различных министерств и ведомств к национально-религиозной политике, а также проекты ее реформирования. Так, в пространной «Записке», подготовленной Канцелярией министра внутренних дел в 1904 г. и одобренной министром П. Святополк-Мирским 17 января 1905 г., прямо ставилась задача «пробуждать национальное самосознание (выделено мной. – О.Б.) местных уроженцев... (украинцев, белорусов, литовцев – О.Б.)». ⁵¹

О том, насколько далеко заходили высокопоставленные деятели царской администрации в планах не просто поддержки, но и «стимулирования» национальных движений свидетельствует «Прошение» Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора К. Кршивицкого, представленное им в марте 1906 г. С. Витте. В нем он с симпатией высказывается о литовском национальном движении. Он сочувственно относится даже к лозунгу «Литва для литовцев», отмечая заключенные в нем «страстность и упорство, свойственные недавно пробудившейся нации» ⁵². При этом генерал-губернатор называл русские школы в крае «орудием малопригодным», как для русификации, так и для просветительских нужд, и предлагал расширить сферу применения литовского языка, особенно в богослужении и в народном просвещении. ⁵³

Большое место в обращении К. Кршивицкого отводилось также предложениям по изменению правительственной политики и на белорусских землях. Полагая, что деятельность польского костела здесь чревата ассимиляцией белоруссов-католиков, он для предотвращения этой угрозы считал, в частности, необходимым введение католического богослужения на «белорусском наречии». ⁵⁴

Разумеется, проекты, предусматривавшие столь решительный поворот в национально-религиозной политике, в немалой степени подпитывались импульсами революционного кризиса. Но именно подпитывались, а не вызывались. Это важно подчеркнуть, ибо предложения, подобные процитированным выше, циркулировали в административной системе еще задолго до революции 1905-07 годов. Так, во «Всеподданнейшем отчете» Ковенского губернатора за 1896 г. говорилось о необходимости достижения того, «чтобы литвин осознавал себя таковым». Данные слова губернатором были подчеркнуты и, что чрезвычайно примечательно, – Николай II в своей пометке на отчете согласился с этим мнением губернатора. ⁵⁵

Чем же мотивировались эти предложения и проекты, предполагавшие столь принципиальные изменения в традиционно-охранительном правительственном курсе? Они были продиктованы растущими опасениями в связи с сильным польским влиянием в крае и, как следствие, вытекающей из этого угрозой польской ассимиляции «слабого национальным сознанием» и «культурно-неопределенного» местного населения.

По этой-то причине правительство, как указывалось в упомянутой «Записке» МВД, должно было содействовать развитию национального самосознания малороссов, белорусов и литовцев. Поэтому, когда авторы «Истории Беларуси» писали об «исключительной роли, которую сыграла «Наша Нива» «в борьбе за общественное признание самого факта существования белорусского народа...» – они ломались в открытую дверь. «Признание» ведь уже было еще до начала деятельности «Нашей Нивы»!⁵⁶

Обстановка первой российской революции побудила правительство объявить о некоторых существенных реформистских мерах в области национальной политики. В частности, как явствует из «Проекта Особого журнала» Комитета министров 15, 22 и 23 марта 1905 г., намечалось ввести в Западном крае преподавание ряда предметов на литовском и польском языках.⁵⁷ Правда, в том, что касается украинского и белорусского языков, их преподавание, ввиду близости к русскому, было признано не отвечающим «потребностям дела». Однако, как бы то ни было, но за ними все-таки признавался статус «языков» (а не всего лишь «наречий», как в предыдущий период).⁵⁸ Примечательно, что в тексте Особого журнала, утвержденного царем 1 мая 1905 г., все положения проекта, касающиеся языков, были оставлены без изменений.⁵⁹

После подавления революции 1905-07 гг. проекты реформ положили под сукно. Это, однако, не означало полного отказа власти от признания украинцев или белорусов в качестве этносов, обладающих своей культурой и языками. Об этом свидетельствует, в частности, обширная документация персонального учета по выборам в Государственную думу всех четырех созывов, включавшая сведения о «родном языке» и «народности».⁶⁰

К сожалению, авторы учебника, как и множество других, пишущих на тему русификации, попадают, сами того не замечая, в ловушку применяемого ими презентистского подхода.⁶¹ А именно: современное содержание понятия «русские» они переносят в исторический контекст Российской империи. Но это – большая ошибка: тогда понятие «русские» было аналогом современного понятия «восточные славяне». В этнокультурном смысле оно означало «суперэтническую» общность, состоящую из «великороссов» (современных русских), «малороссов» (украинцев) и «белороссов». И языковая «русификация» не означала этническую «великорусификацию» белорусов и украинцев, «упразднение» их белорусской и украинской идентичности!

В еще меньшей степени укладывается в схему русификации национальная политика советской власти. С одной стороны, образование после Октябрьской

революции союзных республик отражало, конечно, стремление большевиков перехватить в ходе Гражданской войны инициативу у лидеров националистических движений. Но, с другой стороны, это было и проявлением «интернационалистского идеализма» раннего большевизма, действовавшего в соответствии с концептом «права наций на самоопределение». И если в отношении Украины с ее сильным сепаратистским движением первый мотив был, безусловно, доминирующим, то при образовании БССР он такой роли не играл. БССР создавалась в значительной мере как бы «по аналогии» с УССР для целей дальнейшей «советизации» Европы в рамках курса на мировую революцию.

По мере исчезновения миража мировой революции система советских республик была использована в качестве инфраструктуры для трансляции («одомашниванию», по Э. Геллнеру) средствами национальных языков и культур интернациональной доктрины большевизма. С этой целью руководство ВКП(б) приступило к осуществлению в союзных республиках политики так называемой «коренизации».

Безусловно, ветер национал-большевизма в рамках политики «коренизации» 20-х годов в немалой степени дул и в паруса национального возрождения. Опыт «белорусизации» (как и «украинизации») был в этом отношении, без преувеличения, уникален. В 1922 г., с выходом в свет первых учебников, началась белорусизация школ. На белорусский язык было переведено делопроизводство в учреждениях и организациях. К 1928 г. доля книг, изданных на белорусском языке, достигла 81,8% тиража, общего по республике⁶². В 1930 г. до 88% всех школ были белорусскоязычными⁶³. Даже в самом своем «безусловном домене» – армии русскому языку пришлось потесниться и допустить туда «младшего брата».

Но излишне, очевидно, и говорить, что столь стремительная «национализация» могла быть обеспечена лишь мобилизационной системой складывающегося тоталитарного режима. В самом деле, если в 1925 г. только 22% административных кадров владели белорусским языком, то в 1926 г. их было уже 54%, а в 1927 г. – 81%⁶⁴.

Однако та же система позволяла не менее стремительно «отыграть» вспять инициированный ею процесс. Ощувив в далеко зашедшей «национализации» республик потенциальную угрозу, большевистское руководство начало кампанию борьбы против «буржуазного национализма». Тем более, что на последний можно было, кроме того, списать сопротивление крестьянства коллективизации.

В рамках этой кампании в Белоруссии и на Украине в конце 20-х и на протяжении 30-х гг. по обвинению в буржуазном национализме пострадали, а, нередко, и подверглись уничтожению, многие десятки, если не сотни тысяч активистов. Причем не только действительно «виновных» в национальном возрождении, но и, что было делом обычным для эпохи, – к нему не причастных.

Вследствие физических и моральных репрессий тонкий культурный слой, образовавшийся в годы «национализации», сильно пострадал. Однако

живучесть «запущенных на орбиту» национальных идей, с одной стороны, и тактические резоны власти (прежде всего, обусловленные национальным угнетением в Польше населения Западной Белоруссии и Западной Украины), с другой, предопределили сохранение ряда важных завоеваний «коренизации». Но, вместе с тем, вектор процесса сменился кардинально: белорусский и, в несколько меньшей мере украинский, превращались в номинально государственные языки, практически призванные выполнять лишь декоративные функции.

В итоге, для подавляющего большинства населения республики государственный статус белорусского языка превратился в последние десятилетия существования БССР в некую условность. Потребителем продукции институтов национального духовного «производства» – литературы, искусства, прессы оставалась лишь незначительная часть ее жителей, так сказать, «профессиональных белорусов». Но нельзя вместе с тем не отметить, что демонизация советской национальной политики в «национальных концепциях истории» основывается лишь на репрессивных страницах прошлого. О них, разумеется, следует говорить во весь голос.⁶⁵ Но при этом не следует упускать из виду другую сторону, которую можно было бы назвать «этноохранительной». Дело в том, что марксистско-ленинская догматика однозначно требовала, чтобы все советские нации и народности «развивались». И политику, проводимую в рамках ее реализации, специалисты называют просто уникальной.

Английский русист Д. Ливен усматривает такую уникальность в том, что «большевики сделали упор на модернизацию нерусских республик, стремились поднять их экономику до уровня самой России»⁶⁶. И что, реализуя эти задачи, советский режим на окраинах страны «сам создавал нации из в большинстве неграмотных клановых и племенных обществ»⁶⁷. Или, что массовые насильственные депортации народов Советского Союза внешне как бы парадоксальным образом сочетаются с тем, что, по данным этнолога В. Тишкова, «в СССР не исчезла ни одна, даже самая малая группа или язык, тогда как в других регионах мира ассимиляция малых групп имела массовый характер (курсив мой – О.Б.)»⁶⁸.

«Существование в СССР множества наций воспринималось в мире как уникальный исторический феномен и, по свидетельству этносоциолога В. Иванова, вызывало повышенный интерес, особенно в странах с полиэтническим составом населения». О чем свидетельствует, в частности, и значительная научная литература по данному предмету⁶⁹. Знаменитая «идея исключительности советского народа как новой исторической общности оказалась, – по твердому убеждению социального философа В. Бабакова, – привлекательной не только для идеологизированной многонациональной правящей прослойки...». Она стала таковой «... и для широких масс, в том числе и для многих представителей национальных меньшинств...», увидевших в ней «... свой шанс найти достойное место в жизни (курсив мой. – О.Б.)»⁷⁰. Главным же инструментом формирования новой межнациональной общности стала языковая русификация.

Из всех союзных республик наиболее далеко процесс языковой русификации зашел, безусловно, в Белоруссии. В послевоенные десятилетия там бурными темпами шла урбанизация. Советскими демографами для обозначения стремительных темпов прироста городского населения был даже введен специальный термин – «минский феномен». Быстрый рост городов происходил главным образом за счет притока сельского населения. А в городах Белоруссии лингвистическая «переналадка» вчерашних селян на русский язык проходила в максимально короткие сроки.

Конечно, борьба с «буржуазным национализмом» в советских республиках в конце 1920-х – начале 30-х гг. и в последующие периоды свидетельствует, что в русификации был и элемент сознательной политики коммунистического режима. Однако в главном ее (русификацию) обеспечили именно модернизационные трансформации советского общества, прежде всего, урбанизация и культурная революция. Вот в этом смысле русификация и была естественным процессом: ведь при относительно неразвитых белорусском или украинском языках, их близости к русскому, перейти на русский было значительно проще, чем развивать белорусскую и украинскую терминологию и создавать на этих языках среду современного производства и жизни в городах, где к тому времени уже царили русский язык и культура. Поэтому называть ее «насильственной» можно не с большими основаниями, чем называть искусственной и насильственной «коренизацию» 20-х годов. Да и сопротивление ей было не больше, чем в свое время «белорусизации» и «украинизации».

О Советской власти, в свете приведенных данных, можно даже сказать, что, следуя догматам «ленинской национальной политики», она как раз и не позволила завершиться «естественному» процессу растворения в условиях модернизации белорусов и украинцев («восточников» и «южан») в русском народе. И те, и другие могли таким же образом ассимилироваться, как это произошло с белорусами Псковщины, Смоленщины и Брянщины, украинцами Воронежской и других губерний, оказавшимися по итогам «нарезки» территорий союзных республик в РСФСР, и на удивление быстро «перешедшими в русские». И такая ассимиляция, справедливо отмечает Д. Фурман, была бы не более «неестественным» и «преступным» актом «этноцида», чем, скажем, «растворение» провансальцев во французской нации, сицилийцев и сардинцев – в итальянской, баварцев – в немецкой.⁷¹

Сам факт существования равноправных союзных республик, в частности БССР и УССР, достижения белорусами и украинцами статуса их титульных наций, приобрел своего рода «догматическое» значение (невзирая даже на декоративный характер их государственности). На протяжении XX века история «сыграла» с обоими народами в довольно причудливую игру. Белорусские и украинские крестьяне начала XX в. обладали аутентичной народной культурой, отличной от великорусской, и говорили на языках, значительно отличавшихся от русского литературного. Но при этом они не считали себя представителями

белорусского и украинского народов и не знали, что их языки – «великие и могучие, правдивые и свободные» – равноценны с русским и польским.

Белорусские же и украинские (негалицийские) советские горожане, практически ничем не отличаясь по культуре от русских, говорили (и продолжают по сию пору говорить) по-русски, а литературных белорусского и украинского не знают, или знают плохо. Зато они при этом четко знают, что являются белорусами и украинцами, гражданами республик – равноправных членов ООН, а их родные языки – белорусский и украинский. Иначе говоря, советская национальная политика не дала возможности завершиться ни растворению, ни становлению обеих наций.

Сказанное относится также, хотя и не в одинаковой степени, и к другим народам бывшего СССР. В этом – то и заключается главная «заслуга» советской национальной политики перед новыми независимыми государствами: «нациестроительство» последние начали отнюдь не с «нулевого цикла». И даже не с возведения «стен». Скорее, можно говорить о замене «республиканских крыш» на «суверенные»...

КАКОВЫ БЫЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ «НАЦИОНАЛИЗАЦИИ» ИСТОРИОПИСАНИЯ В БЕЛАРУСИ?

Комплекс «виктимизации», «страдальчества денационализированной» белорусской нации, в том виде, как он сформулирован в «национальной концепции истории» – в свете исторических фактов выглядит явно надуманным и не имеющим необходимой доказательной базы. Еще более неубедительны и те (приведенные выше) доводы, которые использовались разработчиками «национальной концепции истории» для обоснования «комплекса этновеличия» Беларуси. Стоящее в центре их Великое княжество Литовское (ВКЛ) – государство ведь донациональное, как и все прочие тогдашние европейские государства. Вплоть до Великой Французской революции и Наполеоновских войн право именоваться «нацией» принадлежало лишь привилегированному меньшинству. Массы же частных подданных, т.е. подавляющее большинство населения – вовсе не были наделены таким правом⁷². Поэтому применительно к Средневековью аргумент в пользу «белорусского» характера ВКЛ, на основании того, что белорусы составляли большинство его населения – безусловно, не может сработать...

Конец 1991 – первая половина 1994 гг. – время наибольших успехов белорусского национально-возрожденческого проекта в историописании и преподавании истории. Однако общая «непохожесть» Беларуси на другие новые независимые государства отчетливо проявилась и в этот период. При всей впечатляющей, как мы могли убедиться, решительности, с которой одно в истории «вспоминалось», а другое «забывалось», здесь все-таки не было тех крайностей, которые наблюдались у соседей и в других республиках экс-СССР. Например,

в Беларуси не дошли до такого мракобесия, как в Министерстве образования Украины, рекомендовавшем в 1993 г. вузам страны предмет «Научный национализм», в основу которого предполагалось положить «национально-украинскую предубежденность (!) как научную объективность (!) – (выделено мною. – О.Б.)»⁷³.

Другой пример. Как уже отмечалось, тираж «100 вопросов и ответов» (50 тыс. экз.) для Беларуси был относительно массовым. Но все познается в сравнении: по потенциальному охвату населения он, как говорится, и рядом не стоял с тиражом напечатанного в 1989 г. литовского учебника по истории – 155 тыс. экз., содержащего этнофобские пассажи в том роде, например, что «литовцы каждого русского считали не порядочным человеком»⁷⁴. Ведь пропорционально численности населения литовский показатель для Беларуси составил бы около 450 тыс. экз., а для России – почти 6,5 млн.! Чем не средство «массового поражения общественного сознания»?!...

Далеко, прямо скажем, белорусским адептам «национальной концепции истории» было и до тех коллег из СНГ и Балтии, которые смело и широко практиковали в историописании «познавательную-репрессивную» стратегию «забывания» совместной истории новых независимых государств. И действительно: целую четверть общего объема учебника по всемирной истории новейшего времени для 9 класса (1993 г.) белорусские авторы отвели все-таки истории СССР и России, причем при описании этой истории они придерживались, за редкими исключениями, сугубо объективистского подхода⁷⁵.

Для сравнения: в аналогичном украинском учебнике, в разделе, посвященном России первой половины XIX в., полностью отсутствует тема Отечественной войны 1812 г. (т.е. основная для этого периода), а в узбекском учебнике – о России «вообще нет ни одного упоминания» (!), но зато целых «два предложения» посвящены СССР (!) и российскому влиянию на мировую цивилизацию...⁷⁶

Почему же на «смотре достижений» постсоветской «национализации» истории «белорусская экспозиция» по совокупности показателей оказалась наиболее «скромной»? Как мы могли убедиться, дело не в дефиците решительности в планах белорусских «переустроителей» историописания: чего-чего, а интеллектуальной отваги у них было в избытке! Главная причина в том, что в Беларуси изначально гораздо уже был ареал читателей-слушателей-зрителей, восприимчивых к этноцентристскому дискурсу и ксенофобским установкам эпохи национализма. Превосходную возможность убедиться в этом дают материалы комплексного исследования «Развитие белорусской нации», проведенного уже в суверенной Республике Беларусь в 1992 г. Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ)⁷⁷. В нем опрашиваемым из общенациональной выборки, которая представляла все взрослое население Белоруссии (от 16 лет и старше), задавалось множество вопросов по методу стандартизированного интервью и, в частности, об их

отношении к России и русским. В наиболее информативном контексте это отношение представлено в совокупности ответов на вопрос: «Согласны ли Вы допустить представителей указанных национальностей в качестве: 1) членов семьи; 2) близких друзей; 3) соседей; 4) коллег по работе; 5) граждан Республики Беларусь?» Положительные ответы в % представим в виде таблицы.

Таблица. Отношение населения Беларуси к различным этническим группам

Национальность	членов семьи (мужа, жены, зятя, и др.)	близких друзей	соседей	коллег по работе	граждан Беларуси	в среднем
белорусов	95,5	91,0	90,5	89,6	90,3	91,38
русских	85,2	85,8	85,5	84,8	81,3	84,52
украинцев	66,9	70,6	72,1	70,8	67,2	69,52
поляков	59,1	64,5	65,3	66,5	68,9	64,86
евреев	32,9	36,5	44,3	47,6	54,6	43,18
литовцев	33,3	40,2	44,5	48,0	52,9	43,78
белорусских татар	24,4	28,3	32,1	33,7	48,7	33,44
цыган	14,1	16,2	19,1	22,3	39,4	22,22
представителей народов Кавказа	14,1	18,4	20,5	23,8	36,6	22,68

Данные последней колонки отражают степень благорасположения опрашиваемых к перечисленным национальностям по всем пяти позициям в аккумулированном виде. При этом сразу же обращает на себя внимание ярко выраженная выпуклость результатов. Из восьми присутствующих в таблице национальностей сами собой образуются 4 близкие или просто однородные группы: 1) белорусы и русские; 2) украинцы и поляки; 3) литовцы и евреи; 4) цыгане и кавказцы. Особняком остаются одни лишь белорусские татары.

С точки зрения задач данного исследования, главный интерес для нас представляют показатели благорасположения в славянской «четверке». Самый высокий рейтинг, как видим, у белорусов. Это легко объяснимо: хотя в предоставленных нам НИСЭПИ материалах сведений об этническом составе респондентов нет – в выборке, представляющей взрослое население Белоруссии, доля белорусов составляет (с учетом ошибки репрезентативности) около четырех пятых опрашиваемых. Поэтому бóльшая предрасположенность последних к тому, чтобы видеть среди членов семьи, друзей, соседей, коллег и сограждан, прежде всего, белорусов – вполне ожидаема.

А далее идут уже вещи довольно удивительные. Так, показатель у русских оказался лишь ненамного ниже, чем у белорусов, он составил почти 93% бе-

лорусского рейтинга. Какую содержательную трактовку можно этому дать? Думается, у нас есть все основания заключить следующее: представители титульной национальности независимой уже в то время Беларуси, оказывается, не рассматривали русских как «Других». Они, практически, включали русских в «Мы» – общность. Это – первый парадокс, в свете которого тогдашние попытки привнесения в белорусское массовое сознание русофобских установок изначально были обречены.

Второй парадокс – неожиданно большое отставание по показателю благорасположения украинцев. И это несмотря на их очевидную для белорусов близкую родственность. Украинский рейтинг составил только лишь 76% белорусского и 82% русского. Добавив к этому очень близкое к нему значение соответствующего показателя у поляков, мы получаем то, что наряду с последними, украинцы, в отличие от русских, фактически включены опрашиваемыми в категорию «Другие». Вместе с тем, из таблицы явствует, что белорусы и русские (составлявшие большинство респондентов) воспринимали украинцев и поляков, конечно, как самых близких «Других».

В анализируемом комплексном исследовании изучался еще ряд аспектов темы «Россия и русские». Вкратце об их результатах. Так, отвечая на вопросы о ментально-культурной близости и о предпочтительных для Белоруссии партнерах по сотрудничеству, респонденты на бесспорно первое место ставили Россию и русских. А на вопрос «Представляет ли опасность для существования белорусской нации то обстоятельство, что значительная часть белорусов разговаривает на русском языке?» в общей сложности 77% опрошенных ответили «нет».

Приведенные данные драматическим образом характеризуют глубину пропасти, которая отделяла подавляющее большинство населения Беларуси от национал-возрожденческого движения. Ориентируясь в своей деятельности на литовские, латышские или украинские «образцы», оно вело себя так, как если бы хотело опровергнуть ту истину, которую сформулировал еще один из первых историков национализма Н. Берлин: национализм не может не считаться с народным чувством, если он хочет одержать победу. Восприняв обретение Беларусью государственной независимости не как подарок истории, а как некий «закономерный» итог национального движения, национал-демократы посчитали, что пришло время для «окончательного» утверждение «беларушчыны» (т.е. «белорусского проекта») ⁷⁸. Но усилившиеся по их инициативе в первый год независимости «педалирование» собственно национальных требований дало начало процессу последовательного оттока от «белорусизаторов» все большего числа их союзников – либералов-западников, демократов-интернационалистов, правозащитников, «космополитично» настроенных представителей «старого» и «нового» предпринимательства, некоторых независимых профсоюзных объединений, а также большей части православного и католического клира. Красноречивым показателем этого явилась легкость, с которой экс-советское но-

менклатурное большинство Верховного Совета отмахнулось осенью 1992 г. от неподкрепленного массовыми акциями требования оппозиции о референдуме.

Сужение базы общественных симпатий националисты пытались компенсировать агрессивной русофобией. Белорусскому этносу они «выписывали» сертификат на подлинную «европейскость» и, соответственно, «лишали» такового Россию, которая после разделов Речи Посполитой «навязала»-де белорусам «лапти и соху», а в постсоветский период продолжает поддерживать подчиненное положение Беларуси при помощи СНГ.⁷⁹ Мало того, Белоруссии, которая до российской аннексии «простиралась от Балтийского до Черного моря» (!), приписывалась роль «восточного пояса европейской цивилизации».⁸⁰

Неоднократно возникали общественные инициативы по введению празднования годовщин разных битв, в которых войска Великого княжества Литовского, представляемые чуть ли не как «белорусская народная армия», били московские войска.⁸¹ В этой связи даже выдвигались претензии к России на «значительные территории Витебщины, Смоленщины и Брянщины», отобранные в 1919 г. и «не возвращенные до сегодняшнего дня».⁸² Регулярно предпринимались и очень настойчивые попытки представить сотрудничавших с гитлеровцами белорусских националистов как «здоровое движение патриотических сил». Коллаборанты, открыто призывавшие при немецком «новом порядке» к тому, чтобы «национал-социализм» стал «идеологическим фундаментом консолидации белорусов», изображались почти как герои белорусского национально-освободительного движения.⁸³

Русский язык был объявлен «белорусизаторами» «языком иностранной державы», а получение в Беларуси на нем образования означало для них примерно то же, что и требование «ввести в Испании обучение на китайском»! В масс-медиа велась ожесточенная кампания против гарантированного законом о языках права свободного пользования русским языком и получения на нем образования, равно как и против отстаиваемого «имперскими силами» белорусско-русского двуязычия и зафиксированного в законе об образовании положения о приоритете общечеловеческих ценностей.⁸⁴ Поставлена даже была задача по разработке и осуществлению «программы особого (чрезвычайного) периода интенсивной белорусизации страны, например, на три или пять лет (выделено мною. – О.Б.)».⁸⁵ Вполне логичным в свете таких установок и планов было жесткое неприятие белорусизаторами идей тех возрожденческих движений, которые высказываясь, также как и первые, в пользу укрепления суверенитета Беларуси, выступали вместе с тем за свободный выбор ее гражданами этнической принадлежности и языка. По убеждению лидеров этих движений, именно соблюдение этого принципа, открыло бы возможность создания единого белорусского полиэтнического государства-нации.⁸⁶

Но находясь в плену у собственного «комплекса ученичества», белорусские национал-возрожденцы либо не могли, либо не желали понять, что в случае с Белоруссией именно «мягкий» вариант «возрождения» только и мог получить

поддержку населения. Они не желали или не могли понять, что выраженная индивидуальность и подлинная уникальность Белоруссии как раз и состояла в том, что в ней, в отличие от других республик экс-СССР, отсутствовала сколько-нибудь массовая база для этнического национализма. Поэтому-то здесь последний и оказался как бы в порочном круге: чем больше он пытался компенсировать свою слабость агрессией (о впечатляющих примерах которой мы уже могли получить представление) – тем больше он отпугивал людей. Получилось, что, будучи радетелем «белорусской идеи», белорусский национализм своим сектантством, антидемократизмом на практике, сочетавшимся с демократизмом в теории, объективно ослаблял ее потенциал. В Белоруссии реальные перспективы имел лишь проект «построения» гражданско-политической нации, причем, только при условии согласованной деятельности широкой коалиции, в которой этнокультурные цели и задачи «умягчались» бы общедемократической и либеральной идеологией.

Однако, национал-демократы, чем дальше, тем больше, постоянно демонстрировали завидное неумение прогнозировать общественные настроения, учитывать их и воздействовать на них. Вопрос о государственных языках или о членстве Белоруссии в СНГ, союз с Россией или проект создания Балтийско-Черноморского содружества («санитарного кордона» против РФ), реабилитация коллаборационизма или приоритет общечеловеческих ценностей – в этом и во многом другом их позиции были полярно противоположны преобладающим настроениям в белорусском обществе. Уклонившись от участия в коалиции обновленческих сил, они оказались неспособными даже выдвинуть на президентских выборах 1994 г. единого кандидата от своего собственного лагеря.

Этим самым национал-демократы немало способствовали успеху «народной электоральной революции», в которой не опиравшийся практически ни на какие силы, кроме «силы народной любви», А. Лукашенко смел всех своих противников, несмотря на то, что за ними стояли и большие деньги, и поддержка элиты, и развитые организационные структуры, и власть, и даже помощь России.

Через 10 месяцев после избрания, А. Лукашенко выполнил обещание, данное им в ходе предвыборной кампании, о проведении референдума по вопросам о роли русского языка, государственной символике и об отношении к интеграции с Россией. Итоги референдума 14 мая 1995 г. по этим вопросам, без преувеличения, краеугольным для национал-демократов, оказались, хотя в основном и ожидаемыми, но самыми безрадостными с точки зрения «белорусизации».⁸⁷ Более 83% проголосовавших высказались за придание русскому языку равного статуса с белорусским и за экономическую интеграцию с Россией. (Всего в голосовании приняли участие 64,8% от общего количества избирателей). 75,1% проголосовавших граждан поддержали предложение власти о замене «националистических» государственных символов – бело-красно-белого флага и герба «Погоня».⁸⁸

Но еще, как нам представляется, более показательными и просто безотрадными для дела «мобилизационной белорусизации» были результаты голосования «против». Так, всего-навсего 12,7% проголосовавших высказались против придания русскому языку государственного статуса и 12,5% — против экономической интеграции с Россией. Несколько больше – 20,5% проголосовали против введения новой государственной символики.⁸⁹ Но и здесь как посмотреть?!.. Ведь ко времени проведения референдума бело-красно-белый флаг и «Погоня» уже почти 3 года были официальными государственными символами Республики Беларусь. И вот, несмотря на, без преувеличения, массивную их пропаганду через телевидение, радио, прессу, среднее и высшее образование – с помощью тех же «100 вопросов и ответов» и учебной литературы по истории – три четверти проголосовавших граждан, тем не менее, высказываются за их замену и только одна пятая – против! «Комплекс ученичества», по всей видимости, помешал национал-демократам понять то, что все эти годы «их народ», как регулярно на то указывали многие другие обновленцы, идет «не в ногу» с ними...

Безоговорочная победа А. Лукашенко на майском референдуме была закреплена спустя 3 месяца, в августе 1995 г. на, своего рода, «неформальном референдуме родителей». В ходе опроса родителям предоставлена была тогда возможность самим определить, после семейных советов, на каком языке – белорусском или русском – желательно обучение в школах их детей. Примерно четыре пятых опрошенных родителей высказались за русский язык обучения.⁹⁰

Результаты референдумов – и формального и неформального – стали той самой весомой «гирей», которая окончательно склонила чашу «государственных весов» в пользу модели гражданско-политической нации. В реализацию взятого курса 1 сентября 1995 г. президент А. Лукашенко распорядился заменить учебники по истории, изданные в предшествующие годы, новыми. Их главной отличительной чертой, как в последующем он неоднократно указывал в своих публичных выступлениях, должно было стать отсутствие национализма. Для историописания это конкретно означало прекращение культивирования образов исторического врага. Чем, как мы уже могли убедиться, так злоупотребляло «горячее историописание» конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. Учебники, вышедшие в свет на рубеже веков разительно отличались от «норм» историописания в странах СНГ и ЦВЕ отсутствием в них соответствующих «познавательных-репрессивных» стратегий: как «забывание» о ближайших соседях, так и перманентного «вспоминания» их как «извечных врагов».⁹¹

Образ метафизического «врага» вообще исчезает со страниц учебников. Его заменяют исторические «контрагенты» Беларуси – Россия, Польша, Германия или Литва. Если в одних исторических ситуациях эти «контрагенты», причиняя в той или иной мере вред Белоруссии, объективно выступали ее противниками (реже – врагами, как нацистская Германия), то в других – партнера-

ми, союзниками и друзьями. Причем в качестве «главной особенности исторического развития Беларуси», еще со времени существования Речи Посполитой, отмечается совершенно разное восприятие одних и тех же «контрагентов» различными частями белорусского населения. Если господствующий класс, католическое меньшинство и верхи униатской церкви стремились к сохранению/восстановлению самостоятельного государства – Речи Посполитой, то для народных низов, православных и даже большинства крестьян-униатов – Россия этнически и культурно-исторически была ближе, чем Польша.⁹²

«Здоровый позитивизм» — вот, пожалуй, то общее, что свойственно текстам перечисленных выше учебников. Исторические события и процессы авторы описывают в «объективистском» ключе, стараясь «удлинить» субъективно-эмоциональную дистанцию между пишущим (преподающим) и описываемыми явлениями. Здесь уже не было места таким драматическим «всплескам», какие мы видим в учебниках начала 1990-х (к примеру: «Наша Ніва» «последовательно и аргументированно разоблачала... национал-предателя Солоневича»)⁹³.

Но справедливости ради нужно сказать, что и у авторов нынешних учебников, оппонировавших националистической версии историописания, эмоции иногда прорываются. В частности, в учебнике 2000 г., явно в противовес приведенной нами выше оценке белорусского коллаборационизма как «здорового движения патриотических сил», появился абзац, где достаточно саркастически упоминается о «делегатах» – «изменниках Отчизны», собравшихся 27 июня 1994 г. в Минске (за 5 дней до его освобождения) на II Всебелорусский конгресс. Через несколько дней эти « конгрессмены», как называют их авторы, «под звуки артиллерийской канонады наступающих советских войск уже убежали в Берлин и Кенигсберг»⁹⁴.

В связи с последним примером нельзя оставить без внимания довольно частые упреки со стороны приверженцев постсоветской «ремифологизации» истории в том, что нынешнее белорусское историописание – никакое не новое, а просто «перелицованное» старое, советское. Эти обвинения, в основном, бьют мимо цели. Во-первых, если имеется в виду общая переакцентировка внимания на советский период, то она, скорее, результат многолетней конкуренции двух исторических мифов: «великокняжеско-бэнэровского» и «бэсэсэровского». Настойчивые попытки в период перестройки и первых лет независимости «привить» белорусскому массовому сознанию отношение к истории ВКЛ как к «золотым временам» белорусской государственности не завершились успехом. Еще меньше шансов в этом смысле было у Белорусской Народной Республики: и по причине того, что реально функционирующим государством она стать не смогла, и, в немалой степени, потому, что ряд ее видных деятелей сыграл впоследствии видную роль в коллаборационизме с нацистским режимом.

БССР же, хотя и не была независимым, но зато реально функционирующим протогосударством. Кроме того, как известно из истории, национальное сознание и национальная мифология «кристаллизуются» вокруг наиболее

ярких эпизодов общенародной борьбы с иноплеменниками. И как раз самый яркий эпизод массового сопротивления захватчиком в белорусской истории оказался связанным с БССР, «республикой-партизанкой» в период фашистской оккупации.

Вот почему маятник общественных настроений двинулся в сторону признания тех свершений, которые, при всех противоречиях и трагедиях, были достигнуты Беларусью в ходе советской модернизации. В результате, ее, отмечают авторы другого учебника, «возникла новая интеллигенция, была заложена массовая система образования и воспитания молодежи в духе интернационализма»⁹⁵.

Во-вторых, обвинения, так сказать, в «ветхосоветскости» неосновательны и потому, что эти события и процессы советской (как и досоветской) истории трактуются в ключе противоречивости. Например, целые параграфы или абзацы в перечисленных выше учебниках отводятся минусам советской социальной, хозяйственной, национальной и религиозной политики, идеологическим, моральным, физическим репрессиям против различных слоев и групп населения.

Говоря о плюсах широкого распространения русского языка, открывающего «перед представителями нерусских народов большие возможности для обучения, овладения профессией», приобщения к мировой культуре, не забывают отметить и негативные последствия русификации, в частности, процесс «сужения сферы использования белорусского языка»⁹⁶. Повествуя о «польской интервенции в Беларусь» в 1919-1920 гг. и о «широких масштабах полонизации» белорусского населения, напоминают и о «мощном национально-патриотическом подъеме польского народа в защиту своей родины» во время наступления Красной Армии на Варшаву⁹⁷.

В-третьих, обличения в «ветхосоветскости» современного белорусского «режимного» историописания не выдерживают критики и потому, что последнее вовсе не «монополист», даже в школе и государственных вузах. А альтернативное, национал-романтическое историописание, отличающееся незаурядной интеллектуальной отвагой и силой творческого воображения – отнюдь не превратилось в «самиздатское». Ежегодный опыт общения автора этих строк с сотнями студентов позволяет сделать вывод, что от многотысячного тиража амбициозного газетного проекта по альтернативной истории «150 вопросов и ответов по истории Беларуси» что-то, безусловно, перепадает также старшекласникам и абитуриентам. Там, к примеру, в связи с 750-летием коронации великого князя Литовского Миндовга сравнительно не так давно можно было прочесть, что последний «... вошел в историю тем, что положил начало белорусскому государству под названием Литва, став ее королем»⁹⁸.

Подводя итоги обзора «режимной» учебной литературы по истории нельзя, конечно, не указать на то, что она (особенно учебники по белорусской истории) уязвима для критики в ряде других отношений. В частности, мате-

риал отрефлексирован неравномерно, не проранжирован в нужной мере по значимости, не сбалансирован концептуально. Ораничимся одним только примером... Непонятно почему лишь скороговоркой, глухо, даже без упоминания конкретного решения, сказано о катастрофических последствиях для белорусского языка и культуры в связи с принятым в 1696 г. постановлением конфедерации сословий Речи Посполитой (равнозначным сеймовому) о замене в делопроизводстве Великого княжества Литовского белорусского языка польским.⁹⁹

Однако при всем этом в главном мы можем констатировать движение в верном направлении: к истории без метафизических “извечных врагов”, без комплексов величия и виктимизации, если не много – то хотя не одномерной.

И в этой связи – непознанный парадокс: если постсоветская плюралистическая квазидемократия (причем далеко не только в Беларуси) благоприятствовала варварской ремифологизации исторического знания, то “эксплоярный” авторитарный режим А. Лукашенко спонсировал демифологизацию. Сущностно похожую на ту, в которой преуспела “старая Европа”, выработавшая особое искусство объективного описаия истории бесчисленных конфликтов между соседями по “европейскому дому”, исключаящее вместе с тем перенос образов врага из прошлого в настоящее. Что пока не стало, но должно как можно скорее стать “ноу-хау” и для “новой” Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буховец О.Г. Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты. М., 2004. С. 50-51.

² Буховец О.Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая) // Современная Европа. 2008. №4. С. 42-43.

³ Тишков В.А. Федерализм и национализм в многонациональном государстве // Межнациональные отношения в России и СНГ. Вып. 2. Под ред. Г. Бордюгова и П. Гобла. М. 1995. С. 1569

⁴ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М. 2002. С.206; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М. 2002. С.173.

⁵ Літаратура і мастацтва. 1988. 3 чэрвеня. По статьям о Курапатах я проводил тогда со своими коллегами – ленинградскими историками нечто вроде публичных чтений и помню, какими эоционально изнуренными были слушатели под воздействием описанной там технологии массовых убийств.

⁶ См. напр.: Зубов А. Послесловие к эпохе этнических революций // Знамя. 1993. №4. С. 32.

⁷ Фурман Д.Е., Буховец О.Г. Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996. №1. С. 63.

⁸ Советская Белоруссия. 1992, 25 января.

⁹ Народная газета. 1994, 15-17 января.

- ¹⁰ Советская Белоруссия. 1990, 1 августа.
- ¹² Звезда. 1993, 26 студзеня.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Навіны БНФ. 1993. №2 (37).
- ¹⁶ Конкретные примеры практик «забывания» и «вспоминания» в постсоветском мире и ЦВЕ см. в главе 3 нашего исследования «Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты». М., 2004.
- ¹⁷ 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі (складальнікі І.Саверчанка, Зм. Санько). Мінск, 1993. С.3.
- ¹⁸ Концепция национальной школы Беларуси (проект). Минск, 1993. (Руководитель – координатор проекта – Козулин А.В.; авторы текста: Гусаковский М.А., Краснов Ю.Э., Полонников А.А.). С.33.
- ¹⁹ Звезда. 1993. 13 студзеня.
- ²⁰ Дзярновіч А. Апошнія дні гісторыяграфіі // Наша Ніва. 1993. №15; Сагановіч Г. Фрагмент ненапісанай кнігі // Там жа.
- ²¹ Сагановіч Г. Нацыянальнасць гісторыі як навукі // Беларускі гістарычны агляд. 1994. Т.1. С.13.
- ²² Смит Энтони Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М. 2002. С.236.
- ²³ Эмар М. Образование и научная работа историка: современные подходы // Современные методы преподавания новейшей истории. М. 1996. С.15,16.
- ²⁴ Эмар М. Категория “центр” и “периферия” в историографии XX в. // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М. 1999. С. 68, 69.
- ²⁵ Эмар М. Образование и научная работа историка. С.17.
- ²⁶ Сагановіч Г. Фрагмент ненапісанай кнігі... С.10.
- ²⁷ Сагановіч Г. Нацыянальнасць гісторыі як навукі. С.5, 13.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Hobsbawm. Manifeste pour l ,histoire // Le Monde diplomatique. Decembre. 2004.№: 609. P.21.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ Концепция национальной школы Беларуси. С.31.
- ³² Там же. С. 31-37.
- ³³ Там же. С. 38-39.
- ³⁴ Там же. С. 39.
- ³⁵ 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. С. 1.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 3, 4, 30-31.
- ³⁸ Там же. С. 31-32.
- ³⁹ Там же. С. 25-26, 40.
- ⁴⁰ Там же. С. 43.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 43, 54, 63.
- ⁴³ Там же. С. 54-55, 63-64, 68-69.
- ⁴⁴ Там же. С. 9, 12, 22, 29, 46-54, 61, 63, 64-68.

⁴⁵ Там же. С. 78.

⁴⁶ Бомсдорф Ф. Предисловие ко второму изданию // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисл. Бомсдорфа Ф. Изд. 2-е, испр и дополн. М.: Фонд Ф. Наумана, АИРО –ХХ, 2003. С. 9.

⁴⁷ Бич М.О., Сидорцов В.Н., Фомин В.М. История Беларуси: XX век. Учебн. пособие для 10-11-х к. сред. шк. (Под ред. В.Н. Сидорцова). Минск, 1992. С.3.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с.37, 81.

⁵⁰ Нарысы гісторыі Беларусі ў 2-х частках. Ч.1. Минск, 1994. С. 423.

⁵¹ РГИА. Ф. 1276. Оп.1. Д. 106. Л.5.

⁵² РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 114. Л. 5-7.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 7

⁵⁵ РГИА. Д. 106. Л. 18.

⁵⁶ Бич М.О., Сидорцов В.Н., Фомин В.М. Указ соч. С.92

⁵⁷ РГИА. Ф. 396. Оп.3. Д. 431. Л. 22 об.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп.1. Д. 106. Л. 221.

⁵⁹ Там же. Л. 398, 419.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1327. Оп.1. 1905, I созыв. Д. 117; II созыв. Д. 107 и др.

⁶¹ Бич М.О., Сидорцов В.Н., Фомин В.М. Указ соч. С.85.

⁶² История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 319.

⁶³ Літаратура і мастацтва. 1991, 20 снежня.

⁶⁴ Літаратура і мастацтва. 1993, 12 лютага.

⁶⁵ Только прямые потери депортированных народов СССР оцениваются более чем в пол миллиона человек (Эдиев Д. Демографические потери депортированных народов СССР // Население и общество. № 79. апрель 2004. С.1).

⁶⁶ Ливен Д. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 306.

⁶⁷ Он же. Российская империя и Советский Союз как имперские государства . Указ соч. С. 191.

⁶⁸ Тишков В. Интервью // Журнал Социологии и Социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4. С. 22.

Так специальные демографические исследования показывают со всей определенностью, что даже в отношении малочисленных народов Севера давно уже существующее представление об их «неизбежном вымирании» оказывается на поверку не более, чем мифом (Богоявленский Д. Вымирают ли народы Севера? // Население и общество. №83, август. 2004. С. 1 – 4).

⁶⁹ Иванов В.Н. Межнациональные отношения в России. Постановка проблемы // Социс. 1994, № 6. С. 32.

⁷⁰ Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М., 1993. С. 165.

⁷¹ Фурман Д.Е., Буховец О.Г. Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996. №1. С.60.

⁷² Буховец О.Г. «Нации» и «образы» до эры национализма//Белорусская политология: многообразие в единстве – III. Мат-лы междунаучной конф. 22-23 мая 2008 г. Гродно. 2008. С. 55-58.

⁷³ Васильев В. От Киевской Руси к независимой Украине: новые концепции украинской истории // Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 1999. С. 213.

⁷⁴ Вишняускас А. Россия в литовских учебниках истории // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения (Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова). М., 2003. С. 149.

⁷⁵ Космач Г.А., Лазько Г.Г., Сидорцов В.Н., Тугай В.В. Всемирная история новейшего времени. Учебн. пособие для учащихся 9 класса. В 2-х книгах. Минск, 1993.

⁷⁶ Моисеенкова Л., Марциновский П. Россия в украинских учебниках истории: новое видение или проявление конкуренции на идеологическом рынке? Взгляд из Крыма // Россия и ...: старые и новые образы... С.87; Ганиев Ш. Россия в узбекских учебниках истории // Там же, с. 315

⁷⁷ Ермолаев Ю.С., Карбалевиц В.Н., Ламако В.Н. и др. Развитие белорусской нации: Анкета республиканского опроса. Минск, 1992. С. 5,6,10, 11,12,15. Результаты исследования в освещаемых нами аспектах полностью не публиковались, и я выражаю глубокую признательность его авторам и НИСЭПИ за предоставленные мне в пользование материалы из Архива современной политики названного института.

⁷⁸ Навіны Беларускага Народнага фронту «Адраджэнне». 1993 №3 (38); Звезда. 1993. 4 лютага.

⁷⁹ Народная газета. 1993. 12, 18 студзеня; Чырвоная змена. 1993. 16 лютага; 100 пытанняў і адказаў па гісторыі Беларусі. С. 1

⁸⁰ Народная газета. 1993. 14 студзеня.

⁸¹ 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. С. 22, 32, 36, 42, 43, 78

⁸² 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. С. 64

⁸³ Навіны Беларускай акадэміі. 1993. 16 ліпеня; Кузьменко В.І. Интеллигенция Беларуси в период немецко-фашистской оккупации (1941– 1944). Минск. 2001. С. 138-139; 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. С. 58-59.

⁸⁴ Народная газета. 1992. 26 жніўня; 1993. 12 лютага, 23 сакавіка; Звезда. 1993. 26 студзеня.

⁸⁵ Літаратура і мастацтва. 1991. 20 снежня; 1992. 7 жніўня; 1993. 12 лютага.

⁸⁶ См.: Збудінне. 1993. №1 (63). Январь; №2 (64) Февраль.

⁸⁷ В литературе нередко высказываются некоторые сомнения в достоверности результатов референдума 14 мая 1995 г. Но сомнения эти – неосновательны: никаких серьёзных замечаний к данному референдуму со стороны международных наблюдателей, в том числе и западных, высказано не было. Претензии выставлены были лишь к проходившим одновременно с референдумом парламентским выборам.

⁸⁸ Текущий архив Центральной Комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. Протокол заседания №22 от 19.05.1995 г.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Ввиду неформального характера опроса, сказать более точно об общенациональном результате затруднительно. Однако, соответствующий показатель по Минску – 80% – свидетельствует, что для страны в целом этот показатель был всё-таки выше четырёх пятых. Ведь минский результат в пользу русского языка на референдуме 14 мая 1995 г. оказался самым низким для Беларуси – 76,4% (текущий архив Центр. Комис-

сии Республики Беларусь по выборам... Прот. №22 от 19.05.1995 г.). Волеизъявление минских родителей очень красноречиво свидетельствует о большом «зазоре» между общественными настроениями и проводимой административными методами «белорусизацией» школ. Ведь в 1994-1995 учебном году без малого три пятых первоклассников Минска – 58,6% – учились на белорусском языке (Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі. 1795 – 2002. Мінск, 2003. С. 428).

⁹¹ См.: Качалаў І.Л., Марцуль Г.С., Новік Н.Я. і інш. (Пад рэд. Новіка Я.К.). Гісторыя Беларусі: канец XVIII ст. – 1999 г.: Вучэб. дапам. для 11 кл. агульнаадукац. шк. з бел. і рус. мовамі навучэння. Мінск, 2000; Кошелев В.С., Довгяло Г.Н., Перзашкевич О.В. и др. (Под ред Кошелева В.С.) Всемирная история: с древнейших вр. до конца XVIII в. Учеб для 10 кл. общеобразоват. шк. с рус. яз. обучения. Минск, 2000; Штыхаў Г.В. Ракуць В.У. Гісторыя Беларусі у сярэднія вякі. Падручнік для 6-га кл. агульнаадукац. шк. з бел. і рус. мовамі навучэння (Пад рэд. Петрыкава П.У.) 3-е выд. Мінск, 2001; Кошелев В.С., Синица В.Н., Оржеховский И.В. и др. (Под ред. Кошелева В.С.). Всемирная история XIX – XX вв.: Учеб. для 11 кл общеобразоват. шк. с рус.яз. обучения. Минск, 2002; Штыхаў Г.В., Лойка П.А., Аўдзеяў І. А. і інш. Гісторыя Беларусі: ад старажытных часоў да канца XVIII ст.: Вучэб дапам. для 10-га.кл. агульнаадукац. шк. з бел. і рус. мовамі навучэння. Мінск, 2002.

⁹² Качалаў І.Л., Марцуль Г.С., Новік Н.Я. Зазн. твор. С. 11.

⁹³ Бич М.О., Сидорцов В.Н., Фомин В.М. Указ. соч. С. 84.

⁹⁴ Качалаў І.Л., Марцуль Г.С., Новік Н.Я. Зазн. твор. С. 153.

⁹⁵ Кошелев В.С., Синица В.Н., Оржеховский И.В. Указ. соч. С. 241.

⁹⁶ Там же, с. 240-241; Качалаў І.Л., Марцуль Г.С., Новік Н.Я. Зазн. твор. С. 177.

⁹⁷ Качалаў І.Л., Марцуль Г.С., Новік Н.Я. Зазн. твор. С. 105-108.

⁹⁸ Жлутка А. Хто такі Міндоўг? // Народная воля. 2003. 21 лютага.

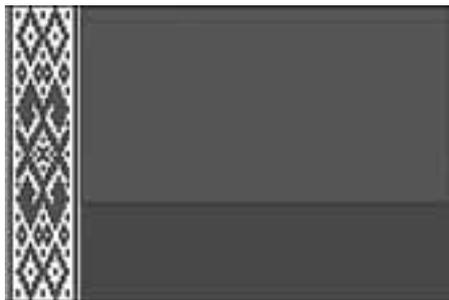
⁹⁹ Штыхаў Г.В., Лойка П.А., Аўдзеяў І. А. і інш. Гісторыя Беларусі: ад старажытных часоў да канца XVIII ст.: Вучэб дапам. для 10-га.кл. агульнаадукац. шк. з бел. і рус. мовамі навучэння. Мінск, 2002.С.173.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Государственный герб Республики Беларусь

Герб представляет особый зеленый контур Республики Беларусь в золотых лучах солнца над земным шаром. Сверху контура находится пятиконечная красная звезда. Герб обрамляет венок из золотых колосьев, переплетенных справа цветками клевера, слева – льна. Колосья обвиты красно-зеленой лентой, на которой снизу сделана надпись золотом «Рэспубліка Беларусь».

Государственный флаг Республики Беларусь

Государственный флаг Республики Беларусь представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из двух горизонтально расположенных цветных полос: верхней – красного цвета шириной в $\frac{2}{3}$ и нижней – зеленого цвета в $\frac{1}{3}$ ширины флага. Около древка вертикально размещен белорусский национальный орнамент красного цвета на белом поле, составляющем $\frac{1}{9}$ длины флага, отношение ширины флага к его длине – 1:2. Флаг крепится на древке (флагштоке), который окрашивается в золотистый (охра) цвет.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН БЕЛАРУСИ

Слова М. Климковича, В. Каризны

Музыка Н. Соколовского

Мы, беларусы — мірныя людзі,
Сэрцам адданыя роднай зямлі,
Шчыра сябруем, сілы гартуем
Мы ў працавітай, вольнай сям'і.

Слаўся, зямлі нашай светлае імя,
Слаўся, народаў братэрскі саюз!
Наша любімая маці-Радзіма,
Вечна жыві і квітней, Беларусь!

Разам з братамі мужа вякамі
Мы баранілі родны парог,
У бітвах за волю, бітвах за долю
Свой здабывалі сцяг перамог!

Слаўся, зямлі нашай светлае імя,
Слаўся, народаў братэрскі саюз!
Наша любімая маці-Радзіма,
Вечна жыві і квітней, Беларусь!

Дружба народаў — сіла народаў —
Наш заповітны, сонечны шлях.
Горда ж узвіся ў ясныя высі,
Сцяг пераможны — радасці сцяг!

Слаўся, зямлі нашай светлае імя,
Слаўся, народаў братэрскі саюз!
Наша любімая маці-Радзіма,
Вечна жыві і квітней, Беларусь!

Гимн республики Беларусь
(прямой перевод с белорусского)

Мы, белорусы — мирные люди,
Сердцем преданы родной земле.
Искренне дружим, силы закаливаем,
Мы в трудолюбивой, дружной семье.

Славься, земли нашей светлое имя,
Славься, народов братский союз!
Наша любимая Родина-мать,
Вечно живи и расцветай, Беларусь!

Вместе с братьями мужественно веками
Мы защищали родной порог.
В битвах за волю, битвах за судьбу,
Мы добывали знамя побед!

Славься, земли нашей светлое имя,
Славься, народов братский союз!
Наша любимая Родина-мать,
Вечно живи и расцветай, Беларусь!

Дружба народов — сила народов —
Наш заветный, солнечный путь.
Гордо ж возвейся в ясные выси,
Знамя победное — радости флаг.

Славься, земли нашей светлое имя,
Славься, народов братский союз!
Наша любимая Родина-мать,
Вечно живи и расцветай, Беларусь

«Горячий апрель» 1991 г.

Одна из многочисленных колонн бастующих минчан на пути к Дому правительства. 9 апреля 1991г. НМИКБ.

Губернія Минская 10/

Выборщик в Минскую Государственную избирательную комиссию.

Фамилия Абрамчик

Имя Петр

Отчество Андреевич

Возраст (если известен) 38 лет

Звание (сословие, чин) Судейский, адвокатский чин
судейский выборщик

Встречаются: Григорьевич

Народность (родной язык) Польский

Степень образования (если известно) Высшее

Род занятий Судейский

Постоянное место жительства и приписка (в отношении лица обязанных им) по Минской губернской волости

Уезд и селен, от которых избран Мозирский. Селен
Минского уезда

Цель (или цели, если их несколько), по которому участвовал в выборах (земле или иное недвижимое имущество, торгово-промышленное предприятие и т. д.) По зем.
земле, земной собственности.

Размер цели (или земель) По размеру земли.

Личный ценз или по уполномочию (разрешен, нет) Разрешен

Подпись Петр Андреевич Абрамчик

Время: Председатель комиссии Минский

«Анкета выборщика в I Государственную думу (с указанием «родного языка»).
РГИА, ф. 1327, оп.1, 1995, Исоз., д.117, л.10.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МОЛДОВЫ: МОДЕЛИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОШЛОГО

Ирина ЦВИК

Распад СССР и последовавшие за этим события 1990-х годов, уйдя в прошлое, не стёрлись из памяти. В странах, которые относительно недавно обрели свою независимость, неизменно возникает «проблема истории». Эта проблема в самом общем виде заключается в стремлении различных политических партий и групп восстановить подлинный, с их точки зрения, характер истории своей страны и, соответственно, пути её дальнейшего развития. Республика Молдова – не исключение в этом общем процессе.

Проблема этноцентризма, игравшая ведущую роль в дискуссиях историко-политического характера 90-х годов, хотя в известной мере и эволюционировала, сохранилась как стержень напряжённо сосуществующих альтернативных решений и в 2000-е годы. Она по-прежнему оказывается востребованной в среде национальной интеллигенции, ориентированной на румынскую общность, исповедующую единство румынской судьбы. Вместе с тем сохранилось «противоборство различных государственных идеологов»¹.

Национальное сообщество разделено сегодня по вопросу самоидентификации: основная часть правящей политической элиты считает себя молдаванами, а большинство оппозиции и значительная часть национальной интеллигенции ощущают себя румынами. Однако радикализм и нетерпимость ушли, как и период массовых народных волнений по вопросам национального выбора. В период прошедшего десятилетия (1999-2008) молдавская историография продолжала исследования в основном в области медиевистики, а также событий XIX – XX веков, переживая внутренний раскол в оценках, связанный с различными концепциями в подходе к национальной истории. При этом очевидно стремление обходить проблемы текущей современности, оставляя их журналистам и политологам. В этот же период сменился вектор в национальном историческом образовании – с истории этноса («История румын») на курс «интегрированной истории»

ВЗГЛЯДЫ НА ХАРАКТЕР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ

Весь период 90-х годов история была «полем битвы». Каждая группа учёных и политиков уверяла, что владеет истинными знаниями о событиях давнего и недавнего прошлого. По словам Максима Горького, «правда в своём чистом виде, не связанная с интересами личностей, групп, классов, наций, совершенно

неудобна для пользования»². В зависимости от того, что элита хотела донести до сограждан, одни и те же события получали различную оценку. В Молдове к 1991 г. интеллигенция убедила большую часть населения в том, что у нее «украли историю». От прежнего подхода, делавшего упор на многонациональность, не осталось и следа. Лидеры национальных партий и движений, особенно Народный фронт (НФ) Молдавии, сделали ставку на этноцентризм. Проблема «свое-чужое-иное-другое» встала очень остро. Свое – румынское: язык, история, государство. Чужое – советское (русское): советская история, русский язык, Российская империя. Остальные республики бывшего СССР воспринимались как «другие», с иной историей. Россия как правопреемница СССР рассматривалась в качестве «врага», ответственного за все невзгоды, выпавшие на долю народов бывшего Союза. Но выделялась и группа стран, «претерпевших в недавней истории больше всех остальных», в силу катаклизмов 1939-1940 гг. К ним относили и относят Прибалтийские государства и западные области Украины. Они осознаются радикалами как «друзья по несчастью». На начальном этапе стремление к Европе не были преобладающими, все чувства обращались к Румынии.

Национал-радикалам (из НФ) активно противостояло движение «Унитате-Единство» – аналог Интерфронта – с программой интернационализации в освещении спорных вопросов. «Унитате-Единство» было создано в январе 1989 г. Его члены, состоявшие в значительной степени из рабочих высокой квалификации, инженерно-технических работников, ветеранов войны и труда, части гуманитарной и технической интеллигенции, выступили за сохранение Советского Союза и роли русского языка. Они думали, что «идея защиты большой и сильной общей Родины» сможет привлечь если не большинство, то значительную часть населения Советской Молдавии. Но СССР в тот период из-за позиции перестроечного руководства и многих СМИ ассоциировался с партийной диктатурой КПСС и «сталинизмом». «Единство» неизбежно получило ярлык консервативного формирования, тем более что команда М.С. Горбачёва скрытно, а Б.Н. Ельцина открыто подыгрывали националистам.

Один из организаторов и идеологов этого движения так объясняет поражение идей этого формирования: «Самая большая ошибка «Единства» – это то, что оно не решилось объявить своим знаменем идею великой страны на основе рыночных отношений, выступить за роспуск КПСС и переустройство СССР на основе территориально-административного (как в США или ФРГ), а не национально-территориального (как было в СССР) подхода. Возможно, даже следовало выдвинуть адаптированный к нашим особенностям набор идей «а-ля Пиночет»: свободу малому и среднему бизнесу, «да» – многопартийности, долой коммунистическую диктатуру и т.п. Одновременно следовало бы, возможно, давая максимальную свободу рынку и тому, что мы называем западной демократией, железной рукой обрушить репрессии на сознательных националистов, открыто ставивших задачей развал СССР. Но это означало бы оттолкнуть ветеранов, не мысливших себя без социализма, Ленина и т.п.»³

С официальным распадом СССР «Единство» утратило ориентиры, и должно было искать другую идею. Однако в «Единстве» и его руководстве преобладали ретрограды, которые в середине 90-х мыслили понятиями середины 80-х. Поэтому движение просто угасло. Основная масса участников была равнодушна к проблемам национального возрождения и самобытности коренной нации. По исторически спорным вопросам они часто придерживались ортодоксально советских подходов, особенно пожилые люди. А страна начала уже мыслить «военными» категориями, рождается анекдот: «Какой фронт одержит победу: Народный или Интернациональный? – «2-й Белорусский!». Таким образом, в орбиту дискуссий о правах «коренного» и «некоренного» населения были вовлечены все этнические группы, не оставив равнодушными никого. Ещё недавно казавшееся монолитным, общество раскололось. От взлелеянной Советской властью идеи о том, что «родилась новая общность – советский народ», не осталось и следа. Однако и сама молдавская национальная общность раскололась по вопросу самоидентификации.

В контексте историко-политических «баталий» проявила себя большая группа патриотов, желавших отправить на периферию общественного сознания геополитические перспективы. Они призывали сосредоточить внимание на современном состоянии внутримолдавских проблем, прекратить поиски виновных, т.к. были уверены, что в битве за прошлое можно потерять не только настоящее, но и будущее. Эта группа была убеждена, что строительство нации должно идти не по этническому критерию, а по принципу политической нации.

Наиболее дискуссионной являлась проблема национального языка, отношения к нему. Закон о государственном языке и его функционировании «подлил масла в огонь», хотя при всех симпатиях к Румынии, тогда был использован термин «молдавский» в названии нации и языка. Затем в 90-е годы было принято название «румынский» по отношению к нации и языку.

Проблема языка и обсуждение оценок исторического прошлого раскололи общество. Это касалось событий 1917-1918 гг., 1940-1950-х, а также популярного в то время мифа, что «Молдавия кормила Союз, разоряя себя». Эти события проходили под аккомпанемент призывов лидеров Народного фронта к чуть ли не немедленному объединению с Румынией. Острейшие дискуссии, сопровождавшиеся митинговой аргументацией радикалов, разделили молдавское общество не только идейно, но и территориально – по левую и правую сторону Днестра. Жители левого берега, напуганные перспективой вхождения в «великую Румынию», решили отделиться. Это стало детонатором приднестровских событий. Вместе с тем необходимо отчётливо осознавать, что причины приднестровского конфликта были иными, чем в других «горячих точках». Он не был связан с религиозными и национальными столкновениями. По обоим берегам Днестра живут православные люди. И там и там – молдаване, украинцы, русские, имеющие родственные связи по правую и по левую сторону реки. Именно здесь и рождалась субъективная интерпретация текущих событий у противоборствующих сторон. В итоге в Молдове этноцентристские тенденции одержали верх. «Утвердилась линия на пересмотр научного и

культурного наследия прошлого, отторжение советского опыта; негативная оценка роли России и СССР в судьбах населения Бессарабии»⁴.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ТЕНДЕНЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ 1998-2008 гг.

С начала нынешнего века в историко-политической культуре Молдовы произошли важные изменения: некоторые тенденции сменили вектор направленности. Прежде всего, это отказ коммунистической партии, пришедшей к власти в 2001 г., принять концепцию истории Молдавии как составную части румынского пространства, а также идею единой румынской нации. На массовое историческое и национальное сознание продолжали воздействовать дискуссии о событиях 1812, 1918, 1939-1940, 1946-1947 гг. Неоднозначным для ряда историков был и 1941 г. К этому времени часть Молдавии входила в СССР, а часть – в Румынию. Во Второй мировой войне часть местного населения воевало в составе румынской армии, а часть – в советской. Поэтому, хотя и в слабой степени, присутствует противостояние и в среде ветеранов, которое пытаются подогреть и использовать крайне правые политики. Другая существенная черта, проявившаяся за последние 10 лет, связана с переосмыслением отношения к России. Негативное восприятие сменилось сдержанным, хотя история «винной войны» несколько испортила ситуацию.

Определенное поредение рядов Народного фронта (от 20-22 % в начале и середине 90-х годов до 6,5 % в 2004 г.) повлиял на то, что этноцентризм перестал быть единственной доминантой национального сознания. Однако появились другие партии, разделяющие подобные настроения. Румыно-интегрированное население и сегодня составляет 25-35% (в основном это жители городов и, особенно, столицы), однако, перепись населения 2004 г. показала несостоятельность плана «румынизации», т.к. румынами себя назвали 2%, а молдаванами – около 70%. Представители оппозиции сразу же заявили о фальсификации итогов переписи и настаивают, как минимум, на четверти румынского населения.

В отличие от 90-х гг., когда наиболее остро стоял вопрос о национальной идентичности молдавского населения, в 2000-х гг. его острота и радикализм несколько стерлись. Для определённой части национального населения он стал периферийным. Государственность Молдовы в целом устоялась, и руководство республики выдвинуло тезис о «многонациональном народе Молдовы».

В отличие от 90-х гг. в период 1999 – 2008 год можно выделить и следующие моменты общественной ситуации:

- а) определенное падение рейтинга откровенно унионистских организаций,
- б) большое снижение числа людей, отождествляющих себя с бывшим СССР (в 1990-е годы значительные массы жителей, преимущественно русскоязычные, не идентифицировали себя с независимой страной – Молдовой, часть носителей таких взглядов за годы независимости уехала из Молдовы),

в) массовое национальное сознание в меньшей степени взволновано проблемами самоидентификации – актуализировались экономические вопросы, г) лидеры политических оппозиционных партий стали профессиональными борцами за национальную, в основном румынскую, идею.

Определённые изменения произошли и в Приднестровье, где, как и в Украине, избран путь складывания так называемой «политической нации». Политолог Андрей Сафонов, живущий в Приднестровье, считает, что на Левобережье нет титульной нации, тогда как в правобережной Молдове, по его мнению, можно выделить такие группы: сторонники объединения с Приднестровьем и последующей интеграции в пророссийское пространство (Союз России и Белоруссии); сторонники объединения с Приднестровьем и интеграции в европейское пространство, под которым имеется в виду, прежде всего, Евросоюз; сторонники отказа от Приднестровья как сориентированного на Россию анклава, который будет «тормозом» для собирающейся активно держать курс на евроинтеграцию Молдовы; сторонники объединения с Запрутской Молдовой, находящейся ныне в составе Румынии; сторонники объединения с Румынией и последующей общей интеграции в ЕС (без Приднестровья); сторонники того же, но вместе с Левобережьем Днестра. Большинство уверено, что об объединении Румынии и Молдовы речь не идёт ⁵.

Политическая элита левобережья отвергает тему объединения, пропагандируя идеи, во-первых, о том, что Приднестровье исторически сложилось и развивалось как независимый регион, во-вторых, что за последние почти два десятилетия жители края сформировались как единый приднестровский народ. С таких позиций в Тирасполе продолжают издаваться учебники и научные труды. В основе рассуждений современных историков Приднестровья лежит уверенность, что Левобережье на протяжении многих столетий существовало самостоятельно со своими собственными политическими и экономическими интересами.

Эта основная идея легла в основу вышедшей в Тирасполе в 2000 г. «Истории Приднестровской Молдавской республики» (ответственный редактор В.Я. Гросул). В нём даётся своя трактовка исторических фактов и событий, регион наделяется чертами самостоятельности, которые сложились задолго до XX века. «Суверенизация» территориальной истории становится для приднестровской элиты «важной предпосылкой и элементом политической суверенизации» ⁶. Историки края стремятся убедить, что Приднестровье было «солнечным сплетением Европы» ⁷ в течение многих столетий. Днестровское порубежье рассматривается и как «антиисламский форпост для Польши (1366-1793)», и как «антипольское и антиукраинское предполье для османов и крымцев (1526-1791)» ⁸, и как «самый южный плацдарм в балканской политике России – СССР (1791-1991)», и как звено казачьего пояса Российской империи, и как «щит и база Богдана Хмельницкого» ⁹. Исследователи стараются продемонстрировать значение Приднестровья в XIV-XV веках «в борьбе за сохранение древнерусского государственного наследия» ¹⁰.

В названном труде справедливо указывается на значение событий русско-турецких войн, развернувшихся и на территории края. Их особая роль и для России, и

для региона неоспорима: северное и южное Приднестровье находились несколько веков в различных феодальных системах и вошли в состав Российской империи после русско-турецких войн. В то же время ставится цель доказать право на свою отдельную судьбу и, соответственно, свою непричастность к совместной истории с Молдовой, невозможность вхождения в её состав и, как следствие, право на свою государственность. Происходит эссенциализация края из территориально-исторического контекста всего региона. С подобными интерпретационными взглядами и подходами решительно не согласны ни историки, ни политики в Молдове ¹¹.

Но идея независимого существования и развития Приднестровья неизменна в крае. Особое значение в этой связи для историков с левого берега имеет факт создания в 1924 г. Молдавской Автономной республики в составе Украины на основе приднестровского региона. В 1940 г. Красная армия вошла в Бессарабию, и была создана Молдавская Советская Социалистическая республика, но при этом важным для левобережных учёных является то, что не Приднестровье было объединено с Бессарабией, а сама Бессарабия была присоединена к уже существовавшей Молдавской автономии. Столицей новой республики стал Тирасполь.

Стремление к суверенности вновь прозвучало на последней встрече президента Республики Молдова В. Воронина с главой Приднестровья И. Смирновым, состоявшейся 24 декабря 2008 г. в Тирасполе. В связи с привезёнными президентом В. Ворониным документами об особом правовом статусе Приднестровья в составе Молдовы И. Смирнов заявил: «Кто сказал, что Приднестровье хочет объединяться с Молдовой? Мы никогда не входили в состав Молдовы!» ¹².

Естественно, что политические баталии в Молдове накладывают отпечаток и на гражданское самосознание: откровенные и яростные унионисты, составляющие с конца 90-х годов около 8-10% населения, отличаются активностью и всё ещё сильными позициями у определённой части национальной интеллигенции. Они принимают участие в избирательных кампаниях Румынии, но при этом отношение их к внутримолдавским политическим проблемам носит явно второстепенный характер. Причина кроется в отрицании ими наличия самостоятельной молдавской нации.

В период 2001-2008 гг. в исторической науке можно увидеть несколько процессов. На уровне официальной политики оспаривается румынская модель национального строительства, которая гласила: «молдаване – часть румынской нации». В противовес утверждается молдово-центричная модель. Обосновывается представление о двух нациях: молдавской и румынской. Оппоненты обвиняют сторонников этой позиции в полной реставрации советских взглядов. Румыно-центричная парадигма видит в русских оккупантов не только с 1940 г., но и с 1918 и даже с 1812 гг.¹³ Разумеется, молдово-центричная парадигма, напротив, оккупантами определяет румын в межвоенный период 1918-1940 гг.¹⁴.

Оценка событий послереволюционного периода также неоднозначна. В 1918 г. «Сфатул Церий» («Совет страны» – парламент) в Бессарабии принял решение объединиться с Румынией. Для историков, стоящих на позициях эт-

ноцентризма, это воссоединение означает осуществление целостности румынского пространства и объединение с «матерью-родиной»¹⁵. Для их оппонентов – это трагическая страница в истории страны.

Историк Василий Стати и его единомышленники выдвинули идею Великой Молдовы (по примеру Великой Румынии), куда предлагают войти румынскому краю Молдова, который, как они считают, насильственно был когда-то объединён с Румынией. В. Стати издает газету «Moldova Mare» («Великая Молдова»), в которой излагает и позицию своих единомышленников¹⁶.

С конца 80-х – начала 90-х годов и до наших дней не утихают дискуссии по оценке пакта «Молотова-Риббентропа», подписанного в 1939 г. Основная часть румыноинтегрированной интеллигенции и национальных историков считают, что этот документ узаконил оккупацию и стал причиной порабощения местного населения. Резко отрицательная оценка «пакта» сопровождается комплексом идей, рождённых трагическими событиями послевоенных лет: голодом 1946-1947 гг. и репрессиями 1949 г. В негативном восприятии и оценке событий второй половины 40-х гг. все современные исторические школы единодушны.

Представители же старой советской школы, разумеется, не соглашаются с подобной трактовкой и выдвигают тезис о добровольном присоединении Бессарабии, о её спасении. Драму голода и сталинских репрессий пытаются замалчивать или не обсуждать. Только в 2008 г. впервые в наиболее полном объёме в Молдове переиздана «Книга о голоде» Ларисы Туря, фрагменты которой перепечатали многие газеты¹⁷. Естественно, у учащихся формируется антисоветский и «антиимперский» подход (имеется в виду Российская империя, частью которой была Бессарабия). Настроения этнического населения среднего возраста такое же, а вот пожилое население разобщено в этом вопросе.

Итак, можно наблюдать сегодня, что, во-первых, история одной страны «подсудна» для определённой группы историков, во-вторых, что почти невозможно в данных условиях найти общие принципы в суждении о прошлом, кроме великой русской культуры, которая у всех вызывает в основном высокое чувство восхищения.

Обозначим ещё одну проблему настоящего периода: стремление к сохранению национальной идентичности русского этноса, идущего, в основном, через русский язык и соответствующие школы. В 90-е годы велась политика удушения русских школ, вытеснения русского фактора вообще, демонстрировалось желание создать мононациональное государство, особенно в период 1991-1997 гг. Сейчас ситуация изменилась в пользу сохранения школ с русским языком обучения и уважительного отношения к русской культуре.

Для определённой (и совсем немалочисленной) части представителей мажоритарной нации в стремлении к Румынии исчезла идеологическая мотивация. Это значит, что не столько осознание своих румынских корней заставляет людей делать выбор в пользу румынского вектора, сколько желание (и возможность) европейской интеграции. Гражданство Румынии, члена ЕС, даёт такую возмож-

ность. В то же время частичное ослабление позиций унионистов связывают и с введением Румынией, после приёма её в ЕС, визового режима с Молдовой.

В смысл «национальная история» национальной интеллигенцией, (особенно гуманитарной), придерживающейся румыноцентричных взглядов, вкладывается сегодня концепция двух румынских государств. При этом утверждается общность и единство румынского пространства до 1812 г., как и его исторической судьбы. Это объясняется тем, что после присоединения Бессарабии к России, хотя и возникли новые исторические условия для развития региона, но это не исключало этнического единства. Не все историки из числа тех, кто придерживается теории «2-х румынских государств», стоят при этом на радикальных позициях. Например, профессор Г. Гонца, учившийся в Москве, настаивает на выходе к первоисточнику и необходимости дать взвешенную, но реальную оценку историческому факту, а не его интерпретации. Другая группа историков выступает с концепцией 2-х различных государств (румынского и молдавского).

Для «молдовенистов» и нынешней официальной точки зрения важными являются следующие события: рождение молдавского государства, правление Штефана чел Маре, Дм. Кантемира, правление Петра I, 1812 г., 1918-1940 гг., Великая Отечественная война, нахождение в СССР – период расцвета страны. Пребывание в Румынии считается трагической страницей. Для «румынистов» определяющими предстают иные исторические ступени: дако-римские войны, романизация населения, формирование румынского этноса и нации; объединение румынских земель и основание румынского государства под руководством Траяна, Дечебала, Бурбисты и Михая Витязу; основание Румынии в 1859-1861 гг., 1918 г., соединение Бессарабии с Румынией – 1918-1940, аннексия СССР Бессарабии с 1940 г.; возврат латинской графики и румынское название нации и языка.

Некоторые историки полагают, что при всём уважении к «отцам-основателям» их фигуры в значительной степени мифологизированы.

Представители румыно-интегрированной интеллигенции на вопрос анкеты: «Что для вас означает национальная история?» отвечают, что это борьба за возрождение национального румынского языка и протест против насильственной русификации в советский период. Они утверждают, что подобной борьбы за язык не было ни в одной стране, что через него шёл процесс роста национального самосознания¹⁸.

Национальная культурная память не объединяет сегодня всё многонациональное общество. Разные группы общества мифологизируют и демонизируют определенные фигуры и события. Конечно, проектов, подобных телепроекту «Имя Россия», в Молдове нет, но даже, если бы он и возник, то собрал бы вокруг себя отнюдь не весь народ. У каждого своё представление об имени отечества и о том, что считать Родиной. Для немалого количества людей страна вообще – просто вынужденное место жительства, поскольку многие, уехав за границу на временные заработки, решили не возвращаться. Историк Ал. Тулбуре счи-

тает, что в результате многие представители нации готовы отказаться от своей национальной идентичности в обмен на решение экономических проблем. В таком обществе определить сущность патриотизма сложно: у многих слишком специфические представления о нём. Внутри национальных сообществ нет единства, соответственно его нет и на международном уровне.

ПРОБЛЕМЫ ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО

С 2001 г. правящая партия столкнулась с дилеммой: сохранять или ревизовать полученное «наследство»? Она осталась верна идее единого независимого, нейтрального государства – республика Молдова. Она не стала менять государственные символы на коммунистические, советские. Триколор и герб, утверждённые в начале 90-х, остались незыблемыми. Такое же отношение и к фигуре Штефана чел Маре – объединителя, к национальным памятникам и датам, хотя наименование единиц территориального деления изменено: с уездов на районы. Нынешняя власть придерживается сегодня лозунга «И с Россией и с Евросоюзом». Она стремится убедить левый берег в приверженности Кишинёва идее единого независимого нейтрального государства – Республики Молдова с конституционным законом о нейтралитете. Но существует проблема отношения к федерализму: национальная интеллигенция его не приемлет, делая ставку на единое мононациональное государство, а Приднестровье не согласно с принципом унитарного государства.

Власть не участвует и в «войнах памяти», этим занимается оппозиция. Так, в декабре 2008 г. члены оппозиционных партий предложили исключить «памятники тоталитарного режима» из числа охраняемых, Другими словами, они предлагали перенести памятники Котовскому, Сергею Лазо, «героям-комсомольцам» и «борцам за власть Советов» с их мест на центральных улицах города на окраины. Однако парламент большинством голосов отказался от этого. В отношении же концепции истории интересы власти переориентированы. Укореняется идея самостоятельного в своей истории Молдавского государства, не связанного с исторической судьбой Румынии. Подход правящей политической элиты состоит в выделении бессарабской специфики, и в ущемлении общерумынских тенденций. Однако выборы 2009 г. приводят к иной расстановке сил, и не исключена реставрация румыноцентричной модели в качестве государственной идеологии.

После выборов 5 апреля 2009 г. уже через два дня в республике произошёл бурный взрыв эмоций, вылившийся в погром зданий государственной власти. Радикализация настроений оказалась для многих неожиданной, ведь совсем недавно политологи шутили: «мамалыга не взрывается». Однако оппозиция утверждает, что ничего случайного в изменениях настроений общества нет, просто она хорошо работала в течение 9 лет в стране, особенно среди молодежи. Во время массовых беспорядков был выдвинут лозунг: «Молдова – часть Румынии», водружен государственный флаг Румынии над резиденцией президента и вывешена соответству-

ющая карта (с включением страны в состав румынского государства). Радикальные партии договаривались до утверждения о том, что «представители национальных меньшинств должны быть поражены в конституционных и гражданских правах при незнании румынского языка». Оппозиция также выступила против стратегического партнерства с Россией. Правящей партии коммунистов, получившей большинство в парламенте, не удалось избрать президента (не хватило одного голоса), и были назначены досрочные выборы на 29 июля 2009 г. В межвыборный период в партии коммунистов случилось размежевание. Мариан Лупу – спикер прежнего парламента – вышел из рядов коммунистов, выдвинув им ряд обвинений, и возглавил демократическую партию, ставшую также в решительную оппозицию коммунистам. На досрочных выборах 29 июля 2009 г. коммунистам не удалось набрать большинство (они получили 48 мандатов из 101). Одна из причин – увод голосов Марианом Лупу, получившим 13% голосов. В парламент прошли четыре оппозиционные партии – либерально-демократическая (лидер – В. Филат), либеральная (лидер – М. Гимпу), демократическая (лидер – М. Лупу) и альянс «Наша Молдова» (лидер – С. Урекян). Все эти силы объединились против коммунистов, но и при этом им опять не удастся избрать президента. У них нет двух третей голосов. В Молдавии наступил политический коллапс.

Еще задолго до выборов 2009 г. был объявлен годом 650-летия основания Молдавского государства. 30 января (2009 г.) состоялось по этому поводу торжественное собрание. На нём власть в лице действующего тогда президента Республики Молдова Владимира Воронина ещё раз чётко обозначила свою позицию по данному вопросу. Во-первых, он заявил, что «историю нельзя подчинить сиюминутным целям»; что «некоторые наши современники с брезгливостью пытаются откреститься» от истории родины, и выразил сожаление, что были «грубые попытки пойти против собственной идентичности». Во-вторых, он ещё раз указал на особенно значимую роль господаря Штефана Великого, а также и других выдающихся молдавских монархов (Богдана, Романа, Александра Доброго, Дмитрия Кантемира) как славных последователей отцов-основателей именно молдавского государства, а современная Молдова является «преемником уникальной государственной традиции». В-третьих, что «годы разделения... и возникновение Румынии не смогли вытравить в молдавском народе верность своему государственному проекту». В-четвёртых, президент особо остановился на советском периоде страны: «историю нашей республики невозможно рассматривать вне контекста всех событий и процессов, в том числе и самых трагических, которые разворачивались в тогдашнем СССР. Но вместе с тем нельзя не признать, что именно в противоречивый советский период начался тот духовный и социально-экономический взлёт нашего народа, который во многом определил и наше независимое нынешнее развитие». Он отметил, что именно тогда из «аграрной провинции соседнего государства» с более половиной безграмотного населения «Молдавия превратилась в одну из самых динамично развивающихся республик» во всех областях: промышленности, науки, культуры, образования.

В рамках сформировавшегося взгляда власти на историю проявилась тенденция пересмотра школьных учебников и программ, которые были написаны в 90-е годы и отражали концепцию «большой румынской нации». Учебники носили название «История румын», т.е. делался акцент на историю этноса, а не на историю государства. В 2006 г. был введён новый курс «интегрированной истории», который базируется на слиянии курса всеобщей истории и истории румын. Это означает коренную переоценку исторических подходов, ведь история румын в предыдущей версии – это и есть собственно национальная история.

«Румынисты» выступают против интегрированного курса. К тому же, по этим учебникам основная часть школ не работает, хотя сам метод интегрирования национальной истории во всеобщую считается прогрессивным. Также изменился вектор исторического повествования в сторону большего акцентирования на истории нынешней территории республики Молдова, т.е. внимание сфокусировано на бессарабском регионе. Например, «История: учебник для 12 класса. Новейшее время», созданный коллективом авторов, который возглавляет известный историк Сергей Назария, придерживается концепции официальной власти на события прошлого. Ученикам предлагаются цитаты как «за», так и «против» (например, из газеты «Flux» 2004 г., которая откликается на всё ещё не остывшую проблему языка и самоидентификации). «Есть фальшивая... идея, что в сегодняшней Бессарабии разговоры о глоттониме румынский язык и этнониме румынский народ будто бы носят научный характер. Здесь, в Бессарабии, признание, что ты – румын, является политическим актом»¹⁹. Журналист К. Тэнасе: «Проблема румынского языка в Молдове является главным образом политической, а не теоретико-лингвистической». И высказывание главы христианско-демократической народной партии Ю. Рошки: «Навязывание румынского языка преследует цель исключения лингвонима «молдавский язык» и, само собой разумеется, этнонима «молдаване». Румынское движение в Бессарабии, политически организованное ХДНП, приобретёт новый динамизм, станет ещё более сильным и, несомненно, закончится воссоединением с родиной-матерью – Румынией»²⁰.

Для оппонирования в учебнике даётся цитата парламентария-коммуниста В. Степанюка: «Очевидно: дискредитация и стремление исключить лингвоним «молдавский язык» преследует цель ликвидации этнонима «молдаване», т.е. ликвидации носителя национального суверенитета Республики Молдова и, следовательно, ликвидации современного Молдавского государства... Мажоритарной нации, которая дала название молдавскому государству, навязывают и внушают... национально-идеологические концепции другой нации, другого государства» (21). Политик О. Серебрян предлагает свою позицию о Молдавском государстве: «Образование Республики Молдова как государства... это, возможно, самый серьёзный скрытый конфликт, который подрывает социально-экономическую безопасность нашего общества. Легитимность государственности Республики Молдова остаётся сомнительной»²².

Следует отметить, что учебников истории сегодня несколько. У того же С. Назарии их два: его собственный и в коллективе авторов. Также используются учебник И. Ожога, учебное пособие коллектива авторов «История румын», вышедшее 2-м изданием в 2005 г. Эти два издания выражают румыноцентричную концепцию и используются далеко не во всех национальных лицеях (преподаватель имеет право выбора учебного пособия). Апологеты румыноцентричной модели (Петренку, Палладий, Еремия, Негру, Кожокару) протестуют против педальирования местного акцента и интерпретации истории территории в качестве истории государства Молдова.

В апреле 2009 г. заканчивается конкурс по разработке новых учебников, в том числе по истории. В этом контексте

«Ассоциация историков Молдавии», одно из профессиональных объединений историков, придерживающаяся румыноинтегрированной позиции, на своем общем собрании 20 декабря 2008 г. приняла резолюцию, в которой потребовала от молдавских властей отзыва из системы образования учебников интегрированной истории. Как заявил вице-председатель ассоциации Ион Негрей, молдавские ученики «получают моральные и интеллектуальные травмы» из-за содержания учебников интегрированной истории, «пропитанных идеями молдовенизма». По мнению «Ассоциации историков Молдовы», курс интегрированной истории «возрождает тезис советского периода о существовании двух разных народов: молдаван и румын, двух языков, культур и разной истории». Другой представитель ассоциации Георгий Палади выступил за объединение усилий историков для продвижения среди молодежи «концепции единства румынского народа, живущего в двух румынских государствах».

В декабре 2008 г. автором данной статьи было проведен опрос студентов 4-го курса филологического и исторического факультетов Кишинёвского Государственного педагогического университета им. Иона Крянгэ. Результаты опроса не могут претендовать на исчерпывающий анализ исторического сознания, однако, они весьма показательны. Ответы свидетельствовали, что в качестве национальных приоритетов (национальной идеи) доминируют тезисы «один язык – одна история»; «румынская общность» – «Mare Unire». Также присутствуют мнения и о необходимости вхождения в Евросоюз. В ответах респондентов проявляется нетерпимость к России, её, как они выражаются, влиянию; встречается даже требование запретить русский язык, но оно воспринимается как маргинальное.

В преподавательском же сообществе и в русскоязычной среде бурно обсуждается проект Кодекса об образовании и образовательной доктрины. Она активно освещается в прессе учителями русского языка и членами русской общины. Разумеется, в центре – опять проблема языка, только теперь русского. В проекте Кодекса есть статья о том, что «государство гарантирует конституционное право личности на выбор языка воспитания и обучения на всех уровнях образова-

ния... за исключением медицинского, военного, юридического, а также в области государственного правопорядка и безопасности»²³. Вот из-за этих исключений, которые ущемляют права выпускников не румыноязычных лицеев, идут дебаты и требования снять их. «Вопрос о языке – самый болезненный и тонкий, – заявил председатель Координационного совета русских общин РМ М. Сидоров, – история последних двух десятилетий свидетельствует о том, что языковая проблема является краеугольным камнем в процессе строительства молдавской государственности и определения национальной принадлежности»²⁴.

Важным фактором национального мира и межэтнического диалога стал принятый Парламентом в 2001 г. «Закон о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций». Судьба этого документа не лёгка – он «задуман» ещё в середине 90-х годов, но не был принят тогда. Важность закона в том, что он включает в общеполитическую жизнь все этносы республики. Исследователи, в частности, считают, что с принятием этого закона начала закрепляться идея построения нации-государства, в основе которой лежит ценность гражданской идентичности – нация-население в западноевропейском смысле²⁵. В 2003 г. был принят «Закон об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова». В этом документе подчёркивается поликультурность и многоязычие народа Молдовы. Надо иметь в виду, что на эти же тенденции ориентируется и Евросоюз. Важными в данном документе являются три основных положения: молдавская государственность, интеграция народа Республики Молдова, формирование гражданского общества. В Концепции изложены цели и задачи национальной политики государства. Главный акцент в нём сделан на формировании у граждан страны общих ценностных установок, без которых не может состояться молдавская государственность: развитие молдавской национальной культуры, изучение государственного языка и истории Молдовы «как основы молдавской национальной (политической) идентичности». Но в то же время важно отметить направленность Концепции на формирование уважительного отношения к сохранению и развитию языков и культур всех проживающих в стране этнических групп²⁶.

В СМИ события истории освещаются по-разному: в румыноинтегрированных выражается румыноцентричная модель истории, а в официальных – молдовоцентричная. Например, характерны своеобразные высказывания Николая Дабижи – председателя форума Румын Молдовы – на праздновании 90-летней годовщины (2008 г.) принятия декларации об объединении Молдовы и Румынии в 1918 г., которые напечатали многие газеты. «Я абсолютно уверен, что Господь и впредь будет румыном, как это было в 1918 году, и обеспечит справедливость для румынского народа»²⁷. А Демократический форум румын Молдовы предложил увековечить память Грегоре Виеру – национального поэта, погибшего в автокатастрофе в январе 2009 г., объявив румынский язык государственным. По их мнению, это станет «ему живым памятником» и ре-

ально увековечит его имя. Они заявили, что покойный поэт «боролся и умер за румынский язык. Значит, он может возродиться лишь в румынском языке. Мы должны исполнить его завещание».

Отношение к прошлому радикально настроенной оппозиции, исповедующей антироссийские взгляды, также нельзя пока считать маргинальным. Подобных партий несколько: ХДНП (христианско-демократическая народная партия), либеральная партия, либерально-демократическая, демократическая, национально-либеральная. Соответствующие настроения ХДНП очередной раз выразились 25 ноября 2008 г., когда она пикетировала посольство России с лозунгами: «Русская армия убирайся домой», «Нет русскому империализму». Газет соответствующего толка несколько. Например, в газете «Flux», которая принадлежит партии ХДНП и лично курируется главой партии Юрием Рошкой, до выборов 2009 г. – вице-спикером парламента, пишутся действительно оскорбительные вещи. За последние 2-3 года там можно было прочесть следующие пассажи: «Видно, что русские, смешивая на протяжении многих лет наши вина, сладкие или сухие, со своей крепкой водкой, пропили мозги». Или, вот такое: «Как говорил поэт, умом Россию не понять. А чем же её понять? Лучше и не спрашивайте. Можно лишь предположить, что путь, противоположный остальному миру, предполагает и перевёрнутую логику»²⁸. В. Воронин в ответ на эти и подобные высказывания и настроения дал свой ответ: «Игры в русофобию в Молдове не имеют никакой перспективы и остаются уделом кабинетных политиков далёких от практических реалий». Однако у таких подходов ещё достаточно сторонников в среде национальной интеллигенции, особенно в столице.

Кино также не стоит в стороне от исторических событий, связанных с истоками и судьбой этноса и их интерпретации. В 2007 г. национальная киностудия объявила конкурс сценариев исторического фильма с государственным финансированием. Режиссёр Санду Василяки победил в этом состязании и поставил фильм о гето-даках – предках коренного народа Молдовы – «Волки и боги». Хотя официальная премьера фильма ещё впереди, но он уже подробно прорекламирован в СМИ. Цель, по его словам, заключается, «если не в пробуждении чувства гордости за родину, то хотя бы самого чувства родины», и в доказательстве, что «национальная самооценка – ещё не миф». У фильма был научный консультант – декан факультета истории Молдавского государственного университета профессор Ион Никулицэ. Автор фильма много внимания уделил быту, традициям, празднествам, ритуалам и особенно религиозным верованиям тех, от кого ведёт свою историю, по убеждению большинства народа, молдавская нация. Таким образом, на примере фильма можно видеть, что и румынисты, и многие молдавенисты в основном сошлись во взглядах на то, кто были истинными предками, к которым восходит титульная нация.

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ: ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ИДЕНТИЧНОСТИ

В Молдове постоянно апеллируют к истории, чтобы определить свои истоки и те базовые исторические основы, на которых строится всё здание государственности и национального самосознания. На данный момент единства во мнениях нет, не только в массовом историческом сознании, но и в суждениях профессиональных историков. Молдову и её судьбу национальные историки осмысливали и продолжают осмысливать как особый случай на постсоветском пространстве, т.к. само понятие «молдавская национальность» не определено внутри дискурса национальной историографии. В толковании этого термина также столкнулись две парадигмы – румынской и молдавской. Ещё одним феноменом независимой Молдовы, считают некоторые историки, являлось, то, что, по сути, ни в одной из бывших союзных республик не муссировался вопрос о вливании в состав соседнего государства²⁹. И по отношению к этому вопросу в мажоритарном этносе существовали и существуют полярно ориентированные элиты.

Остро дискутируются проблемы самоидентификации: Кто наши предки? Кто мы: молдаване или румыны? На каком языке мы говорим? Как оценивать события недавнего прошлого: как период прогрессивного развития или как оккупацию и перерыв в поступательном развитии нации и страны? От ответов зависит исторический, а не только и не столько политический выбор. Определяется вектор национального строительства и развития в целом, формирования молодого поколения, его менталитета. Историки и, соответственно, общество разделены на несколько лагерей по вопросу о возникновении государства: что конкретно образовалось – собственно румынское княжество; румынское, но с иным названием; молдавское княжество? Существует две теории: «основания» и отрицающих основание страны одной личностью. Поэтому существует и несколько групп историков по отношению к этому вопросу и, главное, к проблеме исторических национальных корней.

Первая группа представлена историками, поддерживающими идею молдавской нации и исторических корней молдавской государственности, добровольного присоединения к России, а затем и к СССР. Это историки В. Стати, Н. Русев, В. Гросул и др. В 2006 г. на конференции по истории, посвящённой в том числе и 350-летней годовщине первого обращения Молдавии с просьбой о присоединении к России, они ещё раз обозначили свои позиции: современная молдавская государственность уходит корнями в XIV век, в 1359 г., когда княжество образовалось и включало в себя области Молдова, Бессарабия, Буковина³⁰. Они утверждают, что именно Молдавское государство насчитывает века и века своего существования, оно всегда тянулось к России, единилось с ней общей православной верой. А государство под названием Румыния родилось, как известно, лишь в 1862 г. «Молдавенисты» выступают с концепцией двух различных государств и языков – румынского и молдавского. Вывод: мы – молдаване.

В 2003 г. была переиздана книга В.Н. Стати «История Молдавии в датах». Автор – не только историк и филолог, но и общественный деятель, идеолог молдавизма, выражает позицию всей школы историков-молдавистов. Он утверждает «молдавизм» как совокупность этнокультурных особенностей молдавской нации и ее духовный суверенитет, как молдавскую национальную и геополитическую идентичность. В книге предлагаются исторические обоснования правомерности существования наименования страны, молдавского самосознания, этнонима «молдаване», лингвонима «молдавский язык». Историк И. Шорников, придерживающийся такой же концепции, даёт рецензию на монографию: «Румынизм предстает в книге как совокупность представлений о прошлом валахов и молдаван, в основном мифологических, навязываемых обществу при посредстве государственных институтов Румынии и принятых на веру большей частью населения этой страны и определенным числом граждан других государств»³¹.

Вторая группа историков представлена румынистами, которых поддерживает большая часть национальной интеллигенции. Они оспаривают выше названную теорию, и также настаивают на дако-латинском корневом истоке (без какого-либо восточнославянского воздействия). Эти историки утверждают, что «между средневековым княжеством и республикой Молдова нет ни полной территориальной преемственности, ни непрерывной политической традиции»³². Добровольное объединение с Россией вызывает у них скепсис. Никто никуда не просился. Просто территория попала в жернова политических притязаний больших стран³³. Край (Бессарабия) был присоединён к России, и, хотя возникли новые исторические условия для развития региона, но это не исключало этнического единства³⁴. Разумеется, при этом не оспаривается, что Румыния действительно возникла позже (1862 г.), но нация не перестаёт быть румынской.

Уже не все сторонники румыноцентричной модели говорят сегодня, что не должно существовать такое государство, как республика Молдова. И такой позиции придерживается большая часть национальных историков. Но они утверждают: «Мы – румыны». Проблема языка в данном случае в условиях Молдовы приобрела историко-политический характер и по тому, какую роль он сыграл в исторических событиях, и по отношению к данной проблеме всего общества в целом, включая и возрождение самосознания народа, которое на первом этапе проходило именно через язык. В рамках этой группы историков также есть и концепция: «один язык – одна нация; одна нация – одна история и одна страна». Их оппоненты приводят иную аргументацию: «один язык – две или много наций: немцы и австрийцы; исконные испанцы и латиноамериканцы». Как можно увидеть, румынский национальный нарратив в условиях Молдовы часто приводит к эссенциализации нации, в то время как история Молдовы, которая строится вокруг молдавской государственности, наталкивается на очевидные прерывания государственной традиции³⁵.

Третья группа историков немногочисленна и может быть представлена Сергеем Суляком, который разработал концепцию русинского этноса республики Молдова. Этот этнос, безусловно, существует сам по себе. Суть же споров – в интерпретации его роли в становлении нации. Он, отвечая на вопрос «Кто мы и откуда?», выдвинул свою теорию. Её суть в том, что русины (происходят от слова «русский» и относятся к группе восточных славян) вместе с валахами, близкими по типу хозяйствования, образовали Молдавское княжество. Соответственно, нация также признаётся молдавской, но со славянскими корнями (несёт в себе 0,5 славянской крови). А румыны – национальное меньшинство в стране³⁶. Однако идея славянских истоков молдавской нации (с теми или иными деталями и нюансами) не нова, она родилась ещё в середине XX века. Авторы её Н. Державин и А. Удальцов.

Итак, само название нации за последние 16 лет менялось не раз, вызывая при этом бурю эмоций. Как только нынешняя власть вернула название «молдавский», гнев оппозиции и интеллигенции не заставил себя ждать. Историк и депутат парламента от фракции «Наша Молдова» Анатоли Царану заявил: «Или мы румыны, или мы не можем понять наших национальных интересов». В свете сказанного он предложил «сделать что-то с нашей школьной программой»³⁷. А депутат от демократической партии Олег Серебрян на заседании парламента заявил, что, выступая против переиздания книги «Они сражались за Молдову», «не имеет ничего против исторической памяти»³⁸. Но он не согласился с идеологическим подходом в этом историческом издании и напомнил о важнейших датах 2009 г.: 70-летию пакта Молотова-Риббентропа и 60-летию депортации молдаван. Депутат потребовал, «чтобы преступления нацистов и коммунистов во второй мировой войне никогда не повторялись»³⁹.

Помимо румынистов и молдовенистов в 2000-е годы возникла группа «младоисториков». Они (И. Кашу, А. Кушко и др.) выдвинули новый подход: «преодоление национального повествования». Акцент ими делается на румынской идентичности в качестве составляющей части европейской целостности. «Младоисторики» осмысливают и «молдовенизм» в ракурсе утверждения позиции наименьшей политизированности истории. Также «младоисторики» выдвинули тезис: «румынофил, но не русофоб»⁴⁰. Так они хотят преодолеть схематичный и упрощённый подход – концепцию «свои-чужие», «друзья-враги». Таким образом, эта группа молодых историков стремится утвердить единую «европоцентричную» модель в противовес двум оппозиционным: молдовоцентричной и румыноцентричной.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭТНОСЫ ИЛИ ЕДИНАЯ ОБЩНОСТЬ?

Проблемы единения и разобщённости, как внутринациональные, межнациональные, так и внутриобщественные, продолжают волновать граждан страны. Стремление в ЕС, как ни странно, во многом укрепляет общественное сознание в понимании необходимости возвращения к непреходящим ценностям как к

основе молдавской государственности. Национальный радикализм начал медленно, освобождать место цивилизованным идеям.

Укрепление национального суверенитета зависит также от понимания одной существенной вещи: что такое нация и что такое народ. В данном случае, естественно, речь о молдавской нации и, соответственно, молдавском народе. В чём единство и в чём отличия. Безусловно, в категорию «молдавский народ» объединяются все этносы, представляющие граждан страны, поэтому невозможно не коснуться полиэтнической проблемы страны. Проблему гражданской идентификации отдельного этнического образования – будь то украинцы, русские или болгары Молдовы – нельзя рассматривать в отрыве от общегражданской политики. Для демократического государства нет и не должно быть «своих и чужих». Молдова избежала прибалтийского синдрома: в стране нет «неграждан», т.е. нет внутригражданского раскола – народ в этом плане един.

В данной связи нелишне акцентировать внимание и на том, что национальный радикализм (а, проще говоря, национализм) озабочен чистотой нации. В действительности это приводит к тому, что линия размежевания «свой – чужой» начинает проходить внутри соответствующей этнической общности. В таком случае межнациональная конфронтация усугубляется внутринациональной. Думается, что как явление для Молдовы это осталось в прошлом, хотя в бытовой сфере даёт о себе знать. К примеру, историк Вячеслав Степанов даёт этому следующую оценку: «Характеризуя динамику трансформационного периода в этногражданском строительстве, следует обратить внимание и на ряд важных моментов: в процессе трансформации общественных ценностей и резком повышении роли этнического фактора в общественной жизни активизировались пассионарные личности, включившиеся в процесс этнокультурного возрождения. Этнокультурное общественное движение представляло собой школу демократии»⁴¹.

Очевидно, что в среде мажоритарной нации такие личности выделились много раньше, а в среде национальных диаспор (русской, украинской, болгарской) – позже. Многие аналитики полагают, что харизматичный нынешний молдавский лидер Воронин – именно такая личность. Оппозиция это отрицает, но в своей среде на данный момент не имеет ни одного пассионария (да и харизматика тоже), что вынужденно признает в ряде собственных СМИ.

Очень важна сегодня и проблема национального идеала, идеи и приоритета. В этом вопросе также нет консенсуса. Ряд учёных-историков объясняют противоречивость подходов и дискуссионность выводов тем, что все жители, рождённые до 1990 г., хотя бы того или нет, родом из СССР. В советском обществе на идеологическом уровне были постулированы в качестве главных определённые мировоззренческие ценности. Это и особым образом трактуемый коммунистический идеал, и принадлежность к особой стране, в которой важно то, что «мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз». Таким образом, самоидентификация «я – коммунист», или «я – советский человек» оказывалась

более значимой, чем любая этническая идентификация. При распаде страны, когда из союзных республик родились суверенные государства, этнический компонент стал доминирующим. Однако, по мнению некоторых молдавских историков, идея нации была востребована как идея политической нации, т.е. сообщества людей, объединённых общей политической волей. В реальности ситуация оказалась иной. У титульной нации восторжествовал этноцентристский тип сознания, и соответственно реализовалась идея этнической общности.

Прошедшие выборы 2009 г. (5 апреля и 29 июля) свидетельствуют, во-первых, об электоральном расколе, так как предпочтения разделились фактически наполовину, во-вторых, о том, что румынский фактор опять, как и в начале 90-х годов, стал доминирующим в сознании более половины населения страны. Вопрос самоидентификации опять вышел на ведущие позиции. В третьих, основная оппозиционная сила 90-х, начала 2000-х – ХДНП, – считавшаяся жестко-радикальной, утратила свои позиции и в парламент не прошла, набрав лишь 1,5% голосов. Как полагают аналитики, это произошло потому, что она уже не ассоциировалась с «румынской мечтой» и пошла на сотрудничество с правящей партией в предыдущем парламенте. В-четвертых, вектор исторического повествования может развернуться в сторону румыноцентричной модели.

В ближайшее десятилетие рассмотренные нами тенденции развития национальной истории, скорее всего, будут сохраняться. Слишком небольшой период, с исторической точки зрения, прошёл, чтобы мнения радикально изменились. Некоторые молдавские историки и философы уверены, что основная проблема, которая стоит сегодня перед Молдовой, – это изменение вектора направленности национального и в целом общественного сознания. Рецидив закрытости на почве гипертрофированного понимания ценности этнического, который сегодня имеет место, неизбежно исчерпает себя в сегодняшнем мире. Так полагает Н. Визитей⁴². На мировоззренческом уровне в среде национального сообщества сильны этноцентристские устремления. Определённой гарантией здесь могло бы стать усвоение на уровне массового исторического сознания идеала политической нации, а также пробуждение в обществе гражданских чувств⁴³.

Образы «друзей-врагов» будут оставаться теми же для каждой этнической, социальной или политической группы. «Большое видится на расстоянии», а его пока ещё нет. Румынское и российское влияние в Молдове сохранятся и, видимо, будут вступать в конфликт при освещении ключевых событий прошлого. Тем более, что не разрешена Приднестровская проблема и вопрос о пребывании российских миротворцев.

Логично предположить, что гражданское самосознание жителей Молдовы будет развиваться по линии упрочения идеи молдавского государства как отдельной страны. Это связано со многими аспектами современной ситуации. В частности, с тем, что Румыния своими действиями последнего времени (в частности, заявлениями президента Румынии Т. Бэеску о том, что Молдавия – часть Румынии) способствовала созданию некоторого объединяющего начала

между молдавской (не прорумынской) и немолдавской частями населения республики. Отсутствие внятной перспективы и тем более хронологии возможной евроинтеграции поможет упрочению государственных институтов РМ как долгосрочных структур.

В современной концепции истории Молдавии был очевиден отход от тезиса «румынской земли». Румынизация перестала быть ведущей составляющей исторической науки и образования Молдовы. Но в 2009 г., в контексте сложных выборных баталий, акценты в интерпретации национальной истории снова могут измениться. В историографии усилилось внимание к осмыслению событий XIV и XIX–XX веков, активизировались дискуссии по поводу доказательства молдавской или румынской национальной идентичности. Это воздействует на формирование дружественно-близкого или враждебного образа России (и СССР). Сейчас же доминирует отторжение советского опыта, и эта тенденция будет укрепляться в массовом сознании. Старое поколение уходит, а новое не воспринимает ценности периода советской власти. Политизация исторических дискуссий будет сохраняться, «поскольку история используется для легитимизации того или иного политического устройства»⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Благодатских И. Молдова и Приднестровье в поисках «своей» истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 2003. С. 192.

² Горький М. Несвоевременные мысли. Москва, 1991. С. 3.

³ Личный архив автора статьи.

⁴ Благодатских И. Молдова и Приднестровье в поисках «своей истории». С. 200.

⁵ Личный архив автора.

⁶ Касьянов Г. Тезисы к Международной конференции «Национальные истории на постсоветском пространстве» (октябрь 2008 г.).

⁷ История Приднестровской Молдавской республики – Тирасполь, 2000. Отв. Редактор В. Гросул.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ История румын с древнейших времён до наших дней (учебное пособие – дидактические материалы). Кишинэу, 2005. С. 301.

¹² Выдержки из стенограммы встречи президента Молдовы В. Воронина и главы Приднестровья И. Смирнова // Комсомольская правда. 2008, 26 декабря.

¹³ История румын с древнейших времён до наших дней (учебное пособие – дидактические материалы). С.166-167. См. также: С. 159 («бессарабский вопрос»), С. 206 («румынский вопрос»). С. 309 (1940 год и оккупация Бессарабии и Буковины), С. 339 (конфликт в Приднестровье).

¹⁴ См. комментарий Шорникова П. // Русское слово. 2008, 6 декабря.

¹⁵ История румын с древнейших времён до наших дней. Кишинэу, 2005. С. 255-

257.

¹⁶ См. в частности, материалы «Moldova Mare» за 16 сентября 2008 г.

¹⁷ Комсомольская правда в Молдове. 2008, 17 сентября.

¹⁸ Личный архив автора.

¹⁹ Назария С., Роман А., Спрынчанэ М. История: учебник для 12 класса. Новейшее время. Кишинёв, 2006. С. 106.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 105.

²³ Русское слово. 2008, 24 октября.

²⁴ Там же. 2008, 14 ноября.

²⁵ Степанов В. Украинцы Молдовы: динамика этнической и гражданской идентичности (1989-2005 гг.). Кишинёв, 2008. Автореферат на соискание докторской степени (на правах рукописи). С. 26.

²⁶ Там же. С. 26-27.

²⁷ Комсомольская правда в Молдове. 2009, 9 января.

²⁸ Молдавские ведомости. 2008, 14 ноября.

²⁹ См. комментарий Степанова В. // Русское слово. 2008, 26 декабря.

³⁰ См.: Русин. 2006. № 2 (4).

³¹ Личный архив автора.

³² Кашу А., Таки В. «Кто мы?» Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность». *Dacoromania*, 2003 год.

³³ История румын с древнейших времён до наших дней (учебное пособие – дидактические материалы). С. 164-166.

³⁴ Там же. С. 167-168.

³⁵ Кашу А., Таки В. «Кто мы?».

³⁶ Суляк С. Русины заслужили достойное место в истории Молдавии // Бизнес элита (научная элита). Кишинёв, 29 августа 2006 года (В рамках научно-практической конференции, посвящённой исследованиям национальных меньшинств Молдавии 23-24 ноября 2006 г.)

³⁷ Независимая Молдова. 2008, 28 ноября.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Личный архив автора.

⁴¹ Степанов В. Украинцы Молдовы. С. 50.

⁴² Визитей Н. От этнической разобщённости к гражданской солидарности: путь надежды для Молдовы. Кишинёв, 2003. С. 112. (В рамках конференции «Национальные образы мира: Единство – Разнообразие – Справедливость»).

⁴³ Там же. С. 112.

⁴⁴ См.: Кашу А., Таки В. «Кто мы?».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Государственный герб Республики Молдова

Герб Молдовы представляет собой пересечённый щит, в верхней части которого – красное поле, в нижней – синее. В центре щита изображена голова зубра, между рогами которого расположена восьмилучевая звезда, справа от головы – пятилепестковая роза, слева – полумесяц, обращённый и слегка наклонённый влево. Все элементы на щите золотистые (жёлтые). Щит помещён на груди орла, держащего в клюве золотой крест (орёл-крестоносец), в когтях: справа – зелёную оливковую ветвь, слева – золотой скипетр.

Центральной геральдической фигурой герба Молдавского княжества, является голова тура (зубра). Когда и в какой среде возникло представление о символе суверенной территории в виде головы тура, исследователи не смогли пока ответить с определённой уверенностью. Некоторые из них пытались рассмотреть происхождение символа в виде головы тура через призму древнего охотничьего культа, существовавшего в Северных Карпатах и оканчивавшегося убиением и жертвоприношением тура (зубра) на берегу реки, что, в частности, может объяснить как легенду об основании Молдавии, так и геральдическое изображение только головы, а не всего животного.

Государственный флаг Республики Молдова

Флаг Молдовы был принят в 1994 году. Представляет собой триколор с равновеликими полосами, расположенными вертикально, в следующем порядке начиная от древка: голубая, жёлтая, красная. В центре, на жёлтой полосе, расположен Государственный Герб Республики Молдова.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Гимн Молдовы – композиция «Limba noastră» («Лимба ноастрэ», «Наш язык») на стихи Алексея Матеевича (1888—1917). Автор музыки – Александр Крестя, аранжировка – Валентин Дынга. «Limba noastră» стала гимном Молдовы в 1994 году.

Стихотворение Матеевича «Limba noastră» включает в себя 12 строф, из которых в гимн вошли только пять.

Limba noastră-i o comoară
În adîncuri îmfundată
Un şirag de piatră rară
Pe moşie revărsată.

Наш язык, наш клад нетленный
От безверия укрытый,
Свет жемчужин драгоценных,
Над отчизною разлитый.

Limba noastră-i foc ce arde
Într-un neam, ce fără veste
S-a trezit din somn de moarte
Ca viteazul din poveste.

Наш язык – душа живая
Пробуждённого народа.
Он воспрянул, разрывая
Сна мертвящие тенета.

Limba noastră-i frunză verde,
Zbuciumul din codrii veşnici,
Nistrul lin, ce-n valuri pierde
Ai luceferilor sfeşnici.

Наш язык – узор прекрасный,
Кодры, шорох листопада.
Плес Днестра, в котором ясно
Догорают звёзд лампы.

Limba noastră-i limbă sfîntă,
Limba vechilor cazanii,
Care o plîng şi care o cîntă
Pe la vatra lor ţăranii.

Нет ему в веках забвенья,
Что забыто – воскресите,
Пыль эпох с него сотрите, –
Жаждет он освобожденья.

Răsări-va o comoară
În adîncuri îmfundată,
Un şirag de piatră rară
Pe moşie revărsată.

Да пребудет он нетленным
От безверия укрытый,
Свет жемчужин драгоценных
Над отчизною разлитый.

ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА

Молдавско-польская хроника сообщает, что «по воле Бога воевода Драгош пришёл из Венгрии, из места Марамуреш возле реки Марамуреш, охотясь на зубра, которого он убил возле реки Молдова. Он отпраздновал это вместе со своими боярами, страна понравилась ему и он остался, и населил страну своими молдаванами из Венгрии, и был их князем в течение двух лет».

Эту легенду можно найти в книге Дмитрия Кантемира «Описание Молдовы», написанной в начале восемнадцатого века на латыни: «...Драгош, сын князя Богдана, решил перейти горы в восточном направлении с тремястами охотников. Во время этого пути он случайно напал на след дикого быка, которого молдаване называли зимбру. Преследуя его, охотники спустились к подножию гор. Любимая собака Драгоша по кличке Молда неотступно преследовала зверя, который бросился в реку и там был пронзен стрелами охотников. Собака бросилась за убегающим зубром в бурлящую реку, и быстрое течение поглотило ее. В память об этом событии Драгош назвал эту первую на его пути по сю сторону гор речку Молдовой... и пожелал, чтобы на гербе нового княжества была изображена голова дикого быка – зубра».

Более полная версия дана анонимным летописцем. Согласно этой версии однажды Драгош со своими спутниками отправился на охоту на диких зверей. В высоких горах он напал на след зубра и, преследуя его, пересёк горы и вышел к прекрасной равнине. Он настиг и убил зубра возле реки под ивой, там же он устроил пир.

Драгош со спутниками по воле Бога решили поселиться в этой стране. Они вернулись и рассказали своим товарищам о прекрасной стране с реками и источниками. Те тоже решили пойти в эту страну и выбрать себе землю, так как она не была населена, и на границе татарские кочевники пасли свои стада. Они попросили венгерского князя Владислава отпустить их, и тот с большим сожалением позволил им переселиться.

И они пошли из Марамуреша вместе с товарищами, их жёнами и детьми, через горы и леса к месту, где Драгош убил зубра, и поселились там, так как им понравилось та местность. Они выбрали Драгоша князем и воеводой, как самого мудрого. Так по воле Божьей была основана Молдавия.

И воевода Драгош первым поселился на реке Молдова, и заселил Байю и другие земли, и постановил, чтобы княжеским гербом для все страны была голова зубра. Правил он в течение двух лет.

Культовой фигурой в национальной истории и национальном сознании является Стефан чел Маре ши Сфынт (Стефан III Великий) (Stefan cel Mare si Sfint)

Памятник Стефану Великому

Штефан чел Маре изображен в короне и богатом одеянии молдавского господаря. Лицо у Штефана грозное и печальное. Он предвидит грозу для родной земли. Он как бы движется медленным, торжественным шагом навстречу врагу, высоко подняв крест и сжимая правой рукой богатырский меч. На памятнике высечены следующие надписи:

I.

ШТЕФАН ВЕЛИКИЙ И СВЯТОЙ 1457 - 1504

С фасадной стороны:

II.

Властитель земель от
горного хребта до Днестра и моря

Справа:

Созидатель монастырей
Выполнитель справедливости
Его образ в его наследии.

III.

Слева:

ПОБЕДИТЕЛЬ НАРОДОВ:

У Липника,
У Байи,
У Васлуя,
В Белой Долине,
У Кыт ла Буга,
У Скейи,
В Красном Бору,
За страну, народ и веру.

IV

Сзади сверху:

Защитники Бессарабии:

Днестр,
Килия,
Четатя Албэ.

V

Сзади внизу:

Воздвигнут настоящий памятник ,
чтобы обессмертить славу предков,
с помощью сынов Бессарабии.

Выполнен скульптором А.М. Плэмэдялэ
и архитектором А.О. Бернардацци в 1925 году.

Высший орден республики Молдова – Орден Штефана чел маре

Городской парк Штефан чел Маре (бывший имени Пушкина) - любимое место отдыха, прогулок, встреч кишиневцев всех возрастов. Зеленый массив в центре нашей столицы, которым по праву гордятся кишиневцы.

Вот уже более полутора веков существует в Кишиневе этот парк. Он уже существовал в годы жизни Пушкина в Кишиневе (1821-1823гг.)

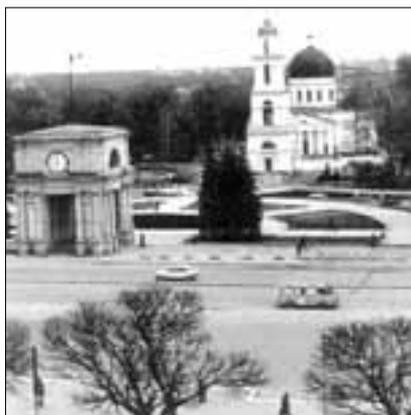

В 1885 году, на деньги, собранные кишиневцами по подписному листу (1000 рублей золотом) был установлен памятник А.С.Пушкину, работы скульптора А.Опекушина. Кишинев стал вторым городом в Российской империи после Москвы, где был установлен памятник великому поэту.

Также в парке Штефан чел Маре расположена Аллея классиков молдавской литературы. По обе стороны центральной аллеи на постаментах из красного полированного гранита установлены бронзовые бюсты писателей и общественно – политических деятелей. Аллея стала любимым местом отдыха горожан и гостей столицы.

Центральная улица молдавской столицы – проспект Штефана чел Маре.

В центре столицы находится площадь Великого Национального Собрания, на которой принималась Декларация о независимости. К ней примыкает парк с Центральным собором и Аркой Победы.

«Миорица» – пасторальная баллада. Считается одной из вершин молдавского и румынского фольклора, в котором не был создан героический эпос, но всеми исследователями эта баллада по глубине, национальному колориту и красоте слога приравнивается к эпическому произведению.

Сюжет:

Три чабана (молдаванин, венгр / трансильванец и врынчанин) встречаются вместе со своими отарами. Овечка (Миорица) предупреждает молодого молдавского пастуха, что два других пастуха завидуют его отаре и собакам и поэтому решили его убить. Вместо того, чтобы как-то защитить себя, молодой пастух обращается к овечке и говорит ей свои последние желания. Пастух просит, чтобы овечка сказала, чтобы его похоронили возле своей кошары, где он будет рядом со своими овцами и сможет слышать лай своих собак. Он также просит положить флуеры трёх пастухов у изголовья своей могилы. Ветер будет играть на свирелях, а овцы собираться вокруг и проливать кровавые слёзы.

Кроме этого пастух просит, чтобы овечка никому не рассказывала о его убийстве, а рассказала, что он женился на прекрасной принцессе, «невесте мира» («a lumii mireasă»), и во время свадьбы с неба упала звезда, луна и солнце держали свадебную корону, их венчали гигантские горы, а буковые деревья были свидетелями. А если вдруг овечка встретит его старушку-мать в слезах, спрашивающую у всех о «гордом пастухе», она должна рассказать ей только то, что он женился на принцессе несравненной красоты в прекрасной стране на краю рая. Но о том, что во время свадьбы с неба упала звезда, о солнце, луне, горах и буковых деревьях овечка не должна рассказывать матери.

В честь этой баллады в молдавской столице есть улица – Миорица.

Центральной фигурой в истории приднестровского региона жители считают полководца Суворова А.В., основателя города Тирасполь.

Конный памятник Суворову в столице Приднестровья, Тирасполе, считается лучшим памятником полководцу на территории бывшего СССР. Он установлен в 1979 году. Скульпторы Владимир и Валентин Артамоновы, архитекторы Я. Дружинин и Ю. Чистяков. Расположен на небольшом возвышении на площади Суворова – главной площади приднестровской столицы. Монумент награжден золотой медалью имени скульптора Евгения Вучетича.

Суворов считается основателем Тирасполя, так как именно по его указанию для укрепления новых границ империи в 1792 на левом берегу Днестра в рамках организации Днестровской линии была заложена крепость Срединная; при земляной крепости Срединной был основан город Тирасполь (статус города с 1795).

Его изображение увековечено в памятнике и в одном из знаменитейших коньяков.

Коньяк «Суворов»

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Раздел I. РУМЫНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1848-1849 гг., ОБРАЗОВАНИЕ И КОНСОЛИДАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РУМЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА	5
Глава I. РУМЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1848-1849 гг.	5
§ 1. Предосудки и идеалы революции	8
§ 2. Начало и развитие революции	12
§ 3. Подвиги румынской революции 1848-1849 гг. и ее историческое значение	17
Глава II. ОБЪЕДИНЕНИЕ РУМЫНСКИХ КНЯЖЕСТВ, ОБРАЗОВАНИЕ РУМЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА	21
§ 1. Активизация движения за объединение после революции 1848-1849 гг.	21
§ 2. Революционное объединительное движение в княжествах и румынская проблема	25
§ 3. Объединение Молдавии и Царя Румынии	29
§ 4. Объединение княжества в главы правления Александру Николае Куза (1859-1866)	32
Глава III. БУРЖУАЗНЫЕ РЕФОРМЫ В БЕССАРАБИИ И ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕСТРА	38
§ 1. Аграрная реформа	38
§ 2. Административная, судебная и военная реформы	42
Глава IV. ЭВОЛЮЦИЯ РУМЫНСКОГО ОБЩЕСТВА ОТ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДО НЕЗАВИСИМОСТИ	43
§ 1. Установление и организация системы университетской системы	43
§ 2. Социально-экономические изменения	50
§ 3. Дуалистической реальности в Трансильвании и Буковине	52
§ 4. Бессарабия в первые десятилетия после реформы	54
Глава V. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РУМЫНИИ	57
Глава VI. ДОСТИЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕЗАВИСИМОГО РУМЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА	65
Раздел II. РУМЫНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ОТ ЗАВОЕВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В 1878 ГОДУ ДО СОЗДАНИЯ ЕДИННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РУМЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1918 ГОДУ	69
ГЛАВА I. РУМЫНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.	72
§ 1. Социально-экономические изменения	72
§ 2. Политическая жизнь. Социальные движения	75

«РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ» И ЕЁ ИСТОРИЯ: ПЕРЕЗАГРУЗКА СМЫСЛОВ

Татьяна ФИЛИПОВА

На десятилетие, прошедшее со времени подведения итогов состояния «национальных историй» в постсоветские 1990-е годы¹, пришлось вступление России и мира в новый век, в новое тысячелетие и в новую общественно-политическую реальность. Сменились и главные действующие лица на подмостках российской государственности. Смена же президентских правлений, как и смена царствований в дореволюционной России, несла и несёт в себе особый исторический подтекст и связанный с ним комплекс общественных ожиданий. Стилистический окрас образа власти, политическая риторика и государственный ритуал способны многое рассказать об особенностях отношений между властью, исторической наукой и коллективной исторической памятью в контексте восприятия национальной истории.

Принцип обратной связи между историей как наукой, историей как образом прошлого, историей как коллективным «воспоминанием» и историей как комплексом аргументов, легитимирующих существование власти, в России на рубеже XX и XXI веков оказался многопланов и динамичен. И если первое десятилетие постсоветского времени отличалось новой политизацией истории, то на следующем этапе стали заметны приметы историзации политики.

ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ В «ИСТОРИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ» – ОБНОВЛЕНИЕ СТИЛИСТИКИ

В этом смысле показательной стала процедура инаугурации нового президента, задуманная как своего рода стилизаторский жест истории, долженствующий очертить новый облик власти с помощью набора традиционных, национально значимых символов. Очевидно, что вступление в должность нового президента в окружении исторических регалий призвано было обозначить, прежде всего, «одоление Смуты», окончание революционной эпохи XX века и вступление в новое тысячелетие в ореоле наиболее вдохновляющих исторических и духовных традиций. Вспомним главные детали этой знаковой церемонии.

Для проведения инаугурации через анфиладу залов Большого Кремлёвского дворца воины Президентского полка пронесли символы независимой России – Государственное знамя, чьи цвета восходят к царствованию Алексея Михайловича, и Президентский штандарт, служащий, как когда-то штандарты российских императоров, залогом высшей ответственности главы государства, знаком его присутствия в стране и рабочей резиденции. Добавим к этому Нагрудный

Знак президента РФ – продолжение идущего из Византии обычая носить «оплечья» как отличие правителя, что в императорской России было представлено цепью с орденом Андрея Первозванного. Нынешний Знак президента почти полностью повторяет знак ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени – высшую награду Российской Федерации. Возвращение в государственную атрибутику «большого стиля» было подкреплено и словами президента, сказанными им при вступлении в должность: «Россия уже давно – не урезанная карта Советского Союза, а уверенная в себе держава с большим будущим и великим народом».

Впрочем, исследователи уже отмечали, что возвращение «большого стиля» как парафраз имперскости в её историческом измерении состоялось уже на закате эпохи Ельцина, когда в борьбе с оппозицией, обвинявшей первого российского президента в забвении национальных интересов, была предпринята «запоздалая попытка выбить из рук политических противников «исторический козырь»². Нужно ли напоминать, сколь карнаваломифологизированной представлялась ельцинская игра в «державность», в какой диссонанс попадали все претензии верховной власти на патриархально-патерналистский стиль правления с реалиями тогдашних российских кризисов и с реакцией на них общества³.

Неудивительно, что именно от власти ждали (как всегда в России) исторических инициатив и скорого решения назревших проблем. При этом активно обращались к историческим примерам и образцам. К истории как аргументу охотно апеллировали не только исторические, но и актуальные, прогностические издания, появившиеся в то время. Так, в редакционной статье Вестника актуальных прогнозов «Россия: Третье Тысячелетие» прямо заявлялось: ««История свидетельствует, что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей». Нашему современнику трудно не согласиться с этими словами мудрого наблюдателя и ответственного политика XIX века К.П. Победоносцева. Именно государственная власть в России всегда выступала в качестве инициатора, проводника и гаранта социально-политического обновления страны, часто наталкиваясь на непонимание то «народных масс», то «образованного общества», а то и высшей бюрократии. И всё-таки важнейшие государствосозидающие решения удавались в России лишь в единстве власти и общества, при поддержке «снизу» начинаний «сверху». Парадокс переживаемого момента состоит в том, что только крепкая, обладающая чётким национальным самосознанием и чувством исторической ответственности власть способная проложить путь в технотронную цивилизацию, где знание и информационный контакт в значительной степени заменят собой прежнее администрирование⁴.

Тогда, в 2000 г., и историки, и политологи, и публицисты охотно рассуждали на тему оптимального «дизайна» власти в России с учётом давних и недавних исторических традиций. К примеру, доктор исторических наук В.П. Булдаков, говоря о традиционном «формате» отношений власти и общества,

использовал образ «добротого отца для братьев Карамазовых». Все четверо «ведут себя по-разному в отношении главы своей семьи, но для всех них роль отца – центральная в их судьбе. В коллизиях этого семейства – все проблемы России, прошлые и настоящие»⁵. Это размышление историка, специалиста по революционной эпохе начала XX века, подводило черту уходящей эпохе; в отношении ближайшего будущего исследователь прогнозировал: «Любые смуты в России – XVII ли века или 17-го года – на выходе всегда давали совершенно особые фигуры правителей. Незаметные и непримечательные поначалу, они чем-то напоминали водку. Ведь водка – хорошая водка – не имеет ни цвета, ни выраженного запаха, но действует мощно даже в небольших количествах и к тому же покоряет весь мир... А если серьёзно, то верховной власти, чтобы сохранить и Россию, и себя, предстоит в кратчайшие сроки проделать грандиозную работу: мобилизовать элиту, нейтрализовать оппозицию, парализовать криминалитет, а главное – вызвать положительные чувства у народа – и не обмануть их»⁶.

С самого начала существенный поворот в риторике нового президента («диктатура закона», «конституционный порядок», «инвентаризация России», «технология управления», «проектное мышление» и т.д.) был воспринят как знак отхода власти от декоративно-исторической великодержавной стилистики и обращения к иным (в том числе и историческим), более рациональным аргументам легитимации и упрочения своей репутации в обществе. «Власть-инженер» (В. Ильин), «технолог на троне» (А. Морозов) – эти и подобные им определения стали входят в оценочный обиход отечественных пиаровцев и политологов. Тогда как взгляд историка обнаруживал здесь более фундаментальную и традиционную типологию: «Особое место государства в жизни страны, особая миссия державосозидания – суть всех вариантов российской официальной идеологии. Поэтому любой серьёзный претендент на высшие государственные посты – вне зависимости от степени своих либеральных, консервативных, национально-патриотических или прозападнических симпатий – с неизбежностью вынужден отрабатывать этатистский по сути проект для России XXI века. Нынешний этап отечественной истории отличается лишь стремлением к более рациональной и технологичной форме традиционного мифа державосозидания, когда ключевыми в устах нового президента становятся слова-маркёры: «дисциплина», «ответственность», «конкретность», «жесткость»⁷.

В пользу этого ретроспективно-прогностического умозаключения свидетельствует опрос ряда тогдашних лидеров фракций Государственной Думы Федерального Собрания РФ⁸, результаты которого подтвердили присутствие в представлениях политической элиты России начала XXI века причудливой смеси традиционной державности и тоски по «сильной руке» со стремлением рационально модернизировать властный дискурс. На вопрос – образ какого государственного деятеля прошлого будет востребован в России XXI века? – были получены следующие ответы.

Борис Грызлов (фракция «Единство»): «Если говорить о технологичности и эффективности, то потребуется политик, напоминающий графа Сергея Юльевича Витте». Приводимые аргументы: создал сеть русских и иностранных банков, конвертировал рубль, привлёк с Запада инвестиции, начал строить Транссиб, вытащил империю из финансового кризиса, был демократичен с подчинёнными, уговаривал власть усилить контрольные функции Государственной Думы, пытался наладить нормальные отношения между властью и капиталом.

Игорь Лебедев (фракция ЛДПР): «Повторения прошлых эпох быть не может. Поэтому безоговорочно отдать предпочтение какому-то политическому деятелю из прошлого нельзя», – отвечает политик. Но всё же перечисляет отдельные фигуры и аргументы в пользу собирательного портрета, состоящего из «сильных и суровых» правителей. Князь Святослав (расширил пределы Руси от Карпат до Волги и Уральских гор); Иван Грозный (включил в состав России казанские, астраханские и сибирские земли); Петр Великий (вернул России выход к берегам Балтики); князь Потёмкин Таврический (утвердил Россию «на берегах исконно русского Чёрного моря с Крымом и Новороссией»); Сталин (сделал Россию «самой могучей в военном и экономическом отношении за всю свою историю, второй сверхдержавой мира»). Антигерои – Хрущёв и Горбачёв, поскольку «инициировали процессы разрушения нашего великого государства».

Николай Харитонов (Агропромышленная депутатская группа): «В.И.Ленин – времён нэпа».

Вячеслав Володин (фракция «Отечество – Вся Россия»): «Я не могу и не хочу приводить в пример какую-то одну историческую фигуру (...) Задача современника – уметь вдумчиво и конструктивно изучать опыт правителей прошлого, дабы вовремя делать «работу над ошибками», учитывать уроки побед и поражений и в этом смысле с благодарностью относиться к опыту отечественной истории».

Олег Морозов (депутатская группа «Регионы России»): Пётр I и Александр II. Аргументы – осуществление великих реформ, курс на модернизацию. Из иностранных деятелей – Ф.Рузвельт, К.Аденауэр, Ш. де Голль (последовательное реформаторство, «чувство страны», моральный авторитет).

Геннадий Райков (депутатская группа «Народный депутат»): не склонен апеллировать напрямую в деятелям прошлого, но полагает, что России требуется сочетание качеств Петра Великого и Петра Столыпина с актуальными достоинствами Владимира Путина. Аргументы – «государственная воля», умение «заставить всех работать».

Результаты этой небольшой, но показательной выборки пристрастий, среди которых лидером стал Пётр I, во многом оказались в русле итогов социологических опросов 1990-х годов: в них, по мере удаления от перестроечной эпохи, нарастал контрапункт силы и энергии правителя как главного критерия оценки его состоятельности и популярности в массах⁹. При этом имена реформаторов-

модернизаторов умеренного склада (вроде Витте или Александра II) были, скорее, исключением, чем правилом в подобных рейтингах.

Как бы то ни было, но собирательный портрет востребованных временем исторических правителей, созданный российскими парламентскими лидерами в начале нового президентства, довольно точно вписывался и в массовые ожидания, и в формирующийся проект нового государственного менеджмента и его стратегий – государствоцентричность (иначе – «возвращение государства»), реформаторство «сверху», технологическая модернизация, рациональный патриотизм.

В конце 2008 г., с интервалом в восемь лет, страна узнала итоги нового – общенационального! – рейтинга исторических деятелей, когда были подведены итоги масштабного телевизионного проекта «Имя Россия». Очевидно, что этому проекту придавалось особое значение, о чём свидетельствовала и трансляция передач в телевизионный прайм-тайм, и внушительный состав «адвокатов» каждого из дюжины исторических «номинантов» на роль персонафицированного воплощения России (то есть исторически реализовавшего себя носителя наиболее значительных, типических и традиционных черт русскости/российскости).

Промежуточные итоги голосований, подводимые в телевизионных передачах на протяжении нескольких месяцев, подчас ставили аналитиков в тупик хаотической чехардой и малопрогнозируемой перетасовкой общественных предпочтений. Однако окончательные итоги зрительского голосования представляются вполне объяснимыми, если исходить не из исторического «веса» претендентов, а из недавних исторических реалий и актуальной ситуации в стране и обществе.

Так, занявший первое место Александр Невский оказался, на наш взгляд, фигурой общенационального компромисса – полуполюгендарный князь-воин, обаятельный облик которого всё ещё памятен по знаменитому фильму советской эпохи, прочно впечатался в массовое сознание как сугубо положительная величина. Даже споры историков-профессионалов о неоднозначности государственного поведения князя (с немцами-де воевал, а к ордынцам шёл на поклон...) не смогли поколебать симпатий россиян: спас нашу славянскую и православную идентичность – за то и спасибо!

Вырвавшийся же на последнем этапе голосования на почётное второе место Пётр Аркадьевич Столыпин – этот феномен требует отдельного пояснения. Казалось бы, волна первого «обнаружения» Стопыпина и восхищения им, пришедшая на середину 1990-х годов (когда мода на консерватизм проникла в многочисленные исторические и политологические студии), уже схлынула. Однако в данном случае, на наш взгляд, сработало сочетание двух обстоятельств, проявившихся в разных пластах политико-культурной жизни России начала XXI века, но счастливо встретившихся в упомянутом телевизионном проекте. Образ просвещённого, решительного, знающего и энергичного пре-

мьер-министра, одной рукой усмирявшего оппозиционные движения в столицах и мятежи на окраинах, а другой рукой модернизовавшего экономику и рационализировавшего госуправление, оказался в 2000-х годах очень близок и власти, и значительной части общества. Ужасы «стольпинского галстука» и «стольпинского вагона» всё больше уходили в тень, на свет же выступала своего рода ретроспективная мечта – эх, кабы двадцать лет мира и покоя – и мы не узнали бы Россию, обновлённую рукой энергичного, умелого модернизатора... Впрочем, похоже, что действительно не узнали бы.

И здесь мы подходим во второму обстоятельству, в определённой мере повлиявшему на резко возросший рейтинг русского премьера-реформатора. Несколько лет деятельности «Фонда изучения наследия П.А. Столыпина», объединившего вокруг себя ряд серьёзных историков разных поколений научной зрелости, привели к тому, что был найден, исследован, опубликован и введён в активный научный оборот целый пласт ранее неизвестных или неисследованных документов, хранившихся в отечественных и зарубежных архивных хранилищах¹⁰. В итоге выстроилась картина небывалого для России (по масштабу, продуманности и аргументированности) замысла комплексного обновления всех структур социума, процесса, рассчитанного на длительную перспективу. Ревность высшей власти, неприязнь оппозиции, безвременная трагическая смерть премьера и близость военных катаклизмов не дали в полной мере исторического шанса этому проекту, но не смогли дискредитировать его содержательной стороны, принесшей уже к 1913 г. свои осязаемые плоды.

Таковыми – в сухом остатке – были выводы исследовательской работы специалистов Фонда¹¹, предоставленные (в том числе и в убедительной цифровой аргументации) в распоряжение телевизионного «адвоката» Петра Аркадьевича – Н.С. Михалкова. На этот раз Никита Сергеевич, без излишней театрализации и пафосности, очень точно донёс до зрителя рационально-содержательную суть дела Столыпина, а также его облик как человека порядочного и профессионально ответственного. Взвешенная аргументированность, научная доказательность в сочетании со спокойной уверенностью тона заслуженно сработали на рейтинг премьера, доказав попутно, что профессионально качественная работа историков способна влиять на общественное мнение (при наличии соответствующих «площадок» и при желании ими воспользоваться для продвижения результатов своих изысканий).

Оказавшийся на третьем месте Иосиф Виссарионович по привычке вызвал тревогу и возмущение в рядах интеллигенции, так и не примирившейся с мыслью о том, что после прокатившейся в конце 1980-х – начале 1990-х годов волны разоблачения преступлений сталинизма россияне всё ещё способны связывать имя своей страны с «вождём всех времён и народов». Представляется, что на такой итог голосования повлиял не только и не столько характер исторического самосознания сегодняшних россиян, сколько обстоятельства более актуального порядка. Это и застарелая травма от потери статуса «вели-

кой державы», и осознание демографических, культурных, научных, промышленных потерь первого десятилетия постсоветского времени, и более «свежие» переживания по поводу превращения страны в «керосиновую лавку». Наконец, сказался и выход на авансцену поколений, для которых ужасы сталинизма – или сугубо литературная материя, или – сюжетный фон телесериалов. Не имея не только научных представлений о том времени, но даже простейших культурных и личных ассоциаций с эпохой ГУЛАГа и «великих строек», часть молодого поколения с юношеским максимализмом охотно ловит из нынешнего неряшливого информационного пространства сведения о том, как «крут» был Сталин, как велика была страна и как могуче-грозно государство.

В определённой мере сказался и фактор телепередач и книг Э. Радзинского, чей актёрский темперамент и литературный дар позволили создать (в пику мнениям о «торжествующей серости» и «гениальной бездарности» Сталина) демонический образ ярчайшей, незаурядной личности эпохи, точнее – «князя Тьмы» в окружении бездарностей и трусов. А с демона чего ж взять? Как свидетельствует отечественная литературная традиция, он и обаятельным кому-то может показаться.

Тревогой за подобную аберрацию взгляда россиян на собственное прошлое и стремлением к восстановлению нравственных критериев при оценке государственных деятелей продиктовано нынешнее усиление внимания профессиональных историков к теме сталинизма. За последние 15 лет российские историки и архивисты совершили настоящую «архивную революцию», в ходе которой были опубликованы сотни тысяч документов. От стадии выявления и издания источников по данной проблематике исследователи переходят к комплексному изучению феномена сталинизма. В этом смысле весьма показательна серия «История сталинизма. В 100 томах», предпринятая издательством «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). От работ предшествующего времени книги этой серии (по замыслу участников проекта и по словам генерального директора РОССПЭН, А.К. Сорокина) будет отличать, во-первых, систематичность в представлении основных сторон жизни советского общества 1920–1950-х годов и, во-вторых, новый взгляд на советскую историю в том смысле, что издавать планируется не советологическую классику, а исследования, написанные в последнее десятилетие, авторы которых использовали возможности и достижения той самой “архивной революции”¹². Важной частью проекта станет продвижение его результатов в общественном сознании – 1000 комплектов серийного издания бесплатно поступят в российские библиотеки. Остаётся надеяться, что эти книги найдут своего читателя.

Одним из ярких явлений в этой тематике стала работа международного коллектива авторов, посвящённая вскрытию механизмов, мотивов и технологии «Большого террора» конца 1930-х годов и опирающаяся на значительный комплекс источников не только центрального, но и местного происхождения¹³.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ – ГРАЖДАНСКОЕ – НАЦИОНАЛЬНОЕ:
ИСТОРИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ «ОПТИК»

Научный «ландшафт» исторического знания и национального историописания в России последних лет в целом отличался от предшествовавшего десятилетия большим спокойствием и сглаженностью рельефов, что не исключало наличия дискуссий на исторические темы как в обществе, так и в профессиональной среде. И всё же сенсационные открытия, громкие разоблачения, гневные инвективы, счастливые обнаружения новых героев и новых тем, свойственные эпохе конца 1980-х – 1990-х годов, в России ушли – за редким исключением – в прошлое, вслед за политическими баталиями раннепостсоветского времени. В повестке дня оказалось осмысление уже открытого, углубление и уточнение знаний, новая аналитика и поиск новых средств презентации исторического знания в научной и учебной литературе.

Наглядным примером в данном контексте служит контент-анализ публикаций в Российском историческом журнале «Родина». Эпоха 90-х годов была отмечена неизменным поиском сенсационного «гвоздя номера» и появлением в связи с этим целой серии разоблачительных публикаций на тему большевистского террора, сталинских репрессий, поисков останков императорской семьи, масонских и иных заговоров, а также прочих «жареных» тем. Последнее десятилетие свидетельствует о том, что издание сосредоточилось, во-первых, на взвешенной и углублённой проработке отдельных сюжетов, а, во-вторых, на фронтальной презентации целых периодов отечественной истории. Пример тому – ставшая традиционной серия тематических номеров, последовательно отводимых ключевым этапам формирования отечественной государственности, движения территорий и цивилизационного развития страны в целом. Киевская Русь, эпоха феодальной раздробленности, ордынский период, Московское царство, петровское время, эпоха дворцовых переворотов и др. становились масштабными моносюжетными объектами отдельных «родинских» номеров. Созданные с привлечением наиболее авторитетных академических и университетских исследователей, эти издания в дискуссионной форме ставили ключевые проблемы национальной истории, служа подспорьем (судя по читательским письмам) для тех, кому предстояло сдавать экзамены по истории в школах и вузах, для преподавателей и студентов, наконец, для тех, кто всё ещё интересуется прошлым страны.

Периодически возобновлявшиеся в российской печати дискуссии на тему, есть ли у нынешней власти в России «новая историческая политика», а если есть, то хорошо ли это, получила в журнале любопытное развитие. Стартовавшее в полемике Адама Михника с Львом Аннинским¹⁴ обсуждение степени свободы и ангажированности нынешних историков в России и в странах Восточной Европы (где всё громче, по мнению польского автора, раздаются голоса сторонников реабилитации радикально-националистических деятелей

национальных историй XX века) было завершено репликой главного редактора «Родины», кандидата исторических наук Ю. Борисёнка, упомянувшего о том, сколь разнообразно нынешнее пространство исторического знания в России, где «преспокойно существуют в школах альтернативные учебники истории, разномыслие взглядов остаётся нормой жизни, властных постановлений о единственно правильной трактовке тех или иных событий нет и не предвидится»¹⁵.

Ещё одним отличием последнего десятилетия стало изменение в представлении категории национального в применении к истории России¹⁶. В этом вопросе обратная связь между официальным дискурсом власти и направленностью исторических штудий также оказалась сложной и многоплановой.

Показательней всего в этом смысле выглядела динамика употребления соответствующих терминов в ставших традиционными Посланиях Президента Федеральному собранию. Если в начале первого срока своих полномочий В.В. Путин употреблял по отношению к гражданам Российской Федерации термин «многонациональный российский народ» (как в Конституции 1993 г.), в конце первого срока – «народы России», то в начале второго срока президентства прозвучало и устоялось знаковое для историка и политолога выражение «российская нация». Таким образом, ельцинское «дорогие россияне» обрело (по крайней мере, в государственном проектировании) выраженную тенденцию к большей рациональности и четкости. Особенно, когда дело касалось представлений о соотношении этнического, культурного и конфессионального моментов в поисках национальной идентичности. При этом концепция «российской нации», не слишком подробно артикулируемая властью, всё же становилась понятней из самого контекста государственной практики: не претендуя на чёткость устоявшегося западноевропейского определение «nation-state», она предполагала цивилизационную трактовку этого социополитического и социокультурного явления, а также ориентир на «единство исторической судьбы».

Возможно, такая постановка вопроса «сверху» касательно вопросов формирования российской идентичности представляет собой ответ на «низовые» процессы, подчас приводящие к оскудению содержания подобной идентичности, когда «прилагательное русский призвано автоматически придавать существительному новое значение»¹⁷, что в свою очередь «приводит к образованию “пустых” словесных оболочек, которые получают свою ”начинку” в зависимости от идеологических ориентаций»¹⁸.

Но, вместе с тем, национальная идея как конструкт, ориентированный на социальную мобилизацию и общественное единение, в XXI веке несколько изменила «формат» ожидаемых функций. Одной из примечательных форм рационализации темы поиска национальной идеи (и придания ей большей функциональности в современном обществе) стало продвижение концепта «качества жизни», во многом материализовавшегося в форме стратегии «национальных проектов», ответственным за осуществление которых был назначен будущий

президент России, Дмитрий Медведев. Перевод содержания национальной идеи из сферы исторической мифологии в русло социально-экономической эффективности во многом характеризует отношение современной российской власти к содержанию понятия «национального» в применении к актуальной идейно-культурной ситуации¹⁹.

Будучи продуктом теоретического, политико-культурного и ситуационно-управленческого компромисса, ориентир федерального Центра на «российскую нацию» (единую во всём своём многообразии) в итоге сравнительно спокойно был воспринят на местах. Не без труда достигнутое общее снижение «градуса» этничности в национальных регионах привело и к некоторому успокоению настроений «этновеличия» как в исследовательской, так и в учебной литературе²⁰.

Общей картины компромиссного восприятия реальности не могло нарушить даже ворчание некоторых историков в национальных республиках по поводу неоимперской стилистики державостроительства, обнаруженной ими в программной статье В.В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий»: «Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее». Патриотизм, государственничество и социальная солидарность были определены в тексте президента как составляющие «русской идеи». Самой же этой идее отводилась роль «ключа к возрождению и подъему России», прежде всего, в государственно-политической сфере. При этом историкам и в центре, и на национальных окраинах приходилось, как и раньше, решать задачи «исторического обеспечения» национального самосознания в условиях «двойной идентичности» (как минимум), предполагавшей учёт этноконфессиональных, историко-культурных, гражданских и государственных аспектов подобного самосознания и самоопределения. Идеино-теоретические споры в рамках этой тематики периодически обострялись, ставя в повестку дня темы различения исторической «обиды» и «вины» в историческом восприятии народами друг друга (Борис Межуев), псевдиалога национальных историй, приводящего к обострению конфликтности (Алексей Миллер), «истории успеха» и «примиряющего забвения» как важнейшего психологического фактора (амортизатора шоков) в процессе осмысления собственного прошлого (Леонид Поляков)²¹.

Результаты ускоренного курса на создание собственных этноисторий, (проводимого в 1990-е годы историками национальных государственных образований на территории РФ в дерзкой полемике с федеральным центром) оказались, по мнению ряда аналитиков, за пределами нового исследовательского мейнстрима, предполагавшего отныне более спокойный и конструктивный поиск исторических корней цивилизационной общности народов России²². Отсутствие согласия по базовым теоретико-методологическим аспектам этнонациональной истории, неготовность к полноценному синтезу итогов научных работ в разных исследовательских областях, претензии на широкие обобщения на фоне очередного ухода в краеведческие штудии профессионально ослабили сообщества

национальных историков. По словам наблюдателя, при всех особенностях ситуации в различных национальных исторических корпорациях (или квазикорпорациях), «исследовательский потенциал региональных научных сообществ оказался недостаточным для формирования непротиворечивого и логичного концепта этнической истории регионов, равно как и для паттерна этнической государственности, принципиально отличного от модернизированной версии истории государства российского»²³.

Наблюдатели отмечают, что в последние годы в исследованиях и учебных пособиях, посвящённых прошлому Татарстана и Башкирии, можно заметить «возврат на позиции советской региональной истории, с её политкорректностью и изящным обходом острых углов»²⁴. В качестве другого “последнего окопа” выступает дискурс исторического краеведения, реализованный в последних выпусках школьных учебников по истории Татарстана. Весьма показательным в этом смысле «понижение» градуса этничности в школьных учебниках по истории Татарстана. В изданном в 2000 г. пособии «История Татарстана и татарского народа» повествуется об утрате татарским народом своей государственности и колонизации территории русскими²⁵, в то время как в вышедшем через три года пособии «История Татарстана. XIX век» при перечислении народов, населявших Поволжье, татары идут вслед за русскими, а татарские общественные институты рассматриваются в 5-6 параграфах. О противодействии миссионерской политике и национальном угнетении авторы пособия не упоминают²⁶.

Аналитики отмечают, что ситуацию с написанием национальных историй в национальных регионах на сегодняшний день отличает не только одновременное присутствие исследователей, так сказать, «национальной» и «интернациональной» ориентации, но и внутренний раскол в среде тех и других по ряду принципиальных вопросов. Впрочем, присутствие полемики – показатель жизнеспособности сообщества, изрядно обескровленного в прошлое десятилетие умозрительными стараниями непременно удревить собственные корни или возвести их к наиболее «респектабельным» историческим предкам (к примеру, шумерам!).

Сходные процессы, по мнению исследователей, можно наблюдать и в других регионах Российской Федерации, «отмеченных клеймом этнической государственности». Безусловно, свои особенности существуют на Кавказе и на Севере, в республиках волжского правобережья. Однако «общей приметой сообществ, отдающих дань этнонациональным парадигмам общественности, возогнанным до степени государственной идеологии», остаётся перенапряжение интеллектуальных сил и явные методологические трудности соотнесения этноистории как сферы краеведения, этнологии, антропологии и культурологии с обобщающим цивилизационным подходом, каковой охотно заявляется национальными историками, но подчас лишь ритуально присутствует в их исследованиях – как дань постсоветской научно-теоретической реальности.

Как пример иного, весьма перспективного научного подхода можно привести труды доктора исторических наук М. Блиева, чьи полемически заострённые работы традиционно вызывали и вызывают споры историков, занимающихся кавказоведческой тематикой. Осуществив уникальное, по сути трансдисциплинарное исследование, совмещающее в себе приёмы классической исторической науки, культурологии, культурной антропологии и религиоведения, автор предлагает новый комплекс приёмов и инструментов, используемых для понимания внутренних и внешних обстоятельств исторической и актуальной «особости» такого уникального социокультурного явления, каким стал Северный Кавказ в истории России и Евразии в целом²⁷. Работы Блиева – наглядный пример того, как национальный историк, оставаясь представителем интересов своего народа и носителем его традиций, способен мыслить универсально и ответственно, будучи интеллектуально свободным от провинциальной ущербности и воспалённой этничности в трактовке историко-политических коллизий на Северном Кавказе.

Не избегая острых тем, исследователь чётко проводит деконструкцию многих мифов, исторически сложившихся вокруг событий Кавказской войны и отношений народов Кавказа с центральной властью и российской государственностью в целом. Не вынося приговоров «задним числом» и не погружаясь в «национальные скорби», М. Блиев идёт по конструктивному пути написания истории, свободной от манипулирования образом врага (будь то российский император, русский генерал или «сосед» по этнической карте Кавказа).

Особое место в работах национальных историков последних лет по праву занимает вышедшая за два года до российско-грузинского конфликта 2008 г., монография исследователя, посвящённая Южной Осетии в исторических коллизиях России и Грузии²⁸. Углубляясь в истоки застарелой конфликтности в регионе, работа Блиева политологична без навязчивой политизации темы. Она написана жёстко и критично в отношении исторического поведения государственных и политических элит России и Грузии, в XVIII – XIX веках заложивших ряд «долгоиграющих» механизмов воспроизведения конфликтных ситуаций. Травмированное национальное самосознание и комплекс исторических «обид» исследуется автором не в целях поиска «крайнего», а в режиме этики понимания и предоставления полноценной профессиональной экспертизы, столь необходимой для принятия адекватных моменту государственных решений.

Тема цивилизационного и культурного освоения Кавказа в рамках российской государственности – ярко, предметно и в лицах – получила своё воплощение в работах Д.И. Исмаил-Заде. Автор обратилась к убедительным и поучительным примерам продуманной, ответственной, культурно состоятельной политики Российского государства на Кавказе в лице Кавказского наместника, графа И.И. Воронцова-Дашкова²⁹.

Северокавказской тематики в контексте национального историописания в значительной степени касается и работа Л.С. Гатаговой, также носящая тран-

сдисциплинарный характер и посвящённая анализу такого сложного явления, как исламофобия в России³⁰. Методологически точно делая различие между двойственным содержанием социальных фобий в «национальном измерении» (как «страха» и как «ненависти»), автор выявляет истоки настроений фобийности в отношении ислама и мусульман, а также пути их трансляции в России на протяжении столетий сосуществования православной паствы и мусульманской уммы в едином пространстве российской государственности. Касаясь современной ситуации, Л.С. Гагагова обращает особое внимание на роль исламофобии как медийного продукта, инструмента манипулирования общественным сознанием, охотно используемого недобросовестными СМИ и профессиональными имиджмейкерами. Отмечается и тот факт, что «в ретрансляции фобийных установок участвуют также исследователи, пытающиеся рационализировать данный феномен»³¹.

Интересный ракурс присутствия исламской тематики в современной российской историографии даётся в статье Р. Шукурова³². С позиций историко-культурологического анализа феномена автор исследует «облик исламского интеллектуализма на территории Российской империи» на примере футурологического проекта крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского, благодаря которому мусульманство в России «впервые заявило о себе как о зрелой культурной силе»³³.

Итог полевых исследований северокавказских сюжетов, осмысленных с позиций комплексного междисциплинарного анализа (на стыке исторической науки, религиоведения и культурной антропологии) представляет собой работа Н. Емельяновой³⁴.

Ценность и новизна упомянутых исследований состоит, на наш взгляд, в том, что подсказывает пути к воспроизведению неконфронтационных картин совместного исторического прошлого народов поликонфессиональной и полиэтничной России путём обращения, прежде всего, к темам культуры, религии, истории ментальности и цивилизационного контакта. Именно эти стратегии облегчают создание учебных пособий, в которых подчас так трудно, но жизненно необходимо соблюдать разумный и этически полноценный баланс федерального и регионального «компонентов».

КУРС НА «ПОЗИТИВНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ» - ЦЕЛИ, СРЕДСТВА И СФЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Однако не только указанный баланс «компонентов» выступал в последние годы как интеллектуальный и профессиональный вызов создателям учебных пособий, этой традиционно проблемной сферы в системе воспроизводства исторических знаний. Контекстуальность, воздействующая на интерпретации событий прошлого в не меньшей степени, чем «историческая политика»

государства, влияла и влияет на формирование образов прошлого в учебной литературе, вызывая подчас острую полемику в обществе, в печати, в профессиональной среде. Пример тому – споры вокруг двух книг для учителя, появившихся в середине 2007 г. и предназначенных в качестве концептуальной основы для разработки адресованных школьникам учебников – “Новейшая история России. 1945—2006” А.В. Филиппова и “Обществознание: глобальный мир в XXI веке” под редакцией Л.В. Полякова. И пособие для учителей Филиппова и созданный позднее на его основе учебник (А. Филиппов, А. Данилов, А. Рыбкин) “История России. 1945-2007” лидируют в печатных СМИ и в Интернете по количеству критических отзывов. И вместе с тем по решению коллегии Министерства образования (от 26 декабря 2007 г.) они были включены в новый федеральный перечень учебников по новейшей отечественной истории. (Уточним: ставший одиозным учебник будет использоваться в образовательном процессе, если российские школы выберут его из списка, включающего более 20 учебников по отечественной истории).

Какие особенности указанных учебных пособий вызвали более всего критических отзывов?

Если обратиться к содержательной стороне упомянутого нарратива, то это, прежде всего, апология изоляционизма, характерного для советской эпохи, оправдание насильственной коллективизации как средства обеспечения индустриального роста, обоснование ускоренной модернизации как высшей цели, достигаемой «любой ценой», трактовка ГУЛАГа как досадного, но побочного продукта эффективной сталинской политики, объяснение террора стремлением верховной власти «не потерять контроль над страной», трактовка концепции «суверенной демократии» как оптимального формата политического режима для современной России.

В теоретико-методологическом отношении критические отзывы вызвали ориентиры авторов на представление о безвариантности путей исторического развития страны (своего рода мировоззренческий фатализм), стремление доказать непосредственную преемственность между до- и послереволюционной историей России в режиме апологии авторитаризма и имперской державности.

Очевидно, пониманием того, что тезис о Сталине как «эффективном менеджере» с неизбежностью вызовет острую реакцию у представителей самых разных общественных сил, вызвана поясняюще-примиряющая интонация в том месте учебника, где даётся обобщающая трактовка роли сталинизма в истории страны: “Особый драматизм и напряженность советскому периоду сообщали особенности личности Сталина (...). Однако влияние психологических особенностей Сталина на политико-экономическое развитие скорее было вторичным по сравнению с ролью объективных обстоятельств. Реализация ускоренной модернизации страны требовала соответствующей системы власти и формирования управленческого аппарата, способного реализовать этот курс. Во многом эти причины поясняют характер осуществленного Сталиным переворота,

ставшего по масштабу “революцией сверху”³⁵. (Отметим, однако, что на фазе переработки пособия для учителей в учебник для средней школы, авторы отказались от главы о роли личности Иосифа Сталина и от политических оценок других советских лидеров).

В итоге неосталинизм позиций Филиппова-Данилова вызвал критику не только в либеральных СМИ и в среде правозащитников, но и в кругах научного сообщества, усмотревшего в трактовке исторического материала очевидные натяжки: это и некорректная, искусственно осуществляемая периодизация, разрезающая историю России-СССР по рубежу 1945 г. (доктор исторических наук А. Шубин), и научная несостоятельность общей концепции, созданной в режиме грубой «политтехнологической разработки» (доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН Владимир Лавров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН Игорь Курляндский), и странности «династической» периодизации отечественной истории по годам деятельности генсеков и президентов (проф. Е. Сергеев, автор учебника по новейшей истории зарубежных стран), и многое другое.

Вернуться к научному измерению преподаваемого школьникам исторического материала призвал доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН А.Н. Сахаров, когда в беседе с ведущим программы «Диалоги» (15.09.2008) выразил своё желание, дабы учёный, создающий учебную литературу, способствовал тому, чтобы «объективные, спокойные, не ангажированные, не идеологизированные, а именно научные сведения о нашей истории стали предметом изучения в вузах, в школах».

На сегодняшний день специфика ситуации состоит в том, что уход от научности в пользу неосталинистского «позитива» и авторитарного «патриотизма», продемонстрированный авторами упомянутых учебных пособий, по сути своей не отражает базовых идейных установок власти. Об этом свидетельствуют неоднократные высказывания В.В. Путина о неприемлемости в современных условиях «форсированной модернизации» как целевой установки государства, а также ряд его возражений против концепта «суверенной демократии», периодически озвучиваемого в верхних эшелонах политтехнологов. Не в пользу авторской апологии изоляционизма свидетельствуют и высказывания Дмитрия Медведева о недопустимости возрождения «железного занавеса», о важности учёта социальной «себестоимости» при оценке эффективности реформ и о традиционном государственном патернализме как «весьма неоднозначном национальном опыте»³⁶.

Поэтому, на наш взгляд, не надо тревожиться по поводу внешних проявлений «успеха» упомянутых учебных пособий (министерские грифы и рекомендации, значительный тираж и т.п.). Несмотря на востребованность властью позитивного образа исторического прошлого страны, идейный посыл и дидактический формат, предложенные в работах Филиппова и Данилова,

существенно отличаются, на наш взгляд, от позиций самих носителей верховной власти. К тому же нынешняя ситуация с преподаванием истории в школе и в вузах пока далека от принудительной ориентации на некий моноучебник. Скорее, в ней отражаются неоднозначные последствия эпохи 1990-х годов, когда позитивные процессы создания идейно и тематически разнообразной учебной литературы соседствовали с появлением значительного числа методически и содержательно непроработанных учебников, дезориентирующих и учителей, и учащихся своей неспособностью обеспечить необходимый объёмом и надёжное качество знаний³⁷. Именно на этом обстоятельстве концентрировал внимание Д. Медведев в выступлении на встрече с представителями деловых кругов по реализации приоритетного национального проекта «Образование» (14 апреля 2006 г.), когда положительно отзывался о плюрализме существующих образовательных программ, но сетовал на недостатки методологической их проработанности³⁸.

Стремлением обеспечить уровень знаний, соответствующий новым образовательным стандартам, объясняется появление в России целого ряда добротных учебных пособий (школьных и вузовских), созданных историками из академической и университетской среды и рассчитанных (по замыслу авторов) на понимающее, ценностное восприятие прошлого с учётом новейших исследовательских разработок. Подготовленные на основе современных документальных публикаций, эти пособия включают темы, которые ранее в учебной литературе не освещались³⁹.

Стремление же власти к формированию «позитивной идентичности» (что по сути означает гражданскую идентичность) и воспитанию уважительного, заинтересованного отношения новых поколений к собственному прошлому, как свидетельствуют современные дискуссии, вполне достижимо не в режиме апологии тех или иных государственных деятелей прошлого, а путём обращения к сфере широко понимаемых культурных достижений. Именно такой точки зрения придерживается доктор исторических наук Л. Фадеева, когда говорит о необходимости пересмотра образовательной концепции истории, нацеленной на создание «позитивной идентичности» «исключительно за счёт политических компонентов истории» в ущерб содержательным сферам социальной и культурной истории, истории повседневности, истории ментальности, выступающей пока в лучшем случае «в качестве довеска»⁴⁰.

Что касается преподавания истории государства, то об этом (от лица части академического сообщества, приобщённого к созданию новых учебников) достаточно корректно и показательно высказался заместитель директора Института всеобщей истории, специалист в области древнерусской истории Игорь Данилевский: «Президентская республика Российская Федерация – государство совсем молодое, ему от роду чуть более полутора десятилетий. России как государству полиэтничному и поликонфессиональному безусловно необходима объединяющая идея, государственная идеология. И в формировании этой идео-

логии немаловажную роль может сыграть история – но история не государства, (наше государство не является преемником Киевской Руси или, скажем, Московского царства), а история государственности, история властных институтов, история этносов и культур. Изучая её, граждане России смогут лучше ориентироваться в переменах, которые переживает наша страна сегодня, и принимать вполне осознанные политические решения, не позволяя манипулировать собой при помощи исторических образов и символов»⁴¹.

С темой создания «позитивной/гражданской идентичности» в пространстве коллективной исторической памяти оказались связаны недавние дискуссии вокруг нового праздника – Дня народного единства⁴². Отметим, что идея праздника обсуждалась с привлечением специалистов по отечественной истории и вызвала неоднозначные отклики печати. Задуманный как продолжение одной из линий историко-культурного дискурса 1990-х, нацеленного на гражданское примирение, общественную консолидацию и «избывание» революционности, новый праздник всё же вызвал неоднозначную реакцию, поскольку исторически и риторически был соотнесён с событиями 1612 г., трактуемыми как «освобождение Москвы народным ополчением от польских захватчиков». Ряд либеральных СМИ обнаружил в этом новый источник конфронтационности с Западом. Но некоторые наблюдатели увидели в этом временном приурочивании нового праздника к ноябрю (в прозрачной близости к традиционной советской дате годовщины Октябрьской революции 7 ноября) вполне здравый замысел властей – в привычное время года праздновать не годовщину национальной катастрофы 1917 г., а памятную дату преодоления прежде всего внутренних раздоров и разрухи «Смутного времени». Именно это имел в виду публицист Виктор Бондарев, часто пишущий на исторические темы, когда отметил инициативу властей как очень удачную идею. И дело, естественно, не в поляках, ибо наступившая Смута была «куда больше похожа на гражданскую войну, чем на интервенцию». Актуализируя историко-информационный повод, публицист прямо заявил в адрес либеральных критиков инициативы властей, что «на фоне многолетних причитаний по поводу гражданского общества в России монумент Минину и Пожарскому является доказательством того, что на самом деле ситуация у нас не хуже, чем на Западе. И «гражданское общество» (или то, что было тогда его историческим прообразом) уже лет 400 тому назад оказалось способным не только организовать повседневную стабильную жизнь, но и совершить выдающийся подвиг самоорганизации от захватчиков, но и монумент гражданственности, русской способности и готовности к обретению свободы»⁴³.

С интервалом в год другой публицист, Л. Аннинский, несколько снизил пафос историко-гражданской апологии нового праздника оправданностью его «бытовой» уместности («всемирные праздники должны отмечаться дважды в год вовсе не по политическим соображениям, а по психологическому и природному ритму»). Впрочем, и он отметил важность уже состоявшейся культурной рефлексии на тему событий 1612 г. и именно в области актуального историчес-

кого сознания как ретроспективной интерпретации усмотрел обоснованность нового праздника⁴⁴.

На другом полюсе, противоположном праздничной тематике, обнаружилось яркое, но замкнувшееся на самом себе (по причине выраженной авторской монологичности) явление – книга доктора исторических наук Валерия Соловья «Русская история: новое прочтение» в сопровождении многочисленных выступлений автора в СМИ. Poleмические публикации в печати по этому поводу носили не столько характер дискуссий, сколько способ декларации участниками своих позиций согласия или несогласия с автором. И это не случайно. Позиция автора парадоксально непротиворечива в радикальности своих суждений, поскольку оперирует не столько языком научных доказательств, сколько яркими образами и многозначительными в устах историка метафорами «крови и почвы», «голоса крови», «витальной силы», «имперского Танатоса», «русского рока», «социального термояда», «кризиса русскости», «инстинкта волчьей стаи» и т.п. При этом автор в полной мере владеет научным дискурсом, однако для описания волнующей его проблематики активно использует приёмы публицистики с примордиалистским уклоном. Неслучайно одним из наиболее удачных его выступлений в печати стала беседа с обозревателем журнала «Родина», публицистом Львом Аннинским⁴⁵.

Опираясь на исходный постулат первенства этничности (в биологическом значении своих базовых характеристик) как уникального механизма трансляции врожденных, присущих данной биологической группе социальных инстинктов восприятия и действия, В. Соловей трактует русскость не как культуру (или веру, или язык, или самосознание), а как «кровь», в смысле — генетическую и биохимическую конституцию. Именно она и свойственна народу, создавшему когда-то уникальную имперскую государственность, заплатившему за это наивысшую цену, надорвавшемуся под этой ношей и ныне драматически (но подсознательно) осознающему свой надлом, оскудение и деградацию молодых поколений. В этих условиях вынужденной панацеей для народа-жертвы становятся настроения изоляционизма и радикального национализма, причём национализма опрощённого, замешенного на «биологии» и «генетике».

Характерно, что апокалиптичность картин будущего и катастрофичность картины настоящего (подпитываемые сформировавшейся в 1990-х годах болезненной рефлексией ряда историков и публицистов на темы 1) революционных катастроф начала XX века и 2) недавней драмы распада советской государственности) вызывают у автора трагико-героический энтузиазм. Это настроение проявляется в главном тезисе: «новое варварство» и «триумф крови» над «почвой», состоявшиеся в России, открывают подобную перспективу и остальному миру. «Происходящее в России, – уверен В.Соловей, – отчасти носит авангардный, опережающий мировые процессы характер (...), только ленивый на Западе сейчас не говорит о закате демократии, конце либерализма, сносе наследия Просвещения (...). Возможно, на исходе XX века Россия вновь опередила ми-

ровое время, как опережала его в начале века»⁴⁶. Суровый энтузиазм историка вызывает и перспектива «исторического творчества», в результате которого произойдёт «трансформация русского народа» и состоится «рождение новой русской нации». «Её родовые муки облачены в форму традиционной русской Смуты, а появляющееся на свет создание похоже на «неведому зверушку».

Всерьёз встревоженного столь сомнительной биологической перспективой Льва Аннинского Валерий Соловей успокаивает надеждой, на то, что «даже мутировав, русский организм в своих глубинных основаниях должен остаться прежним. Если, конечно, ему удастся выдержать очередной и крайне жестокий экзамен истории». В ответ публицист, не вступая в спор с историком, задаёт по поводу книги Соловья ряд риторических вопросов, очень точно маркирующих границы выхода автора «нового прочтения» русской истории за пределы поля научного познания: «Как можно обсуждать то, что фатально? Как можно смириться с «голосом крови» и покинуть тысячелетнюю русскую почву, если почву человек может выбрать, а кровь достаётся без его воли? Как можно идти на «экзамен истории», не зная, что из твоих знаний реально, а что отменено таящейся в биологической бездне непредсказуемостью?»⁴⁷...

Звучным аккордом национально-исторической проблематики в медийном исполнении стал фильм «Гибель империи. Византийский урок», созданный наместником московского Сретенского монастыря архимандритом Тихоном (Шевкуновым) и показанный на государственном канале «Россия» 30 января 2008 г. Традиционная тема «третьеримской» преемственности России от Византии получила в картине драматическое звучание: это более чем урок, скорее – грозное предупреждение, пророчество, построенное на прямых аналогиях краха Восточно-Римской, Российской и Советской империй под натиском «корыстного Запада» и «внутренних врагов». Но основной адресат «послания» о.Тихона – современное российское общество и государственная власть, коих фильм призывает оценить реальность угрозы, исходящей от неизменных (и в средние века, и в наши дни) «олигархов», «мировой закулисы», «прозападнической интеллигенции», «утраты внутренних рычагов управления державой» и пр.

Реакция прессы на фильм была бурной, вскоре, по отечественной традиции, удалившись от главного информационного повода в сторону поиска исторических ошибок и культурологических «натяжек» со стороны создателей текстовой части и видеоряда картины⁴⁸.

Показательной стала реплика председателя Отдела внешних церковных связей, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (ныне – Патриарха Московского и Всея Руси) на телевизионный фильм, не являющийся «официальной точкой зрения Церкви». «У Церкви вообще не может быть официального комментария к истории», а потому «каждый человек в рясе имеет право на своё собственное толкование истории, но оно не будет являться официальным», – уточнил владыка Кирилл в интервью для «Интерфакса» 20 февраля 2008 г.

Не вдаваясь в тонкие византологические и злободневные политологические дискуссии, спровоцированные фильмом, хотелось бы отметить главное. Это – значимость самого обращения автора к тематике гибели империй как цивилизационного феномена, к проблематике трансляции (и мутации) наследственных черт в истории российской государственности, к попытке вписать национальную историю в широкий мировой контекст. И пусть в исполнении Тихона Шевкунова этот контекст оказался откровенно конфронтационным, а лексика – нарочито осовремененной («стабфонд», «преемник», «оборонка», «олигархи», и т.д.). Рискнём утверждать, что «побочный» продукт этой медийной, проектной акции (имеющей свой неплохой сайт в Интернете) оказался важнее прямого (слишком прямого!) «послания». Так, судя по письмам читателей журнала «Родина» и отзывам его постоянных авторов, зрительская масса легко отсекала грубоватый идеологический формат фильма, обнаружив для себя удивительный мир мультикультурности, тонкого эстетизма и изошрённой духовности Византии, этой православной «Атлантиды», погрузившейся в воды забвения или ложного узнавания. Общественный интерес к фильму, созданному «человеком в рясе», выявил и явный факт нехватки выразительных, интересных, не боящихся широких обобщений и обвинений в «популярности» работ профессиональных историков, работ, посвящённых исторической «генетике» цивилизационной судьбы России и «русской нации».

Отказаться от высокомерного отношения к медийному феномену «Византийского урока» призвали и представители научного сообщества, когда обратили внимание на важность исследования «деформаций исходной модели» и её последствий: «Византия погибла, когда от начала вступления на престол Константина Великого минуло 1147 лет. История России от образования древнерусского государства насчитывает уже 1146 лет. Время задуматься о византийских уроках...»⁴⁹.

НОВЫЙ АКАДЕМИЗМ – МЕЖДУ «АПОЛОГИЕЙ САМОБЫТНОСТИ» И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬЮ КРИТЕРИЕВ

Последнее десятилетие в профессиональной среде было отмечено выходом в свет ряда энциклопедических изданий по российской истории и процесс этот нарастает, свидетельствуя самим своим жанром о тенденции к некоторой систематизации и обобщению материала в рамках национального историописания⁵⁰. Обращение к энциклопедиям как своду устоявшихся знаний по национальной истории позволяет многое прояснить в области актуальной методике, характера интерпретаций и особенностей языка современной исторической науки в России.

Так, вышедшая в свет в 2005 г. энциклопедия «Общественная мысль России XVIII – начала XX века»⁵¹ добавила новые, характерные для современной

ситуации смыслы в трактовке энциклопедического подхода к изложению исторического материала. В издании, состоящем из 300 статей, мы находим не только систематизированное изложение огромного количества направлений, концепций и идей, составлявших уникальную по насыщенности палитру дореволюционной российской общественной мысли, но и историю отечественной науки (в том числе и новейшего времени), изучающей движение этой мысли. Собрал под одной обложкой наиболее квалифицированных в своей области авторов, к тому же, принадлежащих к разным научным поколениям, это издание в значительной степени отразило состояние национальной исторической школы (при всей условности такого обобщающего определения), изучающей историю общественной мысли и способной в определённой мере влиять на современную идейно-политическую рефлексию в обществе и во властных структурах.

Сразу бросается в глаза, что это очень русская, очень российская энциклопедия. И дело здесь, разумеется, не в этноцентричности взгляда авторов и составителей, ибо тексты статей дают довольно полное представление о многонациональности культурных и интеллектуальных источников, питавших такое сложное и полифоничное явление, как общественная мысль России. Всё дело – в особенностях исследовательской «оптики», в личной «включённости», в авторской тональности (столь свойственной нашей исторической науке последних лет), а также, разумеется, в том, то в России история идей, понятий и терминов – материя очень живая. Она неизменно актуализируется особенностями момента и никак не хочет уйти в «книжное», академически освоенное прошлое. Возможно, поэтому довольно живо читаются статьи по таким строгими (априори теоретизированными) сюжетам, как «Либерализм», «Консерватизм», «Парламентаризм», «Конституционализм». Этот коллективный труд позволил пересмотреть национально-исторические особенности взаимоотношений между общественным сознанием, властью и интеллектуальным осмыслением этой коллизии. Издание во многом вернуло российской общественной мысли (читай: мысли представителей всех народов, населявших дореволюционную Россию) её «человеческое измерение». Авторы энциклопедии предложили своё прочтение того национального наследия, которое в своей совокупности до сих пор формирует интеллектуальное достояние нации, расширяя тот самый Русский мир, о котором сейчас так много стало говориться в связи с президентской культурной инициативой⁵².

На этом фоне несколько удивляет отсутствие в энциклопедии статей, анализирующих такие понятия, как «политическая культура», «национализм», «монархизм» и «социализм». Отметим: сами эти явления как параметры и объекты интереса отечественной общественной мысли, безусловно, присутствуют в текстах, посвящённых тем или иным доктринам, идеологиям и персоналиям. Возможно, отсутствие некоторых тем продиктовано замыслом составителей? Попробуем угадать логику этого замысла. К примеру: политическая культура как определённый тип реагирования на вызовы времени была присуща россий-

скому интеллектуальному и общественному дискурсу, однако само это словосочетание не было в широком ходу. Национализм как политически и культурно отрефлексированное явление не был в центре (так сказать, в «мейнстриме») общественной полемики дореволюционной России за исключением сравнительно короткого периода конца XIX – начала XX века. Монархизм же как государственная реальность столь глубоко пронизывал всю генетику социума и общую атмосферу политического официоза, что не нуждался, казалось бы, в отдельном представлении...

Возможно, сама концепция энциклопедии сознательно отстранялась от западных критериев подобных изданий, в центре которых, как правило, находится классический политологический канон, а не особенности его национального (локального) наполнения. И здесь мы подходим к очень интересной особенности современного отечественного россиеведения, отразившейся в упомянутом издании, но свойственной и значительному количеству других весьма добротных публикаций, в той или иной мере касающихся истории общественной мысли, политических течений и движений, а также политико-культурных тем самого широкого звучания⁵³.

Эпоха экстравертного исследовательского азарта 1990-х, когда обнаружились возможность и желание вернуться в лоно мирового (читай: западного) теоретического и методологического мейнстрима, сменилась более спокойными и интровертными настроениями. Одним из последствий этого процесса стала подчас артикулируемая (но чаще пребывающая в методологическом подтексте) позиция историков, в рамках которой изучение, оценка и дефиниция того или иного идейно-политического явления исходят не из общетеоретического политико-культурного канона, выработанного столетиями западной научной мысли (при всей дискуссионности тех или иных конкретных канонов), а от специфики отечественной реальности. Что из этого следует? Как правило, то, что либералами, консерваторами, националистами и социалистами называются (и как таковые исследуются) те, в ком современники видели таковых. Это означает принятие и признание репутационности как ключевой характеристики соотношения идейно-политического течения и его носителя. Ряд интересных размышлений над этими особенностями современной отечественной историографии общественной мысли в России содержится в работах представителей нового поколения российских исследователей⁵⁴.

Нам же представляется необходимым особо отметить тот симптоматичный факт, что в российской общественно-политической истории и в анализирующей её науке на сегодняшний день очень характерно бытование представлений о репутационных либералах, репутационных консерваторах, репутационных националистах и пр. Именно поэтому столь неслучайно (впрочем, вполне корректно с методологической точки зрения) в исследованиях, авторы которых придерживаются подобной позиции, речь идёт именно о русских либералах (а не о либерализме в России), о русских консерваторах (а не о консерватизме в

России) и т.д.⁵⁵ В определённой степени, хотя и несколько опосредованно, это отражает нынешнее состояние усмирённого политического театра России начала XXI века, где все идейные роли и мировоззренческие амплуа устоялись, освободившись от излишней рефлексии и полемики по поводу собственной политико-культурной идентичности.

Возвращаясь собственно к исторической науке, подчеркнём, что такой подход, весьма распространённый в современной российской историографии, де факто дистанцируется от поиска универсальных критериев соотнесения российских реалий с западной историко-политологической терминологией, а также от выяснения соответствующих идейных референтных групп. Однако такой исследовательский ракурс может оказаться достаточно плодотворным, поскольку феноменологически подходит к объекту анализа и существенно углубляет специфические познания о конкретном предмете, не стремясь «заточить» специфику российских идейно-политических явлений под общеевропейский теоретико-доктринальный формат.

Представляется также, что в подтексте подобного подхода – усталость от «цивилизационной критики», коей полнился целый комплекс работ на тему российской общественной мысли, характерный для эпохи 1990-х годов. Вместе с тем, это и не прямая «апология самобытности» со всеми присущими ей антизападническими настроениями. Достоинство подобного отношения к объекту исторического исследования очень точно определил доктор исторических наук В.В. Журавлёв, сформулировав его как возврат к представлению о «самоценности идейного наследия российской цивилизации». Причём эта самоценность трактуется не только и не столько как итог отвлечённо-академического изучения объекта, но как обоснованная временем и опытом уверенность в том, что ряд национальных особенностей российской интеллектуальной истории может оказаться вполне актуальным и востребованным на нынешнем «рынке» идей и смыслов.

Заслуживающим упоминания явлением в восприятии и трансляции читателям национальной истории за последние годы стало особое отношение авторов и издателей к иллюстративному ряду. В ряде изданий, в том числе и периодических, иллюстрация перестала быть чем-то второстепенно-вспомогательным (вроде развлечения или приятного украшения), сделавшись частью системы доказательств. Кропотливо выявленный, квалифицированно отобранный и точно выстроенный изобразительный ряд превращает историческую фотографию, картину, рисунок или иной визуальный объект из «вещи в себе» в «вещь для нас». Таким подходом к исторической иллюстрации отличаются альбомные издания с присутствием серьёзной текстовой части⁵⁶, а также исторический журнал «Родина», иллюстративная концепция которого предполагает особое отношение к изобразительному материалу, а также стремление органически сопрягать текстовую и визуальную часть материалов. Особая журнальная рубрика «Ракурс», благодаря постоянному творчес-

кому контакту с сотрудниками РГАКФД, вот уже много лет демонстрирует уникальные преимущества визуально-образного способа постижения ряда особенностей национальной истории.

В факте нового отношения историков и исторических изданий к визуальному ряду можно заметить также очень своевременное стремление к корректному, научно выверенному воспроизведению образов исторических эпох, стремление, усиливающееся по мере «гламуризации» и «попсовения» картин прошлого в нарастающей волне псевдоисторических телесериалов и литературного кича.

Итак, определение понятия «национального» в применении к созданию образа прошлого в последние десять лет пребывало в проблемном поле историко-культурной рефлексии по поводу конструирования национальной идентичности в многонациональной стране. Стилистически меняющийся, внутренне неоднозначный дискурс власти по части идентификации русского/российского народа/народов на историко-географическом пространстве начала XXI века традиционно обращался к историческому знанию и образам исторической памяти как важным аргументам в легитимации позитивной картины настоящего.

На особенности национального историописания в России последних лет определённое воздействие оказывают два фактора, зачастую вступающих в противоречие: 1) новая западническая стилистика и рационализирующая риторика в описании образа государственности (власть презентует себя как власть-технолог, власть-проектировщик социальных процессов); 2) параллельный рост тенденции (наметившийся в позднеельцинскую эпоху) к имперскому стилизаторству в оформлении исторического и актуального образа страны и её власти (вне зависимости от реальных политико-культурных характеристик той или иной формы государственности). В этом амплуа история выступает как стратегический ресурс разных тактик обоснования государственной преемственности по линии «прошлое-настоящее-будущее».

Профессиональное реагирование корпорации историков (если, конечно, данный термин можно приложить к этой весьма аморфной в структурном отношении части российского научного сообщества) на общую ситуацию в стране и на импульсы власти имеет ряд особенностей в зависимости от того, имеем ли мы в виду «центр» или «периферию», русских/российских авторов или же представителей этнонациональных российских историографий (Поволжья, Северного Кавказа и др.). Для первых профессиональное поведение строится в многостороннем диалоге с источником, теоретическими новациями, собственным исследовательским интересом и «проектным мышлением» власти. Для вторых к этому прибавляется выстраивание отношений с местной национальной элитой в ходе постепенного преодоления того «перегрева» этновеличия и искусственного «удревнения» этноистории, которые имели место в ранние постсоветские годы. В этом случае история (как общероссийская, так и этнонациональная) выступает одновременно как контекст инкорпорирования историков в научную и общественную жизнь современной России.

Отметим и внутренние – собственно научные – аспекты перемен в профессиональной работе создателей национальной истории. В первое десятилетие XXI века исследователи вплотную столкнулись с проблемой поиска своего места в трансдисциплинарном пространстве современной гуманитарной науки как в России, так и в мире. Теоретико-методологические «дефолты» 1990-х годов, некритичное (наспех, на слух) освоение западных концепций, азарт от возможности лихо использовать «заёмную мудрость» был, увы, «национальной особенностью» многих работ российских историков того времени. (Впрочем, подобными особенностями грешили коллеги на всём постсоветском пространстве). Неудивительно, что конкурентоспособность историков в осмыслении национальной истории (в диалоге с современными социологами, этнографами, культурологами, политологами и филологами) в процессе освоения этого трансдисциплинарного пространства становится задачей дня. В рамках её история выступает как объект дизайна новых научных подходов.

В 1990-х гг. вопросы культуры выпали из сферы внимания историков под натиском политической озабоченности; в последнее время наметился возврат не только к культурной проблематике, но и к культурной адаптации исторического знания в повседневности. Это ещё не искомая культуроцентричность как вектор создания национальной истории и учебных пособий, представляющих её новым поколениям, но подступы к ней. Сомнительные достоинства, огорчительная посповость и явный пропагандистский характер некоторых историко-культурных инициатив (телесериалы на историческую тематику, соответствующий кинематограф и псевдоисторическая литература) не должны подвергать сомнению главное – объективную ценность восстановления историко-культурной заинтересованности как одного из средств оздоровления межнационального и межконфессионального климата в стране. Здесь история способна предоставить широкий репертуар ценностных ориентиров для общества, власти и личного культурного пространства жителей России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Под ред. Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999.

² Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Там же. С. 309.

³ Олейников Д., Филиппова Т. Как распорядиться «общим» наследством? // Там же. С. 339 – 340.

⁴ Вестник актуальных прогнозов «Россия: Третье Тысячелетие». 2000, № 1. С. 9.

⁵ Булдаков В. Добрый отец для братьев Карамазовых // Вестник актуальных прогнозов «Россия: Третье Тысячелетие». 2000. № 1. С. 10 – 11.

⁶ Там же. С.11.

⁷ Филиппова Т. «Возможно, именно наши мифы помогут власти преодолеть нынешний ценностный хаос» // Вестник актуальных прогнозов «Россия: Третье Тысячелетие». 2000. № 1. С. 15 – 16.

⁸ Опрос был проведён в апреле 2000 г. сотрудниками журнала «Родина» и опубликован в приложении «Вестник актуальных прогнозов «Россия: Третье Тысячелетие». 2000. № 1. С. 20 – 29.

⁹ См.: Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 301 – 303.

¹⁰ См.: Программа реформ П.А. Столыпина. Документы и материалы. М., 2002; П.А. Столыпин. Грани таланта политика / Фонд изучения наследия П. А. Столыпина, Рос. гос. ист. Архив ; [под общ. ред. П. А. Пожигайло]. – М. РОССПЭН, 2006.

¹¹ См., к примеру, подготовленную в рамках деятельности Фонда изучения наследия П.А. Столыпина монографию: Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908 – 1910) М.: РОССПЭН, 2008.

¹² Из интервью А.К. Сорокина журналу «Родина» (2008. № 1). См., к примеру: Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940 – 1953. М., 2008; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008; Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы и др. монографии этой серии.

¹³ Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД №00447. М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008.

¹⁴ См.: Родина. 2006. №6. С. 9 – 15.

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Динамическое соотношение категорий «национального интереса» как «гражданского и правового целого» и государственных приоритетов (в их содержательной иерархии) подробно анализируется в коллективной монографии «Россия: государственные приоритеты и национальные интересы» М., 2000.

¹⁷ Зверева Г.И. «Присвоение Прошлого» в постсоветской историографии России (дискурсивный анализ публикаций последних лет) // НЛЮ. 59. 2003. С. 540 – 556.

¹⁸ См.: Кратасюк Е. Кутузов в «треуголочке» или история как бренд // Родина. 2006. № 6. С. 16 – 20.

¹⁹ Филиппова Т. Госзаказ на качество жизни // Родина. 2006. №3. С. 23.

²⁰ См.: Тагиров И.Р. Государственность Татарстана: вехи становления и развития // Научный Татарстан—1999. Он же. Очерки истории Татарстана и татарского народа (20 век). Казань, 1999. Шарфутдинов Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XXI вв. Казань, 2004; Сеницына К.Р. История Татарстана и татарского народа (Вторая половина XVI—XVIII вв.). Казань, 2000; Мустафина Г.М. История Татарстана. XIX век. Казань, 2003.

²¹ См. материалы дискуссии, состоявшейся 30.09 – 2.10.2008 г. в рамках «Петербургского диалога» // Российско-немецкий коллоквиум «Настоящее прошлое: как обходиться с историей и памятью?». СПб., 2008.

²² Цитируемые далее аналитические материалы по состоянию национальных историографий Татарстана и Башкортостана предоставлены Международным советом Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI).

²³ Там же.

²⁴ См., например: Тагиров И.Р. Государственность Татарстана: вехи становления и развития // Научный Татарстан — 1999. Он же. Очерки истории Татарстана и татарского народа (20 век). Казань, 1999; Шарафутдинов Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XXI вв. Казань, 2004.

²⁵ См.: Синицына К.Р. История Татарстана и татарского народа (Вторая половина XVI—XVIII вв.). Казань, 2000.

²⁶ См.: Мустафина Г.М. История Татарстана. XIX век. Казань, 2003.

²⁷ Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа. М., Мысль, 2004.

²⁸ Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. Владикавказ, 2006.

²⁹ Исмаил-Заде Д.И. «Земли... будут отданы вам в вечное владение...» // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001; Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.

³⁰ Гатагова Л. Между страхом и ненавистью: Исламофобия в России // Родина. 2006. № 6. С. 27 – 31.

³¹ Там же. С. 31.

³² Шукуров Р. Исламская утопия: проект счастья // Родина. 2006. № 6. С.32 – 37.

³³ Там же. С. 32.

³⁴ Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрёстке цивилизаций. М., 2003.

³⁵ Филиппов А.В. Новейшая история России. 1945—2006. М., 2007. С. 86.

³⁶ Медведев Д. Национальные проекты. Статьи и выступления. М., 2008. С. 38.

³⁷ Всестороннее обсуждение тогдашней ситуации с учебниками истории см. в коллективной монографии «Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы» (М.: АИРО-XX, 2002).

³⁸ Медведев Д. Национальные проекты. Статьи и Выступления. С. 154 – 155.

³⁹ См., к примеру: Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М., 2000; История России XIX – начала XX века. М., 2004; Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004: Учебное пособие. М., 2004; Отечественная история XX – начала XXI века. Под ред. А.О. Чубарьяна, М., 2004; Государственность России: идеи, люди, символы. Сост. и ред. Р. Пихоя. М., 2008. В череде учебных пособий этого времени особое место занимает полемически звучащая работа Д.А. Андреева и Г.А. Бордюгова “Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс” (М.-СПб., 2004), представляющая по замыслу авторов своего рода интеллектуальную провокацию, антитезу классическому учебнику эпохи сталинизма и анализирующая базовые проблемы функционирования механизмов власти в России на всем протяжении ее истории.

⁴⁰ См. материалы Российско-немецкого коллоквиума «Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью?». СПб., 2008. С. 13 -14.

⁴¹ Данилевский И. Долгая дорога к гуманитарному полюсу // Родина. 2008. №4. С. 32.

⁴² 16 декабря 2004 года Госдума РФ одновременно в трёх чтениях приняла поправки в Федеральный закон «О днях воинской славы». Одним из изменений стало введение Дня народного единства. В пояснительной записке к проекту говорилось: «4 ноября 1612 года воины народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов и продемонстрировав образец героизма и сплочённости всего народа вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе». 24 декабря

на заседании Госдумы были приняты поправки в Трудовой кодекс РФ, в соответствии с которыми День народного единства – 4 ноября – был объявлен нерабочим днём.

⁴³ Бондарев В. Праздник воскресения России // Родина. 2007. № 10.

⁴⁴ Аннинский Л. С седьмого на четвёртое // Родина. 2008. №11. Выход в свет в начале 2009 года широко разрекламированного историко-художественного фильма «1612» лишний раз подтвердил важность нового праздника и всех связанных с ним идейных ориентиров в культурной политике государства.

⁴⁵ Развал и развалины. Интервью Л.Аннинского с к.и.н. Валерием Соловьём, автором книги «Русская история: новое прочтение» // Родина. 2006. №3.

⁴⁶ Там же. С. 17.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См., к примеру, многочисленные полемические высказывания Д. Володихина, П. Вайля, Н. Нарочницкой. И. Сергеева, А. Муравьёва и др. на сайтах АПН, Интерфакса, Портал –Credo.ru в январе – феврале 2008.

⁴⁹ Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Репников А.В., Реснянский С.И., Федулин А.Я. Византийский набат. К дискуссии о фильме архимандрита Тихона (Шевкунова). НГ-Религия. 02.04.2008.

⁵⁰ Имеется в виду, к примеру, стартовавший в 2008 году масштабный издательский проект РОССПЭН: Научно-издательский проект «Библиотека отечественной общественной мысли. С древних времен до начала 20 века» в 100 томах, а также уже увидевшие свет издания: Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004; Экономическая история России (с древнейших времён до 1917 г.) Энциклопедия в 2 т. М., 2008; Государственная Дума Российской империи. 1906 – 1917. М., 2008; Государственный Совет Российской империи. М., 2008 и др.

⁵¹ Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2005.

⁵² См.: Никонов В. Русский мир – моя мечта // Родина. 2007. № 9; Тишков В. Русский мир: метафора и реальность // Родина. 2007. № 10.

⁵³ См., к примеру: Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001.

⁵⁴ См., к примеру: Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907 – 1914. Пермь, 2001; Сулимов К. Тема консерватизма в научно-исторических представлениях. В: Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2003; Макушин А. Узловые проблемы истории российского либерализма // Там же; Мокшин Г. Реформаторское народничество и проблемы самоидентификации российской интеллигенции // Там же.

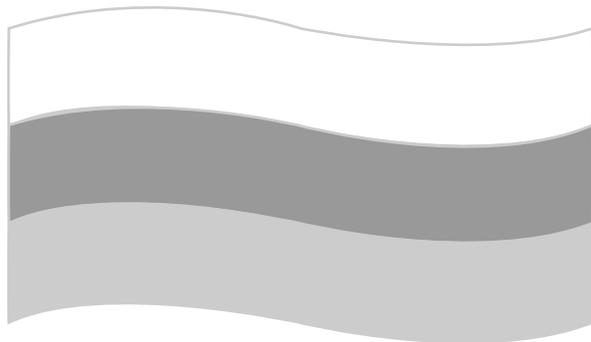
⁵⁵ См. по этому поводу: Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения // Отечественная история. 2001. № 3. С. 103 – 133; Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003; Шелохаев В.В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004; Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков) М., 2006 и др.

⁵⁶ См., к примеру: Россия в кинокадре. 1896 – 1916. Сост. Е.В. Балабай, Т.В. Дадьгина, Л.Б. Иноземцева и др. М., 2007; Москва в фотографиях. 1920 – 1930-е годы. СПб., 2008. Экштут С.А. Шайка передвижников. История одного творческого союза. М., 2007; Елисева О.И. Потёмкин М., 2007; Великие полководцы и флотоводцы. М., 2007; Великие женщины. М., 2008; Русские усадьбы. М., 2008 и др.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственный герб Российской Федерации

Государственный герб Российской Федерации представляет собой изображение золотого двуглавого орла, помещенного на красном геральдическом щите; над орлом – три исторические короны Петра Великого (над головами – две малые и над ними – одна большего размера); в лапах орла – скипетр и держава; на груди орла на красном щите – всадник, поражающий копьем дракона.

Государственный флаг Российской Федерации

Государственный флаг Российской Федерации представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из трех горизонтальных равновеликих полос: верхней – белого, средней – синего, нижней – красного цветов.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Россия – священная наша держава!
Россия – любимая наша страна!
Могучая воля, великая слава –
Твое достоянье на все времена.

Припев:

Славься, Отечество наше свободное!
Братских народов союз вековой,
Предками данная мудрость народная,
Славься страна! Мы гордимся тобой!

От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая!
Хранимая Богом родная земля.

Припев.

Широкий простор для мечты и для жизни,
Грядущее нам открывают года.
Нам силу дает наша верность Отчизне.
Так было, так есть и так будет всегда!

Припев.

Фрагмент картины П.Корина
«Александр Невский»

Песков М.И. Воззвание Кузьмы Минина а нижегородцам в 1611 г.

П.А.Столыпин

Оформление сайта проекта “Византийский урок”

Византийский император
Константин Мономах
передаёт
Киевскому Великому князю
Владимиру Мономаху
животворящий крест Господен

Рекламный плакат современного кинофильма, снятого на тему «смутного времени».

Демонстрация коммунистов.
Москва, 2005 г. Фото В.Козырева

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» ИСТОРИИ В УКРАИНЕ

Георгий КАСЬЯНОВ

Процесс «национализации» истории/историографии в Украине в конце 1980-х – начале 1990-х развивался по сценарию в принципе достаточно сходному с такими же процессами в других постсоветских республиках¹. Первоначально в фокусе внимания историков оказались «белые пятна» истории, которые поначалу в основном обнаруживались в советском периоде. Ревизия советской версии истории этого периода стала одновременно основой его отрицания. Разумеется, речь шла о преступлениях сталинизма, репрессированных или запрещенных персоналиях, национальных трагедиях (Быковня в Украине, репрессии против интеллигенции, уничтожение крестьянства, голод 1932 – 1933 гг. и т.п.)

Именно отношение к советскому (коммунистическому) историческому наследию стало отправной точкой для пересмотра всей остальной истории. «Советский», моноидеологичный вариант советской истории не оставлял места для иных версий относительно недавнего прошлого, поэтому его ревизия неизбежно вела к поиску альтернатив. Конструирование «более полной» версии советской истории (без «белых пятен») неизбежно вело к выстраиванию новой, «более полной» схемы «своей» истории в целом. Логика создания цельной версии национальной истории подталкивала к расширению ревизии, выходу за рамки критики собственно советского периода, уходу в «глубь веков». Практически речь шла о замещении «советского» варианта истории «национальным».

Реверсивная история развивалась согласно собственной нехитрой логике: после выборочного пересмотра советского периода (в стиле Нюрнбергского трибунала) обратились к опыту национальной государственности периода после окончания Первой мировой войны. В Украине главными адресатами стали история Центральной Рады и Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной республики и Гетманской державы (1918 – 1920 гг.)

Как и в случае с обращением к периоду сталинизма, мотивы целиком укладывались в схему «инструментализации истории»: политическая подоплека обращения к истории кратковременной «национальной» государственности была очевидной. Была даже предпринята попытка установить символическую связь между современной государственностью и упомянутыми историческими эпизодами. В Украине первый президент Л. Кравчук, ранее сделавший весьма удачную карьеру в коммунистическом истеблишменте, в 1993 г. принял от представителя «правительства Украинской Народной Республики в эмиграции» и по совместительству главы Организации украинских националистов М. Плавьюка сохраненные с 1920-х годов символы государственности. Некоторые

историки даже заговорили о преемственности УНР и современного украинского государства. В Украине была легитимирована государственная символика, использовавшаяся в 1918-1920 гг.²

Далее предметом особого внимания историков-творцов национальной мифологии³ стал период позднего средневековья и раннеמודерной истории, представлявший исключительные возможности для формирования образа «исторической» нации со своим «золотым веком». «Золотым веком» украинской истории стала казацкая эпоха, включительно с Гетманщиной. Поход под лозунгом «Вперед – в прошлое!» вполне естественным для рефлексивной истории образом продолжился обращением к теме раннефеодальной государственности и этногенеза, с уходом в древнюю, долетописную историю. В Украине в качестве образца ранней государственности «национализировали» Киевскую Русь. От нее пошли в глубь веков и добрались до ранних племенных форм общественной организации на «своих» территориях, представляемых как место автохтонного присутствия на протяжении столетий и тысячелетий. Результатом стало формирование «полной» или «полноценной» схемы национальной истории – тянущейся из глубины веков до «торжества исторической справедливости» – создания независимого государства⁴.

В самых общих, так сказать, «родовых» чертах базовый современный нарратив «национализированной истории сложился (а точнее, был возрожден) и в Украине в первой половине 1990-х годов. Его становление/возрождение было хоть и триумфальным, но далеко не бесконфликтным.

Практически с конца 1980-х «национальная» (или национализированная) версия отечественной истории заняла доминирующее положение в общественном дискурсе, подмяв под себя «советскую» модель, которой держалась правящая партия⁵, а в начале 1990-х она фактически стала неотъемлемой частью официальной модели украинской истории и даже элементом государственной «нациоформирующей» идеологии. Она стала центральной в историческом образовании и в научных разработках, она пользовалась моральной и материальной поддержкой государства и государственной бюрократии.

Во время одного из официальных мероприятий 1993 г. президент Украины Л. Кравчук высказал сожаление по поводу того, что у «украинского народа нет своей истории». В ответ в Национальной Академии наук Украины немедленно появился проект создания 15-томной истории украинского народа. Концептуальная суть проекта была изложена в отдельной брошюре сотрудника Института истории Украины Национальной Академии наук Украины Р. Симоненко: «Восстановление в правах именно национальной истории, восстановление ее как прошлого украинского этноса на собственной автохтонной территории. Речь идет об украинской истории как самобытном непрерывном процессе, главным объектом которого является украинский народ – от самых его первоисточников и до современной суверенной государственности»⁶. В этом же году

состоялась довольно курьезная попытка введения в высших учебных заведениях курса украинской политологии, или научного национализма⁷.

Политические и общественные группы, отстаивающие «советскую» версию украинской истории (коммунисты, ветераны советской армии, часть региональной государственной бюрократии) с начала 1990-х утратили влияние на «политику истории» и образовательную политику, что не мешало им весьма активно противостоять «национализации» истории в публичном дискурсе, но не в реальной политике. Заметим, что в 1990-е обращение к истории в государственной политике было скорее данью конкретной политической конъюнктуре. С одной стороны, инсталляция канонической версии национализированной истории в учебные курсы школ и вузов должна была обеспечить процесс гражданского воспитания новых граждан новой страны. С другой – обращение высших институтов государственной власти к историческим символам и комеморативным практикам осуществлялось достаточно формально – ровно настолько, насколько этого требовал момент. При этом носители высшей государственной власти (прежде всего президентской) всячески избегали радикальных заявлений, за исключением тех случаев, когда обращение к истории было необходимо или для собственной легитимации (например, опровержения тезиса о том, что нынешняя власть в лице ее носителей является правопреемницей преступной коммунистической номенклатуры), или для идеологической дискредитации политических оппонентов (в данном случае, коммунистов, назначенных на роль «официальной оппозиции»). Исторические дебаты не имели большого общественного резонанса как в силу отсутствия системной политики истории⁸, так и в силу других, более насущных проблем (масштабного социально-экономического кризиса).

НОВАЯ ПОЛИТИКА ИСТОРИИ И ПАМЯТИ

В 2000-е годы, особенно после «оранжевой революции» ситуация изменилась. С одной стороны, президентская власть перешла к активной политике истории и политике памяти. Отчасти это было связано с личностью президента В. Ющенко и присутствием в его окружении идеологически активной части украинской диаспоры и радикально настроенных представителей национал-демократической интеллигенции, недовольных положением титульной нации и обеспечением ее культурных прав в независимой Украине. И сам президент, и упомянутая часть его окружения были уверены в том, что отсутствие национально ориентированной системной гуманитарной политики является источником морального упадка украинского общества и отсутствия морального и политического единства.

Отчасти активное обращение к проблемам культуры вообще и истории в частности было продиктовано желанием организовать моральное и политичес-

кое давление на политических оппонентов – вряд ли можно считать случайностью активную апелляцию к проблемам исторической памяти и активизацию общественных дискуссий по этим вопросам именно в моменты обострения внутривластного кризиса.

Фактически с середины 2005 г. наблюдались все более системные и целенаправленные (но далеко не всегда продуманные) действия президентской власти в области политики истории и памяти. В основу была положена стратегия⁹ этносимволизма, характерная для стандартного культурнического национализма и романтизма так называемых «неисторических» (безгосударственных) народов образца XIX столетия. Здесь главным элементом было воссоздание или усиление мифа об исключительности исторического пути своей нации с особым упором на ее героизме и страданиях. Для этого были выбраны два наиболее знаковых исторических явления – Украинская Повстанческая Армия (УПА) как пример героических страниц истории, и Голодомор – как пример исключительной по масштабам национальной трагедии. Поскольку оба явления преподносились в крайне эксклюзивной форме – как предмет исключительно украинской этнической истории (УПА – борьба украинцев за независимость, Голодомор как геноцид против украинской нации/народа)¹⁰ – они вызвали не только довольно острые общественные и политические дискуссии, которые вышли на уровень международных и межгосударственных отношений, но и контрдействия оппонентов.

Если в 1990-е в дискуссиях и спровоцированных ими общественных и политических акциях главным оппонентом власти были левые, то в 2000-е политическая и социальная база оппонентов исторической политики расширилась. К коммунистам, которые традиционно противостояли «национализации» истории и их сторонникам из числа советско-ностальгической части общества, присоединились политические силы, представляющие восток и юго-восток страны. В 2006 – 2008 гг. в ходе острого политического противостояния, вызванного переделом власти между президентом и его сторонниками в парламенте, с одной стороны, и партией крупного капитала (Партия регионов), представляющей упомянутые выше регионы, с другой, вопросы исторической политики вполне ожидаемо оказались в числе наиболее актуальных. Политизация истории достигла уровня, сравнимого с периодом конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда дискуссии по вопросам пересмотра истории напрямую увязывались с борьбой за власть. При этом обе стороны использовали спорные вопросы истории для политической и моральной дискредитации оппонентов и для давления на них по проблемам, весьма далеким от истории, но вполне ощутимо связанным с дележом власти.

В 2005 г., в связи с «круглой» годовщиной окончания Второй мировой войны разгорелась дискуссия, связанная с оценкой этого периода украинской истории в учебниках. Дискуссия, начатая организациями ветеранов Великой Отечественной войны, была подхвачена некоторыми «говорящими головами» Партии

регионов, выступавшими, как и ветераны, против неадекватного, по их мнению, освещения роли ОУН – УПА в учебниках и против замещения «Великой Отечественной войны» более широким понятием «Вторая мировая». Советско-ностальгическую часть общества раздражала и смена концепции воюющих сторон – в официальной версии истории Второй мировой Украина представляла как жертва схватки двух тоталитарных режимов. И если для ветеранов это в какой то мере был вопрос морального приоритета и невозможности преодоления идеологических стереотипов, то для левых партий и их союзников из Партии регионов речь шла о презентации действующей власти (президентской и правительства) как националистов, перекраивающих историю и разделяющих страну.

Дискуссии не ограничились традиционными воззваниями и требованиями к власти поменять «неправильные» учебники на «правильные» – дошло и до физических столкновений на центральных площадях столицы страны¹¹. В том же 2005 г. вспыхнул скандал, связанный с публикацией нового учебника по истории Украины для 5 класса – в одном из них, допущенных Министерством образования и науки к использованию в школах, был раздел, посвященный «оранжевой революции», выдержанный в самых апологетических тонах.

В последующие годы тенденция к усилению противостояния по вопросам политики истории, противостояния, которое стало частью более широкой политической борьбы, заметно усилилась. Проиллюстрировать эту тенденцию можно на примере Голодомора, который усилиями власти превратился в специфическую форму культурной реальности, в значимый символ национальной исторической мифологии, и в то же время – в предмет крайне противоречивых политических спекуляций и жарких общественных дискуссий.

Президент В. Ющенко предпринял ряд шагов, нарушивших негласный и довольно шаткий консенсус в этой сфере, сложившийся во времена Л. Кучмы. По его инициативе развернулась беспрецедентная идеологическая и политическая кампания по превращению голода 1932-1933 гг. в центральный мобилизующий символ национальной украинской истории – символ крупнейшей гуманитарной катастрофы XX века, превосходящей своими масштабами Холокост и другие примеры геноцида.

Перечислим основные составляющие этой кампании.

1 – создание национальной Книги памяти. Во всех областях Украины, пострадавших от голода, под эгидой областных и районных государственных администраций были созданы координационные группы по сбору сведений о пострадавших и умерших от голода 1932 – 1933 гг. Эти своего рода штабы координировали деятельность сотен местных групп, выполнявших сбор сведений на местах, прежде всего, в селах. В местные группы входили учителя, студенты, ученики школ, библиотекари, музейные работники, краеведы, заведующие клубами и т.д.

2 – проведение массовых комеморативных акций («Зажги свечу», «Негасимая свеча» и т.п.¹², проведение траурных митингов и концертов, организация

конкурсов изобразительных и литературных работ, конкурсов ученических сочинений, возложение венков и снопов, проведение уроков памяти в школах; создание мест памяти (выставок в музеях, школах и библиотеках, установка крестов, памятных знаков и курганов скорби, посадка калиновых гаев, создание мемориальных комплексов¹³).

3 – юридическая легитимация Голодомора путем принятия законов, характеризующих его как геноцид и запрещающих какие либо другие публичные толкования этой трагедии¹⁴.

4 – поощрение публикаций научных исследований по тематике голода 1932 – 1933 гг. через систему государственных грантов издательствам

5 – кампания признания голода 1932 – 1933 гг. на международном уровне – парламентами других стран и международными организациями.

В. Ющенко лично возглавил международный комитет по организации 75-й годовщины голода 1932 – 1933 гг., в который вошли представители крупнейших общественных организаций украинской диаспоры (обычно подобные органы возглавлял вице-премьер-министр правительства по гуманитарным вопросам). Под его патронатом развернулась международная кампания «Украина помнит, мир признает». Практически во всех своих «бенефисных» выступлениях 2005 г. на международном уровне (Конгресс США, Европарламент и т.п.) он обязательно упоминал голод 1932 – 1933 гг., а в 2006 – 2008 гг., встречаясь с руководителями наиболее влиятельных международных организаций, обращался к ним с просьбой о содействии в интернационализации знаний о голоде 1932 – 1933 гг.¹⁵

Действия В. Ющенко по «усугублению» национальной истории спровоцировали не только весьма бурную реакцию и протесты уже упомянутых политических сил, но и контрдействия со стороны российского высшего политического руководства, которое к этому времени также активизировалось в области политики истории и памяти, и отстаивало свою версию истории, основанную на неоимперских амбициях и глорификации советского прошлого. Для российского высшего руководства голод 1932 – 1933 гг. представлялся как трагедия общесоюзного масштаба, при этом национальная специфика событий этого времени в Украине отрицалась в силу очевидных причин – в этом случае появлялась конкретная жертва «Москвы» со всеми нежелательными морально-политическими последствиями для последней.

В свою очередь глава украинского государства явно настаивал на том, что голод 1932 – 1933 гг. был Голодомором – актом геноцида, направленным против украинского народа. Обмен нотами между министерствами иностранных дел, заявления политиков в парламентах обеих стран и даже акты вандализма¹⁶, совершенные при попустительстве властей, превратились в 2005 – 2007 г. в рутинную процедуру. Беспрецедентными стали действия России, направленные на блокирование усилий украинской дипломатии по признанию Голодомора актом геноцида против украинцев на уровне международных организаций (Ев-

ропарламента, ЮНЕСКО, ООН). Пиковым моментом конфликта можно считать отказ президента РФ Д. Медведева посетить официальную церемонию, посвященную 75-й годовщине голода 1932 – 1933 гг. Отказ был сделан не по дипломатическим каналам, а как показательная акция – 14 ноября 2008 г. Д. Медведев отправил В. Ющенко открытое послание.

Спор между российским и украинским высшим государственным руководством по поводу репрезентации Голодомора был не единственной конфликтной зоной, возникшей в начале 2000-х в сфере исторической политики. Не меньшие страсти вызвали действия В. Ющенко и его сторонников в парламенте, направленные на уравнивание в правах ветеранов УПА с ветеранами Великой Отечественной войны и сопутствующие действия власти по превращению ООН и УПА в часть позитивной национальной мифологии. Особое недовольство, сопровождаемое публичными критическими высказываниями первых лиц РФ, было спровоцировано решением В. Ющенко посмертно присвоить главнокомандующему УПА Р. Шухевичу звание Героя Украины¹⁷. Эта проблема поднималась Россией на самом высшем уровне, вплоть до «проталкивания» резолюции, осуждающей возвеличивание тех, кто сотрудничал с нацистами, в ООН в ноябре 2008 г.¹⁸ В Украине последних двух-трех лет стала привычной практикой «война памятников»¹⁹.

Процесс «национализации» истории в его базовых составляющих завершился и в Украине к середине 1990-х годов. К этому же времени состоялось окончательное слияние дискурса «национализированной» историографии с официальным государственным идеологическим дискурсом. Сложилась своего рода негласный консенсус по поводу общей схемы национальной истории – по крайней мере, на уровне государственных институтов существовало единогласие о содержании национального нарратива.

В Украине высшая государственная бюрократия и политические элиты избрали стратегию²⁰ использования стандартных схем национальной истории для легитимации своего общественного, культурного и политического статуса. Поэтому «национализированная история» по мере своего формирования интегрировалась в достаточно аморфную государственную идеологию (составляя самый структурированный ее элемент), в образовательную политику и гражданское воспитание.

В каком то смысле этот процесс происходил «самотеком» – в первой половине 1990-х у государства просто не было средств для его полноценной поддержки, однако моральная поддержка была вполне ощутимой. Именно в этот период были заложены основы стандартной схемы «отечественной истории», как на уровне научных исследований, так и на уровне образовательной системы. Базовый национальный нарратив образца XIX столетия вошел в школьные и вузовские курсы по истории Украины – фактически средняя школа и частично высшие учебные заведения стали главными средствами продвижения того образа отечественной истории, который по мысли его создателей должен был

обеспечить воспитание гражданской лояльности новых поколений. В средних общеобразовательных школах был введен предмет «История Украины» (с 4 по 10 классы, а с 2005 – с 5 по 12), во всех высших учебных заведениях, независимо от их профиля был введен обязательный семестровый курс «История Украины». Преподавание осуществлялось по стандартной программе, которая предполагала индоктринацию по стандартным идеологическим формам. К сожалению, учебники по истории оказались наполненными ксенофобскими мотивами – когда прямой речью, когда в контексте²¹.

После «оранжевой революции» ситуация изменилась. Очевидное желание президента В. Ющенко активизировать национальную составляющую украинской истории, с особым упором на те ее страницы, где не существовало устойчивого консенсуса, или где его легко было нарушить, привело к стремительной актуализации тем, вызывающих крайнее раздражение в политически активной части общества. В результате вторая половина первого десятилетия 21 века явила примеры исключительно острых общественных дискуссий по поводу прошлого, дискуссий, в которые втянулись не только граждане Украины, но и целые государства.

«НАЦИОНАЛИЗИРОВАННАЯ» ИСТОРИЯ: ЭПИКРИЗ

Основные черты канона «национализированной» истории обычно упоминаются его критиками или оппонентами *passim*, но, как правило, редко кто утруждает себя хотя бы кратко описать их, установив таким образом хотя бы приблизительный методологический портрет этого явления, что является необходимым для понимания исторической мифологии, связанной с определением места «своей» нации в ее собственном историческом пространстве-времени.

Указанный канон неизбежно в основе своей должен быть телеологическим. Целесообразность «своей», «национализированной» истории – в появлении «своей», уникальной нации и соответствующего государства. История представлена как онтологически предопределенное движение к определенной цели – созданию нации и государства. Цель (или следствие) прямо или имплицитно отождествляется с причиной, в результате сама собой появляется идея естественности, природности, органичности нации и национального государства. Последние не могут не возникнуть, посему задача историка – обосновать не факт их присутствия в общей истории человечества, а правильно объяснить факт их отсутствия в определенные периоды этой истории. Соответственно, «родовой» чертой «национализированной» истории является детерминизм (в любых его ипостасях – от экономического до культурного).

Упомянутые свойства «национализированной» истории не имели бы функциональной полноты без эссенциализма. Нация в таком понимании существует как трансцендентная (реальная или потенциальная) общность. История этой

нации существует как бы сама по себе, вне усилий историков. Содержание и задача историографии сводится к тому, чтобы «адекватно», правильно описать эту историю, к процессу правильной идентификации сущности нации, выяснению ее сущностных свойств или отысканию (подтверждению) этих свойств с помощью верно найденного понятийного инструментария и фактов. Это, в свою очередь, естественным путем обосновывает (а уже потом объясняет) историческую необходимость и неизбежность существования нации, сущностные свойства которой идентифицированы в «исторической реальности», а еще лучше – в «исторической правде». Возможно поэтому категории идеологических и политических практик в «национализированной» истории/историографии довольно легко получают статус научно-аналитических. В таком качестве они возвращаются в идеологический обиход и своей «научностью» легитимируют политический язык. Идеальным примером может служить категория «национальное возрождение», равно интенсивно используемая как в идеологическом, так и в научном языковых пространствах.

Телеология и эссенциализм наиболее выразительно осуществляются в этноцентричности канона. Главным субъектом истории является народ (украинский), который отождествляется с одним или группой генетически родственных этносов и субэтносов. Содержание «национализированной» истории в научном варианте – превращение этого народа (этносов) в нацию. В таком способе пояснения и объяснения неизбежным будет отождествление понятий «народ» и «нация». С этим будет неразрывно связан еще один важный компонент канона – культурная эксклюзивность. Тут возможны варианты. Самый примитивный и доступный воображению, и в то же время наиболее легко усвояемый и технически достижимый – игнорирование присутствия других этносов и наций в общем пространстве и времени, отрицание наличия целой системы взаимных влияний и взаимодействий с Другим(и). Более «изысканный» вариант – признание факта присутствия Другого, прежде всего, как фона собственной национальной эксклюзивности. Тут присутствуют разные оттенки – Другой может служить позитивным или нейтральным фоном, он может присутствовать как в границах «своей» территории, так и вне их. Разумеется, кто-то из числа Других обязательно будет играть роль врага, мешающего объективному ходу истории – нормальному развитию «своей» нации.

Все перечисленные базовые черты метода «национализированной» истории/историографии реализуются в таких профессионально обусловленных признаках канона как линейность и абсолютизация континуитета в истории «этноса – народа – нации». Наиболее показательный пример – схема «перетекания» национальной истории. В украинском варианте эта схема реализуется следующим образом: присутствие автохтонных племен и племенных образований (конечно же, еще трипольской культуры) на современной территории Украины в первом тысячелетии до и первом тысячелетии нашей эры, начала государственности, ее развитие и этническая консолидация времен Киевской Руси, пе-

редача эстафеты Галицко-Волынскому княжеству, «польско-литовская эпоха» с присутствием этноконфессиональной и культурной «отдельности», казацкая эпоха и государственность (уже называемая национальной), Гетманщина с ее пусть ограниченной, но автономией, упадок Гетманщины и «компенсационное» присутствие культурного/территориального патриотизма, затем «национальное возрождение» с апогеем в революции 1917 – 1921 гг. (национальной, Украинской) и украинской государственностью в разных ее формах этого же периода. Затем схема раздваивается – для одних советская государственность является «провалом», «черным пятном» в национальном бытии, для других – вполне легальной частью национальной истории. Для первых «разрыв» компенсируется наличием национально-освободительного движения (сюда попадают любые формы сопротивления «чужим» режимам – от культурной фронды до партизанского движения). Для вторых разрыва не существует. И, наконец, 1991 г. становится венцом «тысячелетней истории». Собственно, тут «неисторическая» нация окончательно превращается в «историческую», становится полноправным субъектом истории. Разрывы в государственной истории компенсируются идеей культурной и народной традиции. Носителем континуитета, разумеется, выступает автохтонный украинский этнос/народ²².

Представленные здесь «родовые» черты канона «национализированной» истории/историографии вполне вписываются в стандартную европейскую схему национальной истории, сложившуюся во второй половине XIX века и вполне успешно дожившую до наших дней на страницах школьных учебников многих европейских стран. Парадоксально, однако, что в некотором смысле возвращение к канону «национализированной» истории обеспечивало и своего рода возвращение в «Европу», только Европу довоенную.

Следует заметить, что эти черты определяют интерпретационную и познавательную направленность «национализированной» историографии не только в самоопределении национального коллективного «Я», но и в процессе сопоставления этого «Я» с Другим. Это само собой накладывает отпечаток на выяснение положения и миссии своей нации между «Востоком» и «Западом». Здесь проблема решается в рамках телеологических и эссенциалистских конструкций и монохромного видения своей нации, ведущих именно к оппозициям, конфронтациям, полярным противопоставлениям и методу исключения.

Не менее важным обстоятельством является и то, что интеллектуальная герметичность «национализированной» историографии в сочетании с методологическим вакуумом, возникшим после того, как советский вариант марксистской методологии истории был интеллектуально и морально дискредитирован, спровоцировали поиск более разнообразных интерпретационных и познавательных моделей.

И здесь пришел черед «Запада» – появление и расширение контактов профессиональных историков Украины с западным «обществоведением» в разных его ипостасях (индивидуальных, институциональных) неизбежно привело к

расширению интеллектуальных горизонтов и стремлению выйти за пределы упомянутого канона. Историки бросились догонять «западную историографию», одним из результатов этого процесса стала ревизия методологического арсенала «национализированной» историографии и попытка создания новых версий.

Интеллектуальный вызов «национализированной» истории, основанной, прежде всего, на ее методологической ограниченности и порожденных ею интерпретационных крайностях, зародился в профессиональной среде уже в первой половине 1990-х годов. В 1993 г., на международном «круглом столе» «Формирование украинской нации: история и интерпретации» состоялась довольно острая дискуссия между «перенниалистами» и «модернистами»²³, открывшая серию дебатов (впоследствии в основном заочных) между сторонниками удревления возраста украинской нации и теми, кто придерживался более взвешенного подхода к вопросу о нациогенезисе²⁴. В 1995 г. американский историк Марк фон Хаген своей весьма провокативной статьей «Имеет ли Украина историю?»²⁵ впервые четко обозначил основные акценты для критики «национализированной» историографии. В дальнейшем предложенный им сценарий был реализован украинскими историками, даже теми, кто его статью не читал.

К концу 1990-х в Украине уже сложилось небольшое, но достаточно стабильное сообщество историков, способных осуществить как ревизию доминирующей схемы национальной истории, так и создать альтернативные ей интерпретации²⁶. Оно «воссоединилось» с западными коллегами, усматривавшими в украинской истории гораздо более широкие возможности как для теоретических обобщений, так и для разработок конкретных сюжетов.

В украинском случае дебаты между сторонниками и критиками «национализированной» истории мало зависели от политического контекста – государство сразу же и прочно взяло канон «национализированной» истории за основу гражданского воспитания, так что в профессиональной среде эти дискуссии действительно имели именно академический характер. Дискуссии, конечно же, происходили и за пределами этой среды (достаточно вспомнить политические дискуссии о Голодоморе и ОУН – УПА, или уличные стычки между демонстрантами, отмечавшими разные «спорные» годовщины – одни годовщину создания УПА, другие – годовщину победы в Великой Отечественной), однако для историков они не заканчивались «организационными выводами».

МЕЖДУ «ВОСТОКОМ» И «ЗАПАДОМ»: «ОРИЕНТАЦИЯ НА МЕСТНОСТИ»²⁷

Центральным элементом процесса «опредмечивания» украинской национальной истории, превращения Украины из объекта истории в ее субъект стало определение места «своей» эмансипированной истории в системе историко-географических координат. Вполне сообразно логике процесса построения национальной истории центральным вопросом стало определение места Украины

в дихотомии «Восток» – «Запад»: вопрос, на который приходилось отвечать большому количеству континентальных европейских наций – от Атлантики до Урала и Кавказа.

Процессы включения истории в формирование национальной идентичности, легитимацию новых государств и их политических элит, использование истории для выработки некоей единой формы гражданского самосознания, для масштабной индоктринации и формирования лояльных граждан неизбежно предполагали выяснение образа собственного коллективного, в данном случае – национального «Я», сопоставления его с воображаемым «Другим». В пространственной системе координат это была идентификация места своей нации²⁸ в цивилизационных системах, в самом общем плане – в рамках метафорической дихотомии «Восток» – «Запад», где под первым подразумевались культурные, государственные, экономические и социально-психологические формы, связанные с культурной и экономической отсталостью, подчинением индивида коллективу и государству, деспотией и авторитаризмом, а под вторым – индивидуализм, демократия, свободный рынок, разнообразие культурных форм, идеологический плюрализм и свобода личности.

Поскольку отделение происходило как отчуждение от империй, располагавшихся как на «Западе», так и на «Востоке», неизбежным было противопоставление «отделившейся» национальной истории ранее общему пространству, сопровождавшееся попытками интеграции (часто понимаемой как реинтеграция) в другое общее пространство, представляемое как желанная и оптимальная альтернатива. Историческим воображаемым пространством, из которого нужно было уйти в конвенциональном, стандартном восточноевропейском национальном проекте, разумеется, представляли «Восток»/Россия²⁹, а тем, куда нужно было попасть/вернуться был воображаемый «Запад», или «Европа».

Определение места «своей» нации в системе исторических, историко-географических, культурных и политических координат в рамках «национализированной» истории/историографии предполагало создание таких национальных мифологий, которые позволяли бы не просто «выделить» или «отделить» свою историю из/от познавательных структур, схем и нарративов, ранее представлявшимися общими, но и доказать историческую обоснованность такого выделения. Следует заметить, что главной целью, артикулируемой прямо или косвенно, однако во всех случаях весьма интенсивно, было отделение от «общерусской» истории и «воссоединение с общеевропейской»³⁰. Такой вектор «выхода из» и «входа в» можно достаточно основательно объяснить стандартной практикой национализма. Достижение воображаемой и реальной (духовной, интеллектуальной, идеологической, культурной, политической) автономности (самостоятельности) для наций Советского Союза (или шире – «социалистического лагеря») предполагало, помимо прочего, вхождение в мир европейских наций в качестве культурно (а значит и политически) самодостаточных единиц.

Поскольку в рамках предыдущего, советского, коммунистического исторического и культурно-политического опыта, как представлялось, такая самодостаточность не допускалась, вполне логично, что этот опыт отрицался, отбрасывался, осуждался как негативный. Логика «национализированной» истории предполагала: первый шаг – превращение в полноценную, «историческую» нацию; второй – вхождение нации, «восстановившей» свою историю и историческую полноценность, в семью европейских наций. Вопрос о цивилизационной принадлежности решался при этом в основном двумя способами. Первый – радикальный разрыв с «Востоком» (Россией, Советским Союзом, империей) и не менее радикальное воображаемое вхождение (тракуемое как «возвращение») в Европу, то есть на «Запад». Второй – более компромиссный, но иногда не менее радикальный с точки зрения формирования негативных/идеализированных стереотипов «Другого» – представление о себе как о культурном и цивилизационном мосте, смешанной культурной зоне, или выражаясь более современным научным арго, «пограничьем» между «Востоком» и «Западом» (как правило, «западные» элементы в этой схеме представляются как позитив, а «восточные» – как негатив национального эго).

Здесь прослеживаются вариации: в одних случаях собственная нация представляется как поставщик «западных», «передовых» культурных ценностей и приоритетов на «отсталый восток», в других – упор делается на миссию «барьера между востоком и западом», в третьих – речь идет о сочетании неких культурных черт «востока и запада» в национальной истории и культуре как свидетельстве ее уникальности, лабильности и силы. Во всех вариациях прямо или контекстуально присутствует идея приоритетности «западных» элементов над «восточными»

В этом контексте мы и рассмотрим ряд базовых мифов «национализированной» истории Украины – как в них осуществлялся уход с/из «Востока» (отождествляемого, прежде всего, с русскоцентричной, на определенном этапе имперской версией истории) на «Запад», отождествляемый с историей национальной, или же, как в них отображалась (или отсутствовала) идея исторического, культурного или цивилизационного «пограничья». В этом смысле одним из основополагающих можно считать миф о происхождении.

Сверхзадачей для историков стало, во-первых, доказательство давности своей нации, ее как можно более продолжительного присутствия в европейской истории, во-вторых, преодоление «синдрома колыбели» или же имперского/советского мифа о единстве трех братских славянских народов. Для украинских историков задача облегчалась наличием более давней «сепаратистской» историографической, интеллектуальной и идеологической традиции, берущей начало еще во второй половине XIX века (М. Максимович, В. Антонович, М. Грушевский). Этот более чем солидный историографический фундамент дополнялся археологическими, этнографическими и антропологическими изыс-

каниями академического характера, приблизительно того же периода, правда, с заходом в первые десятилетия XX века.

Эта традиция позволяла просто вернуться к готовым формам, согласно которым можно было не только отделить древнюю украинскую историю от московской и имперской версии, не только превратить Киевскую Русь в колыбель только украинского народа/нации, но и найти генетически-антропологические различия между украинцами, русскими и белорусами. В одной из работ современного профессионального археолога утверждалось, например, что «современные украинцы генетически связаны с народонаселением Южной Руси, в отличие от большинства белорусов и русских, которые принадлежат к другому антропологическому типу»³¹.

Погружение в тьму веков, необходимое для удревнения возраста нации, разумеется, дает далеко не лишний повод подчеркнуть ее воображаемую «европейскость». Можно проигнорировать параноидальные крайности историков-любителей, утверждающих, что украинцы-арии являются прародителями европейской цивилизации³². Однако нужно учитывать их влияние на массовое сознание. На этом же уровне, как и в более профессиональной культурологии и даже историографии, большой вес имел популярный «трипольский миф», согласно которому предками современных украинцев были племена трипольской археологической культуры (3 тысячелетие до н.э.) Он также включал в себя уже неизбежный европейский компонент: утверждение о том, что «трипольская цивилизация» (а вовсе не какая-то археологическая культура) была в свое время наиболее развитой не только в Европе, но и во всем мире³³.

Еще более выразительно «европейский вектор» прослеживается в академически уже вполне солидной официальной концепции раннефеодальной «украинской» государственности – Киевской Руси (которая в этой версии вполне ожидаемо претендует на звание крупнейшего европейского государства). Стандартный набор «европейскости» здесь достаточно разнообразен – от династических браков дочерей Ярослава Мудрого с «европейскими» государями (здесь чемпионство принадлежит Анне Ярославне, королеве Франции) до истории о короновании галицко-волынского князя Данилы. В Львове в начале 2000-х появился мощный монумент, выдержанный в эстетике конных статуй второй половины XIX в., надпись по которым гласит «Король Данило». Все-таки король, а не князь – а это уже Европа.

Здесь встречаются и более изысканные варианты. Один из видных сторонников национализированной версии украинской истории уже в Киевской Руси IX-X вв. усматривал явные признаки нации под названием «русь», возникшей в результате слияния «восточнославянского» начального субстрата, норманнов и иранских племен. Разумеется, исходный, «автохтонный» субстрат ассимилировал пришельцев³⁴. Автор прямо не указывал на это, однако в логике и аргументации прослеживается популярная для национального нарратива идея первенства своей нации в соревновании за величину взноса в копилку общеев-

ропейской цивилизации. Уход из «общеславянского» (читай «общерусского») исторического пространства являлся необходимой предпосылкой для вхождения в другое, считавшееся альтернативным – свое собственное «европейское», и выстраивания телеологии, позволяющей доказать европейскую генеалогию своей нации.

Отношения со «степью» и «монголо-татарское нашествие» дали основания для начала эксплуатации одного из наиболее популярных мифов украинской «национализированной» историографии – о цивилизационном «барьере». Здесь первые формулировки также относятся к рубежу XIX–XX вв. «Отец» украинской истории М. Грушевский в своей фундаментальной «Истории Украины-Руси» достаточно четко артикулировал идею о выдающейся и даже «почетной» роли украинского народа в обороне европейской культуры от «азиатских орд». Интересно, что он был адаптирован советской нормативной историографией, а в 1990-е вполне благополучно перекочевал в официальную версию украинской истории.

Наиболее пригодными с точки зрения набора стереотипов в стиле «исторического евроремонта» национальной истории являются новые интерпретации героического, казацкого периода истории Украины. Тут в наборе соответствующих исторических мифов, конечно же, почетное первое место занимает идея «украинской национальной революции середины 17 столетия», выдвинутая в научном исследовании и немедленно репродуцированная на уровне школьной и вузовской нормативной истории. В своих базовых формулировках эта идея выглядит так: в середине XVII столетия (если более конкретно – в 1648-1676 гг.) в Украине (иногда используется эвфемизм «украинские земли») происходила национальная революция. Ее результатом стало создание национального государства, которое вследствие внутренних раздоров и давления со стороны соседей (разумеется, России и Польши) погибло, однако «украинские земли» сохранили остатки автономии и самоуправления, а с ними и соответствующую традицию.

В ходе упомянутой национальной революции возникла «национальная государственная идея», которая стала «для следующих поколений украинцев неписанным заветом в борьбе за независимость»³⁵. Революция стала импульсом для формирования новой политической элиты, для развития национального самосознания, в частности, «идеологии элитарного украинского национализма», она пробудила «волю нации к самоутверждению и самовыражению в форме независимого соборного государства». Украинская национальная революция XVII века была событием, аналогичным революциям XVI–XVII веков в Нидерландах, Англии, Германии и Франции, это было событие европейского масштаба и принадлежит оно европейской истории. Эта научная разработка, полностью построенная на риторике романтической историографии XIX ст. с огромным количеством логических форм, построений и риторических фигур советского варианта марксистской историографии³⁶ немедленно, без каких либо дискуссий была абсорбирована официальной версией национальной истории.

Следует заметить, что другой автор, позиционировавший себя как приверженец модернистского подхода к проблеме генезиса наций и действительно опиравшийся на изрядное количество цитат западных «модернистов», был вполне солидарен в идентификации европейского измерения украинской истории в аналогичных периодах. И если предыдущие авторы комфортно совмещали стандартную риторику романтического национального исторического нарратива с терминологией классово-исторической, то Я. Грицак соединил его с категориальными периодами западной социологии а-ля Э. Геллнера и схемой украинского историка И. Лысяка-Рудницкого, предполагающей наличие в истории «домодерных» и «модерных» наций. Период формирования последних, по мнению Я. Грицака, в Европе (и как оказывается, в Украине) относится ко времени «постепенного преобразования аграрного, малограмотного и маломобильного общества в индустриальное, образованное и мобильное, с широкими политическими правами и экономической свободой для всех его членов, а не только для верхушки»³⁷. По мнению Я. Грицака, процесс формирования украинской нации происходил синхронно с аналогичными процессами в Западной Европе, то есть начался еще в XVI ст. Церковные движения и казацкие войны XVI – XVII веков являются аналогами общеевропейского процесса возникновения новой формы коллективной идентичности – национального самосознания. Автор достаточно четко сформулировал свои «прикладные» намерения: во-первых, история украинской нации должна быть частью общемирового (или общеевропейского) процесса. История восточноевропейского региона (куда Я. Грицак без сомнений помещает Украину) «все-таки вмещается в общую схему периодизации мировой истории»³⁸.

Совпадение в попытках и стиле профессиональных историков, представляемых в Украине как последователей разных интеллектуальных традиций, «европеизировать» украинскую историю, вряд ли можно считать случайным совпадением. Дело в том, что, несмотря на различия в пояснительной и обосновывающей риторике, интеллектуальный коридор, по которому кто на ощупь, а кто ведомый светлячками «западной мысли» бредут упомянутые исследователи, достаточно узок. Это коридор «национализированной» истории, в котором указатели на стенах всегда одни и те же, вне зависимости от того, на языке какой нации они написаны. В конкретном случае Украины, национальная история, отделенная, эмансипированная от «истории СССР с древнейших времен и до наших дней» в познавательной, идеологической и политической ситуации 1990-х годов не имела никаких шансов попасть куда-либо, кроме Европы. Даже в тех случаях, когда этой воображаемой Европы еще и не было.

Если вернуться к историческим мифам, помещающим Украину в семью «исторических» европейских наций, еще одним, достаточно важным и вполне стандартным, а значит репрезентативным является миф о праве на культурно-историческое первенство или приоритет, являющиеся необходимым свидетельством принадлежности к уже давно культурно развитым (читай – европейским)

нациям. Миф о цивилизаторской миссии может простираться как на Восток, так и на Запад. Приведем пример, который может показаться анекдотическим, если бы он не был взят из учебного пособия, которое используется в процессе «научения» своей собственной истории и работать на формирование мегаломанских представлений о национальном историческом «Я». Вот пассаж из учебного пособия по украинской педагогике: «Каждый должен знать, что кошевой атаман Иван Сирко воевал даже во Франции, потом в Парижском университете читал лекции по истории Украины и Польши. Этот выдающийся полководец и дипломат, энциклопедист своего времени, владевший многими языками, обладал знаниями, которые равнялись знаниям самых выдающихся ученых мира того времени... В лекциях по истории Украины, с которыми И. Сирко выступал в столичном университете Франции, он подробно останавливался на древних украинских (еще праукраинских) традициях теловоспитания и телосовершенствования, на системе украинско-казацких школ военного единоробства и самозащиты, их влиянии и единстве с интеллектуальным и духовным воспитанием... Однако И. Сирко в истории казачества и казатчины – явление вовсе не уникальное, таких подвижников было немало в Украине, – они были в каждом населенном пункте, в каждом казацком отряде, полку»³⁹.

Среди наиболее привлекательных конструкций, одинаково ценных для всех центрально- и восточноевропейских исторических мифологий является миф о «врожденном» демократизме своих наций (как правило, в противопоставлении Другому, коим все время оказывается Россия и русские) и о первенстве в законодательном обустройстве. Со времен классиков национальной историографии XIX – начала XX века стандартная версия национальной истории украинцев обязательно содержит ссылки в одних случаях на «вечевую демократию», в других – на «христианскую казацкую республику». Разумеется, важным элементом подтверждения одновременно и демократичности, и принадлежности к европейскому миру является упоминание о наличии на «исторических территориях» Украины Магдебургского права.

Близким к тезису о «врожденной демократичности» является миф о «раннем конституционализме». В украинском случае эквивалентом «первой в Европе» конституции является конституция гетмана-эмигранта Пылыпа Орлыка. Здесь, как правило, упор делается на то, что она появилась до своих аналогов во Франции и США. Разумеется, миф о первой европейской (украинской) конституции является обязательным элементом «учебниковой» истории – как школьной⁴⁰, так и вузовской.

Миф о демократическом и «европейском» первенстве украинцев иногда принимает несколько экстремальные формы. В брошюре, подготовленной Институтом стратегических исследований при президенте Украины к 350-летию Переяславской Рады, утверждалось, что «социально-экономическое устройство Украинской Казацкой державы был более развитым, чем в Московской державе, где существовало крепостничество, и чем в Речи Поспо-

литой»⁴¹. По мнению авторов, в построении украинского государства Богдан Хмельницкий опирался на «элементы гражданского общества» и «передовые европейские достижения». Уже в середине XVII века он создавал президентскую республику, добился бездефицитного бюджета и ввел политику свободной торговли. В период его правления в Украине были созданы возможности для становления в Украине «буржуазно-демократического государства европейского образца»⁴². Такой набор анахронизмов является стандартным для стандартного «национализированного» нарратива, однако в данном случае он явно сигнализирует о намерениях авторов продемонстрировать «продвинутость» их воображаемой Украины по сравнению с их воображаемой Европой.

Приведенные примеры, следует надеяться, достаточно наглядно демонстрируют общую направленность исторических изысканий в узком и прямом коридоре “национализированной” истории – прочь от “Востока-России” – и “Дан приказ ему – на Запад”, в Европу. Впрочем, когда “незавершенный проект модерности” был завершен, по крайней мере, как линейная реконструкция “своей” истории, немедленно начались поиски ответвлений от магистральной линии. И эти поиски тоже имели свою интеллектуальную историю. Поиск места своей нации в историческом, цивилизационном и геополитическом пространстве, разумеется, не начинался для интеллектуалов Украины с нуля. В обоих случаях они имели под собой достаточно продолжительную интеллектуальную традицию, которую после в конце 1980-х – начале 1990-х удалось изобрести еще раз. Скорее всего, именно так, как повторное «изобретение традиции», видимо, следует воспринимать обращение украинских интеллектуалов к мыслям и обобщениям их предшественников и переосмысление/реконструирование ими национальной истории.

Украина и украинцы – и как воображаемые сообщества, и как субъекты истории, разумеется, не могли не столкнуться с этой классической дилеммой в процессе конструирования истории и наций. В интеллектуальной традиции «Запад», как правило, представал в обличье «Европы» (в разных ее территориальных ипостасях), а «Восток» – в обличье Степи, или в образе России. Ко времени формирования национальных украинских проектов (вторая половина XIX – начало XX века) образ России-«Востока» стал доминирующим в идеологических и научных дискурсах (которые нередко совпадали и переплетались), а Степь и тюркские влияния переместились как объект интереса в область академических исследований⁴³.

Становление украинского национального проекта первоначально происходило параллельно и с разной интенсивностью на территориях Габсбургов и Романовых, однако реальную силу и перспективы реализации этот проект получил только тогда, когда окончательно сформировалась идея соборности (единства) украинских этнических земель, то есть в последней четверти XIX столетия. Попутно заметим, что эта идея соборности как политический кон-

цепт была сформулирована украинскими социалистами как в западной Украине (Юлиан Бачинский, 1896), так и в «восточной» – Братство тарасовцев (1893), Революционная украинская партия (Харьков, 1900). Чрезвычайно важной особенностью становления украинского национального проекта было его противопоставление обоим российским (имперскому и этническому) и польскому проектам. Уже здесь прочитывается дилемма «Европа»-«Запад» или «Россия»-«Восток». Не зря деятели российских имперских охранительных структур искренне полагали, что украинское движение в рамках империи является продуктом польской или немецкой интриги.

Показательно, что на рубеже XIX-XX вв. в украинском проекте построения единой нации присутствовали две тенденции: а) автономная Украина в составе демократической России (здесь при желании прочитывается «вестернизированный Восток»); б) автономная Украина в составе монархии Габсбургов (тут уже прямой путь в «Европу»). В годы Первой мировой войны и последовавших за нею революций обе тенденции трансформировались в идею создания отдельного государства, в результате чего и возникли два украинских государства – Украинская Народная Республика и Западно-Украинская Народная Республика, неудачно попытавшиеся объединиться в единое целое в январе 1919 г. Заметим, что если отделение Западной Украины от «европейских» Габсбургов означало самоидентификацию и самоопределение именно в воображаемом «европейском» культурном и политическом пространстве (пусть даже окраинном), то отделение «большой Украины» (как ее называли западные украинцы) от «азиатских Романовых» получило более выразительный «роевропейский» вектор только после большевистского переворота и интервенции большевиков на территорию Украинской Народной Республики в начале 1918 г. Впрочем, фактически выбора между «Россией» и «Европой» для деятелей УНР не было, поскольку кайзеровская Германия, на которую они сделали ставку, потерпела поражение, а Европа Антанты не имела четких представлений о наличии украинского проекта (в отличие от польского, например).

Все это не могло не отразиться на позициях мыслителей, пытавшихся опередиться с местом своей нации. В украинской интеллектуальной традиции культурная, цивилизационная и политическая дилемма «Между Востоком и Западом» с явными отсылками к историческому опыту окончательно сложилась в 1920-е – 30-е годы – ее можно связать с именами националиста Д. Донцова, коммуниста-романтика М. Хвылевого и консерватора В. Липинского. И если первые два решали проблему на принципе культурных оппозиций «чужим» культурным влияниям, «портящим» национальное Я (здесь упор делался на разрыв с Россией или более метафорически – с Москвой), то последний искал возможности для их гармонизации. Возможно, именно В. Липинский впервые употребил относительно украинской культурной истории понятие «пограничье».

С разгромом «национал-коммунизма» в конце 1920-х – начале 1930-х годов и присоединением Западной Украины к СССР интеллектуальные дискуссии на тему выбора между «Востоком» и «Западом» прекратились, по крайней мере, на поверхности общественной жизни. Неким их отголоском можно считать борьбу с космополитизмом и влиянием «гнилого Запада» в конце 1940-х – начале 1950-х годов, когда пострадали вполне лояльные власти интеллектуалы, заподозренные в склонности к западным образцам. Для большинства украинцев официальной «Европой» стала Москва, неофициальной – Львов, Ужгород, Вильнюс, Таллинн, Рига. Еще более неофициальной – Варшава и Прага. По крайней мере, для советских украинцев, прежде всего, интеллектуалов, контакты с соплеменниками Польши и Чехословакии были, пожалуй, главным «окном в Европу». Это стало очевидным в годы «оттепели» и так называемой ресталинизации, когда Польша и Чехия превратились в главные каналы переправки украинского самиздата и тамиздата на Запад и обратно.

После появления независимой Украины «техническая» проблема (в)хождения в Европу для украинских интеллектуалов была решена – благодаря многочисленным программам обмена, стипендиям, грантам «Европа» и ее младшие сестры за Атлантикой стали не просто доступны, а для некоторых гуманитариев превратились в место почти постоянного проживания. Научные и культурные контакты, обеспечиваемые почти исключительно неукраинскими средствами, немало способствовали появлению ощущения европейскости, а ознакомление (не всегда глубокое) с разнообразными подходами и методологиями, ранее недоступными, расширяли горизонты. Появились интеллектуальные основания для поиска более изысканных мыслительных и аналитических конструкций.

В конце 1990-х, собственно, когда украинские историки дозрели до критических саморефлексий, интересное наблюдение по поводу разных «потоков» в размещении «Себя» между «чем то и чем то» сделала Н. Яковенко⁴⁴. Методом классификации она избрала деление гуманитариев (собственно, историков) на поколения, а главными индикаторами – «представления о собственном жизненном и геокультурном пространстве».

Старшее поколение, по ее мнению, видит залог «возрождения» украинской науки в ее возвращении к ценностям национальной истории, и поскольку «пространство нации представляется некой целостной, самодостаточной в своей уникальности единицей» – они, если мысль автора понята правильно – ищут для Украины собственный, «третий» путь – ни с Востоком, ни с Западом. Среднее поколение, продолжает Н. Яковенко, ориентируется в основном на межвоенную и послевоенную эмигрантскую мысль, и с энтузиазмом подхватив родившуюся в 1920-е годы формулу «Украина между Востоком и Западом», они акцентируют в ней западную составляющую – «европейскость» Украины представляется как следствие некой трансплантации «прогрессивной» европейской культуры без определения конкретного пункта рецепции – «из стран Западной Европы»⁴⁵.

Третья (наименьшая) группа исследователей, младшего поколения, «скептически воспринимает и анахронизмы адептов «национальной истории», и безадресный энтузиазм сторонников «европейскости» Украины». Как считает Н. Яковенко, источником вдохновения и даже «эталоном» для этих историков были труды американских и канадских украинистов, а также общение с польскими коллегами. В этом кругу также признают формулу Украины «между Востоком и Западом», однако «западные» элементы увязывают с пересадкой «латинской» культурной традиции через Польшу, прежде всего, времен Речи Посполитой. Как справедливо указывает автор этой классификации (имевшей множество исключений и вариаций и к нынешнему времени несколько сменившей адресат с точки зрения поколений), во всех упомянутых дискурсах не присутствует Восток.

В итоге, в рамках всех перечисленных дискурсов «...пространство между Востоком и Западом... окончательно сместилось в сторону Запада»⁴⁶. Сама автор придерживается мысли об Украине как перекрестке культур: «...территория Украины благодаря своему географическому расположению на стыке Евразийской Степи и двух массивов европейской («византийской» и «латинской») культур, действительно является «перекрестком» между Азией, православной Европой и «латинской» Европой»⁴⁷.

Чуть позже, и гораздо более пространно, на эту тему высказалась польская исследовательница Оля (Александра) Гнатюк. Предметом ее внимания были преимущественно литераторы, в более широком смысле – «интеллектуалы», в число коих по доброте автора попали историки. Как считает О. Гнатюк, в Украине соперничают пять интеллектуальных видений Украины между Востоком и Западом⁴⁸. Первая – украинская культура как культура пограничья между Востоком и Западом, она, в совокупности ее разнообразных составляющих и в разнообразию, порожденным этой пограничностью, является сутью украинской идентичности. Интерес к упомянутому культурному разнообразию особенно велик относительно периода XVI–XVII ст., когда контакты Востока и Запада на «украинских землях» были особенно интенсивны. Украина – своего рода мост, объединяющий Восток и Запад, культурный посредник. Наличие элементов разных культур в украинской стороне этой версии считают преимуществом.

Вторая версия – украинская культура как поле, на котором соперничали две чуждые и даже враждебные цивилизации. Здесь Украина предстает территорией конфликта, водоразделом между этими цивилизациями. Эта версия предполагает культурную приоритетность, верховенство Запада и особую роль Украины как защитника европейских ценностей. Черты Востока, отождествляемого, прежде всего, с Россией и набором стандартных стереотипов (деспотия, жестокость, культурная отсталость), отменяются или признаются негативными при наличии их в своей культуре (если оно вообще признается), всячески культивируется идея «западности» украинской культуры.

Третья концепция основывается на различиях между восточной и западной Украиной. Уточняя мысль автора, можно сказать, что здесь в пределах национального пространства выделяются свои собственные Восток и Запад. Однако их наличие внутри собственного культурного пространства приводит не к культурному синтезу и неповторимости (как в случае с первой версией), а к конфликту и разделению общества, расщеплению идентичности. Здесь стоит упомянуть бурную дискуссию по поводу «двух Украин» (которой О. Гнатюк уделила немало места), спровоцированную публицистом М. Рябчуком – реакции украинских интеллектуалов засвидетельствовали достаточно острые переживания по поводу наличия «двадцати двух Украин» и своих собственных «Востока и Запада» внутри Украины.

Четвертый подход состоит в попытках вписать национальную культуру в западный контекст с помощью средств искусства или через интеллектуальный дискурс.

Наконец, сторонники пятого варианта помещают Украину в центр Европы. Таким образом формируется специфический вариант «украинской европейскости», отличный от всех остальных.

О. Гнатюк суммирует свои наблюдения очень важным замечанием: «Выразителям всех концепций присуще ощущение чуждости европейской культуры, которое проявляется с разной интенсивностью. В пределах первой концепции речь идет об ощущении непохожести, не выраженном через ценностные категории, в границах второй, третьей и четвертой – о трактовке европейской культуры или как образца, или как объекта культурных устремлений, либо как меры собственного несовершенства. Что же касается пятой концепции, то здесь мы имеем главным образом критическое отношение к европейской культуре – вследствие ощущения отвергнутых ею или разочарованных в ней»⁴⁹.

Стоит согласиться с мнением польской исследовательницы, что определяющей в каждом из упомянутых дискурсов является позиция относительно собственной культуры и перспектив ее модернизации⁵⁰. Страх перед модернизацией провоцирует желание доказать особую историческую роль Украины или ее культуры и консервировать или воспроизводить те образцы, которые свидетельствуют о ее уникальности⁵¹.

В процессе поисков разрешения «проклятой дилеммы» наблюдалось своего рода ее методологического оплошление, когда, по раздраженному замечанию А. Толочко, она стала превращаться в общее место. В то же время, именно историки, вкусившие с древа познания «западной» методологии (в разных, в том числе транслированных формах) решились на то, чтобы ступить на минное поле рассуждений о ней.

Интересно, что на достаточно высоком профессиональном уровне проблемой заинтересовались историки-медиевисты и те, кто посвятили себя изучению раннемодерной истории Украины, т.е. историки тех периодов, когда интерпретация этой метафоры предполагает постмодернистские вариации.

Интересно, что в независимой Украине первое «воззвание» в духе «Украина как пространство пограничья» прозвучало из уст именно того историка, который по определению как бы принадлежал к адептам «национализированной» историографии. Львовский медиевист Я. Дашкевич, явно вдохновленный идеями В. Липинского, довольно пространно высказался по поводу украинских земель как большого кордона «между Востоком и Западом». Говоря об Украине периода с середины XIII и до конца XVIII вв. Я. Дашкевич идентифицирует здесь несколько важных природных и антропогенных «кордонов», которые, по его мнению существуют и сейчас: «биологический, или как сейчас принято говорить, экологический, – между степью и лесом с промежуточной полосой лесостепи; гидрографический – Большой европейский водораздел между бассейнами Черного и Балтийского морей; социально-экономический – между кочевничеством и оседлостью; этноконфессиональный – между славянами и тюрками-язычниками, позже мусульманами, и, в результате, этнокультурный – между, вообще говоря, культурой Запада и культурой Востока. При такой насыщенности кордонами можно целиком согласиться с мыслью, что по территории Украины проходил, в зависимости от политических обстоятельств, также Большой кордон, который, как уже упоминалось выше, прокладывают по всему земному шару»⁵².

Эти рассуждения любопытны, помимо прочего, постоянным присутствием «Украины» и «украинцев» как данности в описываемый период. Типичный прием «национализированной» историографии. Нетипичным есть то, что Я. Дашкевич признает наличие антропологических, культурных и политических влияний «Востока» через зону Большого кордона на «Украину» и «украинцев». Для него Великий кордон – это не «санитарный барьер», а «зона разнообразных этнических контактов», зона этнокультурного обмена. Разумеется, такое понимание Пограничья используется именно для утверждения идеи национального своеобразия украинской нации.

Другой историк, не признающий некоего вневременного, трансцендентного присутствия «украинцев» и «Украины» во времени и пространстве, трактует Пограничье также как контактную зону. При этом Н. Яковенко признает еще и наличие постоянно «плавающих» кордонов, которые могли быть внутренними, могли становиться и внешними, а потом вновь превращаться во внутренние. «Пространство, которое сегодня является территорией Украины, в течение многих веков расчленили постоянно смещающиеся внутренние кордоны: между языковыми и этническими группами, государствами, религиями, политическими и культурными системами, ареалами кардинально отличающихся экономических укладов. Это сделало его ярко выраженной контактной зоной с весьма пестрым спектром социокультурных феноменов»⁵³.

Медиевиста и текстолога А. Толочко (также в некотором смысле оппонента Я. Дашкевича с точки зрения национального «миллениума») метафора привлекла с точки зрения оценки ее инструменталистских возможностей

в пояснительных схемах. По его мнению, популярность обращения к ней обусловлена инструменталистской универсальностью схемы. «Ее привлекательность, – писал он, – кроме всего иного, состоит в предполагаемой способности (благодаря метафорической формулировке) объяснять любые явления в украинской истории (от Киевской Руси до разочарований времен независимости), пограничным статусом Украины, ее несчастливой (или наоборот, на редкость удачным, в зависимости от предпочтений) расположением между двумя цивилизациями, которое в конечном итоге привело к одновременной независимости от каждой из них. При этом такой способ мышления оставляет еще и простор для оптимизма – иллюзорной возможности для удачного синтеза *the best of two worlds*. Привлекательность идеи усиливается еще и тем, что она является очевидным контрастом по отношению к традиционной националистической парадигме украинской истории, которая делала ударение на извечной принадлежности Украины (в отличие от ее северо-восточного Соседа, имя которого не будем поминать всуе) к европейской цивилизации. Соответственно, концепция пограничности Украины все более становится манифестацией либерального видения украинской истории»⁵⁴. Пример Я. Дашкевича свидетельствует о том, что националистическая парадигма вполне комфортно уживается с идеей пограничья, поэтому референция А. Толочко о ее связи с либеральным видением украинской истории является скорее пожеланием.

Процесс «национализации истории» в Украине завершился в конце 1990-х. История Украины в виде базового национального нарратива, канонической версии национальной истории стала неотъемлемой частью представлений общества о самом себе, способов презентации государства и нации как внутри страны, так и за ее пределами. Каноническая версия национальной истории отображена в образовательных стандартах, программах и учебниках. Казалось бы, существуют все предпосылки для ее «нормального функционирования» в качестве основы гражданского воспитания. Тем не менее, в последние годы эта версия украинской истории вызывает все больше нареканий и претензий. Иногда порожденных политической конъюнктурой, происками и спекуляциями политиков, иногда – действительно гуманитарными мотивами, тревогой профессиональных историков и общественных деятелей за моральное состояние общества, в котором унифицированный вариант этнически эксклюзивной истории порождает культурную нетерпимость, ксенофобию и конфронтационные инстинкты. Тенденции последних лет, когда история все более превращается в элемент и фермент внутренней и внешней политики, весьма тревожны. Дискуссии по поводу тех или иных проблемных мест в прошлом экстраполируются в настоящее и приводят к разделению общества и даже международным конфликтам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Довольно подробный отчет содержится в содержательном сборнике, дважды изданном в Москве в 1999 и 2003 гг.: См.: Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) Национальные истории в советском и постсоветском пространстве. М., 2003. Следует заметить, что очерки об Украине и Беларуси, помещенные в данном сборнике, демонстрируют два разных подхода к пониманию и трактовкам историографических процессов в этих странах со стороны российских коллег: Т. Гузенкова в основном удерживается в рамках нейтральности, в то время как С. Константинов и А. Ушаков местами демонстрируют весьма плачевную тенденциозность.

² В 1992 г. желто-синий флаг и трезубец, за использование которых еще пару лет назад можно было угодить в тюрьму, использовались как государственные символы. Окончательно в этой роли они были узаконены Конституцией Украины в 1996 г.

³ Термины «национальная мифология», «национальный миф» не несут негативно-морализаторской смысловой нагрузки. Это аналитические категории, объединяющие некий относительно стабильный комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих исторических представлений, символов, стереотипов, стандартных трактовок, имеющих общественно важное идеологическое и культурное значение и выполняющих функции культурного маркирования.

⁴ Конечно, на самом деле, любая национальная история пишется «реверсивным» методом: из настоящего в прошлое, ситуация настоящего проецируется на прошлое.

⁵ См. более подробно: Касьянов Г. Украина – 1990: «бои за историю» // Новое литературное обозрение. 2007. №1/2. .

⁶ Симоненко Р. Г. До концепції багатотомної “Історії українського народу” (міжнаціональний та міжнародний аспекти), К., 1993. С. 7.

⁷ Суть новации и ее критика изложены в статье: Бистрицкий Є. Чому націоналізм не може бути наукою // Політична думка. 1994. №2. С.30-35

⁸ Это не означает отсутствия такой политики: в 1990-е годы была создана система государственных наград, основанная на обращении к истории, введена национальная валюта, представляющая визуальный ряд национального пантеона, поставлены памятники выдающимся национальным деятелям из этого же пантеона, созданы общенациональные комеморативные практики.

⁹ Слово «стратегия» означает наличие некой достаточно уясненной цели и понимание средств ее достижения, но поскольку речь идет об обществе, оно не исключает наличия значительного количества спонтанных реакций, непредвиденных действий и эмоциональных мотивов для этих действий.

¹⁰ В украинской интеллектуальной и в более узком смысле – историографической традиции, восходящей к рубежу XIX-XX вв. понятия «народ» и «нация» тождественны, украинская нация – это этнические украинцы. Понятие гражданской нации передается, как правило, термином «народ Украины».

¹¹ В 2005 – 2006 гг., когда в октябре отмечалась очередная годовщина создания УПА, на центральной площади столицы собирались ветераны УПА и их сторонники, и ветераны Великой Отечественной, «разогреваемые» левыми. Побойща между ними стали своего рода традицией. С 2007 г. практикуется проведение публичных акций, представляющих враждующие стороны, в разных местах.

¹² «Зажги свечу» – ежегодная акция, задумывавшаяся как общенациональная. Первый раз проведена еще в 2003 г. В день поминовения жертв голода 1932 – 1933 гг. (ежегодно – четвертая суббота ноября) все желающие выставляют в окне горящую свечку. «Негасимая свеча» – сноп колосьев высотой около 1,5 метров и весом около 200 кг, сделанный из лучших сортов пчелиного воска, собранного во всех областях Украины, в течение 2008 г. передавался из страны в страну (33 страны – их число должно было совпасть с датой трагедии), где по его прибытии проводились панихиды и митинги. К осени 2008 г. этот символ объехал и все области Украины. «Негасимая свеча» закончила свой путь в Мемориале памяти, открытом в ноябре 2008 г. в Киеве, став одним из первых экспонатов. «33 минуты» – акция, проведенная с июня по ноябрь 2008 г. в публичных местах (на площадях, или возле сохранившихся памятников и памятных знаков «деятелям тоталитарного режима»). Каждый выходной день в течение 33 минут вслух зачитывались имена и фамилии умерших от голода в 1932 – 1933 гг.

¹³ Калиновый гай – более двух сотен кустов калины, высаженных депутатами парламента под руководством В. Ющенко в 2007 г. на склонах Днепра неподалеку от Киево-Печерской Лавры.

Там же в ноябре 2008 г. был открыт мемориальный комплекс «Мемориал памяти», центральным элементом которого является часовня-свеча высотой в 26 метров.

¹⁴ В 2006 г. украинский парламент силами президентских фракций принял закон о голодоморе, который квалифицировал голод 1932 – 1933 гг. как геноцид. Публичное отрицание Голодомора было признано аморальным и противоправным. Основываясь на этом законе В. Ющенко в конце 2006 г. подал законопроект, предполагающий уголовную ответственность за отрицание Голодомора и Холокоста как актов геноцида. Похожий законопроект внесли и депутаты из пропрезидентской фракции, правда здесь речь шла только об отрицании Голодомора как геноцида. Впоследствии В. Ющенко включал этот свой законопроект как «неотложный» во все пакеты законопроектов, являвшихся предметом торга с оппонентами по вопросам разрешения политического кризиса – факт весьма впечатляющий, говорящий о серьезности его отношения к проблеме.

¹⁵ С 1993 по 2008 гг. голод 1932 – 1933 гг. актом геноцида против украинского народа признали парламенты 13 стран. Усилия украинской дипломатии, направленные на принятие таких решений на уровне международных организаций, закончились неудачей. В 2007 – 2008 гг. Парламентская Ассамблея ОБСЕ, Европарламент и ЮНЕСКО приняли специальные резолюции, посвященные голоду 1932 – 1933 гг., однако слово «геноцид», вопреки стараниям украинских дипломатических служб, там отсутствовало.

¹⁶ Речь идет о надругательстве над государственным символом Украины на горе Говерла и хулиганском нападении на выставку, посвященную Голодомору в Украинском доме в Москве, совершенных активистами некоего «Евразийского союза молодежи» в 2007 г.

¹⁷ Звание, и прилагаемый к нему нагрудный знак, по сути, являются копией звания Героя Советского Союза.

¹⁸ Проект такой резолюции был принят Генеральной Ассамблеей ООН. Против проголосовали США, воздержались все страны Евросоюза, включая Эстонию и Латвию, и Украина. Поводом для принятия резолюции стали действия властей стран Балтии, попустительствующих, по мнению России, «реабилитации» солдат и офицеров национальных военных формирований Waffen-SS (Латвийского легиона и эстонской 40 дивизии). Разумеется, речь шла и об УПА, Р. Шухевиче и С. Бандере.

¹⁹ Достаточно вспомнить публичные страсти вокруг установки памятника С. Бандере во Львове в 2006 – 2007 гг. или демонстрации национал-демократов и украинских националистов в Одессе, где в скульптурной группе, посвященной основателям Одессы и установленной в октябре 2007 г., наличествовал центральный образ – Екатерины Второй. Согласно школьной программе, абсорбировавшей все базовые национальные мифы рубежа XIX–XX вв. и развитые эмигрантской историографией, Екатерина Вторая представляла «душительницей украинства» (равно как и Петр Первый).

²⁰ Термин «стратегия» употребляется исключительно как описательно-аналитическая категория. По сути, речь идет о способах приспособления к идеологической и политической конъюнктуре.

²¹ Дискуссии по этой проблеме стартовали в самом начале 2000-х и продолжают по сей день. Первые публикации по этой теме: Гончаренко Н., Кушнарьева М. Школа іншування // Критика. 2001. №4; Українська історична дидактика: міжнародний діалог (фахівці різних країн про сучасні українські підручники з історії). Зб. наук. ст. / За ред. М. Телус, Ю. Шаповала. К., 2000. На одной из крупных международных конференций интенсивно обсуждалась проблема Другого в учебниках истории. См.: Образ Іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації. Матеріали міжнародної наукової конференції, Київ, 15 – 16 грудня 2005 року. К., 2008

²² Традиционная схема «перетекания» украинской истории и апелляции к народу как носителю преемственности окончательно оформилась во времена В. Антоновича – М. Грушевского. После Второй мировой войны она была модифицирована выдающимся «диаспорным» историком-эссеистом И. Лысяком-Рудницким.

²³ Терминология Энтони Смита. Более подробно см.: Smith A. Nationalism and modernism. A critical survey of recent theory of nations and nationalism. London – New York, 1998.

²⁴ Более подробно об этой дискуссии см.: Kasianov G. Rewriting and Rethinking: Contemporary Historiography and Nation Building in Ukraine // Kuzio T., D'Anieri P. Dilemmas of state-led national building in Ukraine. Praeger, 2002. P. 29 – 46.

²⁵ Hagen M. von. Does Ukraine Have A History? // Slavic Review, 1995. No. 3.

²⁶ Поскольку автор причисляет себя к этому сообществу (среди наиболее известных представителей которого стоит упомянуть Н. Яковенко, А. Русину, А. Толочко, Я. Грицака, В. Кравченко, О. Журбу и др.), за более обстоятельными и объективными оценками следует обратиться к внешнему наблюдателю. Совсем недавно вышел обширный труд польского историка Томаша Стриека, в котором можно найти подробное описание взглядов и дискуссий украинских историков – «ревизионистов» национализированной истории. — См.: Stryjek T. Jakiej przysięgi potrzebuje przysięść? Interpretacje dziejów narodowych w historiografii i debacie publicznej na Ukrainie 1991 – 2004. Warszawa, 2007.

²⁷ Популярный украинский литератор Юрий Андрухович удачно сыграл словами, назвав сборник своих эссе «Дезориентация на местности». Среди многочисленных прочтений термина «дезориентация» есть и такое – освобождение от «Ориента», уход от «Востока».

²⁸ В данном случае не имеет значение, какой именно нации – «этнической» («культурной») или «политической» («гражданской»)

²⁹ Смысловый ряд можно продолжить – «социалистический лагерь», коммунизм и т.п.

³⁰ На примере Украины и украинской историографии краткую интеллектуальную и идеологическую генеалогию «воссоединительного синдрома» предложила Наталья

Яковенко в коротком, но весьма содержательном с точки зрения контекстов эссе: Яковенко Н. Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії // Дух і Літера. №3-4. С. 118 – 121. В свете ее рассуждений само собой напрашивается мысль о том, что многочисленные и назойливые рассуждения современной «национализированной» историографии об исторической «европейскости» Украины и о ее «возвращении» в Европу являются зеркальной копией “воссоединительных” схем советской историографии, предлагавших воссоединяться с Россией.

³¹ Нариси стародавньої історії України. К., 1994. С. 147.

³² Автор этих мистификаций, получивших огромную популярность публики и презрение профессиональных историков, Ю. Каныгин, к цеху профессиональных служителей Клио не принадлежал. – См.: Канигін Ю. Шлях аріїв. Україна в духовній історії людства. К., 1996.

³³ Киричук В. Історичні корені українського народу: до питання етногенезу українців // Генеза. 1994. №1. С. 144 – 145.

³⁴ Дашкевич Я. Нація і утворення Київської Русі // Формування української нації: історія та інтерпретації. Матеріали круглого столу істориків України. Львів, 1995. С. 11-15.

³⁵ Смолій В., Степанков В. Українська національна революція ХУІІ ст. (1648 – 1676). К., 1999. С. 338.

³⁶ По поводу прямых и скрытых реминисценций и терминологии классовой истории весьма пространно и с убийственной иронией (один из авторов не на шутку обиделся) написала Н. Яковенко. – См.: Яковенко Н. В кольорах пролетарської революції // Український гуманітарний огляд. 2000. №3.

³⁷ Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації ХІХ – ХХ століття. К., 1996. С. 14.

³⁸ Там же. С. 15.

³⁹ Любар О.О., Стельмахович М.Г., Федоренко Д.Т. Історія української школи і педагогіки: Навч. посібник. К., 2003. Цит. по: Русина Е. В поисках черной кошки, или История как фарс Зеркало недели. 2008, 2-8 февраля.

⁴⁰ В учебнике по истории Украины для 8 класса сообщается, что конституция П. Орлика «не только провозглашала независимую Украинскую державу, а также закрепляла наиболее прогрессивные для того времени идеи о государственной жизни». – См.: Власов В. Історія України. Підручник для 8 класу загальноосвітніх навчальних закладів. К., 2002.

⁴¹ Переяславська угода 1654 року: історичні уроки для українського народу. К., 2004. С. 9.

⁴² Там же. С. 9 – 10.

⁴³ Употребление географических терминов не должно вводит в заблуждение – речь идет об идеологемах и метафорах, это воображаемая, цивилизационная, культурная «география», которая лишь частично совпадает с географией как таковой.

⁴⁴ Яковенко Н. “Україна між Сходом і Заходом”: проєкція однієї ідеї // Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні ХVІ – ХVІІ ст. К., 2002. С. 360 – 361.

⁴⁵ Приведенный в качестве примера труд действительно показателен с точки зрения механистического «вталкивания» национализированной истории в «европейские модели» – Терещенко Ю. Україна і європейський світ. Нарис історії від утворення Старакивської держави до кінця ХVІ століття. К., 1996.

⁴⁶ Тут и ранее – цитаты из: Яковенко Н. Україна між Сходом і Заходом: проекція однієї ідеї // Паралельний світ. Дослідження з історії уявлення та ідей в Україні XVI – XVII ст. К., 2002. С. 360 – 364.

⁴⁷ Там же. С. 364.

⁴⁸ Гнатюк О. Прощання з імперією. Українські дискусії про ідентичність. К., 2002. С. 346 – 247.

⁴⁹ Там же. С. 347.

⁵⁰ Судя по контексту, в данном случае термин «модернизация» тождественен «осовремениванию».

⁵¹ Там же. С. 347.

⁵² Дашкевич Я. Україна між Сходом і Заходом (XIV – XVIII ст.) // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Т. ССХХІІ. 1991. С. 29 – 30.

⁵³ Яковенко Н. Україна між Сходом і Заходом”: проекція однієї ідеї. С. 333.

⁵⁴ Толочко О. The Good, The Bad and The Ugly // Критика. 1998. №9.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ УКРАИНА

Герб малый – знак княжеской власти (Рюриковичей), использовался князем Владимиром Великим.

В 1918 – государственный герб Украинской Народной Республики.

В качестве официального герба независимой Украины утвержден в Верховной Радой в 1992 г.

Герб большой (проект) – в центре голубой щит с изображением трезубца. Щит держат золотой лев и казак – символы использовавшиеся гетманами в 17 ст. Над щитом – сень, увенчанная изображением великокняжеского венца (использование этих двух элементов, символизирующих монархию, на гербе республики вызывает споры специалистов).

Под щитом – желто-голубая лента, пшеничные колосья и скрепляющая их гроздь калины.

Большой герб обычно является собранием гербов земель, составляющих территорию страны. Без этих элементов большой герб не имеет традиционного исторического смысла, поэтому данный проект вызывает серьезные замечания специалистов по геральдике и эмблематике.

Законопроект о большом гербе зарегистрирован еще в 2001 г. но од сих пор Большого герба официально не существует.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН РЕСПУБЛИКИ УКРАИНА

*Утвержден Законом Украины (март 2003)
Полный текст написан в 1862 г., в качестве
официальной версии взяты первый
куплет и припев*

*Музыка М. Вербицького
Слова П. Чубинського*

“Ще не вмерла України і слава, і воля,
Ще нам, браття молодії, усміхнеться доля.
Згинуть наші воріженьки, як роса на сонці.
Запануєм і ми, браття, у своїй сторонці.

Приспів:

Душу й тіло ми положим за нашу свободу,
І покажем, що ми, браття, козацького роду”

(перевод)

Ещё жива Украины и слава, и воля,
Ещё, братья молодые, улыбнётся судьба.
Сгинут наши враженьки, как роса на солнце.
Заживём и мы, братья, в своей сторонке.

Припев:

Душу и тело мы положим за нашу свободу
И покажем, что мы, братья, казацкого рода.

«БОИ ЗА ИСТОРИЮ» В ЛАТВИИ

*Виктор МАКАРОВ**

Занимаясь вместе с некоторыми коллегами исследованием межэтнических отношений и тем, как развиваются идентичности разных частей общества в Латвии, как воспринимается история в старших выпускных классах школы, кто и с каким историческим сознанием выходит из них, я хотел понять социальные и политические факторы, влияющие на эти процессы. Очевидно, что не только в Латвии, но, по крайней мере, в Латвии в особой степени, «бои за историю» являются, прежде всего, внутренними боями. Не боями между соседями, а между различными частями одного общества. Перед нами своеобразный треугольник, в котором, с одной стороны, есть латвийская официальная, поддерживаемая большей частью латышско-язычного населения, версия истории, с другой стороны, «контрверсия», которую поддерживает другая часть жителей Латвии, наконец, с третьей стороны, версия истории Латвии, как она видится вне Латвии.

В реальной жизни всё это смотрится подчас парадоксально. Как обычно празднуется Новый год? Когда начинают открывать шампанское? В 24.00 по местному времени. Но если вы приедете в Ригу, то сразу обратите внимание, что шампанское начинают открывать в 23.00, и петарды начинают запускать именно в это время, потому что люди празднуют Новый год по кремлевскому времени. Включается первая кнопка на телевизоре, появляется 1 канал российского ТВ, и под бой курантов, под выступление президента России, начинается встреча Нового года. Затем на следующий день депутат от Национальной радикальной партии господин Добелес выходит на трибуну и говорит: - Я посчитал, как много петард было запущено в 23.00. Посмотрите, сколько живёт в Латвии врагов! Внутренних. Вот так у нас происходит...

Когда президент России говорит о величайшей исторической катастрофе XX века, то это в Латвии слышат, это слышат очень и очень хорошо. И проблема здесь герменевтическая. Понятно, какой диапазон смыслов можно в эту фразу вкладывать с точки зрения В. Путина, но с точки зрения латвийского наблюдателя это означает, что Россия сильно жалеет, что потеряла свою империю. Логическим продолжением этого сожаления являлась бы попытка восстановления этой империи, естественно, и за наш латвийский счет.

В отличие от ситуации в российской исторической науке, историография Латвии, скорее всего, в основных своих чертах уже сформировалась. Она основана на некоторых ключевых идеях и ключевых фактах, в частности, на законо-

* Публикуется текст выступления на Международной конференции, проведенной в рамках проекта 3 октября 2008 г.

мерном возникновении в 1918 г. латвийской республики. Однако именно советская оккупация является одним из основных положений в историографии, если можно говорить о каких-то исторических мантрах. Если нет согласия по этому поводу, то дальше вести разговор по большому счету бессмысленно. Именно вокруг этого момента у нас в треугольнике и происходят дебаты. Одни говорят, да, была оккупация, вторые – аннексия, третьи о том, что пакт Молотова-Риббентропа был вынужденным. Тогда первые заявляют: признайте оккупацию и извинитесь. И далее по известному кругу.

Другое основополагающее положение в историографии касается вопроса именно о восстановлении, а не создании, латвийской республики в 1990-1991 гг. Это тоже имеет значение из-за внутривнутриполитических причин, конкретных вопросов отношений между Латвией и Россией, к примеру, недавно исчерпанным пограничным конфликтом. Дальше к обозначенному ядру современного историографии добавляются разные элементы, которые носят, прежде всего, оценочный характер, по которым возможны вариации и разные акценты. Это касается последствий советской оккупации для Латвии как для государства, для народа, пережившего депортации, репрессии, русификацию. Популярным стало сравнивать: кто в Латвии больше убил людей – в 1940-1941 гг. Советская власть или с 1941 по 1944 г. немецкая оккупационная армия? Идут активные подсчёты, их результаты, безусловно, разные. Например, депутат Европарламента от Латвии Крестовский утверждает, что в 1940-1941 гг. людских потерь было больше.

Латвия рассматривается многими и в научном сообществе и вообще в обществе как жертва двух тоталитарных режимов. Тоталитарные режимы – равноужасны. Эта версия разделяется, конечно, не всеми историками, существуют разные мнения по этому вопросу, есть нюансы, которые обсуждаются. Одни точки зрения высказывать удобнее и приятнее, чем другие. Но, тем не менее, разные позиции обозначаются.

На государственную политику истории сильно влияет вопрос об ответственности современной России за преступления советского режима, об ответственности русскоязычного населения вообще. С вопросом оккупации связаны межэтнические отношения, положение русскоязычного населения в Латвии, как не граждан, как людей, которые оказались в Латвии после 1940 г., часть которых легализовалась, стала гражданами Латвии. Ко всему этому следует отнести вопросы прав русского языка, русской культуры, образования. Русскоязычного населения до 1940 г. в Латвии было гораздо меньше. Затем, в связи с активной эмиграцией, ситуация изменилась. И вот каждый раз, когда мы начинаем обсуждать эти вопросы, неуклонно возникает вопрос 1940 года. Каждый раз, когда мы говорим о конвенции прав национальных меньшинств, которая, в частности, требует таких символических вещей, как надо писать названия улиц – только на основном государственном языке или на языках национальных меньшинств?

Итак, перед нами особая историческая ситуация, особая этническая политика, связанная с проблемой 1940 года. И поэтому многие внешнеполитические задачи и классическая идея международного мультикультурализма у нас не реализуются в полной мере. Именно из-за этого сложилась у нас «контристория». Она стремится защищать большую часть русскоязычного населения. Она пытается если не опровергнуть смысл 1940 года, то дополнить его, показать, что действия Советского Союза тоже были объяснимы, что русскоязычное население не виновно, что русскоязычные работали на заводах, строили то, что сейчас служит людям, латвийцам, а не кому-либо другому.

Естественно, что для латышскоязычных граждан история Латвии – это история Латвии в признанных границах. Дальше повествуется, как она возникла, причём от древних латышских племен или древне-балтийских племен до сегодняшнего дня. Русскоязычные воспринимают все это через призму истории России, СССР. Да, там была Латвия, она была оккупирована, потом она откололась, и вот теперь в этой «отколовшейся губернии» мы и живем. Таков популярный взгляд. Это вопрос восприятия и он хорошо проявляется на примере праздников и памятных дат прошлого. 18 ноября -- День независимости, который большая часть латышей воспринимает положительно, а русскоязычные используют для отдыха, загородной поездки. Но по-настоящему свой для них – праздник 9 мая, День Победы. Он стал знаковым, как и для России, именно в последние годы. Десять лет назад такого количества молодежи в Риге к памятнику Победы не приходило.

И это тоже одна из причин того, почему официальная латвийская история русскоязычной частью населения отталкивается и в молодежной аудитории не воспринимается. Проведенные фокус-группы среди русскоязычных школьников показывают, что, прежде всего, отвергается трактовка в программах обучения и в школьных учебниках 1940 года. Причем не отдельные факты и разные неприятные вещи, не какие-нибудь заскоки, нарушающие нормальное историописание, а вся концепция в принципе. Она не находит отклика. Её не отвечают на уроках. Главенствует то, что мы связываем с личной, семейной историей, потому что у всех, в том или ином поколении есть родственные связи с Россией, все связано с российскими СМИ, телевидением и Интернетом.

Таким образом, проблема состоит в том, что какой-то разумной версии истории, основанной на идентичности латвийского гражданина или жителя Латвии (все равно русскоязычного или другого) у нас до сих пор нет. Эту версию пытаются создать, но не особенно успешно. Потребности нет. А вот на российский вариант истории спрос есть, что видно по тому, что люди читают и что смотрят. Кино делает не только Эдвин Сноре. У нас в Латвии депутаты от русскоязычных партий тоже сделали свое кино, где чуть ли не главным действующим лицом является латышский легион.

Вокруг него давно ведутся интенсивные дебаты, похожие на украинские. Одна сторона говорит, что в легион просто насильно брали людей, разозленных

действиями Советской властью, другая сторона возмущена тем, как солдаты легиона смеют выходить на улицы. Диалог, естественно, не возникает. Во многом из-за того, кто и как озвучивает этот вопрос. Думаю, что любой латвийский историк скажет: одно дело – полицейские батальоны или формирования, в данном случае латвийские, другое дело – легион СС. У нас опять-таки, с одной стороны, все это связывается, а, с другой, – развязывается. Латышская часть дискуссии о легионе СС связана с тем, что в нём было много людей с латышской стороны, они были не в полицейских батальонах, а именно в этих легионах СС, которые не являлись добровольными. Но одновременно не любят вспоминать про полицейские формирования.

Был у нас такой лётчик Цукурс, знаменитый во всей Латвии, наиболее удачливый летчик до войны. А во время войны он пошел по собственной воле вот в один из этих полицейских батальонов. Лично отличился. И вот выпустили у нас марку в честь этого Цукурса. И кто на марке? Летчик Цукурс или Цукурскаратель? Вот и разбери -- упоминают то, что выгодно упоминать, а то, что невыгодно, пытаются замалчивать. С обеих сторон.

Словом, мы можем наблюдать подвижки в этнополитической сфере -- были определенные ошибки с образованием для русскоязычных, пытались активно перевести его на латышский язык, потом все это спустили на тормозах; была проблема неграждан, а сейчас государство искренне пытается найти другие пути её решения, – однако исторические разногласия убрать пока невозможно.

У нас по-прежнему будут вырастать поколения с разным восприятием истории. Что можно попытаться сделать, так это дать установку на то, что в нынешних условиях не может быть одной единственной правильной версии истории. Пусть обсуждаются и сравниваются разные варианты, пусть конкурируют разные мнения. Тем более, что до сих пор живы старики, которые ходят к тому или иному памятнику, и это их собственная история. Они не могут просто всё забыть и не рассказывать о прошлом своим внукам. У нас, кстати, именно от дедушек и бабушек передаётся детям историческая память, а не от родителей, занятых на работе. Поэтому лучшее, что мы можем сейчас достичь, так это исторический плюрализм, национальную идентичность, которая вбирает в себя разные взгляды на трудные вопросы прошлого. Если мы говорим о каком-то гражданском элементе, объединяющем сегодня общество, то ясно, что им не может быть история. Счастливое прошлое невозможно найти, но счастливое настоящее или будущее – вполне возможно. Поэтому для нас принципиальны интерпретации прошлого у соседей, в том числе России.

Естественно, не прошли незамеченными попытки российских авторов А. Филиппова и А. Данилова (а они активно цитируются в Латвии) продвинуть версию, что сталинский режим был естественным и эффективным. То, что России представляется российской историей, на самом деле, является частью истории Латвии, потому что сталинский режим, понятно, действовал на всех. И у латвийского общества реакция на сталинский режим вполне однозначная,

адекватная. Реакцией России на свое собственное прошлое не может ограничиваться дело. Мы имеем длительные отрезки общей истории, а значит, она не может быть чьим-то единственным, собственным достоянием, как бы это кому-то не хотелось.

Представления об истории в балтийских дискурсах крайне сложны, за этим не столько прошлое, сколько представления о себе, друг о друге. Не надо видеть в латышах этнонационалистов и вести при этом разговоры о фашизме. Никому еще в голову не пришла мысль об оправдании немецкой оккупации и немецкого фашизма. И у режиссера Сноре не найти стремления оправдать фашизм и национализм. Но, соответственно, у нас распространена точка зрения о том, что в России происходит возрождение сталинизма, что подтверждается цитатами из учебника Филиппова и Данилова. К нам приезжает Джордж Лукас, написавший замечательную книжку о новой «холодной войне», и в дискуссии говорит: а как вот можно относиться к тому, что происходит? Это можно сравнить с тем, что если бы в Германии нацистский режим выжил, дожил бы до 60-х годов, а потом там произошла бы какая-то либерализация, а затем перестройка, и бывшие члены нацистской партии начали бы там что-то изменять, но при этом не извинились бы и не покалялись. Вот такая вот картинка, такое представление о восприятии истории в России у нас популярны. В этом суть проблемы.

Один из вопросов, возникавший в ходе нашего проекта, касался того, кто является главными акторами процесса создания национальных историй. Геннадий Бордюгов предложил разделять их на лидеров национальных движений, современную политическую элиту и, собственно, профессиональных историков. Знаете, для меня все гораздо печальнее. У нас все эти роли прекрасно смешиваются у одних и тех же людей. Историки охотно идут в политику, делают политические заявления, заново интерпретируют историю. Но я знаю многих из тех, кто, претендуя на статус ведущих историков, главных историографов, тем не менее, очень сильно подчинен политике, контексту современных событий. Я знаю, что некоторые из этих людей не раз меняли свой подход в интерпретации истории именно под влиянием изменений в отношениях с Россией. Сразу всплывает весь исторический багаж: вот, вы знаете, когда российский президент говорит о событиях 50-летней давности, значит, они, наверное, хотят повторить это. Поверьте, это влияет на общество достаточно сильно. Поэтому, если школьнику задать вопрос: кто исторические враги Латвии, то, естественно, будут названы немцы, начиная с крестоносцев, и русские, начиная с Петра I. При этом оказывается, что те же самые русские – они, в общем-то, не чужие, потому что Латвия по природе своей являлась местом, где смешивалось всегда и немецкое, и русское влияние. Да, Рига – немецкий город, но среди латышей много православных людей. Понятия «свои – чужие» теряют свой смысл в мультикультурной стране.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Государственный герб Латвийской Республики

Герб Латвийской республики представляет собой пересечённый и полурассечённый на лазурь, червлень и серебро геральдический щит. В верхнем, синем поле щита изображено стилизованное золотое восходящее солнце с расходящимися лучами. Нижнее поле рассечено на две равные части. В правом (в геральдике стороны щита определяются так, как если бы наблюдатель был расположен за щитом, то есть зеркально), серебряном поле красный лев. В левом, красном поле — серебряный грифон.

До провозглашения независимости Латвийской республики 18 ноября 1918 года герба единой Латвии не существовало. Герб, созданный латышским художником, профессором Рихардсом Зариньшем, объединил в себе как символы национальной государственности Латвии, так и старинные гербы исторических областей страны. Был принят в качестве государственного герба 16 июля 1921 года Учредительным собранием (*Satversmes sapulce*) Латвийской республики.

Государственный флаг Латвийской Республики

Флаг Латвии – официальный государственный символ Латвийской Республики, представляет собой прямоугольное полотнище из трёх горизонтальных полос из трёх цветов: красного – белого – красного. Отношение ширины флага к его длине 1:2.

Красно-бело-красный флаг Латвии – один из старейших в мире. Его история берет начало со времён битвы с земгальскими племенами неподалёку от Риги в XIII веке. Согласно одной из легенд, основой флага стало белое полотно, в котором вынесли с поля боя смертельно раненого вождя латышского племени. Солдаты подняли пропитанное кровью с двух концов полотно как знамя, и оно привело их к победе.

В 1279 году, задолго до того как красно-бело-красное знамя стало национальным флагом Латвии, оно было знаменем личной гвардии Цесиса, ранее называвшимся Венден, по имени племени вендов. Флаг возродили в 1870 году латвийские студенты, так как он был единственным, упоминавшимся в исторических хрониках.

С 29 сентября 1988 года старый флаг вошёл снова в употребление, а с 1990 года снова приобрёл статус национального флага.

Необычен размер полос флага, отличающихся от распространённой схемы, когда полосы имеют примерно одинаковую ширину. Также характерен особый оттенок красного цвета на флаге (официальное название цвета – карминно-красный), совпадающий с оттенком венозной крови.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

v

Dievs, svētī Latviju!

Baumaņa Kārlis

Maestoso *f*

Dievs, svē-ti Lat-vi-ju, mūs' dār-go tē-vi-ju, svē-ti jel
Lat-vi-ju, ak, svē-ti jel to! to! Kur lat-vju
mei-tas zied, kur lat-vju dē-li dzied, laid mums tur
lai-mē diet, mūs' Lat-vi-jai Lat-vi-jai

15

Автор текста и музыки гимна – латышский композитор Карлис Бауманис (Бауманю Карлис)

Dievs, svētī Latviju,
Mūs' dārgo tēviju,
Svētī jel Latviju,
Ak, svētī jel to!

Kur latvju meitas dzied,
Kur latvju dēli dzied,
Laid mums tur laimē diet,
Mūs' Latvijā!

Перевод:

Господи, благослови Латвию,
Нашу дорогую отчизну,
Благослови же Латвию,
Благослови её!
Пусть дочери Латвии цветут,
Пусть сыновья Латвии поют,
Разрешите нам там счастье обрести,
Наша Латвия!

ОТСУТСТВУЮЩАЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ» ЛИТВЫ

Нериюс ШЕПЕТИС

Начну с выдвижения полемического тезиса: проблемы «национальной истории» в Литве не существует, так как саму «национальную историю» – как «систему знаний, сотворенную национальной (принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбежных обстоятельств культурного исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм»¹, – в сегодняшней Литве очень сложно заметить.

Сначала я попробую обосновать свой тезис путем 1) аналитического обзора становления этой ситуации, 2) общей характеристики ситуации с общественным историческим сознанием и 3) выявления тех действий властей Литовской Республики, которые позволяют подразумевать «историческую политику». Наконец, коротко очертив положение исторической науки в Литве, предложу свою интерпретацию «боев за историю» между (письменной или живой) исторической памятью и профессиональной историографией по вопросам роли и места России (Советского Союза) в национальной истории Литвы. Конечно, эта история ограничена временем, постижимым для памяти, и ее определяют две даты, обозначающее начало и конец «короткого», как принято выделять в историографии истории Европы, XX века: 1918-й, как дата создания Литовской Республики и 1990–1991-й, как дата воссоздания в 1940-м раздавленного государства.

ЭПОХА ВОССОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВА И «ПОЯВЛЕНИЯ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Созидание национальной истории Литвы – дело особой важности, но дело не настоящего, а сравнительно давнего прошлого. Хотя сама созидательная работа историописания все-таки происходила в конце XIX – начале XX в., однако, до становления Литовской Республики и учреждения Государственного университета в Каунасе, не уместно говорить о традиции литовской (в этническом смысле) историографии. Исследования и защита диссертаций в ведущих европейских университетах, привлечение в Литву именитых иностранных историков, усвоение опубликованных и поиск новых документальных источников, углубление знаний и первоначальная полемика с польской², немецкой и отчасти российской историческими школами, занимающимися историей Литвы, прежде всего, времен Великого Княжества Литовского (далее ВКЛ), – все это черты становления и институционализации типичной для восточноевропейского

региона историографии. Полный образ национальной истории, конечно, трудно представить без синтетического труда по истории Литвы. «Ранее нашу историю писали чужие, сейчас настало время предъявить истинно литовский образ нашего прошлого» – такова была позиция многих литовских историков того времени. При этом присутствовала и острая социальная потребность в такой истории. Не мешал этому и государственный запрос – Министерство просвещения при переработке программ обучения в гимназиях формально заказало солидный универсальный учебник истории. Так, отнюдь не скромным по тем временам тиражом (16.500) в 1936 г. в свет вышла толстая, написанная пятью авторами книга под названием «История Литвы»³. Она и стала стандартом национальной истории почти на полвека⁴, а ее визитной карточкой – довольно фривольное и не совсем соответствующее содержанию высказывание редактора Адольфа Шапки (ученика российского эмиграционного историка Ивана Лаппо) в преамбуле. Речь идёт о методическом пожелании «найти литовцев в истории Литвы» (особенно в период от Люблинской унии ВКЛ с Польшей в 1569 г. до I раздела Речи Посполитой (РП) в 1772 г.).

Несмотря на «госзаказ», какого-либо содержательного диктата или присмотра за авторами (а это было время авторитарного «таутининкского» – нациофилов – режима) не было. Не было и специального интереса власти к истории как орудию сплочения и воспитания литовской нации.⁵ В реальной политике главным врагом и потенциальным завоевателем считалась Польша, которая в начале 1920-х годов заняла и присоединила историческую столицу Литвы Вильнюс, а история Литвы от конца XIV до середины XIX в. по существу являлась примером истинного братства между Польшей и Литвой. Это значит, что для политических целей история по большому счету, кроме древней языческой, княжеской и современной, а также времен народного возрождения и борьбы за независимость, была не важна. Итак, была создана образцовая национальная история «для школы и общества» – более для учителей, нежели учеников, более для интеллигенции, нежели для всех грамотных. Авторы – историки-профессионалы, стиль – рассказ, но не упрощённый, литовоцентризм – в основном умеренный,⁶ в основном сострадательный, а не воинственно настроенный по отношению к соседям-угнетателям.

«История Литвы» легко и быстро стала прочным историческим фундаментом идентичности почти всех патриотов Литовского государства, несмотря на серьезные внутренние идеологические и политические различия (христианские демократы, крестьянские народники, новые христианские демократы, властвующие умеренные националисты, социал-демократы и местные профашисты), а также споры по вопросам настоящего и будущего. Ситуация не изменилась, а скорее укрепилась, после трагедии 1940 г. Большинство историков и учителей истории оказались в числе жертв репрессий, депортации, участников борьбы с советской властью «в националистическом подполье» и, особенно, вынужденной (из-за реальной угрозы репрессии) эмиграции в 1944–1945 гг.

«История Шапоки», как называли рассматриваемую книгу, стала главным щитом национального самосознания в эмиграции и в подполье советской Литвы. Эта книга систематически уничтожалась и хранилась только в спецфондах. Однако коммунистическим историкам не удалось полностью «завладеть» национальным историческим сознанием. Большинство занимавшихся историей прежних эпох не стали марксистами и продолжали отстаивать позитивистские (только еще более фактографично) традиции межвоенной национальной историографии. Новые официозные синтезы истории Литвы не пользовались большим доверием и интересом в обществе.

Именно это состояние продержалось до «перестройки» и национального возрождения, которое в Литве немного «запоздало», зато потом быстро выросло в главную разрушительную силу против империи «лжи». В 1988 г. в необыкновенном масштабе, фантастически рос интерес не только к большим темам истории XX в., но и истории «народа и государства» вообще. Развернулся большой «бизнес» нелегального копирования и легальной перепечатки ранее запрещенной исторической литературы, прежде всего, из «сметонской» эпохи. Здесь абсолютное лидерство сразу же перехватила «История Литвы». В период 1988–1990 гг. она была перепечатана общим тираж более чем 0,5 млн. экземпляров. Спонтанно формирующемуся массовому историческому сознанию вполне соответствовала и его направленность: требование «вернуть» отнятую, украденную историю, как и само государство, которое было уничтожено извне, без всякого права на это. Однако именно правовая, а не сугубо историческая сторона сознания стала фундаментом всего процесса, имя которого – вовсе не «отделение» и «создание отдельного государства» (как это до сих пор определялось в России), а восстановление государственной независимости. В акте Независимости читаем:

«Выражая волю Народа, Верховный Совет Литовской Республики постановляет и торжественно провозглашает, что восстанавливается осуществление суверенных прав Литовского государства, поправных чужой силой в 1940 году, и отныне Литва вновь является независимым государством.

Акт Литовского Совета о Независимости от 16 февраля 1918 года и Резолюция Учредительного Сейма от 15 мая 1920 года о восстановлении демократического Литовского государства никогда не утрачивали правовой силы и являются конституционной основой Литовского государства «...»⁷

То же самое происходило и с национальной историей: ее нужно было вернуть, восстановить. Одновременно восстанавливалась память, она пополнялась новыми сюжетами из прошлого, существенно обогащалась новым знанием, поскольку нация уже была не та, что в сороковом году. То, что было разумно в политической сфере (формальное продолжение государственного бытия), в сфере исторической стало менее плодотворным. Стотысячные тиражи «истории Шапоки» (как и другие переизданные предвоенные и эмиграционные книги) покупались, находили свое место на книжных полках почти каждой литовской семье, но... вскоре позабылись. Национальная история теперь снова есть, о ней можно более не заботиться.

Конечно, XX век – дело совсем другое, это время понималось не как прошлое, а как во многом не прошедшая, незавершенная история, как дело политики или (в лучшем случае) права, а не преимущественно исторической науки. Впрочем, историки во время национального Возрождения не пользовались особенной популярностью в народе, так как что-нибудь интересное для всех могли сказать только «специалисты» по новейшей истории, но как раз у них присутствовал совсем не авторитетный шлейф служения советской идеологии. Да и сами историки не особенно выявлялись⁸ в рядах лидеров национального движения (в Литве так и называвшегося – Саюдис, «Движение»).

Впрочем, в обществе за бурные годы перемен можно было ощущать единую потребность в определенной («правильной», а вернее – неоромантической) истории с прославленными и подлинными героями, совестливым подходом к забытым жертвам и прямолинейном упоминании злодеев. Но готовых среагировать на этот спрос историков оказалось не так много, куда моднее патриотизма был декоммунизированный позитивизм или новая социальная история. «Национальные ценности» по своей привлекательности сильно уступали «гражданским», государство все более понималось как мульти...-народное, -культурное. Этнокультурный фундаментализм среди профессионалов был куда менее распространен, нежели «космополитический» либерализм или христианский универсализм.

АКТЕРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, ПОЛИТИКА, НАУКА

Для общего обзора ситуации за последние 10–15 лет⁹ мне кажется наиболее продуктивным использовать понятие «исторической культуры», как ее понимает немецкий теоретик истории Йорн Рюзен. Обозначаемое этим термином историческое поле он разделяет на историческое сознание (индивидуальная и коллективная память, знания и образы прошлого, повседневное пользование историей), политику использования истории (национальные праздники, символы, заказанные государством памятники...) и профессиональную историографию.

«Полуслепое» общество». В литовском обществе интерес к своему прошлому, в общем, не является серьезным и глубоким. Национальная история, как уже сказано, у нас имеется, зачем в ней копать, зачем в нее углубляться? Конечно, без специального качественного исследования это определить довольно сложно¹⁰, но можно предполагать, что средний уровень знания истории Литвы в обществе – умеренный, массовое историческое сознание – эклектичное. Систематически проводимые с 1994 г. специальные социологические исследования (понятие и интерес к истории учеников; преобладающие «национальные мифы» у населения; роль и место конкретных исторических эпох в национальном самосознании и гражданской идентичности) показывают, что общий интерес к истории сужается, этнические самоопределения и нацио-

нальные особенности уступают место общеевропейским и общечеловеческим. Например, судя по данным двух аналогических исследований исторического сознания десятиклассников (в 1995 и 2005 гг.), среди юного поколения интерес к истории все более связывается с событиями, явлениями и персонажами недавнего прошлого и в более глобальном контексте.¹¹ Очевиден спад в интересе отдаленных времен (ВКЛ и времена до образования государства).

А вот в 2007 г. социологическое исследование, проведенное среди населения, показало актуализацию наследия следующих времен¹². На вопрос, «какой исторически период важнейший Вам, как литовцу (гражданину Литвы)?» (из 9 названных, можно указать до 3), 68,5% выбирали нынешнее время, 35% – период Литовской Республики (1918–1940), 32% – советские времена, 26% – эпоху национального возрождения с конца XIX в. Только (по сравнению с результатами девяностых годов – это яркий спад) 25,5% упоминали «Литву князей» (до Витаутаса Великого). Но, отвечая на открытый вопрос про важнейших исторических личностей Литвы, больше всех упоминался тот же Витаутас; недалеко отстал и король ВКЛ Миндаугас. Исследователи, занимающиеся содержанием исторического сознания, указывают на усиливающиеся в нём черты индивидуализма, прагматизма и фрагментации. Также чувствуется слабая корреляция между уровнем собственных исторических знаний и готовности выставить однозначные оценки по историческим вопросам. Решительность при удобном случае высказаться по какому-либо историческому вопросу и нежелание углублять свои знания по этому же вопросу – это свойство рядового гражданина Литвы. Оно указывает на параллельность функционирования исторического и политического сознания. Можно даже предположить, что большинство интересующихся историей людей равнодушны к политической жизни (таких не более 1/5 населения). И конечно, дискуссии в обществе по историческим сюжетам (прежде всего, в виртуальном пространстве) вспыхивают обычно при условии (также и внешне-) политической актуальности (исключение – оценки «языческой цивилизации» и процесса христианизации, когда преобладают религиозный и идеологические мотивы). В остальных же случаях история любезно оставляется историкам.

Как обстоит дело с национальной историей как таковой? «История Шапоки», можно утверждать, осталась не свергнутой с престола. Историки не тяготеют к амбициозным синтезам. Первые академические обобщения¹³ политической истории, прежде всего, ориентировались на школу и заканчивались концом XVIII в. (опытные медиевисты – а специалисты более поздних времен не осмеливались взяться за синтез – не хотели лезть на «чужие эпохи»), далее не подобрались и «персональные» истории знаменитых историков. Самый авторитетный, Едвардас Гудавичюс, (пока) «дошел» только до Люблинской унии, автор первой политической истории в постсоветские времена Зигмас Кяупа закончил свою историю (ставшею основой и для единственной «Истории Литвы» современных литовских историков, вышедшей на английском языке¹⁴) 3-м разделом РП. Там же остановился и автор экспериментальной и, наверное, самой

удачной книги этого жанра Алфредас Бумблаускас. Его «История старой Литвы: 1009–1795» (2005) сознательно ориентирована на историю цивилизации и культуры, на визуальность и дидактику, основана на многообразии и концепте многонационального и мульти-культурного понимания Литвы и «литовскости».

А что же общество? Новые книги по национальной истории (особенно Бумбласкауса) покупаются и ставятся на книжную полку рядом с «историей Шапоки». Была у нас история национальная, даже националистическая, вот теперь имеем многонациональную. Читать и обсуждать – не обязательно, но, может, пригодиться.

«Историзация» политики. С отношением к истории общества схоже и отношение власти. В отношении Литвы можно говорить только о множестве властей. Это связано не только с реально функционирующей репрезентативной демократией (сменой правящих партий и коалиций, постоянном наличии нескольких субъектов государственной политики), но и с отсутствием определенного интереса к тому, каким образом на государственном уровне можно использовать историю. Различные политические институты или структуры обычно становятся только символическими инициаторами, формальными заказчиками действий на «поле истории», субъектами (авторами, деятелями, ответчиками и т. д.), которых становятся профессионалы в той или иной сферы истории. Упрощая, можно утверждать, что за историю в Литве, в том числе на государственном уровне, прежде всего, отвечают сами историки.

Конечно, в России или ряде других постсоветских странах это может прозвучать более чем подозрительно. Ведь кто не знает, как в Прибалтике любят «политизировать» историю?! В России даже имеются специалисты, занимающиеся проблемами (конечно, чрезмерными и недопустимыми) политизации истории в Прибалтике. Один из них – генеральный директор фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» Александр Дюков¹⁵. Но простая демократическая проверка через «google» показывает, что это – вымышленная беда. Потому что нет в Прибалтике (здесь я предпочитаю ограничиться Литвой) серьезных проблем, по которым не трубили бы оркестром всегда критически настроенные местные журналисты. Но вот в вышеупомянутой поисковой системе словосочетание «политизация истории» (во всех возможных формах) в комбинации со словом «Литва», на литовском языке дает результат в 4-6 раз скромнее, чем на русском (диспропорция распространенности комбинаций отдельно взятых слов еще ярче). Разумеется, осуждение информационных войн, которые ведут отдельные структуры и персоны нынешнего правящего режима РФ с «прибалтами», в этой статье более чем неуместно, но еще одно пояснение, может быть, не помешает.

Что обычно имеется в виду, когда российские информационные агентства (например, regnum.ru в лице Виктора Ольжича) в своих сообщениях последних 6 лет сигнализируют про политизацию историю в Литве? Это высказывания, замыслы или шаги (обычно скромные) по вопросам люстрации, юридической

оценки послевоенной вооруженной освободительной борьбы; соответствующие определения статуса и прав борцов за свободу, также депортированных, политзаключенных, потерпевших от оккупационных (советского и национал-социалистического) режимов лиц, особенно – всякие попытки публично обсуждать вопрос о возмещении ущерба советской оккупации Литвы и т.д. Но большинство из этих стараний и действий в Литве ни в коем случае не являются попыткой властей или власти инструментализировать историю в политических целях. Это просто проявления того же самого свободного (и де-советизированного) мышления, ставшего фундаментом воссозданного государства.

Было на международной арене всеми признанное государство. Оно было насильственно захвачено и неправомерно аннексировано соседним СССР. Но Литве удалось освободиться и снова укрепиться на международной арене. Теперь она просто обязана определить и четко обозначить действия того соседнего государства против граждан Литвы, а также результаты неправомерной политики и правомерного ей сопротивления. Это обозначение – вовсе не диктат нынешнего Литовского государства в области интерпретации истории, но проявление господства юридического сознания (правового мышления) в политике.

Существует и альтернатива этому мышлению, особенно в последние 8 лет, когда во всех звеньях власти почти непрерывно присутствовали (или даже господствовали) бывшие коммунисты. Их интерес к недавнему прошлому – сугубо прагматический (история – историкам, но какой толк от нее народному хозяйству?) или подстерегающий («нельзя перегнуть палку»; «надо избежать конфронтации»). Это мышление – формально глядя – национального консенсуса, но по существу – постсоветское. Конечно, за все годы независимости существует и проявляется напряжение между обоими типами мышления – и во всей исторической культуре, и на политической арене, и в юридической практике. Но почти всегда, в строгом смысле слова, это не означает «политизации истории», а лишь «историозацию политики», перенесение на поле политики «боев за историю».

Между символическим строительством и радужным юбилеем. И все-таки несколько проектов «исторической политики» в Литве необходимо назвать, так как это долговременные, сознательные и целеустремленные намерения «сделать» из истории и даже с ней что-то конкретное. Первый такой проект – «восстановление» Дворца Властителей Литвы (имеется в виду часть комплекса Нижнего замка, которая служила и как резиденция великих князей ВКЛ – королей Польши, во время их пребывания в Вильнюсе до середины XVII в.). Дворец представляется (и представляем массовому сознанию) как символ долговечной литовской (в этническом смысле) государственности, который был разрушен во время оккупации города московскими войсками (1655) и умышленно разрушен «царской властью» после аннексии территории нынешней Литвы после 3-го раздела РП. На самом деле, это здание никогда не носило такого исторического смысла, да и понятие самостоятельности («равноправия») ВКЛ в составе РП не носило «национального» в сегодняшнем понятии характера. Здание потеряло прежнее

значение в эпоху упадка государства и разваливалось само по себе; действия московских войск или российской власти не были фатальными. Самое важное, что здание нельзя восстановить, если отсутствуют аутентичные планы и чертежи, если есть только несколько рисунков более позднего времени.

Несмотря на эти и другие аргументы историков и других специалистов¹⁶, Дворец в последние 7 лет строится и устраивается в основном за деньги, и притом большие деньги бюджета. Этот исключительно государственный проект имеет своего вдохновителя – бывшего первого секретаря компартии, потом президента, премьера Литвы – Альгирдаса Бразаускаса. Первое политическое решение в долгом пути внедрения в жизнь этой затеи было принято как раз в предпоследние годы советской власти, одним из её руководителей Бразаускасом. Стоит внимания обстоятельство, что сама эта идея родилась в националистически настроенных слоях литовской эмиграции, и смысл ее был воплотить былую историческую славу Литвы. До сих пор самыми верными сторонниками этого (искренне говоря, не столь исторического, сколько строительного; коммунисты везде и всегда любят бессмысленные сооружения) проекта являются экс-коммунисты и националисты, которых объединяет этноцентризм, формалистический сентиментализм и фальшивый историзм. В 2009 г. Дворец откроется, в надежде, что он станет новым местом притяжения толп туристов. Сам этот год выбран не случайно. Еще в 2000 г., когда было принято окончательное решение строить («воссоздать») Дворец, датой окончания работ был назван 2009-й – год 1000-летнего упоминания имени Литвы.

С этой датой связана другая длительная историко-политическая «программа» государства, которая осуществляется с 1997 г.¹⁷ по президентскому указу (того же Бразаускаса). Сам случай первого упоминания имени Литвы в Кведлингбургских анналах довольно курьезный. Святой Бруно из Кверфурта, архиепископ и миссионер, был убит при попытке евангелизации язычников на границе Руси и Литвы (*Lituae*). Такая небольшая весточка и стала предлогом для грандиозной государственной программы 1000-летнего юбилея упоминания Литвы. Несмотря на всю грандиозность – поддержка исторических исследований и изданий (не только по древнему прошлому), сохранение и реставрация объектов культурного наследия и архитектурных памятников, выставки, культурные и общественные мероприятия – этот замысел куда более осмысленный. Финансирование здесь строго конкурсное, контроль осуществления поддержанных проектов – систематический. Среди тех, кто определяет размер помощи трудно выделить какую-нибудь клику или «группу друзей»¹⁸, нет содержательного диктата непрофессионалов – политиков и чиновников, хотя сама работа дирекции чересчур бюрократизирована и временами прямолинейна. Словом, определенную национальную политику истории в рамках этой программы усмотреть не удастся. Даже наоборот, самые влиятельные представители цеха историков и родственных наук, очень чувствительные ко всякому поощрению «этноцентризма» на официальном уровне, понимают всю меру унизости «диагноза» – балтофилия.

«Денационализация и индивидуализация цеха». Временами в историографическом дискурсе можно уловить шутку, что вот у нас исследуется и пишется история всяческих коллективных субъектов – от самых маргинальных контркультурных групп сегодняшнего общества до самых влиятельных магнатских родов Средневековья – кроме одного – литовцев, литовского народа. Это лучше оставить любителям как «ненаучный» предмет, хотя, например, заниматься историей каримов очень престижно. Конечно, есть националисты и среди профессиональных историков.¹⁹ Но достаточно ли их для полноты идеологического спектра? История европеизации и христианства, мульти-культурализм, антропология этнических меньшинств, геополитика и «новая» социальная история – среди этих господствующих подходов в национальной историографии самому «национальному» подходу становится все теснее. Даже сама национальная историография в Литве, в общем, понимается в основном как историография истории Литвы²⁰, которой занимаются не только литовские (в гражданском смысле) историки. Конечно, есть и собственно национальный уровень – действует Национальный комитет историков Литвы²¹, который в позапрошлом году организовал I съезд историков Литвы. Симптоматично, что работа съезда, в общем, расплылась по секциям, а материал так и остался неопубликованным. Для среднего статистического историка Литвы до сих пор действительно определение выдающегося медиевиста начала XX в. Иоганна Хейзинга, однажды сказавшего, что историк по существу тяготеет к индивидуализму, ему свойственно трудится в одиночестве. Это значит, что сообщество историков в Литве – в национальном уровне – вряд ли существует.

Но есть специфический участок в историческом поле, обрабатываемом профессионалами, который почти всегда присутствует на национальном уровне исторической культуры. Здесь имеются в виду сюжеты, которые часто возбуждают интерес в различных слоях исторического сознания, и носят в себе искру политической актуальности. Это область политической истории Литвы XX в., точнее – ключевые события истории Литовского государства, а еще конкретнее – вопросы, связанные с ролью и местом, которую в истории Литвы выполняла или заняла Россия или Советский Союз. В понимании и трактовке этих вопросов хорошо просматриваются своеобразные конфликты между историками-профессионалами и носителями определенных «памятей»: депортированные, коммунистическая номенклатура, борцы за независимость, потомки литовских евреев и др., так или иначе связанные с российским фактором. Этот фактор, по-разному именуемый – Россия, коммунизм, Советская власть, Москва, русские и т.д., весомо присутствовал при создании, уничтожении и воссоздании государства, а также во всех «промежутках» между ними. И вот когда историки что-нибудь выговаривают и пишут по этому поводу (далее я употребляю понятие «наша тема»), то это частично задевает исторический опыт конкретных «памятей». Обнаруживается пропажа, искажение или пробел в истинном образе истории, начинается состязание, противостояние или даже мелкие бои за историю. Обзор этих боев требует, однако, краткой характеристики состояния самой историографии.

ОБ УСЛОВИЯХ И ЗАДАЧАХ «АКТУАЛЬНОЙ» ИСТОРИОГРАФИИ

Для становления национальной историографии были важны следующие условия: внутреннее преодоление и внешнее освобождение от привычного советского учения о новейшей истории Литвы; освоение, достижение или преодоление проблематики исследований литовских эмиграционных историков или зарубежных авторов; отказ от необходимости подчеркивать политически безопасную для Литвы часть «исторической правды». Такие условия в Литве сложились уже в 1993 г., после ухода оккупационных войск.

Унаследовать что-нибудь существенное из работ советского времени о российско-литовских отношениях могли только прокоммунистические историки. Таких не было много, и они «вели себя тихо». Конечно, можно было из работ, посвященных предвоенному периоду, заимствовать хронологию, фактографию, но не понятия, постановку проблем, не говоря уж об их решении. В большинстве случаев нужно было менять фокус и вообще освобождаться от штампов борьбы с советской историографией. (Дело в том, что для некоторых историков такая борьба была не только внешне, но и внутренне способом отвыкания от употребления мертвых форм «новояза» и другого советского инструментария.) В рамках нашей темы важнейшими штампами и стереотипами являлись: **1) советская государственность 1918 г.** – на самом деле попытка большевизировать провозглашенное и создаваемое Литовское государство, по пути на Варшаву, Берлин и т. п.; **2) социалистическая революция 1940 г.** и «дружелюбная помощь» СССР литовскому народу – на самом деле военная оккупация и неправомерная инкорпорация; **3) борьба с вооруженным подпольем или буржуазными националистами** в послевоенные годы – на самом деле партизанская война или Соппротивление²².

Вскоре место этих штампов заняли т.н. «белые пятна» истории XX в. Процесс фактографического «заполнения» этих пятен выявил «самокритическую» тенденцию борьбы с «патриотическими» предрассудками. Со стороны кое-кому началось казаться, что историки нашей темы буквально пачкают пробелы исторического (со)знания черными кляксами. В таком общественном климате историки становились более чувствительными и осторожными. К тому же, историки, по определению, люди не воинственные. Но если они ограничиваются только монографиями или научными статьями, то в общественном пространстве начинают господствовать фальсифицируемой памятью или противоречивыми ценностями обоснованные исторические сказания. Отдельными фактами свободно манипулируют национал-коммунистические и антисоветские, русофильно или балтофильно мыслящие любители истории. Так складывается дилемма для историка как эксперта и санитара этого дискурса – оставаясь пассивным, он способствует господству дилетантизма и «приватизации» истории, принимая активную роль, он становится пленником идеологических предрассудков или, не нарочно, стратегом

исторической политики. Такую дилемму исследователя-специалиста нашей темы (или эксперта по российско-литовским отношениям, в том числе – современным) на себе так или иначе испытали почти все, интересовавшиеся российско-литовскими отношениями в XX в. (в том числе, и я).

Другой элемент, обуславливающий ситуацию профессиональной историографии нашей темы, связан с научными условиями. За последние 10-12 лет в Литве исследования по истории вышли за узкие институциональные рамки отделов института истории и кафедр университетов. Например, проблематика советского периода (1940–1941; 1944–1953) под разными углами рассматривается Центром исследований геноцида и резистенции жителей Литвы (действует при Парламенте с 1997 г.²³) и Международной комиссии по оценке нацистских и коммунистических преступлений в Литве (действует при Правительстве с 1998 г.)²⁴. Их деятельность не дублируется, а дополняет друг друга. Исследования центра осуществляются литовскими историками. Его деятельность больше ориентирована на инкультурацию памяти, публикацию первоисточников и популяризацию исследований среди юного поколения и за рубежом. Комиссия – международная, её научная деятельность по большей мере сфокусирована на правовой оценке преступлений против человечества обоих тоталитарных режимов, а результаты публикуются параллельно на литовском и английском языках²⁵. Но внимания широкой общественности работа комиссии не привлекает. А что, же, собственно, привлекает?

БОИ ЗА ИСТОРИЮ: «НОСИТЕЛИ ПАМЯТЕЙ» И «ПРОФЕССИОНАЛЫ»

Становление и укрепление государственности в Литве и большевизма в России (1915–1920): определяла ли политика Ленина становление Литовского государства? Здесь поле памяти, основанной на собственном историческом опыте, практически мертво. Но есть несколько исторических образов, закрепившихся в массовом историческом сознании. Их смысл заключается в том, что именно «фактор России» стал решающим в процессе возникновения Литовской Республики после Первой мировой войны. Это знание можно расчленить на три составляющих: одно народное предание (решающая война литовских добровольцев против большевиков за независимость Литвы), одну международную правду и одну советскую ложь (мирная и дружеская в отношении Литвы политика Ленина). Это знание не позволяет усомниться в роли России и большевиков в первых шагах литовской государственности. Однако как раз такое сомнение посеял в своих концептуальных дипломатических исследованиях Чесловас Лауринавичюс и его ученик Раймундас Лопата²⁶. Про (по существу правдивое) предание и (неоспоримую) ложь распространятся не буду, но правда такова: Литва стала независимым государством на двойственной основе – на принципе самоопределения народов и на принципе восстановления государственности (более Велико-

го Княжества, чем РП). при обоих вариантах обретения государственной формы нужно было либо отделиться, либо освободиться от России. Поэтому это отделение (действительно или мнимо) по Мирному договору с Россией 1920 г. для части политических сил Литвы и в историческом сознании большинства общественности означало основание литовской государственности. Особенно сильной эта мысль была в годы национального возрождения. Лауринавичюс в своей книге частично подвергает сомнению такое значение этого договора, так как Россия не была позитивным фактором восстановления/создания/укрепления Литовского государства. Лопата заключает:

1) Литва стала независимой только в условиях немецкой оккупации и поражения России в войне.

2) На этом фоне создание Литовского государства осуществлялось при самоутверждении литовских политических сил пронемецкой окраски за счет пророссийской линии.

3) Процесс этого становления и укрепления государства шел в условиях активности самих литовцев, стран Антанты и даже (в парадоксальном смысле) Польши, ну, а Россия оставалась (очень значимым, но все же) контрфактором.

Мирное сосуществование СССР и Литвы (1920–1939): была ли Литва орудием советской политики в Европе? В противоположном смысле сложилась ситуация с толкованием межвоенной истории. Здесь «профессионалы» занимаются поисками «корней» фатальной изолированности Литвы. Эта историческая очевидность является частью гордого и печального самосознания литовцев, которые за весь XX в. были «оставлены одинокими»²⁷. Исходным пунктом становится критический подход к политике собственного государства, методологически подкрепленный выкапыванием внутренних причин (той же изолированности). Таким путем критические историки подступают к тезису о просоветской (в политическом, не идеологическом смысле) линии литовской дипломатии. Эту линию Лауринавичюс прослеживал уже в самом мирном договоре 1920 г. Тем самым, не оспаривается то, что Литве был нужен союзник при попытках вернуть себе Вильнюс, который в 1920 г. заняла и потом аннексировала Польша, сохранить Мемелский (Клайпедский) край, который после войны был отделен от Германии и в 1923 г. присоединен к Литве. Изменяется только фокус интерпретации: например, сам польско-литовский конфликт понимается, прежде всего, как отвечающий стратегическим интересам СССР в регионе²⁸. Развивая эту мысль в главной своей работе – «Большой Икс в литовской зарубежной политике» другой ученик Лауринавичюса – Алгимантас Каспаравичюс так оценивает советско-литовский Пакт о ненападении 1926 г.:

I. В тогдашних условиях Пакт был нужен для Литвы и дал определенную политическую выгоду: он пополнил арсенал средств Каунаса по возвращению Вильнюса Литве и содействовал преодолению тенденции по ликвидации Литовского государства.

II. Со временем договор помог создать России политическое господство в Литве и во всем Балтийском регионе - особенно в психологическом смысле²⁹.

Каспаравичюс был одним из родоначальников в литовской историографии рассмотрения нашей темы с перспективы исключительно российской активности³⁰. Но активность советской дипломатии в Литве – это уже проблема не двухсторонних отношений, «Большой Икс» здесь из почвы внешней политики переходит во внутреннюю. Образцовым исследованием такой проблематики стал доклад Зенонаса Буткуса в грандиозной конференции осмысления наследства советской историографии (1995 г.) под названием «Внешний фактор во внутренней политике»³¹. Здесь Буткус показал, как Советский Союз использовал финансовую помощь политическим силам Литвы, стремясь изменить направление ее политики и идеологии. Доклад Буткуса поднял шум и приобрел политическую огласку и в России³², хотя находки Буткуса в Архиве внешней политики России больше «очерняли» латышей и эстонцев, нежели литовцев³³.

С одной стороны, такие поиски и находки ошибок литовской политики и дипломатии, поддавшихся советским интригам, соблазнам или коварству, вызывали недоверие к работам «самокритических» историков в тех слоях общества, которые сохраняли память о литовском «трагическом одиночестве». С другой стороны, историки, строго осуждающие межвоенную литовскую политику, мыслят не исторически, а политически. Зная, что произошло в 1940 г., в своих поисках альтернатив они наивно осуждают тогдашние «националистические предрассудки», которые в те времена были реальными политическими установками.

Вторая Мировая война и уничтожение Литовского государства (1939–1941): была ли возможность у Литвы избежать советской аннексии? Это самая больная тема, как для «живой», так и для «записанной» памяти. Споры о неизбежности «красного потопа»³⁴ продолжаются еще с конца Второй мировой войны – были ли мы невинными, или все же легкомысленными жертвами большевиков? На этот вопрос профессионалы редко осмеливаются отвечать, разве только те, кто заминают позицию радикальной альтернативности. При этом утверждается, что все нужно было делать иначе: в 1940 г. сопротивляться Красной армии, в 1941 – не восставать против советов, а в 1944 – не начинать сопротивления.³⁵

Но выработка единого, теоретически зрелого и нового исторического взгляда на советскую «многоэтажную» операцию по ликвидации Литвы еще впереди³⁶. Зато нет недостатка в отображении событий того времени при помощи художественных средств. Например, в 2006 г. историк (сейчас – председатель Комитета национальной безопасности и обороны Литовского Сейма) Арвидас Анушаускас создал документальный фильм с игровыми инсценировками об июне 1940 г. Историк и дипломат Альфонсас Эйдинтас в 2008 году написал большой (но скучный!) роман «Ищи сфинкса Москвы». Может быть, по этому

вопросу у историков имеется слишком много документов и субъективных первоисточников, но осмыслению этого избыточного материала мешает слишком короткая временная дистанция? Однако вышедшая в 1956 г. книга специалиста по международному праву (и советскому тоже) Бориса Мейсснера, раскрывающая обширную картину дипломатических событий и политических процессов, скрупулёзно юридически рассматривая все аспекты, на мой взгляд, до сих пор не превзойдена³⁷. Пока же в этом вопросе властвует национальная память – самая разная, но почти всегда трагическая.

«Единая советская эпоха» и попытки отстоять (идею) независимость(и): кто был носителем литовской государственности? В массовом историческом сознании советские времена понимаются как нечто сплошное, внутренне единое. Именно такая картина представлена (и остается до сих пор единственной попыткой) в синтетическом виде авторами коллективной монографии «Литва в 1940–1990»³⁸. Трехлетие национал-социалистического правления, конечно, здесь не «выпадает», но особенно и не выделяется. Как логичная, дается следующая хронология: советская оккупация – немецкая оккупация – советская реоккупация. В такой фиксации в самосознании «жертв» – все злодеи, «чужие». С другой стороны, такая схема, при тонком осмыслении, может плодотворно подкрепить теорию двух тоталитарных режимов. Этот теоретический подход и стал фундаментом работы обоих упомянутых специализированных институций – Центра исследований и Международной комиссии. Только вот множеству исследований, скажем, репрессий 1940–1941; 1941–1944, 1944–1953 гг., изначально чужда сравнительная перспектива.

Своеобразным туманом в общественном дискурсе до сих пор покрыта коллективная память о вооруженном сопротивлении 1944–1953 гг. Внутренний раскол национальных памятей о партизанской войне, как это обычно называется, может быть, и не произошел, но нельзя не видеть отчужденности большинства общества от субъективной картины событий отдельных «борцов за свободу». К тому же, множество работ по проблеме сопротивления 1944–1953 гг. по своей концептуальности, проницательности и постановке вопросов нередко уступают уцелевшим воспоминаниям или дневникам литовских партизанских вождей³⁹. В то же время, отказ от строго исторического подхода, углубление в суть разновидности исторического сознания и памяти позволили молодому юристу и историку Бернардасу Гайлюсу в его книге «Партизаны тогда и сегодня» достичь глубокой интерпретации событий⁴⁰. Автор предлагает трактовать партизанскую борьбу как войну Литвы с Советским Союзом в контексте международного права. Одновременно он безжалостно деконструирует, до сих пор популярный, поздний советский миф о «братоубийственной войне».

Конечно, вопрос о «своих» и «чужих» в период советской эпохи имеет коренное значение для историков и общества. «Социальный мир» между патриотическими силами и экс-коммунистами в ситуации восстановления го-

сударства, отказ от принципиальной десоветизации в постсоветские годы, не мог способствовать расстановке всех точек над *i*. В потоке воспоминаний, появившихся за последние 8-10 лет, преобладают умолчания и ретроспективная авто-апологетика, которые обычно затемняют память и исторический опыт бывших. Секретари ЦК, номенклатурщики, и другие видные деятели «непотерянного поколения»⁴¹ пытаются представить советский период как органическую часть литовской истории. Именно экс-коммунистический нарратив про советские времена является образцом националистического мышления: ведь идея мнимой «советской государственности» Литвы обосновывается фактом, что верхушка коммунистов была... исключительно литовской. Историки в своем противостоянии к этой разновидностью памяти обычно стоят на страже истины и языка фактов, хотя серьезные исследования социальной или ментальной истории после Сталина находятся в эмбриональной стадии.

Крушение СССР и восстановление Литовского государства: какой из процессов определял другой? Чем ближе к ближайшему прошлому, тем менее авторитетно выглядит картина, которую представляют профессиональные исследователи. Это правило в литовской исторической культуре, как ни странно, действует, начиная с исследований эпохи национального возрождения. Словесной или письменно зафиксированной памяти о временах «застоя» в обществе мало доверяют («пусть историки позже разберутся»), но новейшую историю множество сами творили, и об этом помнят. Напряжение между творцами и исследователями истории 1988–1991 гг. проявляется в разных формах⁴². И те, и другие пишут (про) историю восстановления государства, но одни мало цитируют других и «сокрушают» их в критических рецензиях, занимаясь самолюбованием или демонстрируя эрудицию.

Главные недостатки текстов творцов мемуаров⁴³, автобиографий⁴⁴ и даже историй⁴⁵, свысока именуемых «хрониками», по мнению историков, заключены в субъективности, систематическом преувеличении роли личности в событиях и «литовоцентризм», будто множество вещей в те времена решались в связи с литовским вопросом или даже в Вильнюсе. Ведь «все было не так просто»! Главной же проблемой историков, по мнению творцов и свидетелей, является то, что они пытаются методически реконструировать извне то, что в действительности творилось как раз изнутри. Различия между публичным словом, «бумагой» и делом, в то время как раз стремительно уменьшались! Поэтому нельзя слепо доверять тогдашним документам или судить по событиям из прессы. Говоря конкретнее, главная проблема научной картины эпохи Саюудиса⁴⁶, представленной в рамках двенадцатитомной академической истории, состоит в объективизме, проявленном среди прочего в стремлении «все подогнать под геополитику», определить законность процессов там, где много решилось по случаю или силой воли.

Слишком замысловатый обзор положения исторической культуры в Литве не нуждается в специальных выводах. Но несколько обобщающих «диагнозов» хочется выделить, напомнить или даже уточнить.

Первое. Историческая культура в Литве, особенно в сравнении с ситуацией у соседей с юга, севера и востока, в нынешнее время достаточно зрелая. Этнически литовское является в ней, скорее, дефицитом, нежели избытком. Хотя роль и важность национальной идентичности в условиях европейской унификации и глобализации возрастает, но новая волна национализации истории Литвы не намечается. Конечно, многие профессиональные историки любят потрубить об опасностях радикального патриотизма для исторической истины, а некоторые патриоты усердно демаскируют гиперкритицизм историков и публично жалуются на губительные последствия «заказанных» клевет. Оба модуса «запугивания» – надуманные. Но привлекает внимание яркий, хотя и не обширный, феномен национал-коммунизма в историческом сознании. Этноцентризм свойствен даже не забывшим своего ремесла бывшим партисторикам.

Второе. Влияние работ историков на массовое историческое сознание почти ничтожное, хотя весомость историко-просветительной деятельности в СМИ и других формах популяризации исторических сюжетов постепенно возрастает. Но несравнимо значительнее та роль, которую конкретные историки (часто представляющиеся как политологи или эксперты) исполняют в разных сферах государственной жизни – дипломатии, государственной безопасности, исторической (мемориальной) политике.

Третье. В условиях господствующего индивидуализма в исторической науке, на национальном уровне социально «действительны» только те профессиональные историки, которые занимаются новейшей (политической) историей. На ценностном уровне можно определить своеобразную тенденцию «самокритичности» научной историографии, особенно в интерпретациях внешней и внутренней политики Литовской республики в межвоенное время. В отношении историографической «моды», в первые годы независимости сильная традиция дипломатической истории со временем потеряла привлекательность, постепенно уступая место геополитическим интерпретациям. В некотором смысле этой тенденции противоречит другая, не изменяющаяся в течение 18 лет, где особое внимание уделяется правовому аспекту, особенно в исследованиях межгосударственных отношений. Своеобразным препятствием для лучшего понимания недавнего прошлого, прежде всего, времен «тоталитарного плена», является не состоявшаяся открытая международная правовая оценка коммунизма и его преступлений. Этим обусловлено естественное забвение советской эпохи в постсоветском обществе Литвы, что порождает сложные социально-психологические проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бордюгов Г.А. «Национальные» истории на постсоветском пространстве // Его же. Чрезвычайный век Российской истории: четыре фрагмента. СПб, 2004. С. 371.

² Вернее – польско-язычной, так как на польском писали и литовцами себя державшие или просто в территории Литвы родившиеся историки дворянского происхождения.

³ Šapoka A. (red.), Lietuvos istorija. – Kaunas, 1936. Автора: 3 ведущие историки юного поколения, 1 учитель истории, доктор наук, один дипломат, историк права.

⁴ Gieda A. Šapokos redaguota „Lietuvos istorija“: populiarumo kontekstai // Naujasis Židinys-Aidai. 2007, Nr. 3. S. 115–123. («Контексты популярности «Истории Литвы», отредактированной Шапокой»)

⁵ На литовском языке чаще всего вместо технического термина «нация» употребляется слово «tauta», то есть «народ» (в этническом или даже политическом смысле).

⁶ Характеристика этой «Истории Литвы» как русофобной – неправильна и обоснованная только несколькими оторванных от контекста цитатами, как это делается: Вишняускас А. Россия в литовских учебниках истории. // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории / Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова. – Москва, 2003. С. 150.

⁷ Цит. по официальному переводу на русский в сайте Сейма Литовской Республики: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=73778

⁸ Про литовских историков, их роли и участия в процессах Возрождения интересный анализ см.: Christophe B. Staat versus Identität. Zur Konstruktion von “Nation” und “nationalem Interesse” in den litauischen Transformationsdiskursen von 1987 bis 1995. – Köln, 1997. S. . Дополнительно можно замечать, что в обоих исторических ситуациях – и в 1917–1920 г., и в 1988–1990 г. происходило нечто более смежное, чем «созидание» или «воссоздание» нации. Литовцы не были не «чисто» новой нацией, как латыши и эстонцы, не только возродившейся «исторической» нации, как поляки. Ведь акт о Независимости 1918 г. тоже говорил про восстановление государства, хотя и на новых демократических основах и по праву самоопределения народов.

⁹ В предыдущем аналогичном проекте ситуация национальной истории в Литве была почти обойдена. – См: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 92–94.

¹⁰ Здесь я могу опираться только на собственный опыт наблюдения за историческими дискуссиями в электронном пространстве (прежде всего, комментарии к специальным публикациям по историческим темам в самых популярных информационных порталах и специализированные дискуссии на мелких исторических порталах) и анализ открытых массовых опросов первокурсников истории за несколько лет.

¹¹ Печально, но опубликованных материалов второго исследования («изменения исторического сознания школьников Литвы») мне найти не удалось, только информацию для прессы о результатах. Про аналогичные результаты отдельного исследования см.: Šetkus V. Istorija bendrojo lavinimo mokykloje: moksleivių požiūris // Istorija. Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Т. 61 (2004). Р. 65–68 (инф. на англ. см.: <http://www.ceeol.com/aspx/issuedetails.aspx?issueid=988f8f54-273f-471c-a117-eb2eedb19adf&articleId=bd285dfa-9ef1-4fec-a311-5bc9756189c7>).

¹² Šutinienė I. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės paveldo reikšmės populiariosiose tautinio naratyvo interpretacijose // Lietuvos istorijos studijos. T. 21 (2008). P. 102–120 (ре-зюме по англ. см.: ...).

¹³ Самая большая из них – двенадцатитомник Литовской истории, подготавливаемый большим авторским коллективом Института истории Литвы, движется вперед медленно: до сих пор свет увидели только два первых тома, посвященных доисторическим временам и один – эпохе восстановления независимости в 1988–1990. Уже ясно, что это станет суммарным трудом отдельных соавторских групп, а не концептуальным синтезом в стиле конца XIX в.

¹⁴ Kiaupa Z. et all. The History of Lithuania before 1795. Vilnius, 2004.

¹⁵ См. образцово лживый анализ проблемы: Историк: Примирения между правдой и ложью, между фальшивками и архивными документами быть не может // <http://www.regnum.ru/news/990069.html>

¹⁶ Согласно опросу всех историков искусства и искусствоведов Литвы, это худший пример реконструкции за все годы независимости («имагинационный образец неисторического мышления XXI века и культурного авантюризма»). О результатах опроса со снимками см: <http://www.ldid.lt/news/22/18/>

¹⁷ Важнейшую информацию можно найти в сайте: <http://www.lietuvai1000.lt/index.en.htm>

¹⁸ Чего нельзя сказать про параллельную, более культурную, чем историческую программу «Вильнюс – столица Европейской культуры». Про историческую часть см.: <http://www.culturelive.lt/en/2009/events2009-live/>

¹⁹ Здесь уместнее говорить о гуманитариях, этноцентрически толкующих историю: этнологов, культурологов, литературоведов. См. интересный сборник статей по этому вопросу, где тексты историков явно отделяются от «соседних» специалистов: Nacionalinio tapatumo tęstinumas ir savikūra eurointegracijos sąlygomis. Vilnius, 2008. (Преемственность и само-созидание национальной идентичности в условиях евро-интеграции).

²⁰ См. анализ ситуации исторической науки: Nikžentaitis A. Istorija // Lietuvos humanitarinių ir socialinių mokslų plėtros problemos. – Vilnius, 2004. (Проблемы развития гуманитарных и социальных наук).

²¹ См. полезный сайт: http://istorija.vdu.lt/lmik/lmik_en.htm

²² Неплохой свод счетов с советской историографией, по уровню сопоставимым со сборником под ред. Юрия Афанасьева Советская историография (М., 1996) находим в книге: Bumblauskas A., Šepetytys N. (sost.), Lietuvos sovietinė istoriografija. Vilnius, 1999 (Советская историография Литвы).

²³ <http://www.genocid.lt/centras/en/>. Центр начал интересный проект электронной публикации документов КГБ: <http://www.kgbdocuments.eu/index.php?2067910783>

²⁴ <http://www.komisija.lt/en/>. В сайте публикуются и интересные исследования сотрудников комиссии и другие материалы: <http://www.komisija.lt/en/body.php?&m=1194863084#>

²⁵ Перечень публикации см: <http://www.komisija.lt/en/naujienos.php?cat=publication&m=1150461059>.

²⁶ Laurinavičius Č. Lietuvos–Sovietų Rusijos Taikos sutartis. – Vilnius, 1992 (Мирный договор между Литвой и Советской Россией); Lopata R. Lietuvos valstybingumo raida 1914–1918 metais. Vilnius, 1996. (Развитие литовской государственности в 1914–1918 г.).

²⁷ Опорный текст – в эмиграции выпущенный историко-философской студией влиятельного литературоведа, главы Временного правительства лета 1941 г., созданного 23 апреля в Каунасе, Йуозаса Бразайтиса, переизданного множество раз и изданного также на других языках, напр.: Suduvis N.E. Allein, ganz allein: Widerstand am Baltischen Meer, München, 1968.

²⁸ Каспаравичюс А. Советская дипломатия и литовско-польский конфликт. 1925–1935 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. Сборник статей. М., 2001. С. 129–138

²⁹ Kasparavičius A. Didysis X Lietuvos užsienio politikoje. Vilnius, 1996. P. 324.

³⁰ Каспаравичюс А. Интересы и действия Советской дипломатии в странах Балтии в 1919-1938 гг. // Daugavpils Pedagogiskas universitates Zinatniskie Raksti, 2001. С. 59-66.

³¹ Опубликовано в сборнике, указанном в сн. 22.

³² См.: Лашкевич Н. Литовский президент Сметона получал доллары из Москвы // Известия, 1995. 12 сент.

³³ См. подробнее: Butkus Z. Diplomatische Zusammenarbeit Deutschlands und der UdSSR in den baltischen Staaten 1920–1939. Lampertheim, 1999.

³⁴ Это название дневниковой импресии литовского дипломата и писателя Игнаса Шеиняса: Scheynius I. Denröda floden stiger. Stockholm, 1941.

³⁵ Главный представитель этой позиции – историк Людас Труска. См. его размышления по этому поводу: <http://www.ostfront.ru/Text/Litva.html>.

³⁶ Правда, один представитель «национальной историографии» в обозначенном смысле, но все-таки американец швейцарского происхождения, уже предъявил синтез по этой теме: Senn A. E.Lithuania 1940: Revolution from above. Amsterdam, 2007.

³⁷ Meissner B. Die Sowjetunion, die baltische Staaten und das Völkerrecht. Köln, 1956

³⁸ Anušauskas A. ir kt. Lietuva 1940–1990. Vilnius, 2006.

³⁹ Самый распространенный, дождавшийся не только экранизации, но и большой популярности даже в той же Швеции текст такого рода: Lukša J. Skogsbröder: den väpnade kampen i Litauen mot Sovjetockupationen. Stockholm, 2005.

⁴⁰ Gailius B. Partizanai tada ir šiandien. Vilnius, 2006.

⁴¹ Такое название главного идеолога коммунизма в Литве времен стагнации: Šepetys L. Neprarastoji karta. – Vilnius, 2006.

⁴² Самый интересный пример – две книги одного автора, выше упомянутого Сенна. Первую (Lithuania awakening. Berkeley, 1990) он написал изнутри событий, как журналист, а вторую (Gorbachev's failure in Lithuania. New York, 1995), как исследователь советской истории.

⁴³ Политизированные „горячие» мемуары первой главы правительства: Prunskienė K. Leben für Litauen: auf dem Weg in die Unabhängigkeit. – Frankfurt a. M., 1992.

⁴⁴ Автобиография первого председателя парламента: Landsbergis V. Jahre der Entscheidung. Litauen auf dem Weg in die Freiheit: eine politische Autobiographie. Stuttgart, 1997.

⁴⁵ Первая обширная фактографическая история «Саюдиса», написанная его бывшим секретарем: Šepetys V. Su Sajūdžiu už Lietuvą: nuo 1988 06 03 iki 1990 03 11. Vilnius, 2007.

⁴⁶ Laurinavičius Č., Sirutavičius V. Sajūdis: nuo „Persitvarkymo“ iki Kovo 11-osios. Vilnius, 2008 («Саюдис: от «Перестройки» до 11-ого Марта»).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Государственный герб Литовской Республики

Герб Литвы (Витис) — официальный государственный символ Литовской Республики; установлен ей, принятой референдумом 1992, и описан в Законе о государственном гербе (художник – Арунас Кждайлис). Восходит к гербу ВКЛ.

Государственный флаг Литовской Республики

Флаг Литвы – официальный государственный символ Литовской Республики, представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос: верхней — жёлтого, средней – зелёного и нижней – красного цвета. Отношение ширины флага к его длине 3:5.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

TAUTIŠKA ĢIESMĒ

Gaiņā ir ziedījus sudeste VINCAS KUDIRKA

Maestoso

Soprano (S):
Lietuva, Tėvyne mūsų, tu didvyrių žemė,
Tėgaitavo vaikais, tu vien tikais derybė,

Alto (A):
ilgiausia Tavo šalinė, te stiprybę turmia

Tenore (T):
ir imonių gėrybė. Tėgaitau, Lietuva,

Basso (B):
Tėmėliaus, laisvės, ir tvirtas, ir tūvis

Piano:
reikalingas tūdi, vėrybė, žydi!

*Винцас Кудирка.
(Перевод Евгения Шкляра)*

Летува, отчизна наша,
Ты – земля героев,
И сыны Твои на прошлом
Все величье строят.
 Пусть шагают Твои дети
 К правде, шаг за шагом.
 Пусть творят Тебе на пользу
 И людям на благо.
И пусть солнце Летувы
Мрак ночной развеет,
И слава, и право
Путь наш озаряют.
 Пусть горит любовь Литвы
 В сердцах яркой чашей.
 В честь судьбы той Литвы -
 Единенье наше!

Момент строительства («восстановления») Дворца Властителей. Слева – каплица Св. Казимира Вильнюсской Архикафедры. Весна 2008-ого года.

Vytautas Kašuba, Lietuvos didžiųjų kunigaikščių medalių ciklas. New York, 1976.
(Витаутас Кашуба. Цикл медалей князей ВКЛ: Миндаугас – король Литвы, Гедиминас – великий князь Литвы; Алгирдас – великий князь Литвы, Витаутас – великий князь Литвы. Нью-Йорк 1976)

Петрас Репшис. Монета, посвященная 750-летию коронации Миндаугаса. Вильнюс, 2003.

Iona Kukenytė. Lietuvos vardo tūkstantmečio minėjimo ženklas „LIETUVA 1009-2009“. 1998.
(Илона Кукените. Официальный знак 1000-летия упоминания имени Литвы. 1998)

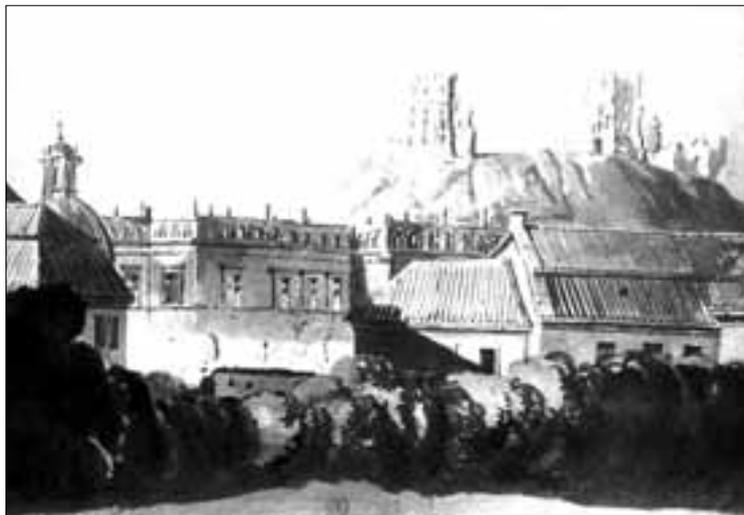

Robertas Jucaitis. Oficialus plakatas Lietuvos vardo 100-mečiui paminėti. 2006 (Робертас Юцайтис. Официальный плакат, посвященный 1000-летию упоминания Литвы. 2006)

Lietuvos didžiojo kunigaikščio (1392–1430) Vytauto Didžiojo portretas. Nežinomas dailininkas, XVII a. Lietuvos dailės muziejus

(Портрет великого князя Литвы (1392–1430) Витавтаса Великого. Неизвестный художник. XVII век. Музей искусства Литвы)

Pranciškus Smuglevičius. Aukštutinė ir Žemutinė pilys iš pietų pusės. Piešinys. 1785–1786.
(Францишкус Смуглевичюс. Верхний и Нижний замок (Дворец Властителей) с южной стороны. Рисунок. 1785–1786.)

Момент строительства («восстановления») Дворца Властителей. Слева – каплица Св. Казимира Вильнюсской Архиепархии, справа – башня реконструированного Верхнего замка.
Зима 2007-ого г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЭСТОНИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕИЗАЦИИ ПРОШЛОГО И «ВОЙНЫ ПАМЯТНИКОВ»

Андрес АДАМСОН

В течение последних 15 лет Эстония всё больше превращается в «скупную североевропейскую страну» с парламентарной демократией, довольно развитым гражданским обществом и другими признаками демократического государства. Законы и повседневная жизнь соответствуют нормам Евросоюза, а по экономическому развитию и уровню жизни Эстония уже догнала первого старого члена ЕС. Всё находится в равновесии, учитывая материальные и людские ресурсы страны и, конечно, время.

Историческая наука в последние годы развивалась по вектору, который наметился уже в конце советского периода. Вначале – элементарное восстановление собственной истории (так как эстонцы хотят жить своей, а не чужой историей), затем – её обновление. Происходит постепенная переоценка некоторых исторических понятий. Так, уже не ставится знак равенства между историей Эстонии и историей эстонцев, не отождествляется также история эстонцев только с историей крестьянского сословия и его эмансипацией. Одним из новых компонентов исследований стала история правящего и долго доминировавшего в культурной сфере меньшинства – остзейских немцев, которая ранее игнорировалась. Кроме того, в последнее время (и здесь нельзя не учитывать политический фактор вместе с некоторой административной поддержкой) все больше внимания уделяется истории русских в Эстонии, как и истории других национальных меньшинств – т.е. происходит деэстонизация истории в направлении мультикультурности. Уже давно прекратились поиски одной и единственно «правильной» истории, признаётся её субъективность и релятивность. Иными словами – происходит европеизация исторической науки. Реальной альтернативы или сопротивления этим процессам среди профессиональных историков не наблюдается. Однако существуют разногласия между профессиональными историками и частью национально-патриотически ориентированной публики, а также между большинством эстонцев и частью русского населения Эстонии. Подобные разногласия повторяют в уменьшенной форме различия в оценке некоторых исторических событий в Эстонии и в России. Тем не менее, никакого «переписывания истории», в том смысле, какой вкладывает в эти слова российская государственная пропаганда, в Эстонии не происходит. Правда, в этих обвинениях можно усмотреть и угрозу: поскольку Россия выиграла Вторую мировую войну, а Эстония волей-неволей оказалась в лагере проигравших, то

все дальнейшие события, с точки зрения победителя, автоматически легитимны и рассуждать тут нечего. Однако для эстонцев развитие истории по «праву сильнейшего» просто неприемлемо, а признать освободителем того, кто после «освобождения» страны занял место ее хозяина, они не могут.

В то же время эстонцы признают, что проиграли во Второй мировой войне в том смысле, что потеряли независимость и четверть своего населения, но склонны считать себя одними из победителей в «холодной войне». Так что споры о том, кто занимается «переписыванием истории» продолжаются, хотя в любом случае взгляд на историю должен соответствовать реальным историческим процессам.

ИСТОРИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСТОРИИ

Переосмысление истории в Эстонии – в основном, дело профессиональных исследователей, а не политиков. Мемуары и труды бывших или нынешних политических деятелей и лидеров народных движений в этом контексте – не более чем одна из групп исторических источников. Исключением являются политические деятели недавнего прошлого, которые профессионально занимаются историей. В условиях такой небольшой страны как Эстония их не так уж мало, но общую тональность в науке или в учебной литературе они не задают. Всеобщей государственной идеологии в Эстонии не может быть в принципе, как не может быть в менталитете эстонцев, особенно после советского опыта, искренней авторитарности. (Замечу в скобках, что чиновник среднего звена, повесивший у себя в кабинете портрет президента или премьер-министра Эстонии, считался бы его начальниками и коллегами либо ненормальным, либо откровенным карьеристом, что не намного лучше. В то же время, понятно когда такой портрет висит в официальных министерских кабинетах, но и отсутствие такового не было бы крамолой).

Не происходит в Эстонии и «реабилитации фашизма», как порой можно прочесть в некоторых СМИ. Наоборот, происходит криминализация тоталитаризма. Как гитлеровский, так и сталинский режимы на государственном уровне приравнены в Эстонии к преступным, без особого различия между ними. Обе стороны были против права народов на самоопределение, и те, и другие захватчики убивали, пытали и депортировали население, а в будущем планировали исчезновение (германизация или русификация) эстонцев как самостоятельной нации. Жертв фашизма в Эстонии на порядок меньше, чем жертв сталинизма, но немецкая оккупация и длилась намного меньше. Кроме того, как нас уверяют, сталинский террор нельзя назвать геноцидом, так как людей уничтожали не по национальному, а по социальному признаку. В Эстонии же не хотят видеть этой разницы и считают оба режима равно преступными. К ветеранам Германской армии относятся в принципе так же, как к ветеранам Красной армии.

Солдат есть солдат, а вина всегда личная, не коллективная. Это, повторяем, в принципе; в реальной жизни, особенно на обывательском уровне, разница есть, уже хотя бы из-за того, что среди ветеранов Советской армии в Эстонии эстонцы составляют явное меньшинство.

Заметим, кстати, что как в одну, так и в другую армию были призваны около 70.000 граждан Эстонской Республики, причем зачастую одни и те же лица. Из погибших в чужих мундирах большинство приходится на тех, кто воевал на стороне СССР. Правда, половина из них погибла зимой 1941/42 гг. в трудовых батальонах от голода и непосильного труда. Исключение составляют «лесные братья» (1941-й и послевоенные годы), не поддержавшие ни один из тоталитарных режимов, и лица, мобилизованные зимой-весной 1944 г., когда Германия уже была проигравшей стороной и речь шла не о победе нацизма, а о попытке эстонских лидеров той поры задержать советские войска на границе Эстонии до немецкой капитуляции.

Эстония являлась молодой страной. В памяти народа сохранился только опыт 1918 г., когда всё происходило по следующему сценарию: независимость удалось отстоять, в том числе и благодаря тому, что в момент Компьенского перемирия немецкие оккупационные войска ещё находились на территории Эстонии, что дало время сформировать свои вооруженные силы и государственный аппарат.

Естественно, что в последние десятилетия в Эстонии нет никакого давления государства на историческую науку, во всяком случае, формального. Научные учреждения финансируются как на государственном уровне, так и в целевом порядке. Исследования финансируются через научные проекты и различные гранты, в распределении которых основная роль принадлежит экспертам, в том числе иностранным. Результаты проектов и работу вузов и научных институтов периодически и в конкретные сроки оценивают в основном международные комиссии. Не всегда представители исторического сообщества довольны принимаемыми решениями, но в то же время нельзя отказать этой системе в логичности и относительной справедливости. Как, наверное, везде на постсоветском пространстве, при распределении средств предпочтение отдаётся естественным наукам, гуманитарии же чувствуют себя несколько обделёнными. Кроме того, расходы государства на науку не растут столь же быстро, как госбюджет. В то же время, при сокращении рабочих мест в гуманитарных областях в 1990-е годы, число студентов-историков на всех уровнях выросло по сравнению с концом советского периода по моим личным оценкам примерно в два раза, число докторов исторических наук примерно в пять раз, а ежегодно выпускаемая отечественная историческая литература – на порядок. Архивы работают эффективно и доступны всем. И все же нельзя не признать – история и историки уже давно в Эстонии не пользуются такой популярностью как в конце 1980-х годов.

Конечно, государство влияет на общественное мнение посредством внедрения разного рода символики и официального празднования исторических

дат. Так, 2008 г. был годом 90-летия создания Эстонской Республики. Однако гораздо действеннее встречное влияние – когда общественное мнение определяет политику правительства и направление развития исторической науки. Кроме того, эстонское правительство не контролирует СМИ, в большинстве своём принадлежащие, к тому же, иностранному (шведскому и норвежскому) капиталу. Напротив, масс-медиа имеют гораздо больше возможностей влиять на политику, что, разумеется, тоже не хорошо в вопросах сугубо исторических, но понятно и нормально в демократическом обществе. Тем не менее (или из-за того), опасность историзации политики и/или политизации истории всё равно сохраняется.

Иногда государство (организационно или финансово) вторгается в процесс исследований, но и в этих случаях при внимательном рассмотрении ситуации видно, что, как правило, либо действовали историки, занимающиеся политикой, либо историки использовали свои связи среди политиков. Приведем пару примеров. При Государственном архиве работает т.н. С-Центр, готовящий исторический 10-томник (1939–1956 гг., пока вышел в свет только первый том), инициатором создания которого выступали в своё время экс-премьер-министр Март Лаар и экс-глава службы разведки Эрик Кросс – оба профессиональные историки. Покойный президент Эстонии Леннарт Мери, историк по образованию, способствовал написанию новой академической истории Эстонии (к настоящему времени вышли тома, посвященные XVIII и XX векам, вскоре появится том по XIX веку). Леннарт Мери был также инициатором создания Международной комиссии под руководством Макса Якобсона (бывшего министра иностранных дел Финляндии и кандидата на пост президента ООН, еврея по национальности, который во время Второй мировой войны воевал в рядах финской армии) по исследованию преступлений против человечности во время немецкой и советской оккупаций. Доклады по периодам советской оккупации 1940–1941 гг. и немецкой оккупации 1941–1944 гг. уже вышли в свет, материалы по послевоенному советскому периоду скоро будут опубликованы.¹

Нынешний президент Эстонии Тоомас-Хендрик Ильвес выступил с инициативой создания общественного Института памяти, который должен продолжить работу комиссии и задокументировать последующие периоды, особенно время ЭССР. Дело тут, очевидно, не только в необходимости изучения этих проблем, а в желании не распускать коллектив молодых историков, работавших под эгидой Международной комиссии. Результаты упомянутых работ, выполненных по госзаказу, всегда были корректными в научном и академическом смысле, без каких-либо политических перекосов. Приведем пример иного характера. Только что, также по «госзаказу» (на этот раз через Целевой фонд интеграции), были изданы комплекты пособий для учеников и учителей русских гимназий «Поворотные моменты истории Эстонии». Они содержат, в том числе, документы и материалы, которые отражают историю взаимоотношений Эстонии и России и освещают жизнь русских в Эстонии с разных позиций и

точек зрения, как эстонских и российских авторов, так и авторов с третьей стороны.² Подчеркнем, что пособия изданы как на русском, так и на эстонском языке и переданы в школы бесплатно.

Система государственного контроля над учебной литературой по истории в Эстонии практически отсутствует. Процедура ее утверждения постоянно упрощается и постепенно идет к полной ликвидации (как и в большинстве европейских стран). Во время написания данной статьи решение этого вопроса приближается к завершению. В Государственной учебной программе по истории, разработанной Предметным советом представителей ВУЗов и учителей истории, предлагается только список тем, часто даже без ключевых понятий. Например:

3.1.7. Эстонская Республика 1918–1940. Становление независимости Эстонии. Освободительная война. Экономика, внутренняя и внешняя политика Эстонской Республики. Культура.

3.1.8. Государство и народ Эстонии во Второй мировой войне.

3.1.9. Эстонская ССР: общество, экономика, население, культура, сопротивление чужеземной власти, эмиграция.

3.1.10. Восстановление независимости Эстонии...³

Думается, что в этом перечне трудно усмотреть попытку «переписывания истории». Разве что «гражданская война» названа «освободительной»⁴, а советская власть «чужеземной», но в этих вопросах среди эстонцев существует консенсус, который разделяет и большая часть неэстонцев. В основе же методики лежат открытость, наличие различных взглядов, мультикультурность и другие принципы, оставляющие авторам учебников и учителям большую свободу подачи материала. Контролируется лишь результат учебного процесса. На государственных экзаменах, где проверяются не столько знания, сколько умение ими воспользоваться, история – один из добровольно выбираемых экзаменов. При этом политические или идеологические взгляды молодых людей не оцениваются – т.е. когда ученик, скажем, русской национальности, захочет заявить, например, что, по его мнению, И.В. Сталин был эффективным менеджером, и сумеет обосновывать свою точку зрения, то на его оценку это негативно не влияет.

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на некоторые попытки официальных кругов влиять на развитие исторической науки и массовое историческое сознание, а также на издержки, обусловленные малыми размерами страны (что, к примеру, не способствует разным дискуссиям внутри академических кругов по той простой причине, что разные проблемы как бы монополизированы разными учёными или коллективами и кроме как самим собой им зачастую не с кем спорить), в Эстонии происходит обратный процесс. Чувствуется влияние постмодернизма, вырос интерес к философии истории и к разным теоретическим вопросам. Расширилась сравнительная и общеисторическая перспектива.⁵

О ДВУХ ПОЗИЦИЯХ В МАССОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

В то же время взгляды на историю эстонцев, с одной стороны, и части русскоязычного населения, с другой, сильно различаются, поскольку они живут в разном информационном поле. Так, русские подвержены сильному влиянию российских СМИ, занимающих антиэстонскую позицию. Агрессивная же антиэстонская пропаганда и постоянные скрытые угрозы со стороны официальных представителей РФ привели к тому, что возросла русофобия среди эстонской молодежи – хотя учебная литература этому не способствует. Заметных дискуссий или споров с российской академической исторической наукой не наблюдается, от соблазна же оспаривать грубую и слабо аргументированную пропаганду Эстония пока сумела воздержаться (действительно, с такими господами, как Крысин, Емельянов, Дюков и иже с ними говорить не о чем).⁶

Так называемая русская община в Эстонии отнюдь не монолитна и разделяется на разные группы. Кроме того, она меньше, чем утверждают российские СМИ: в конце 1980-х годов в Эстонии было (вместе с советскими военными) немногим меньше 1,7 млн. жителей, сейчас же – около 1,3 млн., из которых 1 млн. составляют эстонцы. Из остальных – около 250.000 так называемых русскоязычных, из которых более 100.000 являются гражданами Эстонии, около 100.000 – гражданами других стран, в основном РФ, а прочие не имеют никакого гражданства (вернее, не хотят иметь, так как в Эстонии и так можно нормально жить, имея все права вплоть до права голоса на местных выборах, не беря на себя при этом обязанностей гражданина; впрочем, есть и люди с двумя или с несколькими гражданствами, что разрешено российским, но запрещено эстонским законодательством). С той частью населения, у которых «адрес не дом и не улица», эстонцам общего языка в основных исторических вопросах (во всяком случае, в вопросах истории XX века) найти практически невозможно. С людьми же, осознавшими свое место в эстонском обществе, нужно стараться найти если не общий язык, то хотя бы вступить с ними в разумный диалог.

Историческая ментальность эстонцев как малого народа с непродолжительной историей государственности, и русских как крупного народа с тысячелетней государственной историей, сильно различается. Даже национализм у малого народа, стоявшего несколько раз на грани уничтожения, носит дефензивный, а не офензивный характер. Эстонцы не увидят ничего лестного в бытности членом многочисленного народа и сами никоим образом не желают ассимилировать русских в Эстонии.

В орбите интересов эстонской общественности в основном находятся события XX века. Особое внимание уделяется таким темам, как обретение и потеря независимости, Вторая мировая война и советский период. В этих вопросах позиция подавляющего большинства эстонцев вполне определена и ясна. Абсолютно чуждой идее о «великой и неделимой державе» противопоставляется идея о самобытности и праве каждого народа на самоопределение на своей

коренной территории, где он составляет большинство. Многими эстонскими историками признаётся, что в Освободительной войне присутствовали также элементы войны гражданской, особенно в начале войны. Однако в Эстонии боролись не красные и белые, а красные (социалисты-террористы) и розовые (социалисты-демократы). Причиной же их разделения была решимость первых не раздавать землю крестьянам (а создать сразу коммуны, т.е. колхозы-совхозы) и не отделяться от России, (тоталитарно-террористической в случае победы красных, а при победе белых – царской, против чего эстонцы восстали еще в 1905 г.). Русских же белогвардейцев, настроенных, к тому же, против национального самоопределения, т.е. в том числе и антиэстонски, молодая Эстонская Республика не поддержала, а лишь использовала.

«Буржуазная» Эстонская Республика оценивается в основном позитивно уже хотя бы потому, что «буржуазии» как социального слоя в стране практически не было. В основном же положительное отношение к этому периоду определяется тем, что, несмотря на мировые и внутренние кризисы (а вокруг последних идут горячие – в эстонском понимании – споры⁷), двадцать лет независимости принесли эстонскому народу фантастическое по масштабам и темпам культурное и социальное развитие, после чего убеждение в благе самостоятельности можно отнять у эстонца только вместе с головой.

Во Второй мировой войне (точнее, уже в 1938 г., повторно 1 сентября 1939 г.) Эстония объявила себя нейтральной. Однако после сговора Гитлера и Сталина эстонское правительство вынуждено было капитулировать перед СССР, чтобы сохранить свой народ. Эстония – как государство – была оккупирована в 1940 г. Советским Союзом, в 1941 г. Германией и в 1944 г. опять Советским Союзом. Бессмысленно спорить о выборе, стоявшем тогда перед эстонцами – как раз выбора-то, по большому счёту, и не было. В сентябре 1944 г., когда немцы оставили Эстонию, была предпринята попытка восстановить независимость. Юридически вполне корректно созданное правительство сумело пару дней проработать в Таллинне и успело заявить о нейтралитете в Советско-Германской войне. С приходом Красной армии правительство бежало, почти все министры были пленены и получили кто каторгу, а кто смертный приговор.

СТРАСТИ ВОКРУГ «БРОНЗОВОГО СОЛДАТА»

Разница в восприятии исторического процесса хорошо прослеживается на примере страстей вокруг «Бронзового солдата», или, точнее, вокруг «войны монументов» вообще.⁸ В первый период независимости в основном на кладбищах Эстонии было возведено более ста мемориалов в честь погибших в Освободительной войне. При советской власти они уничтожались, затем в конце 1980-х – начале 1990-х годов восстанавливались, но до сих пор иногда страдают от вандализма (особенно в местах с плотным русскоязычным населением). Во

время и после Второй мировой войны появились новые памятники. Надгробья, установленные на могилах немецких и эстонских солдат, также были разрушены после войны и восстановлены в конце 1980-х – начале 1990-х годов, причём иногда по нескольку раз, так как сначала их сносили ещё находившиеся в Эстонии советские военные, а позже – все те же проимперски настроенные лица.

Памятники советским воинам, а их очень много, стоят, как стояли, ни один из них (кроме «Бронзового солдата») не снесен (да и этот памятник не снесен, а лишь перенесен). В последние два года их положением даже стало интересоваться посольство РФ. Наверное, следует добавить, что как «русские», так и «эстонские» памятники, к сожалению, до сих пор иногда становятся объектами нападения вандалов. Однако с первыми это случается по два-три раза в год (о чем почти всегда сообщают российские СМИ, связывая инциденты с явной «фашизацией» Эстонии), а со вторыми – существенно чаще (об этом российская пресса молчит, как, кстати, и русские масс-медиа в Эстонии, точнее, они этого просто не замечают).

Памятник советским воинам, или «Бронзовый солдат» также стоял в самом центре Таллинна. Правда, поскольку его присутствие казалось некоторым ура-патриотам оскорблением народной памяти эстонцев и символом бывшей оккупации или даже частичного сохранения (ментальной) оккупации и т.д., то иногда возникали дискуссии о его переносе на другое место. Однако даже партия Союз Отечества – ярко патриотическая, самая «националистическая», находившаяся временами у власти в Таллинне, -- не сделала ничего для его сноса (поскольку памятник находился на городской земле, вопрос был в ведении горсовета, в Таллинне же 40% населения составляют неэстонцы, имеющие право голоса на местных выборах). Кроме того, недалеко от памятника находились могилы советских солдат, похороненных в 1945 г. Правда, они располагались не у самого памятника, а у троллейбусной остановки, где по праздникам происходили народные гуляния. Так или иначе, существование этих могил стало впоследствии главным оружием российской и проимперской пропаганды. В 1990-е годы надписи на памятнике были изменены, и монумент стал мемориалом всем погибшим во Второй мировой войне. Так и стоял бы солдат на Тынисмяги, но в 2000-е годы это место стало ареной выступлений враждебных Эстонии сил. Два раза в год – 9 мая и 22 сентября (день вхождения в Таллинн советских войск) у памятника происходили антиэстонские митинги, на которых размахивали российскими и советскими флагами, а появляться с эстонским триколором было небезопасно. И это в самом центре эстонской столицы! Но солдат всё стоял, а власти и большинство эстонцев всё это молча терпели.

Первый акт драмы разыгрался не в Таллинне, а в маленьком городке Лихула, куда с большой дороги не сворачивают даже рейсовые автобусы. В 2004 г., после длившиеся два года споров, там решили по местной (и частной) инициативе воздвигнуть монумент «эстонцам, воевавшим в 1940–1945 гг. против большевизма и во имя восстановления независимости Эстонии». Россия обви-

нила Эстонию в реабилитации фашизма, и через две недели правительство распорядилось снести монумент – ночью, под защитой полиции, да еще используя, как назло, красный подъемный кран с русским водителем. Ответной реакцией стали нападения вандалов на монументы советским воинам, в том числе и на «Бронзового солдата».

В 2004–2006. гг. страсти вокруг «Бронзового солдата» разгорались, особенно в контексте приближающегося 60-летия Победы. Вандалы ещё несколько раз оскверняли памятник, причём однажды на этом поймали... русского. 9 мая 2006 г. у памятника избили некоего эстонского националиста с русским происхождением и осквернили эстонский флаг, с которым он туда появился. Пресекая инцидент, полиция увезла «provокатора», а не тех, кто его избил (оказалось, что прийти в годовщину окончания Второй мировой войны в Европе к памятнику павшим в этой войне с государственным флагом, provокация!). В ответ на это другой националист пригрозил взорвать памятник, если тот простоит ещё год на том же месте, за что его судили и оштрафовали.

После этих событий терпение эстонцев действительно лопнуло. Политики, оценив ситуацию, начинали процесс переноски памятника на военное кладбище и перезахоронения могил. На попытки согласования акции со всеми политическими силами и на её юридическое обоснование ушёл год (заметим, что добиться полного единогласия было невозможно, так как некоторые выражали категорическое несогласие). Всё это время российская пропаганда работала в полную силу. Не без помощи посольства РФ появились группы добровольцев вроде «Ночного дозора», во главе которого, кстати, стояли довольно непривлекательные люди (один, например, занимался продажей нацистской символики, производившейся в Санкт-Петербурге). Под нажимом со стороны России даже те местные русские учреждения и общественные деятели, которые первоначально поддерживали перенос захоронения и памятника (например, митрополит русской православной церкви Московского патриархата), изменили свое мнение или замолчали.

Позже стали уверять, что тогдашний (и нынешний – январь 2009) премьер-министр Эстонии Андрус Ансип (Партия реформ) использовал перенос «Бронзового солдата» в целях победы на парламентских выборах весной 2007 г. и победил на волне националистических настроений. В действительности от произошедших событий должна была в первую очередь выиграть партия Союз Отечества и Республики. Заигрывающая же с русским электоратом Центристская партия, которая находилась и находится у власти в Таллинне, действительно использовала ситуацию для получения голосов неэстонцев и преуспела в этом, причём российские официальные лица неоднократно прямо или косвенно указывали, кого нужно поддержать и кого они видят будущим премьер-министром. Была создана даже новая, Конституционная партия, которая сконцентрировалась на защите «Бронзового солдата» (и получила на выборах 1% голосов). Кроме того, Таллиннская центристская группировка, уже после выборов в парла-

мент, которые центристы проиграли и оказались в оппозиции, дала разрешение на проведение 9 мая митинга около «солдата» патриотическим эстонским организациям, зная, что там наверняка соберутся советские ветераны, и конфликт неизбежен.

Таким образом, дело уже было не в памятнике. Дело было в попытке РФ привести к власти в Эстонии (на парламентских выборах) угодное правительство, а после провала этого замысла организовать крупный межнациональный конфликт и добиться, в конце концов, своей цели.

Уже после описанных событий сын известного ученого-семиотика Юрия Лотмана Михаил Лотман, тоже семиотик и в то время депутат парламента, который поддерживал перенос памятника, написал статью, в которой объяснял, что эстонцам-лютеранам (а в культурно-исторической плоскости все эстонцы лютеране, хотя по опросам являются самым нерелигиозным народом в Европе) не понять чувств, испытываемых православными русскими в связи с «Бронзовым солдатом». По мнению автора статьи, эстонцу не понять, как может образ (статуя) слиться с реальными погибшими. Может это и так, но русским, видимо, было не до понимания тех, тоже главным образом подсознательных причин, которые на этот раз вывели из себя обычно сдержанных эстонцев. Так как многое в данной ситуации происходило на уровне подсознания, то и самим эстонцам это зачастую было не до конца понятно. Постараемся объяснить это.

«Бронзовый солдат» стоял на Тынисмяги. Название этой горки означает Гора святого Антона – по имени костела (с кладбищем) эстонского пригорода, стоявшего на этом месте в Средние века. Во время Ливонской войны, когда русские дважды осаждали город, не стало ни костела, ни пригорода. В XVII веке, во время шведского владычества в Эстонии, на этом месте построили новый пригород, кладбище и деревянную Карлову (Каарли) церковь эстонской общины – в честь короля Карла XI, который освободил эстонских крестьян от крепостничества. Во время Северной войны были стерты с лица земли и пригород, и церковь, а крестьяне Петром I были закрепощены ещё на целое столетие. В XIX веке, когда эстонцы постепенно стали преобладать среди городского населения, но ещё не имели представительства во власти, было решено построить церковь Каарли заново. В 1850-е годы начался всенародный сбор пожертвований, в 1860-е годы – строительство храма, а в 1870-е годы в церкви уже проходила служба. Церковь Каарли – самая большая церковь в Таллинне – стала символом чаяний эстонцев, стремившихся превзойти немцев, быть хозяевами на своей земле. Даже Христа на алтарной фреске придворный художник, эстонец Й. Кёлер создал по образу эстонского крестьянина. Церковь Каарли была главной церковью Эстонской лютеранской церкви до войны и остается самым важным храмом страны доныне. То есть – церковь Каарли, находящаяся рядом с «Бронзовым солдатом», это монумент желанию эстонцев быть хозяевами на своей земле. Видимо, не случайно советские идеологи выбрали для возведения своего главного мемориала в Эстонии Тынисмяги.

Официально на Тынисяги похоронили солдат, погибших при освобождении Таллинна. Но в Таллинне и вокруг него в радиусе как минимум 20 км в 1944 г. никаких боев не было – кроме стычек эстонских солдат с немецкими сапёрами, которые собирались взорвать Таллиннский порт и водонапорную станцию. Да и «освободить» Таллинн можно было только от эстонцев, так как немцы уже ушли, и в городе работало Эстонское правительство. Зато после «освобождения», вплоть до лета 1945 г. в Таллинне мародёрствовали красноармейцы, пойманных расстреливали и хоронили на месте. (Весной 2008 г., при закладке фундамента памятника в честь Освободительной войны в 300 метрах от Тынисяги, на площади Свободы, случайно наткнулись на подобное захоронение с останками двух расстрелянных красноармейцев. Посольство РФ сразу же потребовало прекратить работы).

Как бы то не было, но в апреле 1945 г. на Тынисяги были могилы советских солдат (точнее, почти одних офицеров), погибших в разное время и по разным обстоятельствам. Потом поставили временный деревянный памятник. Потом две школьницы (у одной красноармейцы изнасиловали мать, у другой убили тётю) этот памятник взорвали и были, разумеется, посажены. В 1947 г. был воздвигнут «Бронзовый солдат» с именами 14 похороненных (одного позже перезахоронили; а при вскрытии в 2007 г. оказалось, что могил было 12; дочери найденного тринадцатого погибшего при поддержке РФ до сих пор требуют от Эстонии возвращения праха их отца). Работали над скульптурой эстонский скульптор и эстонский архитектор, а эскиз памятника был создан ещё до войны для монумента в честь Освободительной войны. Моделью скульптор выбрал национального героя Эстонии, двукратного чемпиона Берлинской олимпиады 1936 г. Кристьяна Палусалу. В 1941 г. он был мобилизован в Красную армию и отправлен в трудовой батальон, откуда бежал, после чего приговорен к расстрелу, но был послан в штрафбат, из которого вновь бежал – через линию фронта к финнам, после войны его посадили.

После такой предыстории правительство Эстонии решило с 26 апреля 2007 г. закрыть доступ к памятнику и начать раскопки могил. Самого «солдата» хотели, видимо, перенести летом со всеми военными почестями. В тот же день был организован митинг протеста. Вечером толпа вышла из-под контроля и в основном пьяные молодые люди несколько часов мародёрствовали на улицах города, громя, грабя и кое-где сжигая магазины и киоски, переворачивая машины и выкрикивая: «Россия! Россия!», «Всё наше!» и «Фашизм не пройдёт!». При нападении мародёров на один из баров несколько из них получили ранения, а один гражданин РФ умер, так как скорая помощь долго не могла пробиться к месту события. В карманах его было награбленное добро. Теперь его именем называют улицы в городах одного соседнего с Эстонией государства. Полиция (в которой доля неэстонцев намного выше, чем в обществе в целом) применила силу, сотни людей были на короткое время арестованы, и их страдания стали новой важной темой в российских СМИ. Как ни странно, но после первого

шока доверие неэстонцев к эстонской полиции резко возросло: летом того же года полиции доверяли 57% неэстонцев, а в декабре – уже 69%, больше чем когда-либо. Тысячи людей зарегистрировались во вспомогательную полицию. По экстренному решению правительства памятник был немедленно демонтирован и перенесен на военное кладбище. Если до «бронзовой ночи» одна половина общества была за перенос монумента, а другая – против или сомневалась (в сроках, методах, необходимости и т.д.), то после событий подавляющая часть общества сплотилась и поддержала принятое решение. Большинство жителей Эстонии считают, что в сложившейся ситуации других возможностей не было – если, конечно, Эстония хотела оставаться самостоятельным государством. 9 мая на военном кладбище было многолюдно, но спокойно, и, по иронии судьбы, к памятнику впервые были возложены цветы от правительства Эстонии. Памятник на кладбище – это памятник погибшим, а не символ доминирования одного государства/народа над другим, туда можно и нужно нести цветы.

Случаи мародёрства были и в других городах с компактным проживанием русского населения. Некоторые русские учителя привезли своих учеников протестовать перед зданием парламента. Они несли всё те же лозунги: «Позор!», «Фашизм не пройдёт!». Началась блокада авто- и железных дорог из России в Эстонию, были произведены массированные электронные атаки на эстонские серверы, делегация Госдумы РФ требовала отставки правительства Эстонии, а в Москве «нашисты» осадили посольство Эстонии и угрожали физической расправой послу Марине Кальюранд (русской по национальности)... Нужно ли продолжать? Совсем иной была реакция мирового сообщества. Характерный пример: вскоре после обсуждаемых событий в Эстонию с официальным визитом прибыл президент Израиля Шимон Перес, который заявил, что перенос монумента – внутреннее дело Эстонии и Израиль с этим согласен.

После случившегося власти и часть эстонского общества были напуганы своей же решительностью. Почти сразу появились статьи и передачи, в которых утверждалось, что государство слишком мало сделало для интеграции русских, что во всем виноваты сами эстонцы, что из произошедших событий нельзя делать никаких обобщений и т.д., и т.п. Суды очень мягко наказали опознанных мародёров. 2008 г. был годом 90-летия Эстонской Республики и начала Освободительной войны. В связи с этим уже давно было решено поставить рядом с площадью Победы в Таллинне памятник Свободе (точнее – монумент в честь победы в Освободительной войне), который так и не построили перед Второй мировой войной. Понятно, что сразу начались новые споры: кому-то кажется, что памятник строят для того, что бы что-то «показать» русским, кому-то не нравится сам проект (большой стеклянный крест – по образу ордена Крест Свободы тех лет) или его размеры (хотя бы по сравнению с «Бронзовым солдатом»), кому-то ещё что-то. Словом, идёт обычная скучная жизнь демократического государства.

5 января 2009 г. организаторы митинга, который привёл к «бронзовой ночи», были оправданы судом первой инстанции, не посчитавшим возможным судить кого-то только по косвенным уликам (так как друг против друга они, разумеется, показаний не давали, а главные инициаторы беспорядков находятся вне Эстонии). Реакция в эстонских СМИ была очень неоднозначной. МИД России указал в своем заявлении, что «решение суда лишней раз подтвердило справедливость общественного возмущения провокационной затеей эстонских властей по осквернению захоронения советских солдат и переносу памятника Воину-освободителю в Таллинне. Оправдание ... по сути, обвинительный приговор тем, кто вознамерился глумиться над памятью павших и переписывать историю».⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С русскими переводами основных выводов данных докладов по периодам 1940–1941 и 1941–1944 гг. можно познакомиться по адресу: <http://www.historycommission.ee/>. Печатную версию см.: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Tallinn, 2006 (1137 стр.). Основные выводы по поствоенному периоду тоже опубликованы (http://www.historycommission.ee/temp/pdf/conclusions_en_1944-.pdf), перевод на русский язык станет скоро доступным. Комиссия работала с 1998 г., из России в её состав входил Арсений Рогинский.

² Сборник и дополнительные материалы для учителей можно найти как на эстонском, так и на русском языке на сайте Министерства образования и науки ЭР: <http://www.hm.ee/index.php?049726>. См. также: Исаков С.Г. Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн, 2005.

³ См. государственную учебную программу: <https://www.riigiteataja.ee/ert/act.jsp?id=1008388>; перевод на русский язык: http://www.ekk.edu.ee/vvfiles/3/oppekava_vene_keeles.pdf. Эта учебная программа действует с 2002 г., но она не намного отличалась от предыдущей (с 1996 г.). В новой же разрабатываемой в настоящее время программе самостоятельность педагогов будет существенно расширена.

⁴ Прямой перевод эстонского термина Vabadussõda – Война за свободу, т.е. за независимость. Под победой в этой войне имеется в виду не победа Эстонией России, а отстаивание независимости. Тут, наверное, уместно сослаться и на разное понимание или использование эстонскими и российскими историками таких терминов как оккупация, аннексия, сепаратизм, национализм и т.д. Например, эстонское слово rahvuslane переводится как националист, но означает патриот.

⁵ См., например: Pettai M. Narratives and Political Development in the Baltic States: History Revised and Improvised // Ab Imperio 5. No. 1 (2004). P. 405–433; Kivimäe S., Kivimäe J. Geschichtsschreibung und Geschichtsforschung in Estland 1988–2001 // Österreichische Osthefte: Zeitschrift für Ost-, Mittel- und Südosteuropaforschung, 44, 2002. 1/2. S. 159–170.

⁶ Позицию эстонских исследователей см. например: Мялскоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью

и силой в международном праве. Тарту, 2005; Граф М. Эстония и Россия 1917–1991: анатомия расставания. Таллинн, 2007; *The Sovietization of the Baltic States, 1940–1956*. Ed. O. Mertelsmann. Tartu, 2003; *Soviet Deportations in Estonia: Impact and Legacy. Articles and Life Histories*. Tartu, 2007; Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956). Исследования и документы. Тарту, 2008.

⁷ Например: Ilmjärv M. *Silent submission : formation of foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania: period from mid-1920s to annexation in 1940*. Stockholm, 2004; Valge J. *Breaking away from Russia: economic stabilization in Estonia 1918–1924*. Stockholm, 2006; Kõll A.-M., Valge J. *Economic nationalism and industrial growth: state and industry in Estonia 1934–1939*. Stockholm, 1998.

⁸ См. например: Brüggemann K., Kasekamp A. *The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia* // *Nationality Papers*. Vol. 36. No. 3, July 2008. P. 425–448.

⁹ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/B92C22CE48C77BF6C3257535003F8ACB

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сине-чёрный-белый триколор Эстонии был создан в 1884 г. как флаг Общества эстонских студентов Тартуского университета. Цвета (белый и синий) взяли от национального флага Финляндии, чёрный – добавили в знак упраздненного в 1816/19 г. крепостничества, которого в Финляндии не было (впрочем, насчёт причин выбора расцветки есть и другие версии). Форма триколора была обусловлено значением цветовой раскраски в условиях конкуренции со студенческими корпорациями остзейских немцев. Постепенно флаг стал национальным, и его использовали в конце царского правления открыто, полуофициально, использовали, например, в оформлении разных эмблем, флагов и т.д. созданных во время Первой мировой войны эстонских национальных частей. Государственным он стал 21 ноября 1918 года. В начале советского периода этот триколор ещё использовали, но начиная с 1944 года (т.е. с нового прихода Красной армии) он был запрещен, и даже использование сочетания цветов эстонского триколора считалось криминальным. Ещё весной 1988 года ношение сине-чёрно-белых цветов было достаточной причиной, скажем, для исключения из школы, вуза и т.д., не говоря уже об интересе милиции и КГБ к таким дерзким персонам. Национальным флаг был снова признан летом 1988 года, когда его использование стало опять массовым, а в правах государственного он был восстановлен 7 августа 1990 года.

Эстонский государственный герб – реплика герба города Таллинна с XIII века, когда Северная Эстония принадлежала Дании, который позже использовался и Эстляндским рыцарством, а позднее – во время Ливонской войны – стал и гербом Эстляндского герцогства (теперь уже в составе Шведского королевства). Видимо, Датский король первоначально просто разрешил использование таллиннцами своего герба и флага (флаг Дании по преданиям упал с неба в 1219 году во время битвы датчан с эстонцами как раз в Таллинне, а Таллинн означает Датский город). На гербе тот же мотив с тремя львами, что и на гербах Дании и Англии – это и есть один герб, говорящий об общей истории. Кое-кто даже попытался утверждать, что этот мотив идет от времён правления Канута Великого, короля Дании, Норвегии и Англии, который починил себе в борьбе со Швецией и Ярославом Мудрым частично и Эстонию. Ярослав именно тогда и в связи с этой борьбой захватил на тридцать лет Тарту¹, ну, а эстонцы, понятное дело, выбрали то зло, которое подальше, т.е. Канута. Гербом герцогства (т.е. Эстляндской губернии) три льва были и во время владычества России. Для российского читателя, может быть, надо добавить, что в 1710/21–1918 Эстония была частью Российской империи, но до 1880-х годов больше формально, чем в действительности: официальным языком был немецкий, официальной религией (до 1840-х гг.) – лютеранство, налогообложение и законы были тоже иными, общегосударственные законы действовали ограниченно, местное самоуправление было в руках рыцарства и городских верхов, которые понимали свое починение России как персональную унию (т.е. считали Эстляндию и Лифляндию отдельными автономными княжествами, связанными с Россией в основном через личность монарха – чем они по капитуляциям 1710 года и были), а нарушение своих прав – как причину отказать от этой унии. В 1880-е годы (потихоньку и частично, конечно, раньше) начался процесс русификации Эстонии, но многое в законах, в самоуправлении и т.д. так и осталось другим. Менялась, в основном, то, что теперь, благодаря ослаблению позиции остзейских немцев, главными “сепаратистами” стали сами эстонцы, которые сотрудничали с властью именно и только ради своих эмансипационных целей. Таким образом, несмотря на тесные экономические, культурные и др. связи с Россией, на присутствие в Эстонии русских войск и т.д., Эстония уж точно до 1880-х годов не была частью России, но лишь принадлежала России.² Во время Освободительной войны (война за независимость Эстонии в 1918–1920 гг. с Советской Россией и в то же время с немецкими формированиями) три льва как бы автоматически использовались как в армии, так и госучреждениями Эстонской Республики. После Освободительной войны

¹ Случилось это где-то после 1030 года, когда на месте городища эстонцев был построен Юрьев. Но в 1061 году эстонцы выгнали оттуда русских и сами вторглись в Псковщину. После этого Тарту до Ливонской войны в руках русских никогда не был, хотя, правда, они его минимум два раза сжигали. Это к тому, что “древним русским городом” Тарту никак не является.

² Просто для примера: по переписи населения 1881 г. эстонцы составляли в Эстонии 90%, немцы 5%, русские 3%, причем из последних большинство являлись староверцами, предки которых бежали в Эстонию от Российских властей и православной церкви.

начались поиски нового герба, но в конце концов в 1925 г. остановились на тех же трёх львах. Таким образом, герб как бы символизирует постепенное перерождение местной сословной автономии в автономию национальную (в 1917 г.) и той – в государственную самостоятельность. В советское время (1940–1941, 1944–1988/91) герб был криминализован наравне с национальными цветами.

Государственный гимн (с 1920 года) Эстонии стал национальным гимном после первого общеэстонского певческого праздника в 1869 г. Автор мелодии – немец Фредерик (Фридрих) Пациус сочинил ее ещё в 1848 г., автор слов – один из руководителей эстонского национального движения тех лет Йоганн Вольдемар Яннсен. Мелодия общая с национальным гимном Финляндии, слова, разумеется, разные, но сочинены приблизительно в одно время (в Эстонии немного раньше).

На денежных купюрах Эстонии изображены руководители национального движения XIX века и деятели культуры: на купюре в 500 крон – лидер левоцентристского и радикального антинемецкого направления в национальном движении XIX века Карл Роберт Яacobсон; на купюре в 100 крон – поэт, драматург, политик и общественный деятель Лидия Койдула (полунемка, кстати, дочь названного уже Й. В. Яннсена); на купюре в 50 крон – один из первых профессиональных композиторов среди эстонцев Рудольф Тобиас, на купюре в 25 крон – писатель левого и антиклерикального толка Антон Хансен Таммсааре; на купюре в 10 крон – лидер правоцентристского, ориентировавшегося на развитие национальной культуры и сотрудничество с остзейскими немцами направления в

национальном движении XIX века Яcob Хурт; на купюре в 5 крон – шахматист Пауль Керес (чемпионом мира не стал исключительно из-за советской власти, он, к слову, отказался во время войны от предложенного А. Алехином матча на этот титул и участвовал как в антинемецком, так и в антисоветском сопротивлении), на купюре в 2 кроны – великий учёный XIX века Карл Эрнст фон Бэр (остзейский немец).

Самое главное здание Эстонии – театр «Эстония», где проводятся важнейшие государственные приёмы и церемонии. Оно построено по инициативе одноименного культурного общества в 1910–1913 гг. по проекту финских архитекторов Армаса Линдгрена и Виви Лённа. Крышам здания была придана форма крышек гробов в память жертв кровавых событий 16 октября 1905 г. Тогда царские войска расстреляли мирную демонстрацию, в результате которой было убито и умерло от ран более 90 человек (примерно столько же погибло в Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. в Петербурге). 9 марта 1944 г. здание было разрушено советской авиацией, а после войны восстановлено в несколько измененном виде – в основном, силами немецких военнопленных. Почти рядом с театром находится здание Земского банка (Маапанк, теперь часть комплекса Банка Эстонии), где 24.02.1918 провозгласили Эстонскую Республику). В советский период площадь перед этими зданиями называлась площадью Эстонских Красных стрелков (были и такие; ядро Эстонской стрелковой дивизии Красной армии вместе с комдивом перешло весной 1919 года на сторону Эстонии).

Монумент Таллинским ученикам и учителям, погибшим в Освободительном войне (учеников и учителей, разумеется, не мобилизовывали, они ушли на войну добровольно). Монумент открыли перед Реальной гимназией (тоже рядом с театром “Эстония” и с Банком Эстонии) в 1927 году, автор – скульптор Ф. Саннамеес. Это был единственный встроенный в общественное пространство памятник этой войне в Таллинне (другие были на кладбищах) и стал из-за этого самым главным. В сентябре 1940 года был разрушен советской властью; восстановлен в феврале 1993 г.

Проект строящегося сейчас в центре Таллинна, рядом с площадью Свободы, памятником Освободительной войны (реплика ордена Крест Свободы).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Эльдар ИСМАИЛОВ, Ильгар НИФТАЛИЕВ

В последнее десятилетие XX века историческая наука Азербайджана переживала сложный этап своего развития. Он характеризовался переплетением научных проблем с существенными переменами в общественно-политической, экономической и культурной жизни, которые были порождены развалом и ликвидацией СССР, образованием независимой Азербайджанской Республики. В этих условиях происходил болезненный процесс изменений в содержании и структуре исторической науки Азербайджана, подготовке научных кадров. Однако за прошедшие годы многие разрушительные тенденции во внутренней жизни Азербайджана, характерные для первых лет независимости, удалось остановить. Азербайджан вступил в XXI век с новыми возможностями развития. Это, прежде всего, связано с началом реализаций крупных нефтяных проектов, значительными финансовыми притоками в бюджет страны, что, в конечном счете, способствовало росту экономических возможностей республики, затронувших все стороны общественной жизни страны, в т.ч. науки. С другой стороны, по мере укрепления государственности происходит уменьшение коллективных комплексов в обществе, что свою очередь отражается и на исторической науке.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОШЛОГО СТРАНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Национальная история в Азербайджане в последнее десятилетие — логическое продолжение тех тенденций в развитии исторической науки, исторического знания и исторического образования, которые берут свое начало с событий последний лет «перестройки» и с первых лет после обретения независимости. Эпохальные изменения, которые переживал азербайджанский народ вслед за распадом СССР, предопределили радикальную смену политических, социальных и духовных ориентиров общества. При этом его историческое сознание оказалось вовлеченным во всеобщие преобразовательные процессы, отразив в своем развитии известную непоследовательность и противоречивость общественно-политических процессов. Это, в свою очередь, в значительной степени определило комплекс представлений и идей, которые стали духовной основой нового взгляда на пройденный исторический путь. Теперь осознаваемое величие национальной исто-

рии в многовековом пути государственного развития и безусловная вера в уникальность национальной культуры сделали естественным всеобщее стремление к возрождению исторических традиций государственного существования Азербайджана. История должна соответствовать текущему моменту, иметь прообраз в достижениях прошлого, а любые возможные апелляции к прошлому должны были находить удовлетворительное объяснение в новом историческом знании. В новых исторических условиях, когда понятие «отечественной истории» окончательно стало подразумевать лишь историю Азербайджана, а не историю прежней «большой Родины», под национальной историей стала пониматься лишь история Азербайджана. Это, естественно, не привело к отказу от изучения страниц истории, связанных с нахождением в составе Российской империи и СССР. Правда, все это вызвало переосмысление многих вопросов истории Азербайджана, которые трактовались прежде с позиций установок официальной советской (марксистско-ленинской) идеологии и конкретных державных интересов. С обретением независимости вырос интерес к истории Азербайджана и за его пределами. Тому свидетельство — постепенное оформление научного азербайджановедения в США, России, ряде других стран. Тем не менее, понятие «национальные историки» имеет в виду лишь историков, творчество которых протекает в Азербайджане, независимо от того занимаются ли они «национальной историей» или историей других стран.

Как и в советское время, сегодня исторические произведения готовятся силами научных работников, занятых в Институте истории Национальной Академии наук и на кафедрах вузов республики. В новых общественно-политических условиях коллективы данных научных центров направляют свои усилия на преодоление устаревших шаблонов и догм, поиск соответствующих подходов к определению перспективных направлений развития азербайджанской исторической науки, путей совершенствования и актуализации тематики научно-исследовательских работ с позиций национально-государственной историографической концепции. Положительными явлениями стали достаточно широкий, не ограниченный доступ исследователей к архивным фондам и ликвидация цензуры. Но сдерживающими факторами являются снижение престижа занятости в сфере науки, недостаточный уровень оплаты труда ученых и отсутствие системы финансирования выпуска научной литературы. Как правило, авторы научных работ вынуждены сами обеспечивать издания подготовленных ими работ, а затем заниматься их реализацией. Все это крайне отрицательно сказывается на количестве и качестве издаваемой исторической литературы.

В отличие от первых постсоветских лет, влияние псевдопатриотизма на развитие исторической науки уменьшилось. Меньше стало работ, в которых искусственно удревляется история этноса, однозначно и огульно отрицается советское прошлое. Вместе с тем появляется больше работ, в которых все

сильнее ощущается стремление к взвешенной, объективной оценке событий прошлого. К тому же, со временем, явно сказывается «отдаление» массового сознания от недавнего советского прошлого. Идет смена поколений. Для молодежи советские реалии — это, во многих случаях, нечто весьма далекое и даже таинственное. Связь с прошлой российской и советской историей ослабеваает, изменяются устаревшие представления об историческом процессе, профессиональное сознание историков порой радикализируется. Это естественно, поскольку до недавнего времени из неиссякаемого источника отечественной истории мы не могли черпать всю правду, вследствие чего несколько поколений были отлучены от настоящей истории народа.

Об ином качественном уровне исторической науки Азербайджанской Республики свидетельствуют, прежде всего, обобщающие коллективные работы. Появление каждого комплексного синтезированного труда — это веха в развитии научных знаний в отечественной историографии, отражение степени и обстоятельности исследовательской разработки проблем прошлого, показатель основных тенденций развития научной мысли. Подчеркнем, что коллективная форма научного творчества становится доминирующей в изучении сложных и крупных проблем, она наиболее полно отвечает эффективному решению задач, стоящих перед исторической наукой. Крупными достижениями в этом направлении за последние десять лет являются издания «История Азербайджана» (1998-2003, тт. 1-7), «Энциклопедия Азербайджанской Демократической Республики» (2004-2005, тт.1-2), «Энциклопедия Нахчевана» (2005, тт. 1-2). В данных трудах вполне определенно сложилось представление о многовековом развитии азербайджанской государственности. Поэтому принцип подачи материала, подходы к оценке тех или иных событий избираются с позиций того, какое значение это имело для азербайджанской государственности. И весь исторический процесс, таким образом, представлен как борьба за государственность. В этом контексте провозглашение независимости Азербайджана в 1991 г. расценивается как главный итог и главное завоевание азербайджанского народа во второй половине XX века.

Что же касается отдельных учебников и учебных пособий по истории Азербайджана, то следует признать, что добиться нового прочтения большей части проблем истории Азербайджана в них не удалось. Несмотря на ряд бесспорных достоинств, в данных трудах, как и в недавнем прошлом, сохраняется ряд противоречивых суждений. Это не случайно, поскольку учебники и учебные пособия, до известной степени, отражают характер той общественно-политической обстановки, которая сложилась в момент их создания. Они не только включают в себя немалую часть представлений и идейных исканий национальной элиты, но и являются в определенной мере индикатором трансформации общественного сознания. Учебники вбирают в себя результаты уже состоявшихся научных и публицистических дискуссий последних лет, т.е. то, что уже стало фактом научной интерпретации, излагают устоявшиеся или, во

всяком случае, разделяемые обществом взгляды. В то же время данные учебники дают ответы на вопросы о том, какие исторические пласты подвергаются наиболее радикальному пересмотру, а какие могут быть приспособлены к новым историческим реалиям.

В советское время, в условиях относительно устойчивого режима и строгого идеологического контроля, учебники одних и тех же авторов в почти неизменном виде сохранялись десятилетиями. В первые годы после распада СССР, в условиях идеологической сумятицы, начинается период определенного кризиса, результатом чего стало появление многочисленных так называемых пробных учебных изданий, представлявшие различные методологические подходы и содержательные интерпретации. Лишь в последние десять лет в этой области наступила стабильность. Что касается содержания новых учебников по истории Азербайджана, то положительным моментом является то, что в них, в рамках системного подхода, делается попытка представить историю азербайджанского народа в общемировом, общетюркском контексте, рассматриваются при этом проблемы национальной самобытности. В отличие от советских учебников наблюдается значительное приращение фактического материала и в основном отказ от тенденциозных интерпретаций исторических фигур и событий. Однако большинство учебников и учебных пособий придерживаются традиционной репродуктивной методики, предлагая студентам и учащимся усвоение значительного массива исторической информации, где больше акцентируется внимание на войнах, битвах, народных восстаниях. В учебниках господствуют готовые постулаты, беспроблемное описание, констатация фактов, которые не могут вести к диалогу со школьником или студентом, не воспитывают в них творческих поисков истины. В результате восприятие истории сводится больше к запоминанию хронологической последовательности произошедших исторических событий.

Развитие исторической науки, изменение массового сознания и стереотипов в постсоветских странах имеют много общего, коренящегося в сходных условиях освобождения от идеологических догм, становления национальной идентичности, попыток обретения государственной идеологии и др. Стремление переписать «свою» историю или заново пересмотреть его уроки, поставить исторический опыт на службу сегодняшнего дня – это одно из проявлений и один из способов социальной адаптации национальных историй на постсоветском пространстве к условиям глубоких преобразований, ибо новые версии истории, должны отражать не только новую расстановку политических и экономических сил, но и смену идеологии. В случае с Азербайджаном это своеобразие продиктовано, прежде всего, наличием этнополитического конфликта. Снятие всякой цензуры и идеологического пресса на научные исследования после распада СССР вызвало столкновение профессиональных историков с непрофессионалами и дилетантами. В условиях новых рыночных отношений, когда издания книг стало зависеть больше от

желания и материальной возможности, на массового читателя обрушился поток исторических сочинений разного уровня и качества исполнения, авторы которых больше делают ставку на мифотворчество, историческую сенсацию, разоблачение тайн прошлого, не утруждая себя заботой об исторической достоверности собственных версий. Всякая полемика с подобными авторами обязательно наталкивается на популистские оправдания типа «этого требуют национальные интересы». Сегодня, по мере расширения источниковой базы и расширения возможностей получения информации, подобные тенденции уходят в прошлое.

В изданных в последние годы работах больше «повезло» сюжетам, которые напрашивались на тщательное изучение и новое осмысление в свете отказа от прежних идеологических штампов и политических веяний. Повезло, поскольку эти темы активно разрабатывались в плане монографическом. К числу активно исследуемых проблем относятся, например, темы этногенеза азербайджанского народа, вхождения Азербайджана в состав Российской империи, общественных и политических движений начало XX века, истории Азербайджанской Демократической Республики, геноцида и депортации азербайджанцев из Армении, уменьшения территории республики в 1918-1920 гг. и нарушения территориальной целостности Азербайджанской ССР. Прделана большая работа по изучению этих и некоторых других тем. Но утверждать, что уровень научной разработки в большинстве случаев достиг, нужной кондиции, нет оснований. Тема этногенеза азербайджанцев хотя и оставалась предметом активных дискуссий в научных кругах, однако, уже не имела того эмоционального характера, который наблюдался в первые годы независимости. Согласно прочно утвердившейся в азербайджанской историографии концепции в формировании азербайджанского народа решающую роль сыграл коренной тюркский пласт, который в разные периоды усиливался за счет потока новых тюркских племен на территорию Азербайджана, внутри которых растворялись иные этнические группы. На усиление данного процесса оказало огромное влияние в целом стабильная, начиная с VII века, религиозная ситуация в Азербайджане, а именно господство исламской религии на территории Южного и Северного Азербайджана, а также нахождение данных территорий начиная со второй половины IX и вплоть до начала XIX вв. в составе тюркско-мусульманских государств. В то же время, надо признать, что значительно уменьшились число работ, относящиеся к периоду древней истории Азербайджана. Для этого имелось ряд объективных причин. Одной из них является острая нехватка специалистов владеющих языками древних источников. С другой стороны, недостаток финансовых средств не позволяет ученым обращаться в древние рукописные фонды других стран. Поэтому основная часть исследований древнего периода Азербайджана в последние десятилетия большей частью представлена работами в области археологии и этнографии.

Если говорить о новой персонификации исторического прошлого, то и здесь произошли существенные изменения. Характерным стал процесс смены героев при оценке исторических личностей. Если раньше в основном в этой роли выступали деятели народно-освободительного движения, народные бунтари, руководители крестьянских восстаний, то теперь в галерее исторических личностей ведущее место занимают представители господствующих классов – падишахи, ханы, которые олицетворяют азербайджанскую государственность, предстают в роли собирателей и защитников азербайджанских земель. В пантеоне исторических личностей ведущее место занимают основатели государства Сефевидов – шах Исмаил I, государства Афшаров – Надир шах, правители азербайджанских феодальных государств XVIII века – Фатали хан Губинский, Джавад хан Гянджинский, Ибрагим Халил хан Гарабагский и др. Акцент при этом делается на успехах, которые достигли данные государственные деятели, в особенности во внешней политике (прежде всего, в борьбе за объединение азербайджанских земель). Здесь, естественно, не обходится без некоторой идеализации. В то же время, в государственной идеологии не случайно делается ставка на определённые лица. Сам выбор их весьма показателен для уяснения основных направлений и тенденций развития официальной системы ценностей. В целом они совпадают с теми процессами, которые определяют эволюцию массовых настроений в азербайджанском обществе: ставка на сильную личность и власть олицетворяют внутреннюю политическую стабильность, что так необходимо сегодня для Азербайджана, 20% территории которой находится под оккупацией Армении.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ

Безусловно, общей, на наш взгляд, темой обсуждения является проблема роли и значения российского присутствия и советского прошлого в судьбах народов бывшего СССР. В первые постсоветские годы в историографии превалировала точка зрения о том, что дореволюционная Россия и СССР являлись империями, а Азербайджан – их колонией. При этом для данных работ было характерно стремление к упрощению довольно сложных взаимоотношений царского и центрального советского правительства с национальными окраинами и союзными республиками, сведение их к схемам метрополия–колония, видение только «белых» и «черных» пятен, и полное безразличие к фактам, которые не соответствовали данным схемам. Сегодня существует возможность на основе объективного подхода придти к единым, взвешенным оценкам этих больших периодов истории. Для Азербайджана — это почти два века истории. Значение их трудно переоценить, как в плане изучения конкретных процессов прошлого, так и в оценке перспектив на будущее.

Ранее, как и в других республиках бывшего СССР, в Азербайджане, по мере усиления дезинтеграционных процессов, исторический образ России приобретал преимущественно отрицательные черты. Сегодня в Азербайджане исторический образ России по-прежнему формируется в контексте участия России в делах «Кавказского дома». В Азербайджане этот образ складывается под сильным воздействием непрекращающегося карабахского конфликта и занятой Россией позиции. В издаваемых научных трудах наиболее подробно исследуются азербайджано-российские отношения, начиная с первой четверти XVIII века, т.е. с момента образования Российской империи и активного проведения ею кавказской политики. Большая часть исследований посвящена к периоду начала завоевания царской Россией Южного Кавказа. В этих работах характеристика Российской империи представлена явно не в позитивном свете, и она выступает в роли агрессивного соседа в ходе событий первой трети XIX в., когда в результате двух русско-иранских войн были ликвидированы азербайджанские государственные традиции. Россия завоевывает азербайджанские ханства и этот процесс заканчивается подписанием сначала Гюлистанского (1813), а затем и Туркменчайского договоров (1828). В азербайджанской историографии эти два договора рассматриваются как акты, ликвидировавшие государственную независимость азербайджанского народа и расчленившие его на две части. На смену понятиям о «добровольном присоединении» приходят более жесткие категории — «завоевание», «насильственное присоединение», появляются определения «Северный Азербайджан» и «Южный Азербайджан», развитие которых идет в разных исторических направлениях.

Сегодня эти события рассматриваются сквозь призму укрепления армяно-русского союза на протяжении XVIII-XX вв. Авторы книг подробно описывают историю переселения армян на территорию Северного Азербайджана, считая родоначальником этой политики Петра I, издавшего в ноябре 1724 г. указ о расселении армян в прикаспийских территориях¹. Особое внимание акцентируется на содержании 15-й статьи Туркменчайского договора², положившего начало массовому переселению армян на территорию Северного Азербайджана из Ирана и Турции, продолжавшемуся на протяжении всего XIX и в начале XX века. Данные исследования сопровождаются привлечением большого количества телеграмм и переписки официальных лиц Российской империи на Южном Кавказе (Грибоедова, Паскевича, Цицианова, Гудовича и др.). Анализируя результаты переселенческой и колониальной политики Российской империи, историки отмечают значительные изменения в этнодемографическом составе некоторых областей Северного Азербайджана, прежде всего, в бывших Иреванском, Нахчыванском и Гарабагском ханствах. В результате произошло образование, на основе указа Николая I от 21 марта 1828 г., первого на Южном Кавказе армянского государственного образования — Армянской области³.

Загравивая проблемы культурной и духовной жизни в XIX – начале XX века, большинство авторов, не отрицая негативные результаты российского завоевания Северного Азербайджана, констатируют факты экономических преобразований и сдвигов в культурной жизни. В частности, указывается на оживление нефтяной промышленности, создание капиталистической инфраструктуры, открытие светских школ, национальных газет, театров, библиотек, возможности получения образования в высших учебных заведениях России и Западной Европы, способствовавших появлению представителей национальной интеллигенции. Одновременно констатируется тот факт, что отчетливую потребность в самосохранении и этнической консолидации азербайджанский социум ощутил находясь в составе Российской империи. Именно в этот период истории составляющие компоненты идеи этнополитического объединения азербайджанцев – общетюркская идея, дополненная мусульманской идеей и сравнительно молодой национальной идеей – проявили себя наиболее ярко. Эти компоненты, в принципе, и сегодня продолжают отражать суть мировоззренческой позиции азербайджанцев.

Исторические образы России в Азербайджане представляют интерес не только чисто историографический, но и аналитический. Понять эволюцию образа России необходимо и для взвешенной оценки геополитических перспектив Российской Федерации на постсоветском пространстве и, в частности, в регионе Южного Кавказа, а также для определения её реального участия в культурной жизни этого пространства. Для того, чтобы преодолевать возникающие здесь противоречия необходимо, прежде всего, выработать общие подходы в освещении периодов общей истории Азербайджана и России в ныне действующих учебниках. Определённый опыт у нас был еще в советское время. Он назывался «История СССР», которая практически полностью была посвящена России, где делался крен в сторону так называемой добровольности: мол, все народы, государства и этносы с радостью теряли свою независимость, вступая в состав Российской империи, а национальные истории изучались факультативно или в рамках краеведения. Затем ударились в другую крайность: Россия – это кровь, насилие, захватничество. Конечно, такое «осмысление» истории вело не к взаимопониманию и уважению, а к конфронтации. Поэтому важно, что на семнадцатом году независимости Азербайджана постепенно приходит спокойное осмысление нашего прошлого.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Наиболее глубокие исследования проводятся сейчас по вопросу азербайджано-армянских отношений. Агрессия Армении, оккупация азербайджанских территорий, Карабахская проблема, человеческие трагедии прошлых двух десятилетий породили соответствующие настроения в массовом сознании, что

нашло свое отражение и в исторической литературе. Тема армянского экспансионизма и армянской агрессивности — одна из самых популярных в научной литературе и исторической публицистике. Все это следует рассматривать как проявление идеологической войны в условиях отсутствия мирного соглашения между двумя странами и нерешенностью проблемы Карабаха. Ежегодные конференции, проводимые с участием историков, экономистов, этнографов, философов, юристов, психологов, политологов, а также представителей политических партий и общественных организаций преследуют своей целью информирование международной общественности о корнях возникновения и перспективах разрешения армяно-азербайджанского конфликта, а также формирование общей, справедливой и реалистичной позиции по этой жизненно важной для Азербайджана проблеме. Написаны десятки монографий и статей, сняты документальные фильмы. Достаточно сказать, что изданная Институтом истории Академии наук Азербайджанской Республики фундаментальный труд «Карабах: реальная история, факты, документы» стала в 2005 г. победительницей II Международного конкурса государств участников СНГ «Искусство Книги», проведенного в Москве. Данный феномен можно объяснить не только большой идеологической востребованностью «карабахского вопроса», но и большой разработанностью традиционных тем, особенно тех, исследования которых в советское время разрешались.

С окончанием фазы активных военных действий интенсивность дискуссии вокруг исторической принадлежности Карабаха несколько уменьшилась, поскольку использование государством мобилизационных возможностей истории были более характерны для периода открытой конфронтации. Если в первые постсоветские годы авторы, писавшие на данную тему, больше исследовали политическую историю Карабаха и образования Нагорно-Карабахской автономной области, то в последние годы проблема армяно-азербайджанских отношений стала изучаться в более широком ракурсе, включая исторические этапы массового переселения армян на территорию Северного Азербайджана. Заново открылась трагедия геноцида азербайджанцев в 1918 г. и депортации азербайджанцев из Армянской ССР в 1948-1953 гг., присвоения и уничтожения памятников материальной и духовной культуры азербайджанского народа⁵. К этим проблемам приковано стратегическое внимание Института истории Академии наук в рамках изучения проблемы потерянных азербайджанских земель. Важным импульсом стали указы президента Азербайджанской Республики Г. Алиева от 18 декабря 1997 г. о депортации азербайджанцев из Армянской ССР в 1948-1953 гг. и от 26 марта 1998 г. о геноциде азербайджанцев в 1918 г.

Данными решениями официальная власть показывает, что ее политика является воплощением национальной идеи, что она остается стороной заинтересованной в том, как будет идти процесс исторического познания, как будут освещаться отдельные эпизоды исторического прошлого, которые действительно

служат сегодня консолидирующей силой азербайджанского общества и мобилизуют его на решение общенациональных проблем. Важнейшим мобилизационным ресурсом государства для влияния на общественное сознание являются исторические даты – День Республики 28 мая, День национального спасения 15 июня, а также годовщины трагических событий – День памяти жертв кровавых событий 20 января 1990 г. и День памяти жертв геноцида азербайджанцев в Ходжалах-26 февраля 1992 г.

Все последние годы с начала конфликта вокруг Нагорного Гарабага в 1988 г. показали, что благодаря огромному документальному пласту, накопленному в результате интенсивных исследований, азербайджанские историки основательно реагировали на любые попытки армянских авторов «покуситься» на историческое достояние национальной истории и культуры. Однако в условиях тотальной информационной войны, которая продолжается с момента начала новой фазы армяно-азербайджанского конфликта в конце 80-х годов XX века, в работах, в которых исследуется корни данной проблемы, появился ряд характерных черт. За период конфликта сложился серьёзный пласт негатива в восприятии двух народов, выразившийся в этнофобии и культивировании представлений о межэтнической и межконфессиональной несовместимости. Обостренная историческая память пронизывает работы, посвященные армяно-азербайджанским отношениям. Драматические события прошлого в отношениях двух народов переживаются с той же эмоциональностью, что и коллизии наших дней. Отрицательные эмоции и идеологемы не позволяют авторам выйти за пределы определенных рамок. В результате научные работы становятся по смыслу практически идентичными, а скороспелые обобщения и немотивированные выводы с целью попасть в струю общественных настроений оборачиваются известными потерями научного знания. К сожалению, современное замороженное состояние армяно-азербайджанского конфликта, при неопределенных перспективах его решения, способствует сохранению подобных тенденций.

ИСТОРИЯ СТРАНЫ В XX ВЕКЕ: ПЕРЕСМОТР КЛЮЧЕВЫХ СОБЫТИЙ И ПОПЫТКИ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ

Среди историков не спадает интерес к периоду 1918-1920 гг., когда существовала Первая Республика – Азербайджанская Демократическая Республика (АДР). Её возникновение по праву рассматривается как одна из самых ярких страниц отечественной истории, представляется актом исторической справедливости, реализацией вековых чаяний и надежд азербайджанского народа, всегда стремившегося к национальной государственности. Реальная история АДР в советское время практически не изучалась, её заменял ряд малоубедительных негативных штампов. В академических трудах и монографиях советского периода исследовательские задачи скрывались жесткими рам-

ками политической цензуры, в соответствии с которыми период правления АДР трактовался как «разгул буржуазной реакции во главе с антинародным, контрреволюционным режимом Мусавата, являвшимся марионеткой турецкого империализма». В результате работы, мимоходом затрагивавшие эту тему, были больше похожи не на научные изыскания, а обвинительные заключения и судебные приговоры, направленные против политических лидеров и ведущих политических партий периода АДР.

Мощный импульс для более глубокого изучения истории Первой республики на мусульманском Востоке дал указ президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева от 30 января 1998 г. о проведении 80-й годовщины АДР, после которого в кратчайшие сроки были изданы сборники документов из ранее засекреченных государственных архивных фондов о деятельности парламента, внешней политики и армии АДР. Подлинные документы, письма и заметки политических деятелей эпохи Азербайджанской Демократической Республики, а также мемуары, написанные уже в эмиграции и абсолютно закрытые для историков советского времени, продолжают оставаться в центре внимания ученых. В результате поисков в зарубежных архивах, в частности России, Франции, Англии, Турции, азербайджанские ученые ввели в научный оборот большое количество документов, которые сильно обогатили источниковую базу по исследованию данного периода истории Азербайджана. Если в первые годы независимости Азербайджана для исследований истории АДР были характерны крайности, огульное очернение или идеализация, то работы последних лет отличаются более взвешенной оценкой истории Первой республики⁴.

Советский период занимает особое место в историографии Азербайджана последних десяти лет. Демократизация общества, существенное расширение источниковой документальной базы, провозглашение свободной конкуренции идей и концепций дали возможность активизировать научную деятельность историков, глубже осмыслить сложные политические и духовные процессы. Однако, как это бывает в переломные периоды истории, на этом пути не удалось избежать перекосов, ошибок и конъюнктурных суждений, породивших тенденциозность отдельных ученых, желавших подменять аналитическое исследование наукообразными доводами. Применительно к началу 90-х годов, можно говорить о двух направлениях в отечественной историографии. Первое олицетворяло тенденцию, связанную со стремлением перечеркнуть достижения исторической науки прошлых десятилетий. На смену старой политической конъюнктуре стала приходиться новая, стремящаяся механически, без серьезного анализа заменить старые оценки новыми, порой прямо противоположными. Ряд авторов констатировал, что азербайджанский народ до сих пор доподлинно не знает своего прошлого, что в прежней тоталитарной империи царил атмосфера всеобщего обмана, что на историческую науку Азербайджана были наложены тяжелейшие путы. В результате на страницах некоторых изданий стали появляться статьи, материалы, в которых наблюдалось неоправданное желание

авторов идеализировать одних деятелей XX века, выдавая их взгляды за единственно правильное проявление азербайджанского самосознания, и в то же время вешать ярлыки на других, не соответствовавших новым историческим реалиям. При этом приверженцы подобного направления пытались рассматривать исторические процессы в Азербайджане изолированно, в отрыве от реальных процессов, происходивших в СССР. Для второго направления характерно было стремление объективно, не перечеркивая достижений прошлого осмыслить многие сложные процессы, происходившие в истории, дать беспристрастную оценку событиям и фактам минувшего. Следует подчеркнуть, что сегодня в исторической науке Азербайджанской Республики превалируют сторонники второго направления, что позволяет создать условия для плодотворного процесса творческого поиска и обмена идеями. Очень отрадно, что в этой дискуссии уже отсутствует навешивание ярлыков, претензии на истину, стремление абсолютизировать подходы и оценки.

Наблюдается процесс постепенного пересмотра всех ключевых событий истории Советского Азербайджана. В этих исследованиях история Азербайджана в составе СССР рассматривается как значительный шаг в развитии экономики, образования и культуры. Исключения составляют отдельные периоды, в частности 20-30-е годы⁶, вторая половина 40-х-50-е годы, в ходе которых были допущены искривления, деформации в национальной политике, сопровождавшиеся массовыми репрессиями видных государственных и общественных деятелей, депортацией азербайджанцев из Армянской ССР, попытки пересмотра границ Азербайджанской ССР в пользу Армении.

Сегодня широкий общественный интерес стимулировал исследовательскую работу по проблемам, которые ранее считались подцензурными, а именно, азербайджанские легионы в годы Второй мировой войны, национально-демократическое движение в Южном Азербайджане, общественно-политическая ситуация в Азербайджанской ССР после войны и в годы «хрущевской оттепели». Если в первые постсоветские годы под «белыми пятнами» чаще всего подразумевались отдельные неизвестные или малоизвестные (в силу разных обстоятельств) события, в первую очередь сталинской эпохи, то постепенно хронологические и тематические рамки «белых пятен» увеличились, объем исторических событий и явлений, нуждающихся в пересмотре с новых позиций, значительно возрос.

В исследованиях об участии азербайджанских национальных формирований в рядах германской армии в годы Великой Отечественной войны неоднозначно трактуется вопрос о характере войны – была ли она отечественной для азербайджанского народа? Ведь надо понять причины участия азербайджанцев в составе национальных легионов Вермахта, где насчитывалось 15 азербайджанских пехотных батальонов, впоследствии объединенных в более крупные воинские единицы-легионы. Хотя советские военные уставы не рассматривали политическую и нравственную сторону плена, однозначно считалось, что плен

– это фактически измена. Одной из причин этому явилась трагическая ситуация, которая сложилась на фронте в первые месяцы войны, связанная с грубыми стратегическими ошибками советского командования в оценки сил противника. Ясно, что большинство азербайджанцев не собирались перейти на сторону немцев. Но обстоятельства войны складывались таким образом, что многие предпочли жизнь смерти, в надежде вырваться из плена, вернуться к родным очагам. Суммируя основные причины, вынудившие советских военнопленных, в т.ч. азербайджанцев к участию в частях немецкой армии, авторы выделяют следующие: 1. Мощное воздействие на военнопленных антикоммунистической немецкой пропаганды; 2. Тяжелые, нечеловеческие условия плена, минимальные шансы на выживание, при котором сотрудничество с немцами рассматривалось, как единственная возможность уцелеть; 3. Страх перед возможным суровым наказанием по возвращению военнопленных на Родину, которую уготовила им сталинская репрессивная машина, уже объявившая их «врагами Родины»; 4. Нежелание простить Коммунистической партии и Советской власти лишения, страдания и репрессий, которые были пережиты в 20-30-е гг.; 5. Объективно существовавший раскол в советском обществе, который пыталась скрыть коммунистическая идеология, твердившая о «морально-политическом единстве советского народа»⁷. Весьма популярной в азербайджанской историографии темой является изучение роли бакинской нефти в истории Второй мировой войны. Авторы рассматривают нефть не только как важнейший фактор, обеспечивший победу Советского Союза в Великой Отечественной войне, но и как одну из причин нападения фашистской Германии на СССР. В одной из своих многочисленных работ по истории бакинской нефти Ч. Султанов пишет: «Во Второй мировой войне связка «нефть и война» в полном масштабе возникла вокруг Баку, задолго до начала военных действий на европейских фронтах, причем действующие лица по защите и атаки на Баку, менялись как в театре абсурда. «Холодная война» вокруг бакинской нефти, значение которой в будущей войне, прекрасно понимали лидеры и военачальники ведущих европейских стран, началась в предвоенные годы. Пожалуй, ни один из городов СССР, исключая, пожалуй, Москву, так часто не фигурировал в тех или иных секретных документах, касающихся тех или иных аспектов в предвоенные годы в Европе, как азербайджанский город Баку. И это обстоятельство указывает на то, что нефть играла важную роль в предвоенных политических играх европейских стран. Советская пропаганда, и это было официальной линией КПСС, все годы объясняла причину нападения Германии на СССР тем, что он ненавидел большевизм и славян. Об этом, в своих романах о войне, писали все советские писатели – классики – они даже не упоминали о нефтяном факторе – иногда вскользь. Ненависть Гитлера к советскому строю, как таковому, о чем неустанно твердили советская пропаганда, весьма сомнительна. Гитлер прекрасно понимал, что система, которую создал Сталин, мало, чем отличалась, от его системы. Гитлер был фашистом, и этим все сказано. Вместе с тем, Германии,

для претворения в жизнь фашистских планов, нужно было сырье, и в первую очередь нефть. Сегодня можно твердо утверждать, что желание захватить советскую и не отдать румынскую нефть, было одним из главных составляющих политики Гитлера – это во много определяло его европейскую стратегию. Без бакинской нефти в 1942 году, в борьбе с четко отлаженной немецкой военной машиной, СССР, а вслед за ним и Европа, не выстояли бы перед фашизмом»⁸.

Несмотря на этот взгляд, массовое сознание и официальная историография в Азербайджане при оценке итогов Великой Отечественной войны в целом проявляют устойчивое единство. Не случайно из всех праздников советского периода День Победы 9 мая остаётся единственным, который не изменяет своего содержания и своей значимости.

Основная часть работ по поводу депортаций посвящены выселению азербайджанцев из Армянской ССР, осуществленной в соответствии с решениями Совета Министров СССР от 23 декабря 1947 г. и 10 марта 1948 г., депортации немцев, переселенных в Северный Азербайджан в начале XIX века, а затем выселенных оттуда в 1941 г.⁹, депортации турок-месхетинцев из южных и юго-западных районов Грузинской ССР в Среднюю Азию и Казахстан в 1944 г. Лишь после решения Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. о реабилитации народов, ставших жертвами сталинских депортаций, с турок-месхетинцев были сняты социальные и политические ограничения, в результате чего часть их в 60-е годы обосновалась в Азербайджанской ССР¹⁰.

Не стихают среди историков дискуссии о роли тех или иных политических деятелей советского периода. Наиболее жаркие дискуссии в национальной историографии ведутся по поводу оценки деятельности двух крупных политических фигур Советского Азербайджана – Наримана Нариманова¹¹ и Мир Джафара Багирова. Если общественно-политическая деятельность первого была достаточно подробно изучена в советский период, то имя Багирова, который в 1933-1953 гг. был первым секретарем Компартии Азербайджана, после XX съезда КПСС в 1956 г. оказалось практически стертым и находилось под запретом в национальной историографии. Даже в 10-ти томной Азербайджанской Советской Энциклопедии, издававшейся 1976-1987 гг., где можно встретить имена Иосифа Сталина и Адольфа Гитлера, о М.Д. Багирове нет никаких сведений. В начале перестройки имя Багирова вновь всплыло на страницах отдельных изданий в связи с началом процесса реабилитации жертв политических репрессий 30-40-х годов. Естественно, что на волне развернувшейся в стране мощной антисталинской критики, авторы публикаций рассматривали Багирова как основного виновника политического террора в 1937-1938 гг. в Советском Азербайджане. Несмотря на это, сегодня имя М.Д. Багирова вызывает в Азербайджане неоднозначную оценку. В политическом портрете Багирова, негативное восприятие азербайджанским историческим сознанием сталинской тоталитарной системы сочетается с лояльным отношением к одному из его главных творцов в Азербайджане. Причина этого

противоречия связана с публикацией ряда фундаментальных работ, в которых на основе значительного количества ранее неопубликованных первоисточников, прежде всего, из российских архивов, акцентируется внимание на наиболее ярких страницах деятельности Багирова, связанных с сохранением территориальной целостности республики, развертыванием национально-освободительного движения в Южном Азербайджане в 1941-1946 гг., крупными достижениями в развитии промышленности и др.

Вместо огульного обвинения Багирова, как главного виновника репрессий 30-40-х годов в Азербайджане, предлагается взвешенный подход, не противопоставляя деятельность Багирова Системе, а рассматривая его в неразрывной связи с ней. Основные выводы состоят в том, что «власть того времени в Азербайджане носила наместнический характер. В силу этого главную задачу она видела в выполнении установок, спускаемых сверху. И в тех случаях, когда это соответствовало интересам Азербайджана, и в случаях, когда это противоречило интересам республики и азербайджанского народа. И дело здесь было вовсе не в политической фигуре Багирова. Такова была Система, которая имела свои, возведенные в ранг негласных Законов, неписанные Правила, являвшиеся главными путеводителями местных наместников»¹².

Освещение послесталинского периода, за которым прочно закрепилось название «оттепели», в Азербайджане также долго находилось под запретом, историки не решались приступить к её изучению. Лишь в последние годы появились первые монографии, посвященные одному из важнейших периодов истории Советского Азербайджана. В это время несколько раз произошла смена первых лиц в руководстве республикой, существенные изменения происходили в составе управленческой команды, были восстановлены в правах тысячи и тысячи безвинно осужденных по политическим обвинениям граждан, с десятков тысяч людей были сняты подозрения в связях с «врагами народа». Значительно расширились возможности реализации творческого потенциала интеллигенции, укрепления национального самосознания и национальной консолидации азербайджанского народа¹³.

Новой страницей в историографии явились сразу несколько работ Дж. Гасанли, посвященные национально-освободительному движению в Южном Азербайджане в 1941-1946 гг. Автор, впервые вводя в научный оборот архивные материалы Государственного Департамента США, Российской Федерации, а также используя опубликованные за рубежом труды и материалы зарубежной прессы, отражающие политику Советского Союза по отношению к азербайджанской проблеме в те годы, пришел к выводу, что противостояние великих держав по вопросу о будущем Южного (Иранского) Азербайджана положило начало «холодной войне» в международных отношениях. Дж. Гасанли пишет: «Стремление к расширению границ Советского Союза служило отправной точкой доктрины Сталина – Молотова, опирающейся, прежде всего, на территориальную экспансию. «Политика расширения», осуществляе-

мая в 1939-40 гг. в Восточной Европе, была на практике опробована осенью 1941 г. в Южном Азербайджане. Руководство СССР попыталось использовать в своих целях национальные чувства азербайджанцев. Население Южного Азербайджана Советы использовали как средство давления и на Иран, и на Запад. Отношение к судьбе Южного Азербайджана у советского руководства определялось стратегическими планами проникновения вглубь Востока, стремлением получить контроль над богатыми топливно-энергетическими ресурсами Ирана и арабских стран. Именно в Азербайджане был дан старт противостоянию, в результате которого бывшие союзники – СССР, США и Великобритания – из соратников превратились в соперников. Анализ новых материалов и документов, относящихся к этой проблеме, позволяет утверждать, что холодная война, в течение 50 лет державшая в напряжении весь мир, началась именно в Южном Азербайджане и была результатом жесткого противодействия США и Великобритании советской политике в Иранском Азербайджане. С крахом политики в Иранском Азербайджане Советский Союз проиграл первую битву в «холодной войне». Попытка Сталина использовать национально-освободительное движение в Южном Азербайджане в качестве орудия своей имперской и экспансионистской политики, завершилась кровавой трагедией народа, в течении XX века четырежды поднимавшегося на борьбу за свои права.

Тема «холодной войны» была продолжена в другой работе Дж.Гасанли, где раскрываются причины углубления кризиса в советско-турецких отношениях накануне и в ходе Второй мировой войны и в последующие годы. Идея состоит в том, что советское руководство во главе со Сталиным, испытывая традиционные, унаследованные от политики царизма неприязнь и недоверие к Турции, с конца 30-х годов прошлого столетия осознанно пошло на отход от существовавших в 20-30-е годы XX века дружественных отношений с этой страной, вынашивая планы выдвижения к ней требования о передаче контроля над проливами Босфор и Дарданеллы, территорий восточных областей. Территориальные требования по поводу восточных провинций Турции были логическим продолжением подобных территориальных претензий Советов к Северному Ирану-Южному Азербайджану. При этом Сталин для реализации своих планов пытался использовать армянский и грузинский факторы. Касаясь вопроса почему советское руководство хотело реализовать свои территориальные требования руками Армении и Грузии, Дж.Гасанли отмечает: «В первую очередь здесь видится стремление избежать обвинений в экспансионизме и империализме, желание заслужить благодарность армянских эмигрантских организаций, ввести их в сферу своего влияния, а затем использовать в своих интересах. Попутно строились планы обеспечения международной поддержки территориальным требованиям, используя престиж отдельных стран и известных политических деятелей, когда-то защищавших армянское национальное движение. Реальная опасность, нависшая над тер-

риториальной целостностью Родины, вынудила правящие круги Турции к поиску союзников. Появление доктрины Трумэна и вступление Турции в НАТО положили конец советскому давлению. Таким образом, находясь в эйфории от выигранной войны советское руководство легко переправляя границы на карте мира, в реальной жизни этого не добились»¹⁴.

Значительной переоценке подверглась и социально-экономическая и общественно-политическая история Азербайджанской ССР 70-х – первой половины 1980-х гг. В исследованиях констатируется факт, что, несмотря на ведущую роль командно-административной системы и идеологического фактора, к началу 80-х годов в Азербайджане произошла грандиозная модернизация промышленности и научно-промышленной инфраструктуры благодаря чему республика стала одним из ведущих индустриальных центров СССР¹⁵.

Таким образом, в последнее десятилетие историческое сознание и историознание в Азербайджане продолжало претерпевать те же трансформации, которые мы наблюдали в первый период после распада СССР. Переосмысление предшествующего интеллектуального опыта и созидания, которые сформировали соответствующий комплекс общественно-политических представлений и идей, стало основой для настоящего этапа развития изучения прошлого. В то же время национальная история соответствует требованиям текущего момента, а любые возможные апелляции к прошлому находят объяснение в новом историческом сознании. К числу характеристик, определяющих лицо современной азербайджанской историографии, относится относительная умеренность критического настроя и компромисность сознания. Обращение азербайджанских исследователей, авторов учебников к негативным и позитивным фактам исторического прошлого, интерпретации явлений с помощью формул «с одной стороны» и «с другой стороны» отражает существо подхода этих авторов к историческим фактам, стремление быть политически корректными и идеологически менее радикальными. История каждого народа и каждой страны — по-своему уникальные материалы для обобщения мирового опыта. Но не в коем случае она не может служить основой для экспертной оценки со стороны о качестве пройденных путей. В противном случае это ведет к навязыванию исторических оценок, этноцентризму, мифотворчеству. Недостатки, характерные для советской исторической науки, связанные с рассмотрением исторического пути, пройденные всеми народами, по единой схеме — это путь в никуда. По этой схеме, кстати, и сегодня описывается история в некоторых странах постсоветского пространства при характеристике соотношения формирования «государствообразующего» этноса и нынешних, сложившихся между странами границ. Этот стереотип мышления, унаследованный от советского прошлого, без сомнения, будет со временем преодолен. И в это преодоление историки могут и должны внести свою лепту.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Азербайджана. Т. III. Баку, 1999

² История Азербайджана. Т. IV. Баку, 2000; Гусейнов Р. А., Вердиева Х. Ю. Родословная армян и их миграция на Кавказ с Балкан. Баку, 2003.

³ Махмудов Я., Шукюров К. Карабах: реальная история, факты, документы. Баку, 2005.

⁴ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Армия (документы и материалы). Баку, 1998; Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Внешняя политика (документы и материалы). Баку, 1998; Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (стенографический отчеты). Баку, 1998; Оруджлу М. Деятельность партии Мусават в Азербайджане и эмиграции (1911-1992). Баку, 2001 (на азерб.); Сулейманов М. Кавказская Исламская армия и Азербайджан. Баку, 1999; Ягублу Н. Борьба за национальную независимость Азербайджана и Мамед Эмин Расулзаде. Баку, 2001; Мустафазаде Р. Две республики: Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. М., 2006; Азербайджанская Демократическая Республика. Архивные документы Великобритании. Автор предисловия Я. М. Махмудов, составитель Н. Максвелл. Баку, 2008.

⁵ Асадов С. Миф о «Великой» Армении. Баку, 1999; Халилов А. Х. Геноцид против мусульманского населения Закавказья в 1917–1920 гг. в исторических источниках. Баку, 2000; Асадов С. Д., Мамедов И. С. Терроризм: причина и следствие. Баку, 2001; Карабах: вчера, сегодня и завтра. Общереспубликанская конференция. Организация Освобождения Карабаха. Баку, 2002-2008; Кочарли Т. Карабах: против фальсификации истории Карабаха. Баку, 2002 (на азерб.); Преступления армянских террористических и бандитских формирований против человечества (XIX-XXI вв.). Краткая хронологическая энциклопедия. Автор идеи и научный редактор Р. Мустафаев. Баку, 2002; Алиев И. Г. Лжеистория: очередная попытка оправдать агрессию. Баку, 2003; Исторические факты о деяниях армян на азербайджанской земле / Ред., составители Т. А. Мусаева, А. А. Мамедов. Баку, 2003; Карабах: Курекчай – 200. Баку, 2005; Вандализм: геноцид против исторических названий. Автор идеи Я. М. Махмудов, составитель Н. Мустафа. Баку, 2006 (на азерб.); Мамедова Х. Политическая ситуация в Верхнем Карабахе в период Азербайджанской Демократической Республики: усиление армянского террора. Баку, 2006 (на азерб.); Наджафли Г. Попытки создания на территории Азербайджана армянского государства в XVIII веке. Баку, 2007 (на азерб.); Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. М., 2008; Мамедли А. Реальная история армян. Баку, 2008 (на азерб.).

⁶ Мамедова Ш. Р. Интерпретация тоталитаризма. Сталинизм в Азербайджане. 1920-е – 1930-е гг. Баку, 2004.

⁷ Ягублу Н. Азербайджанские легионеры. Баку, 2003 (на азерб.); Исмаилов Э. Р. Очерки истории России советского периода. Баку, 2008.

⁸ Султанов Ч. Выстояли бы СССР и Европа против фашизма в случае потери бакинской нефти? Баку, 2005.

⁹ Ахундова Т. Немцы-колонисты Азербайджана XIX – нач. XX вв. Баку, 1999; Зейналова С. Немцы на Кавказе. Баку, 2008.

¹⁰ Пириева С. Депортация турок-месхетинцев. Баку, 2003 (на азерб.).

¹¹ Гасанов Г. Национально-государственные взгляды и деятельность Наримана Нариманова. Баку, 2005.

¹² Исмаилов Э.Р. Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане. 1945-1953. Баку, 2003; Ахмедов Р. Мир Джафар Багиров. Баку, 2004 (на азерб.); Его же. Мир Джафар Багиров в воспоминаниях. Баку, 2006 (на азерб.); Гурбан Т. Личность сильнее своих врагов (на азерб.). Баку, 2006.

¹³ Исмаилов Э. Азербайджан: 1953-1956 гг. Первые годы «оттепели». Баку, 2006; Гасанли Дж. Национальный вопрос в Азербайджане: Политическое руководство и интеллигенция. Баку, 2008.

¹⁴ Гасанли Дж. Азербайджанский кризис и начало «холодной войны» (1941-1946). М., 2006; Его же. СССР-Турция: от нейтралитета к «холодной войне» (1939-1953). М., 2008.

¹⁵ Гусейнова И. Строитель независимого Азербайджанского государства. Баку, 2004; Гасымов М. Гейдар Алиев. На пути к независимости. Баку, 2006 (на азерб.).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ АЗЕРБАЙДЖАН

Государственный герб Республики Азербайджан

В центре герба изображён огонь, который символизирует «Страну Огней», а также символизирует надпись «Allah» на арабской летописи. Цвета, использованные на гербе, являются цветами национального флага Азербайджана. Снизу расположен венок из колосьев пшеницы и ветвей дуба. Венок из колосьев символизирует богатство, плодородие. Ветви дуба символизируют национальную военную мощь. Появился во времена Азербайджанской Демократической Республики в 1918 году. Отменён в 1920 году и вновь восстановлен в 1991 году. Утвержден 19 мая 1993 года.

Государственный флаг Республики Азербайджан

Соотношение сторон – 1:2. Флаг представляет собой трехцветное полотнище (триколор). Полосы (голубого, зеленого и красного цвета) расположены горизонтально. В центре флага на красной полосе размещены восьмиконечная звезда и полумесяц. Оба изображения белого цвета. Голубой цвет выражает принадлежность к семье тюркских народов, красный — цвет прогресса, зеленый цвет – религиозную принадлежность большинства жителей Азербайджана. Восьмиконечная звезда и полумесяц является традиционной восточной символикой. Принят 5 февраля 1991 года. Создан как немного видоизменённый вариант флага Азербайджанской Демократической республики, который был утвержден Национальным Советом 9 ноября 1918 года. (просуществовавшей до 1920 г.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН РЕСПУБЛИКИ АЗЕРБАЙДЖАН

Azərbaycan! Azərbaycan!
Ey qəhrəman övladın şanlı Vətəni!
Səndən ötrü can verməyə cümlə hazırız!
Səndən ötrü qan tökməyə cümlə qadirikiz!
Üç rəngli bayrağınla məsud yaşa!
Üç rəngli bayrağınla məsud yaşa!

Minlərlə can qurban oldu,
Sinən hər bə meydan oldu!
Hüququndan keçən əsgər!
Hərə bir qəhrəman oldu!

Sən olasan gülüstan,
Sənə hər an can qurban!
Sənə min bir məhəbbət
Sinəmdə tutmuş məkan!

Namusunu hifz etməyə,
Bayrağını yüksəltməyə,
Namusunu hifz etməyə,
Cümlə gənclər müştəqdir!
Şanlı Vətən! Şanlı Vətən!
Azərbaycan! Azərbaycan!
Azərbaycan! Azərbaycan!

Закон о Гимне утвержден 27 мая 1992 года

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН РЕСПУБЛИКИ АЗЕРБАЙДЖАН

Азербайджан, Азербайджан!
О, колыбель святая славных сынов!
Нет земли милей Отчизны,
Нет ее родней
От истока нашей жизни
До скончания дней!
Под знаменем Свободы верши свой путь!

Тысячи нас, павших в бою,
Защищавших землю свою.
В час роковой встанем стеной
В нерушимом ратном строю!

Пусть цветут сады, твои!
Созидай, мечтай, твори!
Сердце, полное любви,
Посвятили мы тебе.

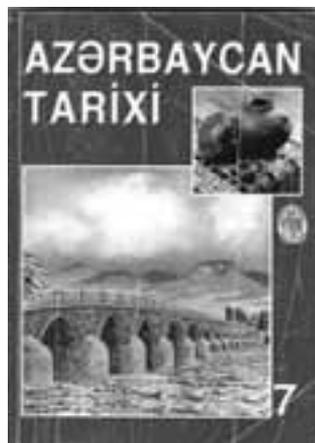
Славься, славься гордой судьбой,
Край наш древний, край наш святой.
Каждый сын твой движим мечтой
Видеть мирный свет над тобой.

О светлый край, заветный край,
Азербайджан, Азербайджан!
Азербайджан, Азербайджан!

Территория Азербайджанской Республики

Президент Азербайджанской Республики
Ильхам Гейдар оглы Алиев

Школьные учебники по истории Азербайджана.

АРМЕНИЯ: УДРЕВЛЕНИЕ МОДЕРНА

Александр ИСКАНДАРЯН

В начале постсоветской эпохи в условиях этнополитического конфликта история и историки были призваны для легитимизации правоты армян в борьбе за самоопределение Карабаха*. До тех пор, пока и Азербайджан, и Армения входили в Советский Союз, сюжеты, связанные с армяно-азербайджанскими взаимоотношениями в официальных советских источниках заменялись пропагандистскими штампами о «дружбе народов» и совместной борьбе пролетариата разных стран против буржуазии. Наступившая в первые постсоветские годы свобода публикаций на эту тему вызвала шквал текстов разного качества, от солидных исторических штудий до газетных статей. В Армении вырабатывалась собственная версия истории, как средневековой, так и новой, оказались востребованы многочисленные работы, в которых доказывалась исконность проживания армян на территории Нагорного Карабаха, незаконность ее передачи Азербайджану и пр.¹ На уровне государственной политики также, естественно, были похожие тренды. Наряду с массовой заменой названий городов, сел и улиц, носивших ранее имена коммунистических и советских деятелей, происходила также и «детюркизация» топонимов. Значительная часть тюркских названий была изменена еще в советское время, а то, что оставалось, было переименовано уже в первые годы независимости. При этом иногда смена тюркских названий укладывалась в общую канву «дебольшевизации», скажем, название райцентра «Азизбеков» (по имени азербайджанского коммуниста, одного из бакинских комиссаров) было изменено на армянское «Вайк». Но иногда переименование делалось с явным подтекстом: так, ереванскую улицу Бакви (Бакинскую) переименовали в Арцахи (Арцахскую, «Арцах» – по-армянски «Карабах»). При этом в Ереване продолжают существовать и Московская улица, и Тбилисский проспект, и даже Ленинградский проспект.

В тот момент, когда писалась предыдущая книга «Национальные истории в советских и постсоветских государствах», было впечатление, что резкий поворот истории к сюжетам, связанным с армяно-азербайджанскими отношениями, древней и новой историей Карабаха, вообще с легитимизацией борьбы армян за самоопределение посредством доказательства автохтонности надолго станет определяющим, центральным сюжетом. Однако так не случилось. Уже с окончанием войны в 1994 г. накал конфликта начал понижаться. Общество и элиты уже не чувствуют первостепенную важность тематики армяно-азер-

* Автор выражает благодарность Микаэлу Золян и Тиграну Закарян за предоставленную ему возможность ознакомиться с еще не опубликованными материалами их совместного исследования «Образы себя и образы других в учебниках истории Армении», а также Сергею Минасяну за помощь в архивной работе.

байджанских отношений, ситуация в массовом сознании становится гораздо более спокойной. Важную роль сыграл тот факт, что армяне победили в войне (ситуация в Азербайджане совершенно иная) и не ощущают выраженной угрозы физическому выживанию армян Карабаха, как это было во время войны. Соответственно, отступила и необходимость дополнительной легитимизации армянскости Карабаха. Собственно, в таковой в Армении и не сомневались никогда, но после победы в войне отпала нужда доказательства этого и внешнему миру. Конечно, работы, касающиеся карабахской тематики, не только не исчезли, но и не ушли на периферию исторической науки. Такого рода исследования продолжают проводиться, да и в непрофессиональной истории (в газетах, неспециализированных журналах) к этим сюжетам продолжают обращаться. Но тематика эта уже не претендует на центральность, не проявляет тенденции к узурпации места в сердце исторической науки. Процесс «карабахизации» оказался достаточно временным: он функционально заполнил брешь в советских исторических нарративах в профессиональной сфере и обслуживал национальную консолидацию в сфере массовой культуры. Исполнив свою роль, история восточных частей исторической Армении заняла свое достойное место в истории страны, не став при этом ее мейнстримом.

Между тем процесс формирования самостоятельной версии истории продолжается. Национальное государство продолжает нуждаться в национальной (неимперской) версии, и просто антитюркизма тут оказывается совершенно не достаточно, так что на место карабахизации пришли новые позитивные нарративы, нашедшие свое отражение в большом количестве монографий*.

Интересная особенность исторического дискурса Армении состоит в том, что профессиональные историки чаще всего дистанцируются от дилетантских, псевдонаучных версий истории, появляющихся в СМИ². Влияние этих тенденций на состояние академической исторической науки в Армении остается сравнительно ограниченным³. Может быть, сдерживающую роль в неприятии дилетантизма сыграло наличие мощной арменоведческой школы в зарубежных и в частности в американских университетах. Немаловажно и то, что государство, во всяком случае, на высшем уровне, практически не поддерживало распространение националистических ненаучных теорий**.

* В Армении наиболее важные труды обычно публикуются в виде монографий, а не статей в журналах. В отличие от России, в Армении нет научного журнала, который бы делал погоду в общественных науках или же пользовался особым авторитетом среди ученых. В основном журналы (Историко-филологический журнал», Вестник общественных наук НАН РА, Вестник Ереванского государственного Университета) исполняют роль места, где публикуются статьи, необходимые для защиты кандидатских или докторских диссертаций. ВАК Армении даже издает специальный журнал «Кантех», в котором молодые ученые могут публиковать статьи за официальную плату.

** Рассмотрение государственной политики в вопросе представлений об истории в постсоветской Армении не входит в рамки этой работы, но стоит отметить, что государство в определенной мере действовало вопреки стандартной постимперской схеме, и в некоторых вопросах не только не поддерживало, но и даже пыталось бороться с традиционными националистическими подходами. Так, правительство Л. Тер-Петросяна выступало против «комплекса жертвы», который играет значительную роль в традиционном национальном нарративе.

Более того, когда противостояние с Азербайджаном на ниве истории перестало быть центральным нарративом в обществе и острота ситуации спала, даже публикации на эти темы в СМИ стали гораздо более спокойными и не такими частыми. Постепенно в историческом дискурсе формируется новое ядро – центральная идеологема, находящая выражение даже не в процентном соотношении публикаций, но в подходе к истории Армении как к таковой, в ее парадигме. Эта новая идеологема прослеживается почти во всех сюжетах. Для того, чтобы обнаружить ее, необходимо, хотя бы очень кратко, проследить путь формирования армянского исторического дискурса в последние годы.

Путь

При многих типических для стран бывшего СССР чертах процесса смены советского варианта истории на национальные после обретения независимости, у армянского варианта были и немалые отличия. Особенность коренилась не только в логике постимперского развития исторического мифа, но и во внешних по отношению к историческому знанию особенностях «армянского мира» (как в Армении принято называть совокупность этнических армян, живущих в разных странах) и его развития. Исторические конструкты армян о своей истории складывались в рамках церковной историографии еще начиная с раннего средневековья. На протяжении более тысячи лет многочисленные работы античных и средневековых историков и летописцев были обязательным чтением для образованных людей. Часто и у неграмотных крестьян на видном месте в доме хранились книги об истории Армении.

Историоцентричность сознания, очевидно, можно объяснить долгим отсутствием государственности в сочетании с наличием высокой культуры и резкого религиозного отличия от соседей. Сама необходимость сохранения христианской нации в окружении нехристиан требовала сосредоточения на истории как на важной части самосознания. С модерном в XIX веке пришли и светские варианты отношения к своей истории, появились просветители, романисты, собственно, историки современного типа. В рамках политических идеологий, рождавшихся в политических группах, а затем и в политических партиях, как в Турецкой, так и в Российской Армении, история занимала также немалое место. В основном это были типичные для зарождающихся идеологий национальных государств варианты представлений о великом прошлом и великих царствах, утерянных в ходе истории. Сюжеты того времени очень точно соответствуют второй фазе национального движения («фазе В»), описанной Мирославом Хрохом⁴ на материале Восточной и Центральной Европы. Аналогом армянского модерна в Восточной Европе можно считать случай Греции, также включившей античное наследие в свое историческое самосознание⁵.

Таким образом, ко времени вхождения в СССР в 1920 г. Армения подошла с уже сформированным и во многом кодифицированным представлением о своей истории. Уже на том этапе армяне выделяли себя из более крупных исторических нарративов и четко отделяли себя от других народов – эта проблема сейчас стоит, например, перед украинцами или таджиками.

Однако все же и в советское время Армения, как и другие советские республики, обладала некоторыми возможностями выработки своей собственной версией национальной истории, которая хотя и не должна была противоречить общесоветской идеологизированной версии* истории, особенно последних веков, но все же могла обладать некоторой степенью автономии, особенно в том, что касалось исторического периода до вхождения в состав России. Сам факт существования различных национальных версий истории в республиках СССР, баталии между которыми прекрасно описаны В. Шнирельманом⁶, есть показатель какой-то степени свободы исторической науки в советское время.

Соответственно, собственная версия истории существовала в Армении и в советское время, с известными лакунами и идеологическими ограничениями, и при этом она обладала преемственностью по отношению к досоветской истории, а отнюдь не появилась на пустом месте. Свою роль сыграла важная особенность Армении (точнее, армян как этноса) – наличие большой и хорошо организованной диаспоры за пределами СССР. В диаспоре, которая обладала развитой системой школ, клубов, политических организаций, колледжей, издательств, газет и журналов, естественно, разрабатывалась другая, «несоветская», версия истории. Довольно большое количество актуальных сейчас исторических работ написаны представителями армянской диаспоры (Р. Суни, Р. Ованнисяном, К. Мутафяном, В. Дадряном, Р. Пирумяном и др.). Особенно ценен вклад историков армянского зарубежья в систематическое глубокое исследование тем, табуированных в СССР – истории Первой Республики Армении 1918-1920-х гг., а также армянских общественно-политических движений и традиционных партий⁷. Кроме того, историкам из диаспоры принадлежат основополагающие работы по Геноциду армян в Османской империи. В частности, исследования по таким темам, как политическая ответственность за Геноцид армян и компаративный анализ Геноцида армян и Холокоста евреев, проводившиеся учеными из диаспоры в течение многих десятилетий, были бы невозможны в Советской Армении

«Диаспорная» версия не могла не влиять на представления об истории в самой Армении. Особенно выраженным это влияние стало, начиная с сороковых годов, когда ввиду разрешения репатриации в Армению переехали сотни тысяч людей, которые плюс ко всему представляли собой наиболее этнически

* Например, в этой версии предписывалось затушевывать противоречия между «братскими советскими народами». Так, в школьном учебнике истории 1985 г. вообще не было упоминания об армяно-грузинской войне 1918 г.

мотивированную часть диаспоры (вряд ли из более благополучных стран в разоренный войной СССР ехало много людей по неэтническим мотивам). А история, наряду с религией и языком, была центральным звеном армянской самости за рубежом СССР, и соответственно, она была очень важна для приехавших в Армению репатриантов.

Таким образом, к распаду СССР в Армении сложились официальная и неофициальная версии истории. Они имели некоторую преемственность с досоветскими версиями и были достаточно укоренены в массовом сознании. Структура исторических научных центров и исследовательских структур в Армении после обретения независимости оставалась довольно типичной для стран постсоветского пространства. Существовал исторический факультет Ереванского государственного университета (со специализированными кафедрами, в том числе кафедрой истории армянского народа, всемирной истории и пр.), исторические факультеты или отделения в Ереванском педагогическом институте им. Х. Абовяна, а также в Педагогических институтах в г. Ванадзор и г. Гюмри. Профессорско-преподавательский состав этих факультетов в основном занимался не столько научной, сколько преподавательской и учебно-методической работой, а значительная часть научно-исследовательской работы по истории велась в академических институтах – Институте истории, Институте древних рукописей (Матенадаране), Институте этнографии и археологии, а также частично в Институте востоковедения. В силу меньшей политизированности, наиболее налаженным было исследование истории древних и средних веков, а также археологии, этнографии, древней и классической филологии, ориенталистики. Соответственно, Матенадаран и академические институты имели и продолжают иметь большее профессиональное реноме, чем вузовские кафедры.

ПОЛИТИКА

Упор на древнюю историю сохраняется и поныне. Например, историками интенсивно разрабатываются темы древней истории с известными и довольно типическими для транзитных эпох переклестами. Вместо прежней «советизации» исторических фактов теперь появилась тенденция к «удревлению» и расширению географического охвата исторического прошлого армянского народа. Так, например, в 1990-х гг. среди большинства армянских историков утвердилась концепция, что Урарту, или Ванское царство, являлось государством с армянским этнолингвистическим преобладанием. Постепенно вместо «Урарту» вошел в оборот термин «Араратское царство»⁸.

Разумеется, в Армении, как и во многих других советских республиках, существовала политическая корректировка и интерпретация событий 1917 г. и процесса советизации Армении в 1920-х гг., или же история развития Компар-

тии и партийного движения в Армении и т.д. Более того, политизация распространялась и на более ранний исторический период – возникновение так называемой «прорусской ориентации армянского народа» примерно с середины –конца XVIII века⁹. В многочисленных трудах армянских историков советского периода вплоть до конца 1980-х гг. особый упор также делался на освещении истории присоединения Восточной Армении к Российской империи в XIX веке в результате многочисленных русско-персидских и русско-турецких войн, и, естественно, приводились соответствующие политически мотивированные выводы и интерпретации¹⁰.

Постсоветская Армения отличалась от многих бывших советских республик тем, что на этапе распада СССР борьба против коммунизма или империи в ней была периферийной, поскольку на передний план с самого начала вышел территориальный конфликт. Противостояние Москве касалось лишь национально-территориального устройства СССР, а отнюдь не коммунистической идеологии или советской оккупации, как в Балтии или Грузии. Одним из результатов этой ситуации стало практически полное отсутствие в независимой Армении столь характерной для стран бывшего СССР «русофобии»*. Однако в последующие годы количество работ по истории армяно-российских отношений стало постепенно снижаться и в настоящее время свелось к минимуму. Исключение составляют несколько последних работ армянских историков, посвященных критическому осмыслению армяно-русских отношений, а также политическим отношениям Первой Республики с Белым движением и антикоммунистическими организациями России в 1918-20-х гг.¹¹ История взаимоотношений с Россией в независимой Армении постепенно теряет уникальность и перестает быть завершающей точкой армянской истории, как она рисовалась в советских версиях, а становится одним из многих сюжетов включения Армении в состав какой-либо империи. Российско-армянские сюжеты перестали быть столь благостными, появились и критические версии, но все же и по сей день не происходит резкого вычеркивания российского и даже советского периода из армянской истории, включая официальную историографию и школьные учебники.

С другой стороны, параллельно с процессами европейской интеграции Армении стало появляться больше работ по историям армянских общин в государствах Восточной и Центральной Европы, США и т.д.¹² На научном процессе еще не успели существенно отразиться ни интеграция в европейское образовательное и культурное пространство и присоединение к Болонской образовательной системе, ни довольно активный научный обмен с европейскими странами, ни финансовая поддержка различных исследовательских проектов для молодых ученых, оказываемая западными фондами непосредственно в

* Здесь имеются в виду и русские как этнос, и Россия как государство.

стране. Ученые, получившие западное образование, овладевшие западными методологиями и включенные в европейский культурный контекст, пока еще очень молоды. Но со сменой поколений, несомненно, можно ожидать не только смены методологий, но и смены нарративов. Точно так же, как молодые историки все чаще обращаются к бытовой или устной истории, привозя эти методики из западных университетов, так же естественно для них будет включать Армению в контекст европейской, а не российской истории. Благо в истории Армении можно найти и то, и другое.

ГЕНОЦИД

Отдельным важным сюжетом в развитии исторического знания в Армении является тема Геноцида армян в Османской Империи начала XX века. Речь тут идет не о профессиональной истории, а гораздо шире. Память о пережитой трагедии продолжает оставаться доминантной константой в системе национальной самоидентификации армян. Геноцид включен в официальные учебники истории, о нем издаются специальные энциклопедические справочники, символическая дата Геноцида отмечается как государственный день скорби. Широко бытуют и народные версии истории Геноцида. Огромную часть населения сегодняшней Армении составляют потомки армян, выживших в Геноциде – в основном тех, кто сумел тогда каким-то образом перебраться на территорию Российской империи. Соответственно, в семьях живут устные истории, в том или ином виде рассказываемые детям. Память о Геноциде занимает очень важное место в армянской системе ценностей и, соответственно, стала одним из столпов, на которых зиждется национальная идея.

История Геноцида оказывает огромное влияние на и нынешнее отношение Армении к Турции, а непризнание Турцией самого факта Геноцида воспринимается большинством граждан Армении как чудовищная несправедливость и признак недружелюбия¹³. Однако интенсивность, с которой проблема признания и осуждения Геноцида армян задействуется в политике, определяется и дополнительными факторами, в том числе, внешней политикой и личностью президента Армении. Так, первый президент РА Левон Тер-Петросян как минимум не педалировал тему Геноцида в отношениях с Турцией. Начиная с 1998 г., когда был избран на первый срок новый президент Армении Роберт Кочарян, проблема Геноцида стала подниматься гораздо шире и чаще¹⁴.

Активное участие в составлении различного рода документов, готовящих признание Геноцида различными странами, часто принимали не только представители армянских общин соответствующих стран, но и ученые-историки, занимающиеся проблемой армяно-турецких взаимоотношений начала XX в. С падением СССР армянские общины зарубежья и общество Армении превратились в сообщающиеся сосуды. Тем более это относится к профессиональному

сообществу историков. Соответственно, признание Геноцида официальными органами третьих стран воспринимается в армянском обществе как победа, одержанная самой Арменией, а не только армянской диаспорой.

В Армении по этой проблеме существует общественный консенсус. Не только среди профессиональных историков и историографов, но и в широкой публике обсуждение самого факта Геноцида представляется невозможным. Существует огромное количество документов, исследований, книг, архивных данных о Геноциде. По мнению профессионального сообщества историков, никаких доказательств Геноцида просто не требуется, все давно доказано. Более того, Геноцид прошелся по такому количеству армян, что и в общественном сознании память о нем жива: люди знают о Геноциде не только из исторических трудов, но и из семейных преданий и рассказов родственников. Попытка ввести в дискурс обсуждение самого факта Геноцида воспринимается как святотатство, любое вступление в дискуссию по этому поводу выглядит кощунством. Аналогом могло бы быть, скажем, обсуждение в Израиле того, имел Холокост место или нет. Ученый (да и любой человек), подвергающий сомнению факт Геноцида, будет воспринят в Армении даже не как предатель, а как сумасшедший.

Вместе с тем этот вопрос иногда используется в целях критики нынешнего режима со стороны представителей прежних властей Армении, ушедших из политики с отставкой Тер-Петросяна. Обычно такого рода высказывания вызывают очень резкую реакцию, но до сих пор до выдвижения ревизионистов в ранг национальных предателей дело не доходило.

Часто обсуждается оставляющее желать лучшего состояние армянского культурно-исторического наследия на территории Турции. На фоне и без того напряженных отношений, разрушение находящихся на территории сегодняшней Турции памятников армянской культуры и истории рассматривается в Армении как проявление «культурного геноцида». В этом направлении имеются положительные сдвиги: по инициативе Турции были начаты восстановительные работы на территории монастыря X в., находящегося на озере Ван на острове Ахтамар. Правда, к восстановительным работам не были допущены армянские специалисты, что вызвало шквал гневных статей в армянской прессе. Открытие монастыря состоялось уже весной 2007 г., хотя крест на нем так и не был установлен, о чем тоже много писала пресса.

С другой стороны, в Армении достаточно широко обсуждаются изменения, происходящие в Турции в последние годы, и в частности, активизировавшаяся издательская деятельность. Если раньше это казалось немыслимым, то сегодня в Турции выходят публикации, посвященные Геноциду, в том числе и работы Т. Акчама, В. Дадряна и др. Все это влияет и на собственно профессиональную деятельность историков. Имеются десятки тысяч работ, посвященных проблеме Геноцида армян. Большая часть публикаций по этой теме выпускается в Армении, в основном Музеем-институтом Геноцида армян, основанным в Ереване в

1995 г. Проблематика этих изданий довольно обширна и включает такие вопросы, как история и историография Геноцида¹⁵, история и современные проблемы турецко-армянских отношений, проблемы исторической памяти и Геноцида, воспоминания очевидцев¹⁶, состояние армянского культурно-исторического наследия на территории сегодняшней Турции¹⁷. Издаются также сборники архивных документов по Геноциду, составленные по материалам зарубежных архивов¹⁸, списки жертв Геноцида и описание материального ущерба вследствие Геноцида¹⁹, исследования массовых репрессий и геноцида в отношении других народов, проживавших на территории Османской империи²⁰. Есть и работы, посвященные благотворительной деятельности в отношении жертв Геноцида, политике отдельных государств по отношению к проблеме Геноцида, рассмотрению проблемы Геноцида в свете прав человека и др.²¹ Кроме этого, серьезные монографии по теме Геноцида выходят и в диаспоре²².

В целом тема Геноцида довольно сильно политизирована, более того, это один из примеров того, как история стала краеугольным камнем во взаимоотношениях двух современных государств – Армения и Турции.

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Центральной тенденцией последних двух десятилетий является создание нового образа армянской истории в целом. При сохраняющейся важности актуальных сюжетов последнего столетия – Карабаха, Геноцида, Первой Республики – стержневой парадигмой переосмысливаемой армянской истории становится борьба армян за независимость. Вся армянская история, от глубокой древности до новейших времен, интерпретируется в ключе непрекращающейся борьбы армянского народа и/или государства за независимость²³. Характерные для периода XVIII-XX вв. представления о ненормальности династических полиэтничных имперских образований и нормальности национального государства «опрокидываются» в глубокую древность. Периоды отсутствия государственности представляются некими нарушениями нормы, хотя эти периоды за последние полторы тысячи лет по длительности в несколько раз превышают периоды, в которые Армения была независимой страной. Иллюстрируя эту тенденцию на материале школьных учебников истории, в своей блестящей статье М. Золян и Т. Захарян приводят, например, чрезвычайно характерную цитату из учебника истории для 6-го класса: «Естественное развитие Армении, вновь, на этот раз на полтора века, было прервано и сильно замедлено... Армянскому народу вновь предстояло напрячь свои силы и посредством длительной борьбы восстановить национальную независимость»²⁴. При этом речь идет об арабском завоевании, до которого Армения тоже не была независимой!

В массовом восприятии истории выделяется несколько узловых точек, которые воспринимаются как важнейшие. Это либо эпизоды героических битв за

независимость (или иных вооруженных столкновений, интерпретируемых сейчас как битвы за независимость), либо сравнительно недолгие периоды существования сильного независимого армянского государства. Скажем, чрезвычайно важным для армянского исторического нарратива становится, вообще говоря, очень нетипичный для армянской истории период правления Тиграна Великого в I веке до Р.Х. Точно так же и сюжет о Первой Республике 1918-1920 гг. выделяется как первый опыт независимого государства в XX в. и, соответственно, как узловый момент армянской истории.

Между тем упускается из виду или как минимум не акцентируется тот факт, что независимость Первой Республики была в значительной степени вынужденной, и тогдашние лидеры провозгласили армянское государство только тогда, когда Закавказский Сейм уже был распущен и других вариантов, в сущности, не оставалось. Более того, даже и независимость современной Республики Армения в первый период распада СССР не была осознанной национальной задачей. В тот момент и национальная идея, и исторические нарративы были подчинены борьбе за Карабах, так что на первом этапе лидеры национального движения избегали противопоставлять себя Москве, и подчеркнута добивались решения территориального конфликта в рамках СССР. В тот момент основное противоречие проходило не по оси Ереван-Москва, а по оси Ереван-Баку, и, в конечном счете, борьба за независимость явилась в значительной степени результатом осознания невозможности решить проблему Нагорного Карабаха в рамках советской системы. Национальным проектом она стала лишь на более позднем этапе.

Теперь же парадигма независимости воспринимается обществом как естественная и существовавшая всегда. В этой концепции присутствуют угнетатели, то есть крупные государства, империи, от Рима и Византии до Оттоманской Империи и СССР, которым противостоит свободолюбивый народ, добивающийся национальной государственности – как сейчас, так и полторы тысячи лет назад. В этом же контексте фигурируют и представления о моноэтничности. Так, по свидетельству Страбона, во времена Арташеса I все население Армянского нагорья говорило на одном и том же языке. Этот факт некоторыми современными историками интерпретируется как свидетельство того, что Армения уже в античные времена была моноэтничной в современном смысле этого слова. Аналогичным интерпретациям подвержена и армянская религиозная принадлежность, например, средневековые распри между двумя христианскими течениями – халкедонитством и не- или до-халкедонитством – часто, особенно в непрофессиональном дискурсе, изображаются как борьба армянских и неармянских сил в этническом смысле, притом что на том историческом этапе не все армяне были нехалкедонитами и среди халкедонитов были армяне.

Даже и Геноцид иногда интерпретируется в исторических исследованиях не только как трагедия, постигшая огромное количество людей, но как событие, уничтожившее предпосылки для создания самостоятельного армянского государства на территории Западной Армении согласно Севрскому договору 1920 г.²⁵

Таким образом, мы можем говорить о формировании в последнее десятилетие парадигмы, в которой армянский этнос со времен глубокой древности боролся за создание национального государства в терминах модерна, то есть постимперского nation state. И моноэтничность, и принадлежность армян к одной религиозной конфессии, отличной от других, рассматриваются как предпосылки к созданию армянского государства. Неудачи на этом пути объясняются двумя обстоятельствами. Первое – внешняя экспансия, то есть либо наличие могущественных империй, таких как Рим, Парфия, Византия, Персия, Оттоманская и Российская империи, которые не давали осуществиться проекту армянской национальной государственности, либо нашествия кочевников, которые постоянно ослабляли Армению. Второе обстоятельство – отсутствие единства среди самих армян, из-за которого армянские князья, военачальники и пр. не были способны объединиться для совместного осуществления национального проекта.

Примечательно, что идея, положенная в основу нового исторического дискурса в Армении, чрезвычайно созвучна тем идеям, которые бытовали в Восточной Европе в начале XIX века во времена распада Австро-Венгерской и Оттоманской империй и легли в основу создания современных государств значительной части Европы. Фактически, армянский исторический дискурс на данном этапе развивается в почти точном соответствии с теориями модернистов второй половины XX века, таких, как Геллнер и Хрох.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: Барсегов Ю. Право на самоопределение – основа демократического решения межнациональных вопросов: к проблеме Нагорного Карабаха. Ереван, 1989; Золян С., Мирзоян Г. Глазами независимых наблюдателей: Нагорный Карабах и вокруг него. Ереван, 1990-1991; Барсегян Х. Истина дороже. Ереван, 1991 (на арм. яз); Тер-Даниелян М. Тревога Карабаха. Ереван, 1993 (на арм. яз); Улубабян Б. Борьба арцахцев за выживание. Ереван, 1994 (на арм. яз); Арутюнян В. События в Нагорном Карабахе. Т. I-V. Ереван, 1990-1997; Казанджян Р. К предыстории самоопределения Нагорного Карабаха. С приложением новых документов. Ереван, 1997; Оганесян Н. Карабахский конфликт: этапы, подходы, варианты решения. Ереван, 1997.

² Так, например, теории историка-любителя (в то же время серьезного и хорошо известного астрофизика) П. Геруни, очень сильно удлиняющие в прошлое историю Армении. – См., например: Геруни П. Армяне и древняя Армения. Ереван, 2005 (на арм. яз.). Имеют хождение и теории, выдвинутые С. Айвазяном (геологом по профессии), согласно одной из которых, например, колыбель русских – это Араратская долина. – См.: Айвазян С. История России: армянский след. М., 1997.

³ Золян М, Закарян Т. Образы себя и образы других в учебниках истории Армении (готовится к опубликованию на англ. яз. в 2009 г.).

⁴ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М., 2002.

⁵ См. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: «Наука», 2003, с. 133: «Еще в начале XIX в. свои греки считали только оттоманское и византийское прошлое. Наследие древней Греции, как правило, оценивалось негативно и во всяком случае отстраненно. Себя греки именовали никак не эллинами, а ромеями (по византийской традиции), а сам термин эллин в книжной культуре, в соответствии с новозаветным употреблением, обозначал язычника и был почти ругательным. Греческие боги, если о них еще помнили, считались демонами, а их изображения при возможности покрывались крестами, что бы защититса от их злокозненности. Одновременно в греческом фольклоре существовали сказки об эллинах, которые рассказывались еще в конце XIX – начале XX в. В них эллины предстают как глупые и достаточно злобные великаны, т. е. как типичный фольклорный «другой». И только западноевропейские романтики и эллинофилы в ходе и после войны за независимость объяснили грекам, что они наследники великой античной культуры и сами эллины. Теперь это сама основа греческой самоидентификации. Государственная греческая служба древностей по своему влиянию сравнима с советским КГБ, причем подлинно греческим считается лишь античный период. Византийского периода греки немного стыдятся, а оттоманский просто игнорируют. Этот переворот произошел на удивление быстро – лет за десять в образованном слое и лет за тридцать во всем народе (А. Иванчик – В Тишкову, 2 ноября 2003 г. // Архив автора)».

⁶ Шнирельман В. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

⁷ Suny R. *Armenia in the Twentieth Century*. Chico, CA, 1983; Suny R. *Looking toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington, Indiana University Press, 1993; Hovhannisian R. *Armenia in the Road to Independence*, 1918. Berkley, L.A., 1979; Hovhannisian R. *The Republic of Armenia*. Vol.1-2. Berkley, L.A., 1971, 1982; Dadrian V. *The Historical and Legal Interconnections between the Armenia Genocide and the Jewish Holocaust*. New Haven, 1998; Peroomian R. *A Struggle to Comprehend the Catastrophe and Survival: A Comparative Study of the Armenian and Jewish Literal Response to Genocide*. Atlanta, Georgia, 1977.

⁸ Мовсисян А. Ванское царство (Биаинили, Урарту, Арарат). Ереван, 1998 (на арм. яз.); Мовсисян А. Священное нагорье. Ереван, 2000 (на арм. яз.); Агмаранян Дж. Армянское нагорье и Ханаан. Ранние контакты. Ереван, 2005 (на арм. яз.); Мовсисян А. Армения в третьем тысячелетии до Рождества Христова (на основе письменных источников). Ереван, 2005 (на арм. яз.); Арутюнян Н. Биаинили – Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики. СПб., 2006; Арутюнян Б. Вокруг нескольких проблем истории Армении, армяно-иранских отношений и Передней Азии. Ереван, 1998 (на арм. яз).

⁹ См. например: Нерсисян М.Г. Из истории русско-армянских отношений. Кн.1-2. Ереван, 1956-1961; Арутюнян Э.Р. Развитие исторической науки в Советской Армении (1964-1988). Ереван, 1990 (на арм. языке).

¹⁰ См., например: Галоян Г. Россия и народы Закавказья. М., 1976; Парсамян В. Россия и историческая судьба армянского народа. Ереван, 1978 (на арм. языке); Дилоян В. Восточная Армения в первом тридцатилетии 19-го века и армяно-русские отношения. Ереван, 1989 (на арм. языке); Балаян Б.П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединение Восточной Армении к России. Ереван, 1988.

¹¹ См., например: Тунян В.Г. Русская политика в Армении: мифы и реалии: конец XVII – начало XX вв. Ереван, 1998; Петросян Г. Отношения Республики Армения с несоветскими государственными образованиями России (1918-1920). Ереван, 2006 (на арм. языке).

¹² Полувековая история. Армения – Диаспора. Сб. документов. Ереван, 2008 (на арм. языке).

¹³ Iskandarian, A. Armenien und die Türkei: Geographisch verbunden – durch die Geschichte getrennt. Wenn Man die Armenienfrage diskutiert... Istanbul: Heinrich Böll Stiftung, 2006 (на немецком и турецком яз.).

¹⁴ Сафрастян Р. Проблема признания геноцида во внешней политике Армении: разнородный анализ // 21-й век. Информационно-аналитический журнал, №1. 2005. С.3.

¹⁵ Институт-музей Геноцида армян (далее ИМГА) периодически выпускает сборник «Вопросы истории и историографии геноцида армян» с материалами на армянском, русском и английском языках. Отдельно выходят также сборники документов по истории и историографии Геноцида армян. По этой теме интересна и работа: Оганнисян Н. Геноцид армян в свете критической мысли арабской исторической науки. Ереван, 2004 (на арм. яз.).

¹⁶ Гиббонс Г. Самая черная страница современной истории. События 1915 года в Армении. Факты и ответственности. Ереван: Институт-музей Геноцида армян, 2003 (на арм. яз.); Лепсиус Й. Секретная сводка. Избиения армянского народа. Ереван, ИМГА, 2003 (на арм. яз.); Неизвестные имена: французские армянофилы (конец 19-го – начало 20-го вв.). Составитель, редактор и автор предисловия Марат Харазян. Ереван, ИМГА, 2003.

¹⁷ Оганнисян А. Культурный геноцид на территории Турции. Институт востоковедения НАН РА. Ереван, 2005; Армянская архитектура, культурный геноцид. Монреаль, 2005 (сборник фотоматериалов).

¹⁸ Россия и геноцид армян в 1915-1917 гг. Сб. документов. Составитель и переводчик А. Марукян. Ереван, ИМГА, 2004 (на арм. яз.); Сообщения австро-венгерских дипломатов об армянском геноциде (1915-1918). Составитель и автор предисловия А. Огаджанян. Ереван, ИМГА, 2004 (на арм. яз.); Официальные документы Соединенных Штатов Америки о Геноциде армян. Составитель А. Сарафян, редактор Л. Барсегян. Ереван, ИМГА, 2004 (на арм. яз.); Геноцид армян в сообщениях дипломатов Германии (1915-1918 гг.). Составитель и автор В. Микаелян. Ереван, ИМГА, 2004 (на арм. яз.); Ohadjanian, Artem. 1915. Irrefutable Evidence. Austrian Documents on the Armenian Genocide, Yerevan: MIAG, 2004.

¹⁹ Список жертв армянского геноцида (1915-1923). Т. I. Область Себастья. Ереван, ИМГА, 2004 (на арм. яз.).

²⁰ Хосроева А. Геноцид ассирийцев в Османской Турции и сопредельных тюрконаселенных местностях (конец 19-го – первая четверть 20 в.). Ереван, 2004 (на арм. яз.).

²¹ Эгге Бьерн. Борьба Фритьофа Нансена во имя прав человека и человеческого достоинства. Ереван, ИМГА, 2003 (на арм. яз.); Багдасарян Р. Геноцид и армянская интеллигенция России. Ереван, ИМГА, 2003; Оганян П. Геноцид армянского народа и защита прав человека. Ереван, ИМГА, 2003; Тернон Ив. Безнаказанность, месть и отрицание. Геноцид армян перед международными судами. Ереван, ИМГА, 2003 (на арм. яз.); Марукян А. Армянский вопрос и политика России (1915-1917). Ереван, ИМГА, 2003; Тунян В.Г. Младотурки и армянский вопрос (1908-1912). Часть первая. Ереван, ИМГА, 2004.

²² Особо выделяются труды В. Дадряна, Р. Адаляна, С. Астурияна и др., переизданные также в Армении. См., например: Adalian, Rouben Paul. Remembering and Understanding the Armenian Genocide. Yerevan: (MIAG), 2004; Astourian, Stephan H.

Modern Turkish Identity and the Armenian Genocide. From Prejudice to Racist Nationalism, Yerevan: MIAG, 2004. В 2003 г. вышла книга П. Балакяна «Горящий Тигр: Геноцид армян и отклик Америки» (Balakian, Peter. The Burning Tigris, The Armenian Genocide and America's Response. Harper Collins 2003), в 2004 г. – исследование В. Свазлян «Геноцид армян и историческая память», вышедшее на нескольких языках (Svazlian, Verjine. The Armenian Genocide and Historical Memory. Yerevan: IMAG, 2004). В работе В. Свазлян представлены свидетельства более 650 армян, которым удалось спастись от Геноцида, а также родственников жертв Геноцида. На нескольких языках вышла также объемистая работа Г. Казаряна «Геноцид армянского народа в Османской империи».

²³ Золян М., Закарян Т. Образы себя и образы других в учебниках истории Армении (готовится к опубликованию на англ. яз. в 2009 г.).

²⁴ История Армении для 6-го класса. Ред. В. Барухударян. Ереван, 2005. С. 6.

²⁵ Захарян К. Генезис катастрофы (становление Армянского вопроса в XIX в). Ереван, 2006.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ¹

15-го июня 2006 г. Парламентом Армении был приняты законы «О государственном флаге Республики Армения» и «О государственном гербе Республики Армения». Этими законами фактически были подтверждены решения о флаге и гербе, принятые, соответственно, в 1990 г. Верховным советом Армянской ССР и в 1992 г. Верховным Советом Республики Армения.

Герб и флаг Армении – это восстановленные герб и флаг Первой Республики 1918-1920 гг.

Государственный флаг Республики Армения

Флаг Республики Армения состоит из трех горизонтальных полос равной ширины, красного, синего и оранжевого цветов, считая сверху вниз. Красный цвет символизирует Армянское нагорье, постоянную борьбу армянского народа за существование, христианскую веру, свободу и независимость Армении. Синий цвет символизирует стремление армянского народа жить под мирным небом. Оранжевый цвет символизирует созидательный талант и трудолюбие армянского народа.

¹ Описания символики цит. по книге: Армянские гербы, флаги и государственные награды. Сост. А. Демоян. Ер., 2008 (на арм. яз.).

Государственный герб Республики Армения

Государственный герб Армении описывается следующим образом: «...В центре на щите изображена гора Арарат с Ноевым ковчегом и гербами четырех царств исторической Армении: сверху слева – Багратидов, сверху справа – Аршакидов, внизу слева – Арташесидов, внизу справа – Рубенидов. Щит поддерживают орел (слева) и лев (справа), а под щитом изображены меч, ветвь, сноп колосьев, цепь и лента...» Авторы герба – архитектор, академик Российской академии художеств Александр Таманян и художник Акоп Коджоян.

Государственный гимн Армении

Mer Hayreniq, azat ankakh,
Vor aprel e dareh dar
Yur vordinqə ard kanchoom e
Azat, ankakh Hayastan.

Родина наша, свободная, независимая,
Что веками жила,
Своих сынов в поле созывает
Свободная, независимая Армения.

Aha yeghbayr qez mi drosh,
Vor im dzerqov gortseci
Gishernerə yes qun chegha,
Artasunqov Ivaci.

Брат, вот тебе флаг,
Который я сшила своими руками,
Ночами я не спала,
Слезами омывала.

Nayir nran yereq guynov,
Nvirakan mer nshan,
Togh pogh-poghi tshnamu dem,
Togh misht pantsa Hayastan.

Посмотри на него - трехцветный
Священный наш знак,
Пусть развеивается перед врагами,
Пусть всегда славится Армения!

Amenayn tegh mahə mi e
Mard mi angam pit merrni,
Bayts yerani vor yur azgi
Azatutyun kzohvi

Повсюду смерть одна,
Человек умирает только раз,
Но блажен тот, кто погибает
За свободу своего народа.

ՄԵՐ ՀԱՅՐԵՆԻՔ

Մեր Հայրենիք, ազատ, անկախ,
Որ ապրել է դարձ դար
Իւր որդիքը արդ կանչում են
Ազատ, անկախ Հայաստան:

Անա՛ եղբայր, քեզ մի դրօշ,
Զոր իմ ձեռքով գործեցի
Գիշերները ես բուն շնդայ,
Արտասուրով լուացի:

Նայիր նրան երեք գոյնով,
Նուիրական մեկ նշան,
Թող փողփողի բշմամու դէմ,
Թող միշտ պանծայ Հայաստան:

Ամենայն տեղ մահը մի է
Մարդ մի անգամ պիտ' մեռնի,
Բայց երանի՛ որ իր ազգի
Ազատութեան կը զոհուի:

В 2006-м году были утверждены герб и флаг столицы Армении – Еревана. В центре герба столицы Армении на пьедестале с надписью «Ереван» изображен лев со скипетром. Над головой льва – корона в виде «древа жизни», на груди – символ вечности и изображение горы Арарат. Герб окружен голубой каймой. Используются абрикосово – бронзовые цвета.

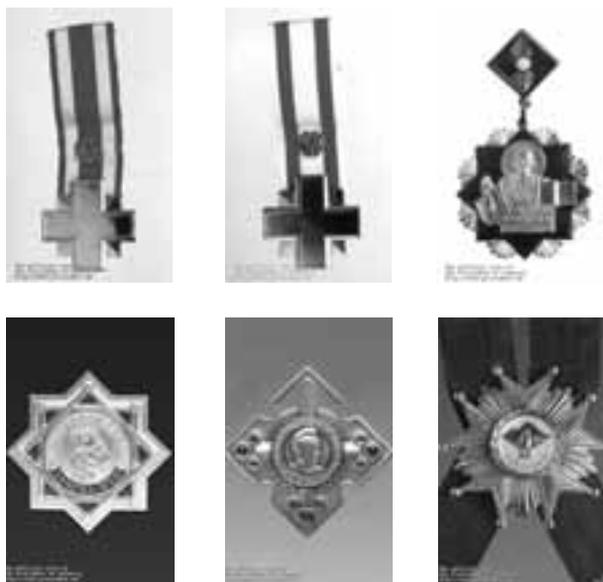
Белый фон флага Еревана выбран как символ чистоты, ясности и непорочности. В центре флага – изображение герба столицы в окружении 12-и красных треугольников, символизирующих 12 столиц исторической Армении.

23 января 2001 года Президент Республики Армения, Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Роберт Кочарян утвердил герб ВС Армении. Авторы герба ВС Армении – художники Рубен Арутчян и Гагик Абраамян.

Герб изображен на щите прямоугольной формы вверху и полукругом внизу. Вверху на синем фоне горизонтальными белыми буквами написано «АРМЕ-НИЯ», внизу, по изгибу полукруга – «ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ».

На остальной части щита расположены геральдические элементы. В центре изображен орел темно-синего цвета с раскрытыми крыльями и головой, обращенной вправо. Каждое крыло орла состоит из семи перьев. Число 7 символизирует число дней творения; кроме того, крылья вместе с головой орла символизируют 15 областей исторической Армении. Орел символизирует силу, стремительность, волю. На лучах солнца, по контуру раскрытых крыльев орла, изображен государственный флаг Армении. Туловище орла образует круглый армянский щит в светлых и темных абрикосовых тонах. На щите изображен равносторонний крест – символ христианства. Последний элемент герба – меч. Он расположен горизонтально под щитом. Справа видна рукоять меча, слева виден кончик лезвия. Меч является символом бдительности, готовности обрушиться на головы врага во имя Родины. По геральдической символике, эти отрезки меча представляют собой также когти орла, завершая символ «орел – вооруженные силы».

Государственные ордена Республики Армения

Орден Отечества

Орден Боевого Креста (1-ой и 2-ой степени)

Орден Св. Месропа Маштоца (святого Армянской Апостольской Церкви, основателя армянской письменности, жившего в IV-V в. н.э.)

Орден Тиграна Великого (армянского царя, правившего в I в. до р.Х.)

Орден Вардана Мамиконяна (святого Армянской Апостольской Церкви, князя, полководца, погибшего в сражении с персами в V в. н.э.)

Орден Почёта

Любопытно, что среди ведомственных наград Вооруженных сил Армении имеются в том числе медали «Гарегин Нжде», «Адмирал Исаков» и «Вазген Саргсян». При этом Нжде – политический деятель и полководец времен Первой республики, воевавший в начале 1920-х гг. за независимость Армении против большевиков, ушедший в эмиграцию, арестованный в Болгарии в 1944 г. и умерший во Владимирском Централе в 1955-м году. Адмирал Исаков – советский военачальник, никогда не живший в Армении и не сражавшийся на ее территории. Вазген Саркисян – политический деятель и военачальник 1990-х гг., борец за независимость Армении и Нагорного Карабаха. Таким образом, круг замкнулся.

Памятники

Что касается памятников, то «выраженные» советские памятники (Ленину и прочим революционерам) были снесены еще в ранние девяностые, одновременно с переименованием улиц и городов. Делалось это довольно последовательно, за исключением некоторых коммунистов из числа этнических армян. Например, советские памятники большевикам Степану Шаумяну и Александру Мясникяну стоят в центре Еревана и поныне.

Вновь сооружаемые памятники довольно типичны. Это памятники либо древним и средневековым деятелям армянской культуры, либо деятелям Первой Республики. Появились уже и памятники недавно умершим деятелям диссидентского движения и Третьей республики.

Интересно, что уже в годы независимости были установлены памятники двум советским военачальникам – этническим армянам Адмиралу Исакову и Маршалу Баграмяну. Памятник Баграмяну примечателен тем, что Баграмян изображен уже немолодым человеком, в форме маршала СССР и с орденами на груди, но при этом сидящим на коне, притом что Баграмян во Второй мировой войне воевал в танковых войсках, чем и прославился. Одно из объяснений гласит, что маршал изображен в 1945 г. на параде Победы в Москве, на котором Баграмян действительно был верхом. Но бытует и второе объяснение, что это контаминация двух периодов его жизни – начала XX в. когда молодой Баграмян был кавалеристом и воевал за независимую Армению, и середины века, когда он стал прославленным военачальником (но уже советским).

ПО СЛЕДАМ «БЕЛЫХ ПЯТЕН» ИСТОРИИ ГРУЗИИ

Отар ДЖАНЕЛИДЗЕ, Георгий СИАМАШВИЛИ

«Забвение истории, вычёркивание из памяти страниц прошлого ведёт к духовному и физическому перерождению нации»¹. Эта сентенция выдающегося общественного деятеля и писателя Ильи Чавчавадзе, по праву признанного духовным отцом нации, самодостаточна, но особую значимость она приобретает с учётом контекста, с учётом того, когда и в каких исторических условиях она была произнесена.

В начале XIX в. Грузия была инкорпорирована в империю Романовых, известную под названием «тюрьмы народов». Самодержавие осуществляло интеграцию инородцев путём их ассимиляции. Слияние жителей колоний с титульной нацией считалось условием укрепления имперского государства. Для царизма жизненно важным было то, чтобы подданные, независимо от их национальности, считали Россию своей родиной. Однако достижение мира и согласия между миллионами разноплеменных людей, отличающихся по своим духовным ценностям, традициям и культуре, было довольно сложным делом. Одним из средств достижения этой цели было стирание исторической памяти народов, обладающих опытом государственной жизни. К их числу относились и грузины, перерождение и ассимиляция которых была бы возможна в случае потери ими национальной идентичности.

После убийства народовольцами императора Александра II в России наступила эпоха политической реакции, она сопровождалась усилением давления на национальную культуру и самобытность жителей окраин. Была урезана и без того призрачная автономия Польши и Финляндии, запрещалось использование таких политических понятий как Украина, Белорусия, Грузия и т.д. Усиливались великодержавный шовинизм и колониальный гнёт. Жертвами политической реакции становились грузинская школа, церковь, театр, пресса, но особенно грузинский язык и история – основы национальной идентичности. Вот в такой атмосфере напоминание соотечественникам об истории, призыв к сохранению памяти о прошлом, духовных ценностей и национальной гордости приобрело важный смысл. Поэтому призыв Ильи Чавчавадзе способствовал укреплению национального самосознания и пробуждал дух свободы.

По замечанию Н. Бердзенишвили, история Грузии для общественных деятелей 60-х годов XIX в. была не увлекательным чтивом, а боевым оружием в национально-освободительной борьбе². Такую же роль выполняла национальная история и в годы Советской власти, когда историография оказалась под прессом коммунистической идеологии. В этот период происходила фальсификация не только истории нового времени, но и прошлых столетий. По распоря-

жению властей на долгие годы оказались под замком значительные архивные документы и материалы. Исторический нарратив, лишённый необходимых первоисточников, превратился в искусственную смесь, в которой ложь и правда были перемешаны друг с другом. Несмотря на то, что СССР был создан лишь в 1922 г. и в его состав входило 15 республик, история этого объединения почему-то начиналась с каменного века, а дальше по преимуществу излагалась история России. Почти ничего не говорилось об истории других народов.

Так в советские годы возникла опасность потери и забвения подлинной национальной истории. Со второй половины 80-х годов появляется возможность свободного выражения мысли, начинается процесс заполнения «белых пятен» истории. Исследователи допускаются до закрытых ранее архивов, доступной становится и запрещённая в прошлом литература. В книгах по истории стали исчезать стереотипы и догмы коммунистической идеологии, актуальным стал поиск истины. Изменилась и сама методология исследования, появились альтернативные версии.

Пробуждение национального сознания в Грузии привело к переоценке не только истории советского периода. Историки занимаются исследованием причин потери независимости Грузии в начале XIX в., её инкорпорации в состав Российской империи. Обсуждаются возможные альтернативы заключения Георгиевского трактата 1783 г. Сложности на пути строительства суверенного государства связываются с распадом единого грузинского царства и установлением владычества Турции и Ирана в Восточной и Западной Грузии. Естественно, что в оценке периодов царского правления и советского тоталитарного режима преобладают негативные заключения. В лице России Грузия видела единого союзника, с помощью которого можно было избавиться от мусульманского завоевания и найти дорогу в Европу. Однако пребывание в Российской империи стало для Грузии новой формой рабства. Поэтому в сознании людей остаётся устойчивым стереотип российского империализма и милитаризма, который подпитывается в течение всех 18 лет независимости страны. Современное массовое историческое сознание в Грузии связано с социо-культурной идентичностью общества и во многом определяется ценностным отношением к прошлому. Важными источниками и основой формирования массового исторического сознания являются историческая и историко-художественная литература, вековые народные традиции, национальная духовная культура, чувство национального достоинства и др. Массовое историческое сознание — один из факторов национальной консолидации, выполняющий функции интеграции различных поколений. Среди исторических персонажей на первом месте по популярности стоит царь Давид Строитель. С его именем связываются могущество и процветание Грузии, простиравшейся от Чёрного до Каспийского моря. Популярными остаются и религиозные символы. Например, Божья Матерь — хранительница земли Грузинской, Святой Георгий Победоносец — украшающий центральную Площадь Свободы в Тбилиси. Символом отца нации остается общественный деятель, писатель и просветитель Илья Чавчавадзе. Он причислен к лику святых. Главным национальным праздником считается 26 мая,

День провозглашения Грузинской Демократической Республики, просуществовавшей с 1918 по 1921 год. В историографии наиболее дискутируемыми темами являются история Георгиевского трактата 1783 г. аннексия Грузии Россией в 1801 г., заговоры и вооруженные восстания против колониального режима российского самодержавия в XIX в., распространение марксистских и большевистских идей на рубеже XIX-XX вв., целесообразность участия грузинского дворянства в борьбе с северокавказскими племенами на стороне России, феномен Иосифа Сталина, а также взаимоотношения между Грузинской Демократической Республикой и Советской Россией. С конца 80-х годов национальная история Грузии стала программной дисциплиной не только для гуманитариев, но и для всех вузов республики. В средних школах возросло количество часов по урокам истории. Созданию новых учебников предшествовали многочисленные газетно-журнальные публикации по спорным вопросам. Особое значение стало придаваться объективному познанию прошлого как необходимому уроку для настоящего. Так историческое мышление становится основой самосознания нации.

«ЗА ГРАНЬЮ ДРУЖЕСКИХ ШТЫКОВ»

В 1983 г., в период празднования 200-летия Георгиевского трактата, в тогда ещё советской историографии, наиболее распространённой была следующая оценка этого события: несмотря на то, что Россия нарушила условия договора, упразднила грузинские царства и княжества, разделила страну на две губернии, в целом присоединение Грузии к России имело положительные последствия. С середины XVI в., после окончательного распада Грузии на отдельные единицы, она была разделена на сферы влияния между Турцией и Ираном.

В течение последующих двух веков Грузия тщетно пыталась восстановить политические и культурные связи с Западом. В конце XVIII в. единственной возможностью для сохранения веры и национальной идентичности представлялся союз с Россией, которая по сравнению с тогдашней Грузией была более развитой страной. А в постсоветской нет единого мнения о том, насколько продуманным и обоснованным было решение царя Ираклия II о заключении трактата. Одни исследователи видят в этом недальновидность правителя, поверившего в то, что Россия будет добросовестно выполнять условия договора и Грузия сохранит свой суверенитет. По мнению других, у царя просто не было выбора. Кавказ входил в геостратегические интересы России и войне с ней царь предпочёл добровольный союз. Кроме того, феодальная раздробленность и междоусобные войны превращали страну в лёгкую добычу для агрессивных соседей. Известно, что и Георгиевский трактат не помешал Ага Магомед хану в 1795 г. вторгнуться в Грузию и разрушить столицу.

Итак, советская историография перечисляла такие преимущества союза Грузии с Россией: прекратились феодальные междоусобицы, страна объедини-

лась, обрела долгожданный мир, исчезла опасность исламизации и потери национальной идентичности. За дворянством сохранялись привилегии в пределах Империи, его представители могли занимать высокие государственные посты. Выражение «испившие воды Терека» касается грузинских шестидесятников, которые через образование в российской столице, приобщались к передовым социально-политическим идеям Европы. Подобно тому, как Ленский у Пушкина «из Германии туманной привёз учёности плоды», наши шестидесятники привозили из Москвы и Петербурга новые социально-политические идеи.

В современной грузинской исторической литературе критически оценивается перенесение социалистических идей и пафоса борьбы с социальным гнётом на грузинскую почву. В качестве аргумента приводится то, что грузинское крепостничество в отличие от российского было патримониальным. Практиковалось воспитание одного ребёнка из дворянской семьи в крестьянской семье, так происходило породнение между различными слоями общества, что вело к ослаблению антагонизма между классами.

Отдельной темой является стабилизирующая роль церкви. В России после Раскола и особенно после учреждения Петром I Священного Синода Православная церковь начала брать на себя функции тайной службы, что неизбежно вело к её дискредитации и отчуждению от народа. Иная история у церкви в Грузии. Вплоть до большевизации она сохраняла доверие народа, хотя, конечно, в условиях колонизации не могла в полной мере отвечать своему предназначению. Упразднение автокефалии в 1811 г. было серьёзным ударом, но и в своих урезанных правах грузинская церковь способствовала национальной консолидации. Не случайно то, что одним из символов национального единства, наряду с Языком и Отечеством, Илья Чавчавадзе назвал Веру.

Вместе с европейским образованием из России в Грузию пришли революционно-демократические идеи Белинского и Чернышевского, а затем русский марксизм и большевизм. Так, в начале XX в. Грузия вместе с Россией выпала из истории и оказалась участницей того социального эксперимента, жертвой которого стали миллионы людей. Мы имеем в виду не только репрессированных, но и тех «искусственных людей», которые до сих пор находятся в поисках «утраченной идентичности, живут ожиданиями новых вождей или оплакивают умерших». И сегодня по социологическим опросам Сталин оказывается в числе наиболее популярных исторических лиц.

«ПРОЩАЙТЕ, ТОВАРИЩИ!»

С первых лет Советской власти, в Грузии, как и на всём постимперском пространстве, города и районы получили имена известных революционеров. Пролетариат, как и его вожди, не имел конкретной родины, их общей родиной было весь революционный мир. В одном только Тбилиси в канун распада СССР из

восьми районов четыре носили имена революционеров – Ленинский, Кировский, Калининский, Орджоникидзевский, а один из районов назывался Первомайским. В Грузии были районы, носившие имена местных революционеров: Махарадзе, Цхакая, Цулукидзе, Гегечкори, Орджоникидзе, Знаури, также сёла, проспекты, улицы и т.д. В скверах и на площадях были воздвигнуты их каменные или бронзовые монументы, бюсты и барельефы.

В период подъёма национального движения началась «атака» на памятники. Во главе руководства Грузии всё ещё находилась компартия, когда начался демонтаж памятников большевиков-революционеров. Менялась и революционная топонимика, в том числе годонимы и агронимы (названия улиц и площадей) им стали возвращать исторические наименования. Любопытна эволюция наименований центральной площади столицы: в 30-ых годах XIX века в честь главнокомандующего графа Паскевича-Эреванского, площадь была названа Эреванской, а в 1918 г., в период Грузинской Демократической Республики, на площади было посажено дерево свободы, и она получила соответствующее название. В годы Советской власти площадь носила имя Лаврентия Берия, а после его разоблачения получила название вождя пролетариата Владимира Ленина. С 1990 г. площадь вновь стала называться именем Свободы. С недавних пор на ней возвышается скульптура Святого Георгия.

Вполне закономерный и справедливый процесс изменения революционной ономастики сопровождался и некоторыми перегибами. Например, небольшой посёлок в Западной Грузии с 1943 г. носил имя знаменитого русского поэта Владимира Маяковского, который был уроженцем этого края. Посёлку вернули прежнее название – Багдади. Никто не удосужился объяснить такое решение. То ли переименование произошло потому, что Маяковский был певцом революции, то ли потому, что он вспоминал о своём «грузинском» происхождении лишь тогда, когда «нога его вступала в Кавказ» («Владикавказ-Тифлис»).

От политической конъюнктуры Грузия не смогла освободиться не только в период борьбы за независимость, но и в годы независимости. Например, в 2005 г. в Тбилиси появилась улица имени Джорджа Буша. Некоторые представители правительства Грузии выступили с идеей перезахоронения останков известного русского поэта и общественного деятеля А. С. Грибоедова. Это намерение вызвало недовольство в общественных кругах, и было снято с повестки дня.

Волны национального движения смели такие названия грузинской советской прессы как «Комунисти», «Ахалгазрда коммунисты» (Молодой коммунист), «Заря Востока» и др. Им на смену пришли национальные названия «Сакртвелло» (Грузия), «Эри» (нация), «Ахалгазрда Ивериели» (Молодой ивер), «Свободная Грузия». В те годы слово «национальное» имело магическую силу. Этим можно объяснить дополнение «национальный» на вывесках почти всех солидных учреждений: Национальная академия наук, Национальная библиотека, Национальный стадион и т.д.

Помнится, в Москве большой резонанс вызвало выступление на Съезде народных депутатов председателя Верховного Совета Грузии Акакия Асатиани, который участвовал в работе съезда на правах гостя. Он начал свою речь не с традиционного обращения «товарищи», а воспользовался дореволюционной формой – «дамы и господа». Это вызвало шум и переполох в зале. Во времена коммунистического правления подобное обращение воспринималось как сигнал тревоги. Но почему новое поколение грузинских политиков не взлюбило слово «товарищ»? Дело в том, что оно ассоциировалось с большевизмом, репрессиями, с коммунистическим режимом и отказ от него означал возвращение к свободной жизни.

ФЕВРАЛЬ ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ ДЛЯ ГРУЗИИ НАЧАЛОМ ВЕСНЫ

После падения самодержавия Грузия избавилась от российского владычества и 26 мая 1918 г. восстановила независимую государственность. В 1918-1921 гг. на политической карте мира появилась Демократическая Республика Грузия. Её суверенитет был признан двадцатью зарубежными странами. Примечательно то, что одной из них была Советская Россия. Несмотря на это, в феврале 1921 г. части Красной армии свергли правительство независимой Грузии и сформировали оккупационное правительство в лице коммунистического ревкома. С 25 февраля в Грузии началось большевистское летоисчисление.

Советской пропаганде и коммунистической историографии удалось замаскировать агрессию Кремля. Нападение на независимую Грузию, ликвидация демократической республики, оккупация и аннексия страны были представлены как её освобождение. В течение семи десятилетий советизация Грузии отмечалась как наиболее значительное событие в истории нашей страны. В одном стихотворении, которое изучалось в школе, есть такие строки: «Двадцать пятый день февральский завтра наступает, вместе с ним в мою страну и весна вступает». Вот на такой лжи воспитывались целые поколения.

Ситуация начала меняться во время перестройки и подъёма национально-освободительного движения. «Империя зла» получила пробоину и появилась возможность называть вещи своими именами. 9 марта 1990 г. на сессии Верховного Совета ГрузССР было принято постановление о гарантиях защиты суверенитета грузинской государственности. Нахождение Грузии в составе СССР было признано незаконным самим коммунистическим правлением. Советизацию Грузии 25 февраля 1921 г. сессия расценила как интервенцию и оккупацию страны. Незаконным было признано соглашение 30 декабря 1922 г., на основе которого был сформирован СССР.

В этот же период была издана работа известного историка Левана Тоидзе³, в которой на основе документальных материалов рассказывается о завоевании Грузии и возвращении России на Южный Кавказ. Приоритетной темой для исследователей стала история борьбы за восстановление национальной незави-

симости Грузии. Большое внимание уделялось анализу политической ориентации правителей страны, объективному представлению роли России в истории Грузии. Началось основательное исследование истории создания Грузинской Демократической Республики, её государственного строительства, внешней и внутренней политики, достижений и причин поражения. Были изданы монографии⁴, журнальные и газетные публикации, в которых представлены весьма значительные, хотя и мало известные факты из истории Грузии. Из исторического прошлого возвращались забытые имена. Для всех стало очевидным, что февраль 1921 г. принёс Грузии не освобождение и процветание, а обрушил на неё новые несчастья и испытания. Стремящаяся к независимости Грузия, вновь оказалась в орбите, на этот раз коммунистической империи.

Грузинская историография всерьёз заинтересовалась политическим процессом первых двух десятилетий XX века, исследованием действующих в этот период политических партий, группировок и союзов. Это было вполне естественным для страны, которая вновь встала на западный путь многопартийности и плюрализма.

Историю возникновения и развития социал-демократического направления в Грузии стали изучать Додо Чумбуридзе, Мераб Вачнадзе, Вахтанг Гурули, Шота Вадачкория, деятельность партии социалистов-федералистов исследовал Дмитрий Швелидзе, монографию, посвящённую пути развития Национально-демократической партии Грузии, написал Отар Джанелидзе⁵. Было издано вспомогательное руководство по истории политических партий Грузии и т.д.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАБЫТЫХ ИМЕН

Свержение демократического правительства Грузии в 1921 г. вызвало волну эмиграции. В эмиграции оказалось социал-демократическое руководство страны, большая часть членов Учредительного собрания, политическая и финансовая элита. Лишились родины многие из тех, кто составлял цвет грузинской культуры – учёные, писатели, военные и т.д. Общее число эмигрантов достигло примерно трёх тысяч человек. После подавления восстания в августе 1924 г. ряды эмигрантов пополнились новыми людьми. Большевики объявили их врагами народа, предали анафеме и развернули против них клеветническую кампанию. Советская власть решительно захлопнула двери за спиной эмигрантов и отгородилась от Запада железной занавесью. Так грузинская эмиграция на долгие годы оказалась за кордоном. Их будущее было неопределённым. Коммунисты стремились предать забвению, вычеркнуть из памяти имена тех, кто был каким-то образом связан с периодом независимости Грузии. Действовал принцип: надо возненавидеть то, что хочется предать забвению. И началась тотальная фальсификация истории, принижение одних и возвышение других. Для нескольких поколений настоящая история оказалась за семью печатями. Вместо неё предлагались фальсификации,

в которых уже не фигурировала независимая, демократическая республика и её творцы. Казалось, что их вовсе не существовало.

Эмигранты не прекращали борьбу. Они жили и творили с надеждой на то, что Грузия вновь обретёт независимость и если не они, то хотя бы их дети доживут до этого счастливого дня.

9 апреля 1991 г. Грузия вновь освободилась от имперского ярма и восстановила свою государственную независимость. К сожалению, большей части эмигрантов не суждено было дожить до освобождения родины, но хотя физически они остались на чужбине, начался процесс их духовного возвращения. Стараниями профессора Гурама Шарадзе удалось привести из Гарвардского университета микроплёнки архива правительства Демократической Республики. Позже из Парижа в Тбилиси привезли значительную часть оригиналов этого архива. Так исследователи получили возможность работы с первоисточниками.

Проблематике грузинской эмиграции был посвящён трёхтомник Г. Шарадзе «Под небом чужбины». Он же является автором восьмитомного издания «История грузинской эмигрантской журналистики».

Жизнь и деятельность председателя правительства Демократической Республики Грузии, одного из видных представителей социал-демократии Ноя Жордания, нашла отражение в работах Вахтанга Гурули⁶ и Важи Шубитидзе⁷. Дмитрий Швелидзе изучил биографию известного представителя анархистского движения Варлама Черкезишвили и познакомил читателей с его теоретическими взглядами и публицистикой⁸.

На основе анализа наследия основателя и бессменного руководителя Национально-демократической партии Грузии Спиридона Кедиа вышла книга Отара Джанелидзе «Спиридон Кедиа. Политический портрет»⁹. Литературное наследие деятелей грузинской эмиграции собрала и проанализировала Русудан Нишнианидзе в изданном ею двухтомнике «По ту и по эту сторону Грузии»¹⁰.

Теме грузинской эмиграции, на примере судьбы одного человека, посвящён фильм кинорежиссёра Гугули Мгеладзе «Корни». Табуированная в советские годы история политической эмиграции была представлена в телепроектах, документальных фильмах и очерках. Они вызывали живой интерес у читателей и зрителей. В 2005 г. произошло перезахоронение праха одного из руководителей антисоветского движения в Грузии, руководителя августовского восстания 1924 г. Какуцы Чолокашвили. Его прах был перевезён из Франции, с кладбища грузинских эмигрантов в Левиле, и предан земле в пантеоне на Мтацминда. Церемония перезахоронения вылилась в большую национальную манифестацию.

Возвращение культурного, научного и литературного наследия эмигрантов, освоение их опыта политической и государственной деятельности имеет чрезвычайно важное значение как для сохранения памяти о прошлом, так и для будущего нашей страны.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИЛИ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА?

Как известно, война между фашистской Германией и Советским Союзом была названа Великой Отечественной войной. В основу идеологической концепции об Отечественной войне легло обращение Сталина к советскому народу. Оно было сделано 3 июля 1941 г. и в нём Сталин впервые назвал войну «Отечественной». В советские годы историческая наука была на службе коммунистической идеологии, и поэтому отечественный характер войны никто официально не оспаривал. В условиях тоталитаризма это было рискованно. Параллельно с тотальной мобилизацией тысячи юношей и девушек шли на фронт добровольцами. Несмотря на жесточайшие репрессии 20-30-х годов, были энтузиазм и вера в вождя. Свидетельством этого является общественное настроение в тылу. Люди мужественно переносили голод и холод, отказывались от последнего с тем, чтобы фронт был обеспечен всем необходимым.

Каково же было отношение к войне со стороны служителей церкви? Русская и грузинская православная церкви, так же как и другие конфессии, благословили войну против фашистов. Десятки миллионов людей сражались против гитлеровской Германии, они были верны тем идеологическим принципам, которые объединили всё прогрессивное человечество под антифашистскими знаменами. Несмотря на это, всё же встаёт вопрос: была ли война для народов СССР Отечественной? Советская историография однозначно утверждает, что война была Отечественной для всей Страны советов. Признание этого было основано на пропагандистском тезисе Сталина, и принималась без всяких оговорок.

Для грузинского народа единственной родиной была и остаётся Грузия, а не СССР, который хотя и считался добровольным союзом равноправных республик, в реальности был искусственным образованием. Нерусские народы были насильственным путём введены в этот союз. Поэтому большая часть грузин не признавали Советский Союз своей родиной. Для народов, входящих в СССР, он был общим социально-политическим государством, а не Отечеством.

История советской эпохи — это наша общая история. Но каждый народ помнит и чувствует эту историю по-своему. Национальная память не одинаково перерабатывает и осмысливает общий опыт. И поэтому у каждого народа «свой» XX век. Грузинский народ вместе с другими народами СССР мужественно сражался против международного зла — фашизма. Грузия послала на фронт до 700 тысяч солдат и офицеров. Маленькая республика принесла в жертву войне значительную часть своего населения. И тем не менее война не была Отечественной. Фашистская Германия не завоёвывала Грузию, на её территории не было военных сражений. За родину сражались русские, украинцы и белорусы, на их земле оккупантам удалось на какое-то время установить свой контроль. Для этих народов война, конечно, была Отечественной.

В современной же грузинской историографии произошло переосмысление войны, было отвергнуто определение «отечественная». В этом вопросе постсоветская российская историография разошлась с грузинской потому, что в ней произошла переоценка термина «Великая Отечественная война» в отношении Грузии. А современные российские историки остаются верными прежнему определению. В качестве примера приведём изданную в Москве книгу А. Окорочкова, в которой автор без всякой аргументации заявляет: «Как бы мы не пересматривали события минувшей войны, несомненным фактом остаётся то, что Вторая Мировая война для народов СССР являлась Отечественной»¹¹.

В изданной в 1994 г. работе Виктор Рцхиладзе пишет, что Грузия оказалась втянутой во Вторую мировую войну, поскольку у инкорпорированной в советское государство маленькой страны не было другого выхода: «В чужой войне, под знамёнами сатанинских империй погибали сыны грузинской земли и их костями усеяны необъятные просторы России, Германии и других стран. Эта война была иронией истории и трагедией для грузинского народа»¹².

В учебнике по истории XX века, изданном 2003 г., даётся дифференцированная оценка отношения грузинского народа к войне: «В условиях господства советской идеологии, значительная часть грузинского народа действительно верила, что война была Отечественной. Вместе с тем, для тех, кто помнил оккупацию независимой Грузии, Вторая мировая война не могла быть Отечественной, впрочем, также как и для грузинской эмиграции, которая в течение двадцати лет боролась за восстановление независимости своей страны»¹³. В монографии «Новейшая история Грузии» Маквала Натмеладзе и Александр Даушвили, с одной стороны, отмечают что народы Советского Союза осмыслили войну 1941-1945 гг. как Великую Отечественную, но с другой, главу, посвящённую этому вопросу озаглавили «Вторая Мировая война»¹⁴.

Освободившаяся от идеологического пресса, современная грузинская историческая наука отвергла советскую интерпретацию войны 1941-1945 гг. и постаралась заново осмыслить её историю. Это вполне закономерно. Историография независимой Грузии дала объективную оценку многим искажённым в прошлом фактам. В этом смысле не составляет исключения и оценка характера Второй мировой войны, а также отношение к ней грузинского народа. Часть грузинского общества, в особенности представители старшего поколения, полагают, что Вторая мировая война для Грузии была Отечественной. Однако историки, работающие над проблематикой советского периода, в основном соглашаются с тем, что для нашей страны эта война не была Отечественной.

Несмотря на переоценку ценностей, необходимо воздать должное тем, кто достойно встретил врага. Мы должны хранить память о погибших и воздавать должное ветеранам войны. Но когда речь идёт о научной оценке события, то в этом случае пафос должен уступить место истине.

ИСТОРИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

В постсоветский период ни одно правительство Грузии не издавало закона, инструкции или иного правового акта, который определял бы официальное отношение власти к историческому прошлому. История естественным образом превратилась в независимую научную дисциплину, методологические основы и направления которой не определяются правящей партией. Что же касается изучения истории, в особенности истории Грузии, то ей, как уже отмечалось, стало уделяться большое внимание.

В начале 90-х годов XX в. в регионах, населенных этническими меньшинствами, история преподавалась иначе, чем в других регионах страны. Например, в армянских школах Самцхе-Джавахети учебники истории присылались из Еревана, а в азербайджанские школы Квемо Картли из Баку. В них многие вопросы были представлены не так, как в грузинских учебниках. В последнее время Министерству науки и образования Грузии отчасти удалось обеспечить указанные районы учебниками истории грузинских авторов. Они были переведены на армянский и азербайджанский языки. Однако правительство ограничилось только этими изменениями и мероприятиями, но в стране до сих пор не существует концепции исторического образования, равно как и единой стратегии и практики изучения истории в школах и вузах Грузии.

После же «Революции роз» 2003 г. в Грузии произошли значительные изменения, которые коснулись и системы образования, в том числе вопросов преподавания истории. Были утверждены базовые документы – «Закон Грузии об общем образовании», «Национальные цели общего образования», «Национальный учебный план» и др. Одновременно разрабатывались предметные программы, курикулы, были изданы альтернативные учебники (например, интегрированный курс истории и географии Грузии). Знание истории Грузии, также как и всемирной истории, признается необходимым условием формирования политически грамотного гражданина-патриота своей страны.

Изменилась система организации и финансирования науки. Были упразднены защиты кандидатских и докторских диссертаций на соискание соответствующих ученых степеней. Исследователь может получить академическую степень доктора на основе представления и защиты своего научного труда. Произошло сокращение штатов научно-исследовательских институтов, в том числе и в Институте истории. Правда, параллельно с выделяемыми из бюджета средствами было введено конкурсно-грантовое финансирование исследовательских проектов. Но в них скудно представлена историческая тематика. Поэтому ученые-историки ищут пути и методы улучшения существующего положения.

В октябре 2008 г. в Тбилисском государственном университете им. Ив. Джавахишвили по инициативе профессорско-преподавательского состава была организована дискуссия на тему: «Перспективы изучения истории Грузии в школах и в вузах страны». В ходе дискуссии выявились серьезные погрешности в этой об-

ласти. Было отмечено, что основательной доработки требуют школьные программы и учебники, что в вузах безосновательно упразднены кафедры истории Грузии и этот предмет перестал быть обязательной дисциплиной. Участники дискуссии – академики Мариам Лордкипанидзе, Отар Джапаридзе, Давид Мухелишвили и другие (всего 150 подписей) — обратились с открытым письмом к первым лицам как исполнительной, так и законодательной власти страны. В этом письме они представили конкретный план улучшения существующего положения¹⁵, однако, к сожалению, ситуация до сих пор остается без изменений.

В постсоветской Грузии выходит несколько журналов исторического профиля: «Исторические вертикали», «Исторические штудии», «Клио», «Анналы», «Артануджи». В них публикуются материалы по фундаментальным вопросам национальной истории и актуальной тематике. Среди других исторических проектов, финансируемых государством, можно назвать две монографии: «Российский колониализм в Грузии»¹⁶ и «Своеобразие установления и укрепления тоталитарного режима в Грузии в 20-х годах XX века»¹⁷. В первой проанализирована сущность русского колониализма, представлена судьба Грузии в империи Романовых и в советской империи, освещаются как отрицательные, так и положительные стороны владычества России в Грузии. Во второй монографии, подготовленной и изданной в рамках государственного гранта, говорится о специфике утверждения в Грузии коммунистического режима, а также о характере отношения к нему представителей различных социальных слоев. В числе других заметных трудов назовём изданный в 2007 г. в Тбилиси «Очерк истории Грузии. Абхазия» (основные авторы – Джемал Гамахария, Бежан Хорава, Дазмир Джоджуа и др., главный редактор – профессор Джемал Гамахария)¹⁸ Это обобщающее исследование по вопросам истории Абхазии с древнейших времен до наших дней является удачным опытом изучения и представления проблемы.

Доминирующей чертой государственной политики в отношении прошлого является реставрация культурно-исторических памятников и оснащение музеев современной технологией. Исследования же проблем современной исторической науки не получают должной поддержки, результатом чего стало отставание грузинской историографии от требований времени и мирового сообщества историков. Несмотря на большой потенциал, в независимой Грузии она не смогла ещё занять достойное место¹⁹, не осознана полностью ее роль в определении настоящего и будущего страны.

Государственность каждой страны основана на фундаментальных национальных ценностях, в защите и сохранении которых важная роль принадлежит знанию истории. В принятой правительством Грузии концепции государственной безопасности помимо фундаментальных национальных ценностей определены и национальные интересы. В перечне интересов на седьмом месте находится обеспечение национальной и культурной самобытности Грузии. Говорится о том, что Грузия, как страна с многовековой историей и богатыми культурными традициями, признает важность сохранения национальной самобытности и культурного многообразия²⁰.

В публичных выступлениях высших руководителей страны, в особенности в инаугурационных речах президентов, чувствуется их подобострастное отношение к прошлому, почитание выдающихся исторических лиц. Прошлое предстает в качестве источника силы и энергии, как значительное средство прогнозирования будущего.

В инаугурационной речи первого президента Грузии Звиада Гамсахурдиа исторические мотивы переплетаются с религиозными. «Наша история, – отмечал он, – образ жизни, борьба за веру, за национальную независимость – это крестный путь Спасителя во имя добра и любви. История предоставляет нам возможность вернуться на путь наших отцов и дедов, верой своей воскресить свободную Грузию»²¹. В выступлениях Э.А. Шеварднадзе также часто упоминалась история. Во втором инаугурационном слове в 2000 г. он указывал на то, что новые выборы президента имеют сакральный и исторический контекст, поскольку в этом году отмечается двухтысячелетняя годовщина Рождения Христа и трехтысячелетняя годовщина грузинской государственности²². В инаугурационной речи президента М. Саакашвили отмечаются наиболее драматические события новой и новейшей истории Грузии. Целью этого является консолидация и мобилизация нации вокруг нового руководства страны. В речи президента говорится и о том, что Грузия должна вновь занять потерянное несколько веков назад историческое место в содружестве европейских государств.

Можно сказать, что в знаковых выступлениях трех президентов республики историческое прошлое страны выступает в роли культурно-политического феномена, апелляция к которому придает речи необходимый пафос, делает ее более торжественной и впечатляющей. Этой же цели служит и религиозная тематика, последовательно занимающая все более важное место в общественной жизни современной Грузии. История определяет национальную гордость народа. Из области переживаний она переходит в реальность, обретает образ национальной веры и отношение народа к собственной истории не определяется уже только властью.

ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ

В отношении к истории замечается ещё одно весьма существенное явление. Мы имеем в виду произвольную интерпретацию фактов и явлений в соответствии с политической конъюнктурой. В Грузии подобная практика наблюдается со стороны ученых, находящихся на службе сепаратистских режимов Абхазии и Южной Осетии.

Начиная с периода развала советской империи, когда в полной мере выявилось стремление Грузии к независимой государственности, сепаратистские силы Абхазии и Южной Осетии отказались от сотрудничества с грузинами, не желали оставаться в составе единого грузинского государства. Они стали заявлять, что Аб-

хазия не является Грузией, пытаются доказать это путем фальсификации истории. У югоосетинских сепаратистов был тезис, гласящий «земля принадлежит тем, кто живет на ней». Так стали готовиться к изгнанию грузинского населения из региона. Грузинские историки на основе документальных источников отвергали эти абсурдные доводы, однако проблема вышла за рамки академических дискуссий.

В трагическом развитии событий виновны и творцы мифологизированной истории. В течении последних 15 лет в Абхазии было четыре издания книги «История Абхазии». Это школьный учебник, авторами которого являются О. Бгажба и С. Лакоба. Охваченные духом сепаратизма, авторы книг явно выполняли политический заказ. Было найдено историческое обоснование независимости Абхазии, подчеркивалось, что абхазы являются государственной нацией и что в прошлом они имели свое суверенное государство. Так фальсификацией истории обосновывалось стремление к отделению от Грузии.

Назначение учебника истории – полное отчуждение Абхазии от Грузии, формирование в сознании учащейся молодежи образа врага в лице грузин и чувства презрения и ненависти к грузинскому народу.

То же самое можно сказать относительно цхинвальских историков. Они опираются на антигрузинскую интерпретацию истории советского периода, в соответствии с которой в 1918-1920 гг. осетины были лишены возможности национального самоопределения, а якобы большевистские восстания осетин для установления советской власти были борьбой за национальную независимость, и что эти восстания жестоко подавлялись со стороны меньшевистского правительства Грузии.

Авторы изданного в Цхинвали учебника истории Южной Осетии пошли еще дальше. Они без всякой критики повторили постановление так называемого парламента Южной Осетии, в котором говорится, что 1918-1920 гг. Грузия осуществила геноцид осетинского народа.

Понятно, что историкам, работающим в парадигме «национального нарратива», очень трудно избежать тенденциозности. Этноцентристская переоценка собственной культуры и прошлого встречается в трудах грузинских историков и литераторов, но, как было показано выше, особенно ярко она проявляется в учебниках по истории Абхазии и Южной Осетии, вышедших после развала СССР, в период обострения полиэтнических конфликтов в этих регионах. Учебная литература по истории превращается в политический инструмент для сепаратистских режимов. История становится инструментом для достижения сиюминутных политических целей в руках людей, которым нет вообще дела до прошлого. Авторы забыли, что пропагандой ненависти и вражды невозможно достичь мира. Культура мира предполагает признание законных прав другого, взаимное доверие, уважение и сотрудничество. Наверное, настала пора, когда историки должны перестать быть боевым оружием в руках власти, а историческая наука – играть роль мальчика на побегушках. Надо честно служить музе Клио.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чавчавадзе И. Нация и история. Избр. Произведения в 5-ти томах. Тб., 1987 (на груз. яз.). С. 165.
- ² Академик Эквтиме Такаишвили. Сб. статей. Тб., 1960 г. (на груз. яз.). С. 9.
- ³ Тоидзе Л. Интервенция, оккупация, насильственная советизация, фактическая аннексия, Тб., 1991 (на груз. яз.).
- ⁴ См., к примеру: Бендианишвили А. Первая Республика Грузии. 1918-1921. Тб., 2001 (на груз. яз.).
- ⁵ Чумбуридзе Х. Национально-освободительная борьба грузинского народа в начале XX века. 1918-1921 гг. Тб., 2003 (на груз. яз.); Вачнадзе М. Грузинская социал-демократия. 1905-1918 гг. Докт. диссертация (1998); Гурули В., Вачндзе М. История социал-демократии Грузии (1892-1918). Тб., 1999; Вадачкория Ш. Грузинская социал-демократия. 1917-1921 гг. Тб., 2002 (на груз. яз.); Швелидзе Д. Происхождение политических партий в Грузии. Федералисты. Тб., 1993; Его же. Партия социалистов-федералистов Грузии (1903-1917 гг.). Докт. диссертация (1998).
- ⁶ Гурули В. Политический портрет Ноя Жордания. Тб., 1999 (на груз. яз.).
- ⁷ Шубитидзе В. Политические взгляды Ноя Жордания. Тб., 2003 (на груз. яз.).
- ⁸ Швелидзе Д. Вот, кем является Варлам Черкезишвили. Тб., 2001 (на груз. яз.).
- ⁹ Джанелидзе О. Спиридон Кедиа. Политический портрет. Тб., 2002 (на груз. яз.).
- ¹⁰ Нишнианидзе Р. По ту и по эту сторону Грузии. В 2-х т. Тб., 2005.
- ¹¹ Окорочов А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 5.
- ¹² См.: Рцхиладзе В. Грузины под немецкими знамёнами во Второй мировой войне. Тб., 1994 (на груз. яз.). С.5-9.
- ¹³ История Грузии. XX век. Тб., 2003 (автором соответствующей главы является профессор В. Гурули, на груз. яз.). С. 151.
- ¹⁴ Натмеладзе М., Даушвили А. Новейшая история Грузии. С. 163, 167-168.
- ¹⁵ Сакартвелос республика. 2008, 7 ноября.
- ¹⁶ Бендианишвили А., Даушвили А., Самсонадзе М., Кокрашвили Х., Чумбуридзе Д., Джанелидзе О. Российский колониализм в Грузии. Тб., 2008 (на груз. яз.).
- ¹⁷ Натмеладзе М., Даушвили А., Джапаридзе М., Ценгуашвили К. Свообразие установления и укрепления тоталитарного режима в Грузии в 20-х годах XX века. Тб., 2008 (на груз. языке).
- ¹⁸ Очерк истории Грузии. Абхазия. Тб., 2007.
- ¹⁹ Инаугурационные речи президентов Грузии (1991-2004). Тб., 2007 (на груз. яз.). С. 3.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 28.
- ²² Там же. С. 39.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ

Государственный герб Республики Грузия

Составляющие Герба:

Цвет: на красной поляне серебристая (белая) фигура Святого Георгия, пронзающего дракона копьем. Над головой Хранителя Грузии – золотой нимб.

Красная поляна – символ мужества и силы.

Серебрянный (белый) – олицетворение святости.

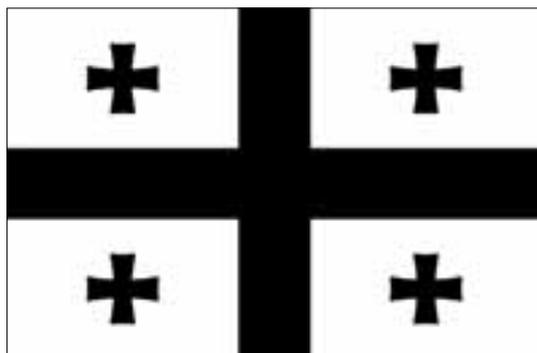
Венец – символ государственного суверенитета.

Золотые львы со щитом олицетворяют гордость, смелость, силу и великодушие и в месте стем это выражение власти над подданными.

Опора щита – золотая вязь лозы – традиционный грузинский орнамент, напоминание того, что Грузия – родина лозы.

Девиз – на красно-белой ленте боевой клич „Сила в единстве”.

Святой Георгий, поражающий зло – символ торжества справедливости.

Государственный флаг Республики Грузия

Исторически флаг Грузии называли „Горгаслиани и Давитиани”, в соответствии с именами грузинских царей Вахтанга Горгасали и Давида Строителя. Нынешний Государственный флаг Грузии впервые появился на морской карте Европы, составленной неким Анджелином Дулчери в 1339 году.

Описание флага: на серебрянном (белом) фоне большой прямоугольный крест, а по углам флага четыре малых креста. Они символизируют образ Спасителя и его апостолов-евангелистов.

Серебрянный (белый) цвет в геральдике является выражением святости, мудрости и невинности, а красный – мужества, храбрости, справедливости и любви.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ

Текст – Давида Маградзе

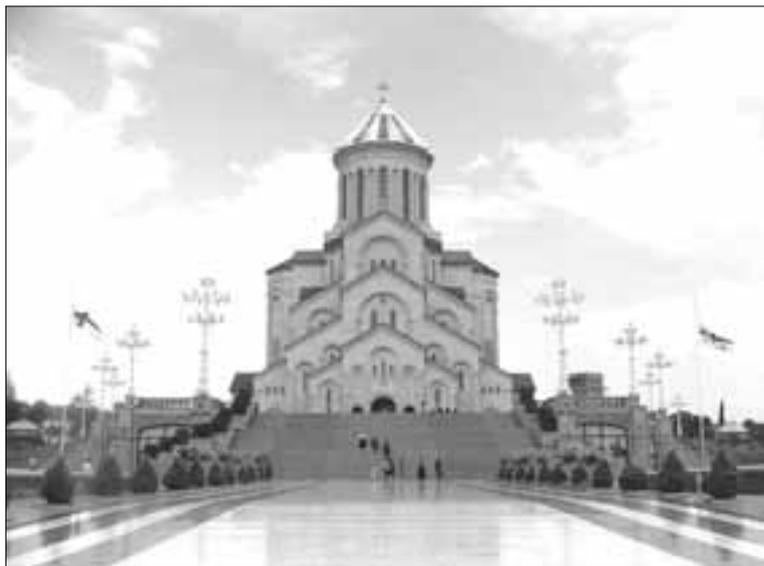
Музыка – Закария Палиашвили

Обработка – Иосифа Кечакмадзе

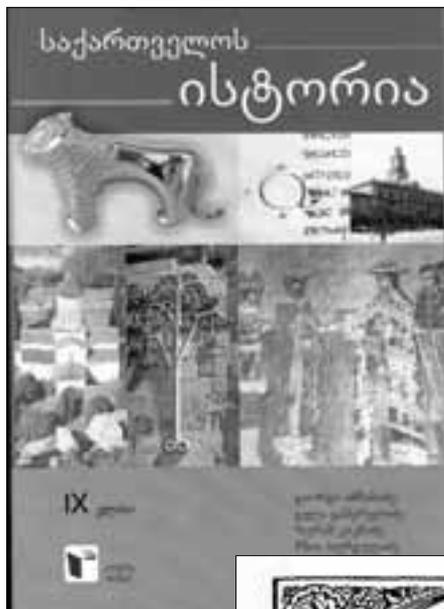
Cemi xatia samSoblo,
saxate mTeli qveyana,
ganaTebuli mTa-bari
wilnayaria RmerTTana.
Tavisufleba dRes Cveni
momavals umRers didebas
ciskris varskvlavi amodis,
da or zRvas Sua brwyindeba.
dideba Tavisuflebas,
Tavisuflebas dideba!

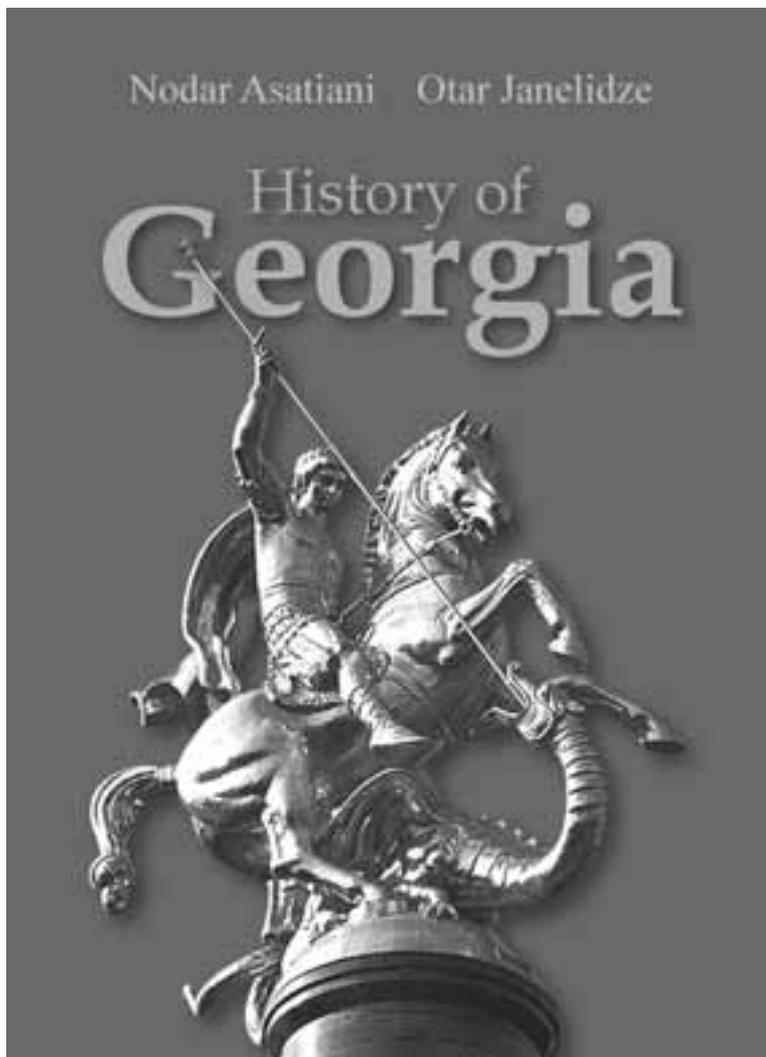
(перевод)

Иконой моею является Родина,
Иконостасом – весь мир,
Равнины и горы в лучах светозорных,
Господи, ти сотворил.
Песней свободы возносим величье
Славных грядущих времен,
Сольнце восходит над нашей землею,
Сверкая меж двух морей.
Слава Свободе, слава Свободе,
Свабода, слава тебе!

Храм святой Троицы в Тбилиси

В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА КАЗАХСТАНА: «ДИАЛОГ ПАМЯТЕЙ» ИЛИ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ»

Жанат КУНДАКБАЕВА

Нация, менталитет которой трансформируется в государстве в современных условиях, объединяется чувством коллективной идентичности. Важнейшим условием такой солидаризации выступает социокультурная память, формирование и поддержание которой является неотъемлемой частью национальной самоидентификации, а также важнейшей идеологической функцией государства.

1990-е годы в Казахстане прошли под знаком преодоления марксистско-ленинской методологии в исторической науке и критики тоталитарной системы. Историографический плюрализм, однако, не мешал пониманию необходимости создать «официальную версию истории» независимого государства. Отделение от «общей союзной истории» шло двумя путями: через преодоление комплекса кочевничества как синонима отсталости, варварства и переписывания нового и новейшего периодов истории.

Особое внимание уделялось вопросам становления государственности и этногенеза казахов. Многие историки старались доказать, что кочевую цивилизацию невозможно изучать на основе формационного подхода. Кроме того, характерной чертой историографии того времени было «продление собственной истории». В этот период создается и «галерея мучеников и героев», а также антигероев. Основными темами переписывания казахстанской истории стали: проблема присоединения Казахстана к России, национально-освободительная борьба казахского народа 30-40-х гг. XIX в., восстание 1916 г., деятельность национальной интеллигенции начала XX в.¹, деятельность партии «Алаш» и «Алаш Орды»², коллективизация в Казахстане и голод 1932-1933 гг., целинная эпопея. Расширилась источниковая база исследований – появились труды, написанные на основе новых архивных фондов, публикации, открывающие неизвестные страницы истории Казахстана – депортацию народов СССР в Казахстан и республики Средней Азии, репрессии 1930-1950-х гг.³

На рубеже 1980-х – 90-х годов XX в., когда национальные элиты многих советских республик находились под влиянием обретаемого суверенитета, основанного на идеях этнической государственности, Нурсултан Назарбаев заявил, что приоритетом его политики является сохранение гражданского согласия и равенства прав всех жителей республики. Это не было декларацией. Курс Н. Назарбаева обеспечил ему поддержку абсолютного большинства казахстанцев.

Основная канва исторического нарратива, сложившегося к началу XXI в., выглядела следующим образом: в центре Евразии жил свободолюбивый, гордый народ, имевший свои традиции и культуру, однако он был завоеван, а в дальнейшем идеологически подавлен другим народом, в результате чего утерял основные признаки национальной идентичности – язык, культуру, хозяйственный уклад. Теперь же появляются условия для национального исторического дискурса. Изучение прошлого Казахстана в новом изложении вводилось во всех вузах страны как обязательная учебная дисциплина для всех специальностей. Особый статус предмета подчеркивала форма контроля – государственный экзамен. В 1995 г. была принята концепция исторического сознания в Республике Казахстан, а чуть позднее 1998 г. Указом Президента был объявлен годом национальной истории. «Воссоздание объективной, свободной от конъюнктуры картины исторического прошлого Казахстана, что является основой возрождения исторической памяти народа, одним из важнейших факторов формирования национального единства, воспитания гражданственности и патриотизма»⁴ – в этом заключалась концептуальная база становления истории Казахстана как предмета исследований, так и изучения в школе.

Это определено и основными положениями Конституции, принятой на республиканском референдуме в августе 1995 г.: «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидавая государственность на исконной казахской земле, сознавая себя миролюбивым гражданским обществом, приверженным идеалам свободы, равенства и согласия, желая занять достойное место в мировом сообществе, осознавая свою высокую ответственность перед нынешним и будущими поколениями, исходя из своего суверенного права, принимаем настоящую Конституцию».

Говоря о национальной историографии периода независимости, директор института истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова МОН РК М. Мажитов, подчеркивает, что национальным историческим школам современности досталось непростое наследие прошлого. По его мнению, это обусловлено не только трудностями переходного этапа, но и неосознанными действиями историков, которые «возрождают национальную историю» «под видимым занавесом национальных интересов». Трактовка национальных интересов в устах руководителя академического института далека от этноцентризма: «Национальные интересы» как осознанное целое возникают и проявляются на стадии формирования самостоятельного гражданского общества и правового государства. Истинное величие, благополучие народа и государства заключаются вовсе не в возвеличивании себя и самоутверждении через достижения исторического прошлого. Историю можно переписывать тысячу раз, и она не престанет быть национальной. Другое дело, что историческое наследие через призму национальных интересов должно выражать совокупность социальных интересов разноуровневого характера. Поскольку последнее и есть основа формирования стратегии любого

государства, направленной на создание оптимальных внутренних и международных условий для развития своей нации. История нужна нации, которая является отражением двуединства общества и государства⁵.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Официальная национальная политика в Республике Казахстан не выделяет титульной нации и делает акцент на гражданстве и равенстве наций. Как показывает опыт прошедших лет, эта политика является наиболее оптимальной и эффективной в современных условиях Казахстана – государстве с полиэтничным населением. Поэтому в официальной риторике принято употреблять выражения «народ Казахстана», «История Казахстана». С самых высоких трибун говорится о том, что с первых дней независимости «в основу казахстанской идентичности был заложен принцип не этничности, а гражданственности», «что в политической лексике нашего общества, в СМИ не употребляется такое выражение как «национальное меньшинства»⁶.

В 2004 г. в ходе беседы с представителями национально-культурных центров Президент страны Н. Назарбаев вновь озвучил свою идею «формирования казахстанской нации». В мире есть немало примеров, когда многонациональный народ того или иного государства именуется не по этническому признаку, а по гражданской принадлежности. В общественной жизни данная проблема вызвала оживленную дискуссию. Неказахское население выразило опасения, не является ли идея «формирования казахстанской нации» скрытой формой ассимиляции. Предложение Президента вызвало неоднозначную реакцию. В последние годы общественность страны активно дебатировала по поводу президентской поправки – указывать в паспорте не национальную, а гражданскую этничность. Блиц-опрос показал, что к данной проблеме относятся неоднозначно и представители интеллигенции.

Так, например, Вице-президент Фонда политического образования Казахстана Берик Абдыгалиев говорит: «Казахстанец» – понятие гражданское. У нас же пока превалирует понятие об этнических корнях. Следовательно, несмотря ни на какие поправки, люди все равно будут отмежевываться, делиться. Так что пусть все остается, как есть, а указание «гражданин Казахстана» – это и есть то самое слово «казахстанец», что же еще необходимо?

Сабит Жусупов, известный политолог выразил согласие о приоритете гражданской идентичности перед этнической. Певица Айгуль Бабаева сказала: «Хоть кореец, хоть русский, он родился здесь, здесь живет, значит, он – казахстанец. Эта поправка не действует, наверное, пока только в нашей стране. Что тут такого? Главное, чтобы люди правильно это понимали, и ничего плохого тогда в этом не будет. Пусть в своем кругу, в семье человек считается представителем своей национальности, но по паспорту будет просто гражданином на-

шей страны. Ведь в Германии все люди по документам немцы, а мы, как вывод, все казахстанцы»⁷.

С января 2009 г. в массовом порядке гражданам Казахстана начали выдаваться новые биометрические паспорта. По информации агентства «Казинформ», гражданам страны за 9 дней были выданы 2,7 тысячи паспортов. Но это вызвало шквал негодования как со стороны депутатов Мажилиса (нижней палаты парламента Казахстана), так и со стороны избирателей. «Паспорт – это главный документ, и если в нем не указана национальность обладателя, то это просто глумление над его предками», – считает депутат мажилиса Б. Тлеухан⁸. В результате премьер-министр страны К. Масимов дал поручение министру юстиции Загипе Балиевой вернуть графу «национальность». А те, кто уже получил документы нового образца, смогут вернуть их для переоформления. Процедура, по словам З. Балиевой, займет около суток. Каких-либо дополнительных затрат со стороны граждан не потребуется.

Приведенный пример является свидетельством того, что ещё не сформулирована национальная идея, её главный принцип. Мнения разделились: от знака равенства между национальной идеей и казахской идеей⁹ до сведения национальной идеи к благополучию каждого человека, независимо от его национальной принадлежности.

Какое государство мы строим? Руководители Республиканского движения «Улт тагдыры»¹⁰ («Судьба нации») утверждают, что «демократическое государство на национальной основе». Известный культуролог А. Наурызбаева считает, что «мы не в праве говорить о казахости всей страны, а должны на высшую ступень актуальности выдвинуть гражданскую идентичность, гражданственность, т.е. выработку чувства принадлежности к стране Казахстан всех, независимо от национальной принадлежности, является важнейшей задачей. При этом она подчеркивает: «мы должны предложить миру свою культуру так, чтобы ее признали своей»¹¹.

Профессиональное историческое сообщество также не осталось в стороне от этих споров. Так, например, в современной историографии зримо выкристаллизовались два разных понимания что такое «национальная история» или «национальный историк». Так, одни отталкиваются от того, что народ Казахстана – это все жители страны, это общее название всех жителей Республики, независимо от их расового, конфессионального и иного статуса. Национальный историк, казалось бы, это человек по крови, языку, происхождению связанный со своим народом или ученый, живущий в пределах своего государства. Однако ни один из критериев не может быть решающим при отнесении того или иного историка к категории национальных. Наилучшие образцы национальной истории сегодня создали Т.И. Султанов, С.Г. Кляшторный, А.Ш. Кадырбаев, В. Трепавлов, Н. Бекмаханова, являющиеся гражданами Российской Федерации, а также И.В. Ерофеева, Н. Масанов, Ж. Абылхожин – казахстанцы. Неутомимая исследовательница казахского средневековья, Клавдия Антоновна Пищулина,

человек необычайной энергии и трудоспособности, является уроженкой далекой от Казахстана (объекта ее многолетних исследований) Воронежской области, её детство и юность прошли на Дальнем Востоке, но именно она внесла громадный вклад в изучение истории казахского народа, ее наиболее важных узловых вопросов¹².

Некоторые историки под национальной историей понимают сугубо историю казахского народа. Это видно из того, что многие видные историки-профессионалы, авторы фундаментальных трудов в своих выступлениях выражают несогласие с тем, что обобщающий труд по истории Казахстана называется «История Казахстана», «История Казахстана: народы и культуры». Они считают, что должно применяться название «История казахского народа».

Кто должен писать историю Казахстана? Макаш Татимов, учёный-демограф, член национального совета по государственной политике на научно-практической конференции «Россия и Казахстан» заявил: «Нашу историю может написать только наша интеллигенция. Я думаю, что мы в скором времени немножко оторвёмся от российской зависимости». Далее, обращаясь к Кляшторному, известному востоковеду, написавшему много книг об истории кочевников, М. Татимов добавил: «Даже Вы, являясь самым образцовым историком, ещё не вырвались из этого плена (этноцентризма). Самый лучший историк, с моей точки зрения, это Гумилёв, я преклоняюсь перед ним. Я призываю Вас быть верным традициям именно великого ученого Гумилева, а не Солженицына. Мы должны думать именно таким образом»¹³.

Таким образом, здесь национальная история трактуется как история этнической мобилизации, если под ней понимать теорию, идеологию, борьбу народа за свои национальные интересы и приоритеты, под которым чаще всего подразумевается создание национальной государственности¹⁴.

Тем не менее, поскольку в официальной национальной политике не предусматривается титульной нации и сделан акцент на гражданство и равенство наций, в Государственных образовательных стандартах принята форма «История Казахстана».

Сложившаяся ситуация, когда память различных групп социума притягивает на внимание всего общества, требует, наконец, рассмотреть ту версию истории, которую считают достоверной, что побудило государство искать мост между историей и памятью. Связь между традиционными формами передачи и сохранения памяти с конструированием национальной идентичности стала очевидной. Историкам было предложено включиться в поиск национальной идентичности. Поиск этот был неразрывно связан с осмыслением феномена памяти, которая живет по своим законам и, по сути, враждебна истории. Память менее всего озабочена выявлением объективной истины, подкреплённой источниками, и в любой момент готова подмять под себя историю, «меморизировать» ее (думаю, историографические процессы на постсоветском пространстве хорошо иллюстрируют этот тезис).

Но и научная история, подвергающая прошлое беспощадному критическому анализу, убивает память. Чтобы разрешить эту коллизию, историк должен работать как профессионал, прослеживая процессы, происходящие с памятью, осторожно модифицируя ее в соответствии с данными науки, и тем самым трудиться над уточнением национальной идентичности, сообразуя ее описание с изменившимися условиями.

В условиях, когда прошлое становится слишком зависящим от императивов настоящего, была поставлена цель вернуть память под контроль историков. В последние годы была принята концепция, которая опирается на понятие места памяти Пьера Нора¹⁵. В ее основу было положено понятие «patrimoine» – «национальное культурное достояние», в значении общего достояния, как субстрата национальной идентичности. Речь идет о государственной программе «Культурное наследие»¹⁶.

По мнению Главы государства, эта программа должна стать крепким основанием общенациональной консолидации. На новом этапе строительства суверенного государства необходимо, чтобы народ консолидировался вокруг идеи национального развития, а историческое наследие стало основой единства народа и целостности страны.

Выступая перед участниками программы «Культурное наследие», Президент определил ее направление – примирить память и научную историю. Местами памяти для казахстанцев должны стать, по его мнению, такие археологические памятники, как Иссыкские курганы, Берель, Туркестан и Отрар, Улытау и Сарайчик, которые были названы «золотыми сокровищницами нашей государственности», «священными символами и священными местами, консолидирующими народ». Важно продумать способы утверждения их в качестве национальных символов.

Места памяти, определенные программой, должны стать основой для развития культурного туризма, а также музеефикации. Территорию Казахстана необходимо представить миру как основную ветвь Великого шелкового пути, создать систему конкретных маршрутов и профессионально заняться осуществлением этого проекта. Президент поручил Правительству составить Генеральный план, определяющий развитие музеев-заповедников на туристических маршрутах.

Другим направлением, по мнению Президента, должна стать международная пропаганда мест памяти в контексте общемировых культурных ценностей, через создание «высококачественных и содержательных документальных фильмов с представлением их по мировым телеканалам, таким, как «Би-би-си» и «Дискавери», а также посредством международных научно-теоретических конференций и организации выставок за границей. Конечной целью этих проектов должно стать признание нашего культурного наследия общемировым достоянием.

Важнейшая задача – включение систематизированных сведений, полученных по результатам реализации программы «Культурное наследие», в учебники

и учебные программы средних и высших учебных заведений. Преподавание истории должно включать ученика в национальное наследие и культуру, формируя у него осознанную память, которая даст ему возможность самоидентификации¹⁷.

Таким образом, через широкомасштабную государственную программу «Культурное наследие», государство предлагает рассматривать историю Казахстана сквозь призму символического наследия национальной памяти. Такой подход ставит в центр исследований не факты прошлого в их хронологической последовательности, а символическое значение прошлого для современности. В центре внимания не только исторические события, но и памятники, идеи, феномены культуры, играющие важную роль в формировании идентичности наших граждан. При таком подходе, прошлое приобретает иной смысл, оно становится более рельефным. Кроме того, мысль о владении богатым и уникальным культурным наследием является более гуманной консолидирующей идеей, чем мысль о принадлежности к нации, которой уготована великая историческая миссия¹⁸.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТРАНЫ

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности государства стали и национально-государственные символы. По-прежнему одно из центральных мест среди символов занимают государственные символы – флаг, гимн и герб. По словам российского исследователя В.А.Шнирельмана, «процесс формирования новой национальной символики в ходе процесса суверенизации – выработка флага, герба, гимна, введение общенациональных ритуалов и праздников, создание списков героев и врагов» отражает «представление народа или, что правильнее, его элиты, о его месте в мире и о тех ценностях, которые он разделяет и которыми руководствуется в своей жизнедеятельности». Так, по его мнению, «в современном гербе Казахстана, где на фоне синего неба изображены крылатые корни и шанырак – круговое навершие купола юрты с перекрещивающимися там тройными жердями» заключена идея – стремление продемонстрировать свою неразрывную связь со степными кочевниками и их трехчленной жузовой социальной организации. «Для казахов кочевой образ жизни является важнейшим компонентом этнической идентичности и символом национальной культуры и истории». Ярким элементом этногенетического мифа, запечатленного в казахском гербе, является изображение крылатых коней, взятое из древнеиранской традиции. Шнирельман подчеркивает, что современные казахские государственные символы сознательно дистанцируются от мусульманской символики и стремятся делать акцент на общечеловеческие ценности. Склонность казахстанской символики к общечеловеческим ценностям учёный объясняет тем, что современный Ка-

захстан относит к числу своих достоинств промежуточное положение между Азией и Европой, и в государственной идеологии тяготеет к евразийской идее. Государственная символика оказывается нагруженной глубоким смыслом и подчеркивает то, каким данному народу видится его место в мире, и в каком образе он хотел бы предстать перед мировым сообществом¹⁹.

В последние годы в репрезентативной практике государства появились новые символы. Так, юбилей новой столицы Казахстана г. Астаны²⁰ стал торжеством, большим празднеством, который позволил всему миру сказать, что в самом центре Евразийского материка возник современный город, символизирующий эпоху независимого Казахстана. Новая столица Казахстана связала Европу и Азию, представляя собой диалоговую площадку между Востоком и Западом, Севером и Югом. Астана – город символ: расположенный между Азией и Европой, является отображением евразийской сущности государства.

По инициативе Президента в Астане создано уникальное сооружение, которому нет аналогов в мире – монумента «Астана-Байтерек». Возвышаясь над новой столицей Казахстана, памятник своей красотой и величием стал архитектурным символом нового этапа в жизни казахстанцев, символом Астаны, символом Казахстана. Своим расположением и композиционным строением он выражает космогонические представления древних кочевников. В нем символично всё – и золотое солнце в короне, и высота в 97 метров, и внутренняя архитектура, разделенная на три зоны и олицетворяющая три основы мироздания. Демонстрацией религиозной толерантности, доброй воли и светскости Казахстана стал Дворец мира и согласия. Казахстанский храм, которому нет аналогов в мире, выглядит как одна большая площадка для конструктивного диалога. Культовое сооружение выполнено в виде твердой и граненой пирамиды – символа незыблемой вечности. А поддерживают всё это великолепие четыре мощные опоры — символические «руки мира»²¹. Это здание является своеобразным символом межнациональной и межконфессиональной стабильности, дружбы народов Казахстана.

Репрезентацией Казахстана служит не только национальная символика, но и новые денежные знаки. Так, если первые деньги были связаны с историческими личностями, и основной акцент делался на суверенность страны (тогда это имело историческое обоснование, политическую подоплеку, присущую тому периоду: возврат к истокам, корням). Сейчас Казахстан выходит на новую траекторию развития. Новый дизайн банкнот, наряду с решением технических задач, сохраняет национальную идентификацию и отражает мировые тенденции. Так, в денежных знаках нового образца был использован символ нового государства – Байтерек. Символ отвечает стратегическим целям Казахстана – вхождению в число 50 конкурентоспособных стран мира — и обозначает траекторию устойчивого развития. Другой символ – изображение открытой руки свидетельствует об открытости, доброжелательности и, по замыслу авторов, показывает, что Казахстан — страна, открытая миру. Таким образом, денежные

знаки нового образца – это не только высокая степень защиты, но и презентация современного образа Казахстана.

А в юбилейных монетах, нашла яркое наглядное подтверждение связь с древним прошлым.

ПАМЯТЬ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

В историографии Казахстана зримо позиционировались две тенденции. Они ориентированы на разное понимание смыслов и способов исторического познания, асимметричные исследовательские процедуры и практики: модернизированный и традиционалистско-маргинализированный. В основе первой парадигмы лежит стремление к научно-рационализированному знанию. Второй дискурс – продукт своеобразного манихейства от науки. Здесь присутствует смесь претензий на научность и откровенной мифологизации²².

Для современного казахстанского общества характерно синхронное существование мифов различных эпох. Это неудивительно, если учесть, что поле казахской идентичности утратило гомогенность, произошли мощные социокультурные разломы, постепенно кристаллизующиеся в разные субкультуры, идеологические течения институционального и неформального толка, в основе которых – дифференциация типов мышления, отношения к прошлому и современным реалиям.

Официальный и неофициальный ислам, суфизм, идеология «евразийства»²³, традиционалисты²⁴, течение городского русскоязычного населения²⁵ – вот неполный перечень основных идеологических течений в современном казахстанском обществе.

Цивилизационный сумбур приводит к тому, что в массовом сознании смешиваются в невообразимую смесь мифологемы²⁶.

Основные мифы национальной историографии стали предметом всестороннего анализа в монографии «Научное знание и мифотворчество»²⁷. Мифотворцами выступают как люди далекие от науки, так и профессиональные историки. «Историки-любители ограничиваются исключительно внешне обнаженными, нередко обманчивыми срезами событийной канвы. Их поиск уже изначально запрограммирован на выискивание схожих созвучий в ономастике или топонимике, в различных этнонимах, внешних аналогиях»²⁸. Так, например, кандидат технических наук К. Данияров выводит этимологию казахского рода найман от немецкого слова нойман²⁹. Е. Омаров, кандидат физико-математических наук, этноним кипчак выводит как производное от сложения «скиф»+ «сак». Вождя гуннов Аттилу, по его утверждению, казахи считают своим предком. Еще дальше в попытках удревнить историю казахов пошел Асан Бахти, который в своей объемной книге «Шумеры, скифы, казахи. Древняя история происхождения тюрков», делает вывод: «история казахов корнями уходит в древний Шумер».

При этом главным аргументом в пользу своей версии созвучие слов «саг-сиг» (которым шумеры называли себя) и «кас-сак» (как называли себя казахи)³⁰.

Доктор геолого-минералогических наук А. Байбатши совершил «антропологическую революцию 2003 г.», а именно: «люди (гоминны) возникли в одинаковое время в трех независимых друг от друга очагах – на востоке Африки, на юге Индокитая и в Казахской степи (2 млн. лет назад)». Он не только дал человечеству еще одну праматерь – Казахскую степь, но и казахскую этничность усмотрел уже в древних насельниках эпохи бронзы и раннего железа. Таким образом, эти «историки» стихийно становятся на сторону примордиалистской интерпретации этничности, трактующие его как врожденный инстинкт. «Казахстан – эпицентр всемирно-исторического процесса» – еще один постулат, выходящий из-под пера мифотворцев – неисториков.

Но тревожные тенденции можно увидеть и в работах дипломированных историков. Например, в учебном пособии для вузов и средних учебных заведений А. Кузембайулы и Е. Абилай, которое переиздавалось семь раз. К негативным тенденциям можно отнести удревнение истории казахского общества, казахской государственности и этногенеза, расширение ареала культуры казахского народа за счет этнической приватизации всего того, что имело отношение к истории всех тюркских и монгольских народов, метод констатации случайных созвучий различных названий (древние уйсунь-казахские уйсунь). Этнистские конструкции характерны и для другого автора учебного пособия (четыре раза переизданного) А. Абдакаимова³¹. Расхожим мифом, который имеет хождение в казахстанском обществе, является миф о «пятитысячелетней временной протяженности Казахского государства», созданного не позже III тыс. до н.э.³².

При изучении периода XVIII-XX вв. – времени пребывания в составе Российской империи – центральными являются темы врагов (джунгары, Российская империя), выдающихся личностей (например, руководители восстаний, батыров, возглавивших борьбу с джунгарами или руководившими восстаниями против Российской империей), героизации прошлого, галерея казахских ханов с биографическими очерками. Процессу мифологической репрезентации были подвергнуты ханы Абулхаир, Абылай. Основная линия мифов этой эпохи – «Российская империя надолго лишила казахов независимости».

Мифами советской эпохи стали: неоимперские амбиции советского государства (тезис о сырьевом характере экономики), поиск героев (Л. Мирзоян, алаш-ординцы) и антигероев (Ф. Голощекин), тезис о тождественности политики российского самодержавия и советского государства по деривации этничности и подавлению национального самосознания.

Ответом на запрос казахского общества стало появление научно-исторического центра Алаш. В своем интервью известный казахстанский историк, профессор Талас Омарбеков озвучил смысл этого проекта. Его главной задачей является определить исторические корни 45 родов и племен, вошедших в состав казахского этноса. Проект предусматривает написание 92 томов по

истории родов и племен, вошедших в состав казахской народности³³, а также популяризацию своих идей через историко-этнологический журнал «Алаш». Однако дело не только в углубленном изучении проблем этногенеза казахской народности, но и концептуальном повороте в осмыслении национальной истории. Как следует из интервью, «вся предшествующая историография – это политическая история, а мы должны отталкиваться от этнической истории». Венцом проекта, по его словам, будет написание 20-30 томного обобщающего труда по истории Казахстана, который будет называться не «История Казахстана», а «История казахов»³⁴.

В Интернете появился необычный сайт³⁵, предназначенный «для казахов и тех, кто интересуется их историей». В преамбуле к сайту читаем: «Из глубин веков наш народ ведет красивую традицию – передача детям информации о своем происхождении. Считалось обязательным помнить семь поколений своих предков (жеті ата). Создан сайт – летопись, объединяющий массы семейных генеалогий в Единое Шежире Казахов – elim.kz. Появляется инструмент освящения старинного обычая, его развития и продолжения его в далекое будущее. На его основе создается абсолютно новый способ ведения истории, автором, которой становится сам народ. Сайт – это так называемое Шежире (родословная, генеалогия казахских родов) – действующая коллективная летопись, в которую вошло и продолжает набираться множество книг, рукописей, таблиц известных и неизвестных авторов.

Уже сейчас эта летопись по объему превышает все известные издания. Во вступительном слове здесь, в частности, говорится: каждый казах, знающий хоть что-то о своих предках, должен позаботиться о своих потомках и подготовить для них свою информацию о своем происхождении. Для этого создана и развивается совместная реставрация общего Шежире, которая позволит каждому найти недостающие цепи и воссоздать то, что ему рассказывали в детстве. Предлагаемая летопись объединяет все родословные казахов – шежире – по временному признаку в виде компьютерной летописи.

Научное представление о существовании у казахов родоплеменной структуры общества, о знании казахами своих предков до седьмого колена выразил известный казахстанский ученый Н. Масанов: «...Кочевое хозяйство было максимально адаптировано к природным условиям. Чтобы выжить в экстремальных условиях дефицита воды в летний период, крайнего холода, доходящего до 40 градусов зимой, резких суточных перепадов температуры, каждый кочевник должен был иметь, как минимум, две квалификации: скотовода и собственно кочевника. То есть уметь ориентироваться в пространстве, предугадывать направление ветра, время атмосферных осадков, знать особенности произрастания растительного покрова, находить воду в безводной пустыне и многое-многое другое. Эти две квалификации можно было получить только от отца и деда. Отсюда и статус человека. Сироте такую информацию никто бы не дал, а значит, он был обречен либо на гибель, либо на зависимость. Именно поэтому

у казахов существовали генеалогический принцип родства и, как следствие, родоплеменная система»³⁶.

Хочется разделить оптимизм, прозвучавший в словах видного российского востоковеда Т. Султанова о том, что четырехвековое существование жузовой структуры оказало столь сильное воздействие на этническое самосознание казахского народа, что и сейчас не только сохраняется в памяти каждой казахской семьи, но и влияет на повседневную жизнь казахов. Несомненно, однако, что в недалеком будущем определяющая роль останется за общенациональной идентификацией, а клановые и жузовые привязки постепенно станут достоянием исторического прошлого³⁷. Однако появление интернет-сайта, создание научно-исторического центра, консервирующие эти структуры вселяет некоторые опасения. При этом печальным фактом является проникновение мифов в массовое сознание и образовательный процесс. Адресованные массовой аудитории, мифы не нуждаются в серьезных аргументах и легко проникают в сознание через телевидение, кино, популярную и учебную литературу. Например, Волкова Т.П. – к.и.н., профессор, декан факультета Социальных наук Казахстанско-Немецкого университета (г. Алматы, Казахстан), анализируя, насколько формируют чувство толерантности казахские учебники, в качестве примера приводит домашнее задание для учащихся 5 классов – «составить список своих предков до седьмого колена», которое в силу социокультурных особенностей возможно в основном только для казахских детей³⁸.

Итак, историки всё чаще берут на себя функции «распорядителя национальной памяти», способы воздействия многообразны: от преподавания, изменения школьных программ и популяризации научных исследований (отдельного внимания заслуживает успех популярного журнала «L’Histoire», с 1978 г. неуклонно нарастающего тиражи) до различного рода исторических праздников и комемораций, использования медийных средств и выступления как эксперта на судебных процессах. Но главное не в этом. Кошмар взаимного разрушения памяти и истории может перестать восприниматься как кошмар. Те или иные формы давления существовали, и будут существовать, но если ты отдаешь себе отчет в их существовании, то это уже важный шаг в сторону свободы. Важно также, что сами историки в большинстве своем не только осознали сложность взаимодействия памяти и истории, но и пытаются приучить к этому общественность. Однако подмена реального прошлого, похоже, все начинает вызывать ответную волну протеста. Одно из свидетельств этому критический анализ новейших тенденций в сфере мифологизации истории Казахстана в книге «Научное звание и мифотворчество в современной историографии Казахстана». В своей книге ведущие ученые Казахстана Н.Э. Масанов, Ж. Абылхожин, И. Ерофеева³⁹ подвергли серьезному анализу вопрос, каким образом «постсоветские мифологические реконструкции далекого и относительно недавнего прошлого» влияют на массовое историческое сознание современного казахстанского общества. В издании характеризуются группы носителей мифов, рас-

считается степень проникновения их в учебно-образовательный процесс. Особую ценность монографии придает то, что авторы на конкретных примерах показывают принципиальное отличие научного (рационально аналитического и понятийно-логического) знания и мифологических историографических схем, а также определяют наиболее перспективные направления новых научных исторических исследований.

В борьбе с мифотворчеством нужны последовательные и системные шаги всего научного сообщества историков. Можно опираться на пример Франции, где работа по постоянному пересмотру «национального исторического мифа» стала уже привычной и выставляемой на обозрение самых широких кругов читателей. В 2005 г. появилась книга «1515 et les grandes dates de l'histoire de France revisitées par les grands historiens d'aujourd'hui / Sous la dir. d'Alain Corbin». Она построена на основе списка памятных дат французского национального мифа: воспроизводится картинка из школьного учебника начала XX века и краткое резюме из того же учебника, а следом дается комментарий современного историка, показывающего, как сегодня наука трактует это событие.

ЛОВУШКИ МИФОЛОГИЗАЦИИ ПРОШЛОГО

В мифологической трактовке подаётся в современной исторической литературе и образ Российской империи. С её политикой связывается потеря независимости, прерывание поступательного развития государственности. В казахстанских учебниках в неявной форме проявляется тенденция представлять Россию как «завоевателя». Что касается двухсотлетнего пребывания в составе Российской империи, то оно трактуется как событие, оказавшее сугубо негативное влияние на развитие Казахстана. Сложившийся у большинства историков образ Российской империи как врага, репродуцируются в массовых масштабах в историческое знание и образование, что не может вызывать тревогу. В этой связи уместно процитировать известного эксперта Радика Темиргалиева: «Все бы ничего, да только вот в отличие от сказок о казахском происхождении Чингисхана, необъективная интерпретация истории Казахстана XVIII-XX вв. может, во-первых, грозить обострением отношений между двумя главными этносами страны, во-вторых, привести к историографическим разборкам на уровне государств».⁴⁰

В своём объяснении концепции учебника истории для 5 класса, как учебника нового поколения (введён с 2007 г.), упоминавшаяся уже профессор Т.П. Волкова⁴¹ подчеркивает, что главной определяющей всей истории Казахстана является «длившееся столетиями колониальное прошлое», которое, как следует из текста, окончилось только в XXI в., то есть с наступлением независимости. В описании сложного процесса принятия частью казахских родов российского подданства, образ России предстаёт в виде коварного государства: «Россия решила воспользоваться положением казахов в своих политико-экономических

целях»; «используя присягу казахских правителей на верность, Россия под предлогом защиты казахов от внешней угрозы начала захватывать земли для строительства крепостей и поселения на них русских казаков. Земли для перекочевков стали уменьшаться день за днем». Причём речь идет о середине XVIII в., когда проникновение России в казахскую степь было еще минимальным.

Образ России-колонизатора экстраполируется и на Советский Союз. И уже он предстает перед пятиклассниками в виде некоего монстра: «Советское правительство конфисковало весь скот казахов, таким образом, намеренно подвергнув народ голоду, и до последнего наблюдало, как гибнут люди. С помощью оно не торопилось. Советскому Союзу не нужен был казахский народ со своей землей и скотом, сюда хотели переселить другие народы и разбить здесь лагеря». Стоит ли говорить, что при чтении текста такого содержания наряду с сопереживанием трагедии своего народа возникает образ врага, что может стать плодотворной почвой для различных фобий, в том числе и ксенофобии.

В учебнике «Новейшая история Казахстана» для 9 класса под общей редакцией проф. Б.Г. Аягана написано, что «укрепление тоталитарной системы в Казахстане связано с именем Ф. Голощекина» и тут же недвусмысленно подчеркивается, что его настоящее имя – Шая Ицкович. Именно ему приписывается уничтожение практически всей казахской интеллигенции. В учебнике Б. Аягана утверждается, что «Голощекин с согласия Сталина выбрал те методы коллективизации, которые не могли не вызвать полный развал казахского хозяйства и фактическое вымирание целого народа. Так был взят курс на широкомасштабный геноцид». На освободившиеся земли, по мнению Б. Аягана, должны были быть переселены рабочие из Центральной России и Украины. Совершенно непонятно, откуда взято такое утверждение и, тем более, зачем нужно было приводить его в школьном учебнике.

В учебнике «История Казахстана» для 11 классов общественно-гуманитарного профиля представлен период истории Казахстана с XVIII в. по настоящие дни. Согласно концепции авторов учебника, основное содержание этого периода вплоть до 1991 г. составляет «национально-освободительная борьба казахского народа на пути к независимости». Эта формулировка, кстати, является названием первого раздела учебника и подразумевает сначала борьбу против имперской власти России, а затем и СССР. С самого начала подчеркивается именно этническая составляющая российской власти. Прямо заявлено, что «национально-освободительная борьба казахского народа рождалась при столкновении двух цивилизаций, двух этнических систем». Соответственно определены и три периода национально-освободительного движения в Казахстане: 1. конец XVIII – середина XIX вв.; 2. начало XX в., восстание 1916 г.; 3. период Советской власти. Надо сказать, что без приведения элементарных фактов и аргументов делается весьма категорическое заявление: «приведенные фактические материалы и выводы свидетельствуют о сложном пути национально-

освободительного движения казахского народа и о том, что даже тоталитарный режим не смог подавить стремление его к свободе».

Задача авторов учебников состоит не только в том, чтобы донести до учащихся информацию о событиях далекого или близкого прошлого, но и так ее интерпретировать, чтобы у учащихся не возникло соблазна отождествить современное государство с мотивами и действиями его одноименного предшественника в прежние времена. Или того хуже, искать в событиях истории аргументы для обвинения своих сограждан иной этнической принадлежности в грехах их предков. Сделать это возможно через подробные комментарии, в которых необходимо объяснить конкретно-историческую природу тех или иных явлений, избегая недомолвок или умолчаний⁴².

ПОЛОТНО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В НОРМАТИВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В самой сфере исторических исследований сегодня происходят кардинальные изменения, одним из проявлений которых является расширение предметной области истории, что влияет не только на постановку проблем, но и способы их решений. Историки начинают использовать методы и результаты всего спектра гуманитарных дисциплин. В то же время научному сообществу свойственен интеллектуальный изоляционизм и консерватизм. Те же имперские сюжеты затрагиваются в контексте проблем национального строительства и служат внешней иллюстрацией тезиса о внешних факторах, мешавших этому строительству. Правда, тексты об имперском периоде в казахстанской историографии не имеют пока политического подтекста.

В новейших исследованиях изменилась, прежде всего, трактовка понятия «империя». Оно стало употребляться в более широком смысле, без оценочных суждений, в качестве категории, описывающей особый политический организм, характеризующийся династическим политическим режимом, сложно-составной структурой, особой системой управления. Исследователи, которые опираются на данное понятие империи, акцентируют внимание на таком факторе как обширность территории. Они предлагают рассматривать империю как систему, которая состоит из имперского центра и регионов. Это позволяет не абсолютизировать этнические и национальные факторы. Таким образом, предлагается изучать процесс вхождения в состав империи регионов, а не народов. В соответствии с этим в Казахстане можно выделить Северный Прикаспий, Восточный Прикаспий, Степной край, Туркестан.

Ранее в историографии вхождение народов в состав империи рассматривали как краткосрочный процесс. Анализ литературы показал, что превращение национальных окраин в регионы России изображается как политический, а не социальный процесс. Больше внимания уделялось истории военных действий, дипломатических отношений. «Конструктивные аспекты российской экспан-

сии» (определение А.Каппелера) изучены с позиции экономического детерминизма или сугубо с точки зрения формационного подхода, выраженного в формуле «минуя капитализм к социализму». Однако за пределами исследовательского поиска остаются проблемы изменения социокультурного облика трансформируемых обществ, которые состояли не только в смене форм хозяйствования (часто это изображалось как насильственное оседание кочевников), цивилизационного вектора, но и культурного облика общества, ценностных установок и норм поведения людей. Учёт всего этого углубит понимание формирования имперского политического пространства и позволит прийти к выводу, что навязанная Россией модель цивилизации, культуры и системы ценностей, в конечном итоге цементировало его. Долгое существование Российской империи – это не только результат действия военной силы, но и принятие людьми культурных ценностей империи. Какими же средствами, кроме военной силы, удавалось удерживать народы в составе империи? В ответе на это вопрос недостаточно исторических методов, надо обращаться к методам других наук: исторической политологии, социологии. Очевидно, что одним из средств удержания народов было то, что Россия навязывала народам окраин имперские идеи, приобщала к имперской политической культуре, умело используя аудиовизуальные, сенсорные каналы восприятия. Другим способом удержания народов было изменения образа жизни. Исподволь, Россия навязывала кочевым народам окраин хлебную пищу, включив зерно и муку в состав жалования знати. Россия планомерно приучала кочевников к городскому образу жизни, устраивая пышные приемы знати в городах. Результаты незамедлительно сказались. Уже через несколько лет казахская знать начала возводить усадьбы, обустраивать стационарные места проживания, обставлять дома по европейскому образцу.

Правительство гибко использовало различные методы воздействия, направленные на вовлечение казахской знати в зону имперской коммуникации. Раньше в литературе взятие в аманаты (заложники) детей казахских ханов трактовался только как средство давления. Между тем в российском Архиве Внешней политики Российской империи обнаружены многочисленные документы, которые показывают, что впоследствии такие дети, воспитанные в инокультурном окружении, стали проводниками нового образа жизни и имперских идей.

Большую роль в вовлечении казахов в зону имперской коммуникации сыграли деятели местной администрации. Их в литературе обычно называли деятели колониального аппарата, низводя тем самым их роль к репрессивным механизмам. Между тем, документы показывают, что опытные чиновники, оказавшись на далекой окраине, быстро уловили национальные особенности казахов и использовали эти знания для установления контакта. Так, например, увидев особое отношение казахов к застолью, обычай гостеприимства, они не скупались при встречах на обильное угощение. За столом они умело вели беседы с имперским подтекстом, «приохачивали к хлебной пище», искусно сервировали стол, используя столовое серебро, красивую посуду, столы, стулья.

Правительство приобщало казахское население к имперской идее через политические тексты. При этом использовались не только смысловая нагрузка текстов, где было сильно выраженное имперское начало, но и визуальный потенциал. Документы показывают, что правительство не скупилось на изготовление грамот. Обычно грамоты и патенты обильно украшались золотом. Султанам и старшинам часто дарили именные сабли за подписью императора, богато инкрустированные золотом и драгоценными камнями. При проведении церемоний вывешивался портрет императора, обложенный алмазами. Таким образом, используя различные сенсорные каналы восприятия постепенно формировалось у казахов чувство причастности к империи.

Внимание к этим лишь некоторым примерам нового подхода к истории русско-казахских отношений в имперский период позволяет отойти от однозначных оценок политики Российской империи. Немалую роль в этом играет обсуждение понятий, которые обозначают процесс включения народов в состав империи. Представляется, что наиболее адекватно отражает сложность, многогранность процесса вовлечения народов окраин в имперское пространство понятие «имперская интеграция». Под этим понятием ряд казахских историков подразумевает процесс территориального освоения и подключения народов в административно-политическую систему Российской империи как мирными, так и насильственными способами.

Краеугольным камнем национального исторического нарратива последних лет является интеграционная теория «нового евразийства», выдвинутая Н.А. Назарбаевым.

Академическое направление в историографии представлено работами сотрудников института истории и этнологии ИОН РК. Особый путь цивилизации и новая концепция истории государственности Казахстана – две проблемы, которые находятся в центре внимания этого института. Первая из таких тем — это вопрос о роли кочевой цивилизации в мировой истории. Политическая подоплека исторических сочинений и историко-публицистических эссе на эту тему — доказать европейцам, что кочевничество — это особый путь развития цивилизации в определенных условиях и нельзя смотреть на культуру кочевников как на недоразвитую, по сравнению с европейской. За этим положением просматривается желание предстать в глазах мирового сообщества и ближайших соседей не в привычной роли «младшего брата» под патронатом России/СССР, а в качестве самостоятельного субъекта исторического развития.

Этой сюжетной линии подчинено научное направление – исследование народного искусства казахов. Многоплановое исследование народного искусства казахов представлено как уникальное по своей синкретической природе культурно-историческое явление. Истоки феномена уходят в глубокую древность, а становление тесно связано с развитием кочевнического способа производства в степях Евразии, оформление традиционных видов его продиктовано особенностями хозяйственно-культурной деятельности средневековых скотоводов,

обусловлено практическими, идеологическими, художественными потребностями кочевого общества казахов и их предков. В результате последовательного генезиса традиционное искусство оформилось как целостная система зримых художественных ценностей с яркими этническими признаками⁴³

Новая концепция истории государственности Казахстана основана на том, что казахская государственность эволюционно развивалась от тюркских образований на территории Казахстана (тюркешской, карлукской, кипчакской ветвей), до первого государства на этнической территории Казахстана – Ак-Орда, у истоков которой стояли Джучи-хан и его старший брат – Орда. А Казахское ханство, образованное Жанибеком и Гиреем в 1465 г. было прямым продолжением и преемником Ак-Орды в ее новом качестве⁴⁴. Основы данной концепции впервые были определены Пищулиной К.А., ведущим научным сотрудником ИИЭ, в монографии «Юго-Восточный Казахстан во 2-ой половине 14– начале 16 вв.» (1997). Именно Ак-Орда, государство Чингизидов Орда-Ежена, Урус-хана и их потомков имеет непосредственное отношение к казахскому ханству⁴⁵.

В 2003-2005 гг. ИИЭ разработало программу фундаментальных исследований «Казахстан в историческом пространстве Евразии: опыт государственного и социокультурного развития», охватывающей XV-XX вв.⁴⁶ (руководитель – К. Зардыхан).

В число активно разрабатываемых проблем отечественной историографии входят также исследования национально-освободительной борьбы казахского народа XVIII-XX вв., представленной как линейная и непрерывная цепь восстаний от XVIII до XX в. Речь идёт о выступлениях против колонизаторской политики царизма и за восстановление казахской государственности в XVIII– начале XX вв., сопротивлении народа в 20-30-х гг. XX века насильственной модернизации казахского общества. На основе новой документальной базы, ставшей доступной благодаря открытию архивных фондов, в том числе следственных дел многих известных государственных и общественных деятелей, представителей культуры, показывается, что в их действиях присутствовали элементы оппозиционности антинародной политике режима, особенно в связи с коллективизацией в 30-х гг. XX века. Деятельность участников алашского движения в 20-х гг. XX в. также характеризовалась оппозиционностью к советскому режиму, свидетельством чему служат материалы следственных дел, в которых представлено участие в подпольной антисоветской борьбе и связь с зарубежными представителями эмиграции Г. Биримжанова, Ж. Буралкиева и других⁴⁷ (под руководством К. Нурпеисова., М. Койгелдиева., К. Алдажуманова).

Продолжаются исследования и в области проблем этногенеза и этнической истории казахского народа. Этническая история казахов изучалась системно, на основе дерматоглифики, этнологического исследования традиционного казахского искусства и антропологических исследований. Они нацелены на доказательство об относительной гомогенности и монолитности антропологического состава казахской популяции в целом⁴⁸. Тесно связано с историей

государственности на территории Казахстана исследование материалов эпистолярного и генеалогического характера. Выявлены, реставрированы и изучены оттиски личных печатей ханов и султанов XVIII – середины XIX вв. В научный оборот введен новый вид источников – сфрагистический, имеющий ценное информативно-познавательное и декоративно-художественное значение. Среди выявленных генеалогических материалов важное значение занимают родословные списки и схемы правящих династий ханов, составленные в 40-х гг. XIX в. султанами Ахмедом и Арыстаном Жантуриными, Мухамедгали Таукиным и ханом Жангиром, которые дают более полную и точную информацию о правящей элите казахов XVIII – сер. XIX в вв., чем многие другие виды источников, и позволяют составить более цельное и объемное представление по этому вопросу, чем ранее существовавшее в науке⁴⁹.

Интерес и потребности общества в объективных исторических знаниях, попытка раскрыть с новых позиций непрерывность процесса истории Казахстана обусловили необходимость подготовки и издания учеными ИИИЭ им. Ч. Валиханова фундаментального труда по отечественной истории: пятитомного издания Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней (на сегодняшний день вышло три тома)⁵⁰.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО РЕСПУБЛИКИ

Говоря об обращении к истории Советского Казахстана, здесь ведущим направлением стала реабилитация деятелей алашского движения,⁵¹ а, соответственно, история создания и развития казахской национальной интеллигенции. В соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан в 2008 г. отмечался 90-летний юбилей движения Алаш. В рамках празднования был проведен ряд конференций, а также состоялась презентация 4-го тома документов из Архива Президента РК. В правительственных кругах, судя по интервью Секретаря Центрального аппарата НДП «Нур Отан» Серика Ахметова, роль алашевцев в становлении современного независимого Казахстана оценивается очень высоко, поскольку «на заре XX века именно они выдвинули идею суверенитета и политической независимости в современном понимании». «Имена Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Мыржакыпа Дулатова, Мухамеджана Тынышпаева, Магжана Жумабаева и многих других погибших от репрессий первых представителей казахской интеллигенции стали важным фактором формирования идеологии независимости и современного казахстанского патриотизма»⁵².

В последние годы появились труды, написанные на основе новых, ранее недоступных документов. Они открывают неизвестные страницы истории Казахстана – депортацию народов СССР в Казахстан и республики Средней Азии, процесс коллективизации, репрессии 1930-1950-х гг.⁵³, историю исправитель-

но-трудовых лагерей, в частности, создания и функционирования АЛЖИРа. Очерки А. Алтаева и Б. Жангуттина⁵⁴ отражают современные представления отечественных историков об истории Казахстана во второй половине XIX – XX веков. Ценность этих очерков состоит в том, что многие из них написаны на основе ранее неопубликованного архивного материала: НЭП – неисследованные страницы; репрессивная политика советского государства: спецпереселенцы и депортированные народы в Казахстане; Казахстан в период Великой Отечественной войны; Казахстан во второй половине XX века.

Продолжается издание документальных источников. Среди них следует отметить сборник воспоминаний граждан, ставших жертвами политических репрессий. Воспоминания интересны как источник о быте и повседневной жизни казахстанцев в начале и первой половине XX века⁵⁵. Подлинные документальные материалы, выявленные в архивных фондах КГБ РК под руководством М. Койгельдиева представлены в книге «Красный террор».⁵⁶ Материалы книги ограничиваются автобиографиями и заявлениями арестованных лиц на имя руководителей советского государства. Такой подход не случаен. Составители сборника исходили из того, что именно эта категория исторических источников дает возможность читателям понять не только абсурдный, бессмысленный характер политических репрессий этих лет, но и их преступную сущность. Эта книга продолжает серию, начатую в 1998 г.⁵⁷

В оценке последствий освоения целинных и залежных земель сегодня доминируют две концепции. Одни авторы представляют эту страницу истории исключительно в позитивном ключе. Например, Т.Ж. Жумасултанов, начальник ЦСУ РК,⁵⁸ на основе большого массива статистических данных, недоступных ранее, показывает благотворное воздействие освоения целинных и залежных земель в Казахстане на экономику Казахстана, на социокультурную ситуацию. Другие авторы, считают, что было больше негативных факторов.

В новейшей казахстанской историографии уделяется внимание и событиям 1986 г. в Алма-Ате. При этом, в официальных кругах «массовое политическое выступление молодежи» оценивается как «важнейшая веха суверенизации Казахстана», «всколыхнувшее все общество и закончившееся политическими репрессиями против его участников», «продемонстрировало крах социалистической доктрины решения национального вопроса. По словам, Секретаря Центрального аппарата НДП «Нур Отан» Серика Ахметова, «целая группа мифов – от пресловутого советского народа до особой роли «старшего брата» – на деле скрывала многолетнюю политику подавления национального самосознания. «Именно в Казахстане проводимая политика решения национального вопроса впервые дала тотальный сбой», был «дан толчок национальному демократическому движению по всему бывшему Советскому Союзу». Выступление казахской молодежи в декабре 1986 г. не оценивается нынешними властями как «националистическое», подчеркивается, что оно не носило противоправного характера.⁵⁹

Между тем, представители националистически настроенных кругов русской части населения Казахстана определяют события декабря 1986 г. как «массовые беспорядки в Алма-Ате» и подчеркивают, что «День независимости республики учрежден в память о событиях 16 декабря 1986 г., когда была разогнана имевшая антирусскую направленность демонстрация столичной молодежи»⁶⁰.

В официальной позиции советская эпоха периода правления И.В. Сталина однозначно оценивается как «антинародный политический режим».⁶¹ В частности, отношение к т.н. голодомору выразил академик Национальной АН Казахстана Малик-Айдар Асылбеков. Он назвал эту страницу советской истории «нашей общей трагедией», подчеркнув при этом, что в каждом регионе бывшей единой и огромной страны у этой трагедии было «свое страшное лицо». Особенности голода, например, в Казахстане, по мнению Асылбекова, были во многом связаны с насильственным переводом казахов в режим оседлости: для сталинской коллективизации кочевые казахи не годились. Потому-то у них отобрали скот и «привязали» к определенным населенным пунктам. Суровые зимы и неурожаи этих лет сделали свое черное дело – сельское население Казахстана сократилось за три года чуть ли не вполовину. К умершим от голода следует еще прибавить десятки тысяч людей, бежавших от коллективизации и «оседлости» в Китай, Иран и в другие регионы России. «Безнравственно украинским политикам спекулировать на этом общем для нас горе и пытаться демонизировать в этой истории Россию и русских», – подчеркнул казахский академик⁶².

О поисках профессиональных историков, об их размышлениях о роли и значении истории, свидетельствуют появление неправительственной организации – «Ассоциация историков Казахстана». Именно она задалась целью направить разные потоки изучения исторического прошлого в одно русло – «единый инициативный, научно-информационный комплекс». Как следует из устава, свою задачу члены Ассоциации видят в обобщении и распространении опыта работы профессиональных историков, реализации казахстанских программ формирования массового исторического сознания, обобщении опыта преподавания исторических дисциплин в системе вузовского и школьного образования, интеграции деятельности научно-исследовательских учреждений с учебными заведениями, развитии сектора инновационных научных исследований. Особый приоритет в деятельности Ассоциации отводится защите прав и корпоративных интересов историков. Помимо этого, в сферу ее деятельности входит издательская деятельность, работа со СМИ, просветительская работа, поддержка молодых ученых, инициация форумов по актуальным проблемам исторической науки на основе внебюджетных средств⁶³.

Постановление правительства Республики Казахстан от 5 мая 2008 г. о создании государственного учреждения «Институт истории государства» Комитета науки МОН РК – свидетельство того, что в Казахстане появилась политика истории.

Буркитбай Аяган, директор ГУ «Институт истории государства», считает, что в исторической науке Казахстана не выработаны единые концептуальные подходы и рассмотрение многих явлений развития Казахстана. В том числе есть немало поверхностных суждений о последних годах независимости в учебниках, которые готовят ученые. Есть определенные ошибки, которые необходимо исправить. Ведь по ним учатся дети⁶⁴. Все государства должны проводить политику памяти, так как от этого зависят вопросы национальной идентичности. Политика памяти в Казахстане не стала инструментом политических манипуляций, она направлена в здоровое русло. Переписывание истории не используется для формирования идентичности за счет кого-то. Формирование евразийской по сути дела идентичности происходит на основании чувства гордости от обладания культурным наследием. Историческая память, несмотря на свою определенную неполноту и противоречивость, обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании членов общества оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей. Воздействие стереотипов исторической памяти на сознание и поведение людей может консолидировать общество, но может оказывать и негативное влияние. Сохранение исторической памяти – это общенациональная проблема, решение которой выходит на уровень государственной политики.

В настоящее время в Казахстане формируются основные контуры политики памяти.⁶⁵ Усилия по формированию целостного восприятия прошлого и адекватных его оценок включают в себя и комплексное воздействие средств, влияющих на развитие исторической памяти: системы образования, учреждений культуры – музеев, интернета, СМИ. Память у разных народов всегда была разной, но это не отменяет необходимость нормальных, добрососедских отношений. Важно, чтобы политика памяти развивалась в русле диалога, учёта памяти разных групп людей и не использовалась для разжигания межгосударственной или межнациональной нетерпимости.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Жусупбек А. Сочинения. Алматы, 1996; Дулатов М. Сочинения в двух томах. Алматы, 1997; Жумабаев М. Сочинения. Алматы, 1995; Шакарим К. Сочинения. Алматы, 1994; Букейханов А. Избранное. Алматы, 1995; Чокай М. Избранное в двух томах. Алматы, 1998.

² Нурпейсов К. Алаш и Алаш-Орда. Алматы, 1995 (на каз. яз.); Койгельдиев М. Движение Алаш. Алматы, 1995 (на каз. яз.); Омарбеков Т. Трагедия Казахстана в 20-30-х годах [XX в.]. Алматы, 1997.

³ Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998.

⁴ История Казахстана в 5 томах. Т.1. Алматы, 1996. С.7.

⁵ Мажитов С.Ф. Протестное движение в колониальном Казахстане: истоки мифологизации [электронный ресурс]. Режим доступа: // http://www.iie.freenet.kz/001_16.html

⁶Из выступления Н.Назарбаева на XIII сессии Ассамблеи народа Казахстана 20.08.2007 [электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nomad.su/?a=3-200708210339

⁷ [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=89&bulsectionid=79>

⁸ Алматы. 14 января. «Казахстан Сегодня» – Депутаты мажилиса парламента РК не согласны с отсутствием в новых биометрических паспортах графы «национальность», передает агентство со ссылкой на телеканал КТК. «Мажилисмены возмущены тем, что в новых биометрических паспортах не указывается национальная принадлежность казахстанцев. Сразу несколько депутатов увидели в этом ущемление собственного достоинства и отправили запрос премьер-министру», – сообщает телеканал. «Паспорта нового типа начали выдавать гражданам Казахстана девять дней назад, а недовольству населения, по словам депутатов, уже нет предела. Только к Бекболату Тлеухану поступило более 100 писем от избирателей. Все жалобщики возмущены тем, что в новом паспорте нет привычной графы «национальность». Да и в парламенте, как выяснилось, нашлось немало тех, кто против формата нового документа», – отмечается в телесюжете. // «Казахстан Сегодня» 14.01.2009 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kt.kz/index.php?lang=rus&uin=1133168193&chapter=1153474046>

⁹ Мухтар Кул-Мухаммед о национальной идее. Он во главу угла предлагает поставить казахский язык, его развитие, его перспективы. Без этого говорить о национальной идее или же о казахстанской идее было бы просто смешно, бессмысленно, потому что без языка нет народа и нет культуры народа. О.Жанайдаров: Я думаю, что Кул-Мухаммед все-таки прав, национальную идею надо строить на основе языка и культуры. А язык – это средство общения. Но если он начинает выходить за пределы этой среды, в государственные институты, переходит в деловую сферу – что в этом плохого? Это закономерно: раз нация стала титульной, то и язык ее должен получить то, что он заслуживает [электронный ресурс]. – Режим доступа:

www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=89&bulsectionid=7908

¹⁰ Казахи безвозвратно приступили к построению демократического государства на национальной основе, о котором мечтали наши предки, и мы никогда не свернем с этого пути. Обращение Республиканского движения Казахстана «Улт тагдыры» представителям русской диаспоры в Казахстане Дата публикации: 15 августа 2006 [электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.zonakz.net/articles/15293>

¹¹Модернизация сознания. Дискуссионный клуб [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baiterek.kz/index.php?journal=23&page=228>

¹² В. Бухараев опирается на определение в социологическом смысле: система знаний, сотворенной национальной школой историографии (принадлежащей той или иной стране), которая в силу неизбывных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм – локальный или геополитический.

¹³ Масанов Н., Савинов И. Россия в казахстанских учебниках истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.historia.ru/2004/01/masanov.htm>

¹⁴ Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.. 2003. С.27.

¹⁵ Места памяти, по определению Пьера Нора – «всякое значимое единство, материального и идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности».

¹⁶ Государственная программа «Культурное наследие» была принята Указом Президента в 2004 г. На финансирование программы из республиканского бюджета были выделены огромные средства. На первом этапе – общий объем финансирования составил более 50 млн. долларов США. В настоящее время реализуется второй этап программы. Цель программы – воссоздание культурных артефактов, связанных с историей Казахстана: воссоздание памятников истории и культуры в странах дальнего и ближнего зарубежья, проведение археологических исследований (32 кургана, некрополя и городищ), выявление письменных источников по истории Казахстана, издание исторических серий (Алаш Орда, история Казахстана в армянских источниках). Строительство этнокультурного центра и мавзолея Аль-Фараби, реставрация мавзолея Султана Бейбарса в г. Дамаске (Сирийская Арабская республика), мечеть Султана Бейбарса в г. Каире (АРЕ), копии древнетюркских каменных изваяний с руническими надписями в Монголии [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

ru.government.kz/docs/u041277_20040113.htm

¹⁷ В резиденции «Акорда» с участием Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева проведено расширенное заседание Общественного совета по реализации программы «Мадени мура», на котором были подведены итоги проделанной работы, определены предстоящие задачи и заслушаны отчеты руководителей секций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kazpravda.kz

¹⁸ Уваров П. История, историки и историческая память во Франции [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=949>

¹⁹ Шнирельман В. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gummer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/schnir_nac_simv.phpj

²⁰ 10 декабря 1997 г. Акмола была объявлена президентом страны столицей Казахстана, а 6 мая 1998 года – переименована в Астану. Уже в 1999 г. Астана добилась мирового признания. Новая столица молодого Казахстана была удостоена награды ЮНЕСКО «Город мира». Это звание присваивается новым городам планеты, которые смогли за короткое время добиться впечатляющих достижений в социально-экономическом, политическом и культурном развитии, реализовали цели по укреплению межнационального и межконфессионального согласия. Конкурс проводился в Бразилии, и Астана по всем параметрам опередила двенадцать городов из различных точек земного шара.

²¹ Его высота – 62 метра, в нем разместился Оперный театр на полторы тысячи мест, трехэтажный музей, выставочные и концертные залы, библиотека, офисы духовных конфессий и многое другое. Пирамида находится на небольшом холме, на горизонте отчетливо видна ее форма. В нижней части сооружения находится Оперный театр. Самое главное помещение – конференц-зал, где, собственно, и прошел Съезд лидеров мировых и традиционных религий, – находится в верхней части, у вершины. Пирамида полна света и пространства. В церемонии открытия дворца приняли участие президенты Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, которые первыми прибыли на Съезд лидеров мировых и традиционных религий. Автор уникального проекта – прославленный британский архитектор Норман Фостер. Пирамида связала левую и правую стороны Ишима. Сталь, алюминий, множество специальных стеклянных конструкций, уникальные технические идеи, архи-

текстурное новаторство – сооружение на самом деле походит на чудо. Панорамный лифт позволит всем желающим любоваться красотой зелёных террас и игрой света, льющегося с купола пирамиды. Ещё интереснее будет совершать пешее восхождение к вершине: проходить придётся по волнистым лестницам сквозь «висячие сады Астаны», как их уже сейчас называют. Впрочем, и снаружи будет на что посмотреть: величественная пирамида Фостера видна с обоих берегов Ишима. А ночью её вершина будет светиться изнутри.

²² Масанов Н.Э. и др. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. Алматы, 2007.

²³ Официальная доктрина, которая призвана обосновать уникальный характер государства Казахстан на континенте.

²⁴ Традиционалисты – идеологическое течение, которое объединяет в своих рядах широкое, неоднородное по своим мировоззренческим установкам течения в литературе, культуре, общественно-политической мысли. Но среди них можно выделить такие группы: западники, почвенники, тенгрианцы, номады, оседлые. Маркеры: оценка исторического прошлого казахов, отношения к религиозным ценностям, перспектива развития страны. Но общее поле тоже есть. Это – патриархальные ценности (авторитетность аксакалов, государства, родовые и семейные связи, священность земли), казахский лингвоцентризм, консерватизм (сохранение обычаев и традиций), национализм (от умеренного до крайнего). Представители гуманитарной интеллигенции, общественные и государственные деятели. В среде традиционалистов распространены патерналистские установки, нарастает озабоченность положением государственного языка, национальной культуры и образа жизни казахов, испытывающих негативное влияние глобализации и рыночной экономики. Идеал – сильное, социально и казахско-ориентированное государство, в котором они могут занять доминирующие позиции.

²⁵ Предпочитают официальную идеологию – межнационального единства, сохранение статуса русского языка и союзнические отношения с Россией. В глазах традиционалистов они выглядят людьми без прошлого, исторических корней.

²⁶ Филиппова Т. Мифы «верхов», мифы «низов». Природа контакта // Мифы и мифология в современной России / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2000. С.183.

²⁷ Масанов Н.Э. и др. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. Алматы, 2007.

²⁸ Там же. С. 66.

²⁹ Якобы в период гуннского вторжения в Европу найманы были передовым отрядом у гуннского предводителя Атиллы. Впервые увидевшие «людей азиатской национальности» германцы дали вторгнувшимся из Азии кочевникам название нойман // Там же. С.67.

³⁰ Так же. С. 67.

³¹ Там же. С. 84.

³² Там же. С. 62.

³³ На сегодняшний день в серии «История Казахских племен и родов» вышли следующие тома: т. 1, кн. 1. Алматы: Научно-исследовательский центр «Алаш», 2005. 364 с.; т. 2, кн. Алматы: Научно-исследовательский центр «Алаш», 2005. 648 с.; Тама. 1 т. 3 кн. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2005. – 452 с.; Табын 2 т. 1 кн. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2006. – 424 с.; Аргын 2 т. 2 кн. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2006. – 608 с.; Кердері. 3 т.

– Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2006. – 464 с.; Керейт. 4 т. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2006. – 408 с.; Жағалбайлы. 5 т. 1 кн. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2006. – 576 с.; Жағалбайлы. 5 т. 2 кн. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2006. – 456 с.; Телеу. 6 т. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2006. – 704 с.; Рамадан. 7 т. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2006. – 444 с.; Жалайыр 8 т. 1 кн. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2007. – 488 с.; Жалайыр 8 т. 2 кн. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2007. – 654 с.; Аргын 9 т. 1 кн. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2007. – 434 с.; Аргын 9 т. 2 кн. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2007. – 500 с.; Аргын 9 т. 3 кн. – Алматы: научно-исследовательский центр «Алаш», 2007. – 660 с.

³⁴ [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.aikyn.kz/site.php?id=168&lan=kaz

³⁵ Адрес сайта: www.elim.kz

³⁶ Сб. статей и интервью Н.Э. Масанова. Алматы, 2007. – С.52.

³⁷ www.elim.kz/about.php?id=5

³⁸ Волкова Т.П. Как учат толерантности казахстанские учебники [электронный ресурс]. – Режим доступа: www.russians.kz/2008/01/10/kak_uchat_tolerantnosti_kazakhstanskie_uchebniki_istorii.html

³⁹ Масанов Н.Э. и др. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. Алматы, 2007.

⁴⁰ Темиргалиев Р. Казахи и Россия. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zonakz.net/articles/18505>

⁴¹ Волкова Т.П. Как учат толерантности казахстанские учебники [электронный ресурс]. – Режим доступа: www.russians.kz/2008/01/10/kak_uchat_tolerantnosti_kazakhstanskie_uchebniki_istorii.html

⁴² Масанов Н.Э., Савин И. Россия в казахских учебниках истории [электронный ресурс]. – Режим доступа: www.historia.ru/2004/01/masanov.htm

⁴³ История и культура Арало-Каспия, выпуск 31/2001 // Под ред. С.Е. Ажигали. Алматы, 2001; Его же. Древности «Страны-кратера»: об истории и культуре кочевого Арало-Каспия. – Алматы, 2006.

⁴⁴ Пищулина К.А. Казахское ханство в XV в. // История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 2. Алматы, 1997. С. 312—361; Мингулов Н. Н., Пищулина К. А. Ак-Орда в XIV веке // Там же. С. 103—116; Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.

⁴⁵ Впервые о существовании такой точки зрения в 1969 г. говорил Г.Ф. Дахшлейгер: «... Ак-орда по своему этническому составу была преимущественно казахской, но самоназвание народа определилось и вошло в источники позднее...» (Дахшлейгер Г.Ф. Историография Советского Казахстана (очерк). А.: Наука, 1969, с. 99). Более детально в те же 60-е, а затем и в 70—80-е гг. 20 в. этот вопрос исследовала К. А. Пищулина (Тема Могулистана и зарождения казахской государственности в отечественной историографии 1970-х годов (О монографии К. А. Пищулиной «Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в.», Алма-Ата, 1979 г.) // «Туган олке. Тарих. Олкетану. Мурагат». («Родной край». Историко-краеведческий и архивный журнал). 2004. № 2, 3 (4—5). С. 51—62.). Лишь после долгих и кропотливых источниковедческих и исторических исследований она смогла более уверенно заявить, что «Ак-Орда должна быть признана Казахским государством» (Пищулина К.А. Казахское ханство в XV в. //

История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 2. Алматы, 1997. С. 331).

⁴⁶ Зардыхан Кинаятулы. Казак мемелекети жане Жошы хан. (тарихи-сараптамалык зерттеу). Астана, 2004;

⁴⁷

⁴⁸ Исмагулов О. Этническая антропология Казахстана (соматологическое исследование). Алма-Ата, 1982. Примечательна судьба этого фундаментального исследования. Она была подвергнута остракизму после известных декабрьских событий 1986 г. в республике Автора партийная элита объявила «проповедником» идей трайболизма на «генном уровне», а тираж книги был изъят из научного обращения. – См. подробнее: Козыбаев И.М. Историческая наука Казахстана. Алма-Ата, 1992. С. 116-118.

⁴⁹ Ерофеева И. Символы казахской государственности. Позднее средневековье и Новое время. Алматы, 2002; Она же. Родословные казахских ханов и кожа (история, историография, источники) Алматы, 2003.

⁵⁰ История Казахстана с древнейших времен до наших дней в четырех томах . Т. 1: Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья. Алматы, 1996. Т.2. Алматы, 1997. Т. 3. Алматы, 2007

⁵¹ Движение Алаш. Том 1: Апрель 1901– Декабрь 1917 гг. Алматы (на казахском и русском языках). Движение Алаш. Из истории изучения вопроса. Сборник документов и материалов. Т. 4. Алматы, 2008. В 4-й том сборника включены документы и материалы, которые позволяют понять и оценить политику советской власти по отношению к идеологии казахского национально-освободительного движения как в 1920-1930-е гг., так и в более поздний период.

⁵² Общественность Республики Казахстан отметила День памяти жертв политических репрессий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qwas.ru/kazahstan/nurotan/id 109246/>

⁵³ Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников Родины»: истории и судьбы. Караганда, 2002.

⁵⁴ Алтаев А.Ш., Жангуттин Б.О. Краткие очерки истории Казахстана. Алматы, 2008.

⁵⁵ Страницы трагических судеб: Сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920-1950-е гг. Составители: Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, А.Н. Ипмагамбетова и др. Алматы, 2002.

⁵⁶ Красный террор: Политическая история Казахстана (Сборник документальных материалов политических репрессий 20-50-х гг. XX века). Составители: Койгельдиев М.К., Полулях В.И., Тлеубаев Ш.Б. Алматы, 2008.

⁵⁷ Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг. Сборник документов. Составители И.Н. Бухонова, Е.М. Грибанова, Р.К. Кангужиева, Г.А. Карпыкова, Е.В. Чиликова. Алматы, 1998.

⁵⁸ Жумасултанов Т.Ж. Целине – 50. Алматы, 2003.

⁵⁹ Общественность Республики Казахстан отметила День памяти жертв политических репрессий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qwas.ru/kazahstan/nurotan/id 109246/>

⁶⁰ Националистический зуд [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russkie.org/index.php?module=printnews&id=272>.

⁶¹ См. сноску 14.

⁶² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russians.kz/politics/992906-mezhdunarodnaja-konferencija-v-moskve.-ukrainskie.html>

⁶³ Из устава неправительственной организация «Ассоциация историков Казахстана» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iie.freenet.kz/pdf/aik_ustav_rus.pdf

⁶⁴[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nomad.su/?a=3-200810230118>

⁶⁵ Политика памяти понимается как совокупность мероприятий, направленных на формирование или воспроизведение идентичностей, в первую очередь, национальных или этнических.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Государственный флаг Республики Казахстан

Государственный Флаг Республики Казахстан представляет собой прямоугольное полотнище голубого цвета с изображением в его центре солнца с 32-мя лучами, под которым – парящий степной орел. У древка – вертикальная полоса с национальным орнаментом. Изображения солнца, лучей, орла и орнамента – цвета золота. Отношение ширины Флага к его длине: 1:2.

Государственный герб Республики Казахстан

4 июня 1992 года навсегда останется в истории и в памяти народа как день рождения Государственного Герба Республики Казахстан. Сегодняшний Герб суверенного Казахстана является результатом огромного труда, творческих исканий двух известных архитекторов: Жандарбека Малибекова и Шоты Уалиханова. Выиграть в этом соревновании было нелегко. Достаточно напомнить, что только в финальном конкурсе принимали участие 245 проектов и 67 описаний будущего герба. Герб имеет форму круга. В мире самой совершенной формой считается форма шара. А круг как самый близкий к этому совершенству элемент, особо ценится у кочевников. Круг как элемент геральдики имеет применение везде, но он в особом почете и уважении у восточных кочевников. Это символ жизни, вечности. Центральным элементом, вобравшим в себя основную идею нашего Герба, является шаньрак – круговое навершие купола юрты. Шаньрак – символ семейного благополучия, мира, спокойствия. Мастерски, эффективно и красиво изображенный тундык – зенитное отверстие юрты, напоминает яркое солнце на фоне голубого, мирного неба. Купольные жерди – уык, равномерно расходящиеся от центра по голубому пространству Герба, напоминают лучи солнца – источник жизни и тепла. Авторам удалось решить проблему изображения кереге – раздвижных решетчатых основ юрты. Крестообразные, тройные, кульдреуши шаньрака символизируют единство трех жузов, которое обеспечивает его прочность. Таким образом, языком геральдики авторы отражают миролюбивую сущность казахов. Призывают все народы республики под общий шаньрак, стремиться превратиться в крепкие мощные несущие конструкции нашего общего дома – Казахстана. Следующей составной частью композиционной структуры герба являются золотокрылые с рогами в форме полумесяца, фантастические скакуны – тулпары. Хотя изображение аргамаков в государственной символике имеет давнюю историю, тем не менее данный вариант авторов вызвал большие дискуссии и споры, прежде чем был принят. Силуэт скакунов на языке геральдистов имеет глубокий смысл и содержание. Он означает: бесстрашие льва, прозорливость сокола, физическую мощь и силу быка, быстроту, скорость и пластику лани, хитрость и находчивость лисы в борьбе против врагов. Золотые крылья скакунов напоминают также снопы зерна, золотых колосьев, т.е. признак труда, изобилия и материального благополучия. В центре Герба находится пятиконечная звезда. В проекте там были расположены полумесяц и три маленькие звезды. По ходу обсуждения предлагались варианты восьмиконечной, семиконечной, пятиконечной звезд. Остановились на последнем. Наше сердце и объятия открыты представителям всех пяти континентов. Цветовую гамму Герба составляют два основных цвета – золотистый и голубой. Первый соответствует светлому, ясному будущему наших народов. Голубое небо едино для всех народов мира. Его цвет в нашем Гербе олицетворяет стремление Казахстана к миру, согласию, дружбе и единству со всеми народами планеты.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
(на русском языке)

*Авторы слов: Жумекен Нажимеденов,
Нурсултан Назарбаев.*

Автор музыки: Шамиш Калдаяков

В небе золотое солнце,
В степи золотое зерно.
Сказание о мужестве – моя страна.
В седой древности
Родилась наша слава,
Горд и силен мой казахский народ. Припев:
О, мой народ! О, моя страна!
Я твой цветок, возвращенный тобой.
Я песня, звенящая на твоих устах,
Родина моя – мой Казахстан.
У меня простор неоглядный
И дорога, открытая в будущее.
У меня независимый,
Сплоченный, единый народ.
Как извечного друга
Встречает новое время
Наша счастливая страна, наш народ. Припев:
О, мой народ! О, моя страна!
Я твой цветок, возвращенный тобой.
Я песня, звенящая на твоих устах,
Родина моя – мой Казахстан.

КЫРГЫЗЫ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Валентин БОГАТЫРЕВ

Для Кыргызстана то, что происходило с историческим знанием и историческим сознанием после распада СССР, скорее всего, определяется понятием «появление истории». История кыргызов и кыргызской государственности до 1991 г. существовала в трех ипостасях: как история территории и кыргызов в рамках российско-советской версии истории; как мифическая история в виде эпоса «Манас» и преданий о енисейских кыргызах, а также как родовая история в формате санжыры¹.

Все эти исторические пространства не были практически никак связаны друг с другом. Подавляющее большинство кыргызских историков специализировались на советском историческом периоде. Почти вся древняя история кыргызов изучалась российскими историками.

Предпринятые в начале 1950-х годов комплексные изыскания по истории древних кыргызов, и накопления в 60-80 годах новых археологических, этнологических, антропологических, фольклорных данных не сложились в целостную картину кыргызской истории. А с начала 90-х годов научная разработка этой актуальнейшей проблемы в Кыргызстане была практически свернута. Все подготовленные фундаментальные труды и работы по этногенезу кыргызского народа были приостановлены.

Не проводилось никаких работ в регионах древнего расселения кыргызов и с древними, в первую очередь китайскими источниками. История кыргызов до «вхождения в состав России» была неразличима на фоне истории народов, населявших регион.

ОТ МИФОВ К ИСТОРИИ. ПЕРИОД РОМАНТИЗМА

Национальная история кыргызов и кыргызского государства впервые возникла в виде целостной картины в результате работ, которые были проделаны с 1991 по 2005 г. Основные исторические работы разворачивались вокруг тех тем, которые были на периферии историографического внимания в советские годы. Это, прежде всего, тема происхождения кыргызов, становления кыргызской народности и государства, тема национальных движений начала XX века и репрессий сталинского режима. Они разрабатывались в рамках отдельного национального проекта «Происхождение, формирование и развитие кыргызского народа», а также в рамках международной программы ЮНЕСКО «Комплексное исследование Шелкового пути — пути диалога»².

Интерес к истории и способ, с помощью которого общественное сознание было повернуто к историческим вопросам в первые годы независимости, сконцентрировались вокруг эпоса «Манас». Ключевую роль в организации и проведении этой работы сыграли писатель Чингиз Айтматов и первый президент Кыргызстана Аскар Акаев. Первому из них принадлежит идея празднования тысячелетия эпоса «Манас», второму – превращение содержания эпоса в современную национальную идеологию, а также использования его для популяризации кыргызской культуры и истории.

В связи с празднованием тысячелетия эпоса «Манас» было проведено ряд научных конференций и выпущено десятки научных статей, касающихся исторической основы эпоса. По мнению ученых, эпос содержал отражение исторических событий, происходивших не менее чем в течение тысячи лет до его создания. Эпос «Манас» как историографический источник вошел во все учебники и пособия по истории кыргызов и кыргызского государства³. По инициативе Кыргызской Республики в 1993 г. была принята резолюция ООН «О праздновании 1000-летия кыргызского национального эпоса «Манас»⁴, в которой были поддержаны предложения руководства республики об объявлении 1995 г. – годом 1000-летия эпоса «Манас». Празднование 1000-летия эпоса, сопровождалось саммитом тюркоязычных государств и международным симпозиумом с участием ученых из 30 стран мира и генерального секретаря ЮНЕСКО⁵. На основе материалов эпоса «Манас» были сформулированы «семь заповедей Манаса», которые были положены в основу национальной идеологии⁶.

Этот период характеризовался также широким введением исторического материала в знаковое пространство. Помимо государственной символики, содержащей историческую атрибутику кыргызов, были произведены массовые переименования городов, районов, улиц, выпущены почтовые марки с историческими персонажами и событиями истории кыргызов им кыргызского государства. Именем кыргызского исторического персонажа была названа столица страны – город Бишкек, ранее носивший имя Фрунзе. Историческая символика активно использовалась в названиях фирм, культурных объектов, товаров. При этом речь шла как о древней истории, так и о современной, новейшей. Так, был открыт мемориальный комплекс «Ата-Бейит» (Могила Отца) в память погибших в годы сталинских репрессий. Центральный бульвар столицы, ранее носивший имя Дзержинского, был переименован в бульвар Эркиндик (Свободы) в честь приобретения суверенитета страной. Ряд улиц получили имена кыргызских государственных деятелей начала и середины прошлого века, внесших вклад в становление кыргызской государственности: Абдыкерима Сыдыкова, Юсупа Абрахманова, Касыма Тыныстанова, Ишеналы Арабаева, Исхака Раззакова и других.

В те же годы прошла первая волна политического использования истории. Была создана и активно работала политическая партия «Асаба», названная по имени знамени, с которым в прошлые века шли в бой кыргызские воины. Пар-

тия разрабатывала в политических целях вопросы истории, главным образом связанные с утверждением националистических приоритетов, в первую очередь – вопросов присоединения к России и восстания 1916 г. Впоследствии эта партия потеряла свою актуальность, так как инициатива инструментализации истории была перехвачена властью.

В целом первое десятилетие суверенной историографии было временем не столько исторических поисков и открытий, сколько временем идеологизации и инструментализации известного исторического знания. Это был этап исторического романтизма.

Идеи национальной самобытности хотя и заметно напугали русскоязычное население бывшей советской республики и привели к массовой миграции, пик которой пришелся на 1993 г., однако выйти на понимание национальной онтологии развития и полноценное полотно национальной истории не удалось никому.

Однако именно в этот период начался и возврат к глубокому изучению истории. В сентябре 1994 г. прошла Международная научная конференция «Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в Центральной Азии в древности и средневековье», в которой приняли участие все крупнейшие специалисты по региону из многих стран мира. Эта конференция состоялась почти через сорок лет после объединенной научной сессии АН Киргизской ССР и АН СССР, посвященной вопросу происхождения кыргызского народа (Фрунзе, 10-15 ноября 1956 г.), которая в свое время подвела итоги длительного периода изучения этногенеза и этнической истории кыргызов, начатого трудами академика В.В. Бартольда и впервые сделал вывод о сложении кыргызского народа и его культуры в результате взаимодействия двух этнических элементов. Конференция 1994 г. определила программу работ, в рамках выполнения которой продвигались исторические исследования последнего десятилетия⁷.

ДВА ПРЕЗИДЕНТА – ДВА ПОДХОДА К ИСТОРИИ

Последнее десятилетие можно условно разделить на два принципиально отличающихся периода отношения к истории и историческому знанию.

Первый из них – период яркого исторического ренессанса, гигантского скачка в историческом сознании, связанного с внесением в национальное сознание представлений о 2200-летию кыргызской государственности. Он датируется 2000-2005 гг.

Второй – период с 2005 г., когда история отходит на задний план и почти полностью перестает использоваться в качестве инструмента политики. Этот период также связан со снижением внимания к историческим исследованиям.

Очевидно, что такое заметное деление непосредственно связано с политическими событиями: уходом первого президента страны Аскара Акаева и приходом к власти Курманбека Бакиева.

Позиции этих президентов в отношении истории и инструментализации прошлого, и их собственное знание истории и отношение к ней носят различный, и даже противоположный характер. Учитывая, что общественная значимость тех или иных проблем и сфер в Кыргызской Республике непосредственно связана с тем, насколько много внимания уделяет им первое лицо государства, такое различие имеет существенный характер для исторического знания и процессов, происходящих с массовым историческим сознанием.

Гуманитарий и интеллектуал Акаев, сформировался в ленинградской научной среде и слушал в студенческие годы лекции Льва Гумилева. Его внимание к истории кыргызов было вызвано как исследовательским, научным интересом, как потребностями презентации страны, позволявшими ему получать ресурсы, необходимые для ее выживания в переходный период и развития, так и своего рода комплексом вины перед Родиной, вызванным тем, что он был долгие годы (17 лет) оторван от кыргызской среды. Увлечение историей было компенсацией за его собственную некыргызскую ментальность, и может быть поиском путей к своему этническому началу.

Инженера и хозяйственника Бакиева, принадлежащего, к тому же, к боковой и не всеми признаваемой в качестве кыргызской ветви этноса, история интересует мало. Его концепция управления страной не связана с ее мировой презентацией и избегает того, чтобы раздражать соседей утверждениями об историческом первородстве и превосходстве. Инструментализация истории не входит в его арсенал средств формирования общественного сознания или идеологического манипулирования как значимый компонент. Скорее всего, он вообще не считает историю чем-то имеющим значение в реальной жизни.

В отличие от первого президента, действующий глава государства прибегает к историческим экскурсам только в тематических выступлениях для иллюстрации отношения к тем или иным проблемам. Так, он обратился к истории создания светских школ в Кыргызстане в 60-годы XIX века в связи с выступлением по поводу состояния современного образования в стране⁸, или к истории кыргызских воинов в связи с 14-й годовщиной образования Вооруженных Сил Кыргызской Республики⁹.

Президент Бакиев достаточно резко отказался от использования исторических собственно кыргызских политических форматов, таких как, например, народные курултаи, в современном конституционном устройстве и практически не использует их для собственных политических кампаний и акций.

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ ПРОРЫВ В ПРОШЛОЕ

Практически нисколько не утрируя ситуацию, можно сказать, что существуют два великих кыргызских историка. Первый из них – это китаец Сыма Цянь, который в своих «Исторических хрониках» I века до нашей эры сообщил, что в

201 г. до н.э. правитель хуннов Модэ захватил владения кыргызов. Таким образом этноним кыргызы, а с ним сами кыргызы стали самым древним из всех современных народов, происходящих от общих тюркских корней.

Второй великий кыргызский историк – это президент Аскар Акаев, который сделал этот факт достоянием не только кыргызского национального исторического сознания, но и мирового, поскольку в декабре 2002 г. ООН приняла резолюцию о проведении в 2003 г. – Года кыргызской государственности¹⁰.

В своем выступлении на II Всемирном курултае кыргызов 31 августа 2003 г. Аскар Акаев изложил достаточно полную версию кыргызской истории, восстанавливающую историческое полотно, начиная с кыргызского государства в 201 г. до нашей эры. В его трактовке истории появилось также кыргызское государство в Верховьях Енисея в середине I века нашей эры. Он сообщил о получении в дар от руководства Китая новых сведений о кыргызском государстве эпохи Кыргызского великодержавия, датированных 843-845 гг. По версии А. Акаева были причислены к кыргызским мыслителям и ученым Жусуп Баласагын и Махмуд Барскани, которые ранее именовались в исторической литературе как уйгурские ученые Юсуп Баласагунский и Махмуд Кашгарский, но которые действительно родились на нынешней кыргызской территории (г. Баласагун недалеко от нынешнего г. Токмак и г. Барскоон в районе нынешнего села Барскаун на Иссык-Куле)¹¹. Имя Жусупа Баласагына было присвоено крупнейшему национальному вузу – Кыргызскому национальному университету.

Появление в национальном историческом сознании представлений о 2200-летней кыргызской государственности не было неожиданным. Еще ранее некоторые кыргызские авторы издавали работы, в которых начало кыргызской истории отодвигалось в глубь веков на 4-5 тысяч лет¹². Однако эти работы воспринимались скорее как плод националистических фантазий, чем как реальность. Этому способствовало то обстоятельство, что выводы авторов были основаны не на реальном историческом материале, а главным образом на лингвистических гипотезах, анализе топонимики и мифологии.

Введение в научный и общественный оборот исторических документов, подтверждавших существование «владения кыргызы» в III веке до нашей эры¹³, сразу же сделало актуальным огромный временной период истории кыргызов, начавшийся с III века до нашей эры и до формирования кыргызского великодержавия в VII – X веках нашей эры. Этот факт также превратил отдельные разрозненные материалы о существовании древней «енисейской» истории кыргызов в существенный, а в силу этногенетического начала – решающий раздел кыргызской истории.

С новой силой вспыхнули споры о том, как связать воедино зафиксированное историческими источниками существование двух этнических общностей с одним и тем же названием «кыргызы»: в Южной Сибири, на Енисее и в восточной части Средней Азии, на Тянь-Шане и Памиро-Алае¹⁴. Привлекавшая со второй половины XVIII в. и до сегодняшнего дня пристальное внимание

ученых всего мира проблема происхождения кыргызского народа, которая и до того была одной из наиболее сложных и спорных проблем этнической истории народов Центральной Азии, обрела новое значение и новые трудности¹⁵.

Несмотря на то, что тема научной обоснованности 2200-летия кыргызской государственности подвергалась большим сомнениям некоторыми учеными и открыто критиковалась оппозиционными политиками, она, несомненно, сразу же вошла в национальное историческое сознание как непреложная истина. Опросы 2006 г. показали, что подавляющая часть респондентов (59,8 процента) считают подлинной родиной кыргызов Енисей и только 9,6 процента – Центральную Азию¹⁶.

В соответствии с этой новой концепцией, вся основная работа историков после 2003 г. была подчинена теме поиска исторических материалов и расширения представлений об истории кыргызов и кыргызской государственности в рамках новой датировки.

Исторические работы этого периода были направлены на восстановление исторических особенностей устройства кыргызской государственности¹⁷, восстановление исторических персонажей, упоминание о которых сохранилось в исследованиях древних и средневековых историков различных стран, занимавшихся Центральной Азией а ее больших границах: от Каспия до Байкала.

Но, кроме того, шло изучение тех исторических периодов и проблем, которым не могло быть уделено внимание в годы советской власти¹⁸. Продолжалась разработка эпоса «Манас» как инструмента продвижения страны в глобальное информационное пространство. Книга была выпущена во многих европейских странах, там же прошли манасовские мероприятия. В 2000 г. была проведена презентация эпоса в президентском дворце Израиля, где также был издан эпос в переводе на иврит. Весь этот комплекс мер получил название «дипломатия Манаса»¹⁹.

По инициативе кыргызского руководства ЮНЕСКО признала культурным событием мировой значимости 3000-летие города Ош. Этот факт был установлен исследованиями российского ученого Ю. Заднепровского²⁰. По Указу президента Кыргызской Республики от 25 августа 1996 г. в 2000 г. прошли празднования этой даты. В свете этого решения и в целях углубления знаний о древней истории Оша в 1997-1998 гг. были проведены четыре международных научные конференции, появились многочисленные исследования на тему истории Оша²¹.

Таким образом, в первой половине последнего десятилетия был проделан громадный прорыв в историческом сознании нации, раздвинувший рамки ее истории почти в два раза и позволивший приступить к работам по восстановлению целостного исторического полотна более чем двухтысячелетней протраженности.

ИСТОРИЯ КЫРГЫЗОВ

Следует сразу сказать, что национальная история в Кыргызстане воспринимается почти исключительно как история кыргызов. Обсуждение вопросов этногенеза кыргызов и кыргызского государства способствовало утверждению моноэтнического подхода к истории кыргызской государственности. Разделы исторических учебников уже не рассматривали, как в советское время, историю тех или иных государств, в которые входила территория нынешнего Кыргызстана, а переносили внимание на историю собственно кыргызов в составе этих государств. Современная формулировка предмета национального исторического знания звучит как «история кыргызов и Кыргызстана». Практически все остальные воспринимаются как «другие», хотя и не всегда как враждебные. И только в истории советского времени появляются люди других национальностей, и отмечается их вклад в развитие науки, экономики и культуры Кыргызстана.

Во многом это связано с тем, что нынешний Кыргызстан рассматривается в значительной степени как страна кыргызов при очень низкой гражданской, страновой идентификации. Этот подход прежде всего поддерживается динамичной изменений в национальном составе Кыргызской Республики.

Национальности	1990*	1999г*.	2001г.	2004г.
Кыргызы	52,4%	64,9 %	66,3 %	67,9 %
Узбеки	12,1%	13,8 %	14,0 %	14,3 %
Русские	25,9%	12,5 %	11,2 %	9,9 %

* по итогам переписи населения

Несмотря на то, что кыргызское государство существует уже больше полутора десятилетий, идентификация с общностью «граждане Кыргызстана» является значимой только для 55,6 процента людей. В том числе, среди кыргызов так считают 57,5 процента, среди узбеков – 70,9 процента, но среди русских – только 31,7 процента. Только меньше половины (47,4 процента) людей считают, что кыргызы сегодня – единая нация и костяк государства. Среди самих кыргызов так думают тоже далеко не все – 50,6 процента²².

Абсолютно доминирующей исторической ценностью являются не экономические, военные или культурные достижения, события или люди, а события, формирующие кыргызскую государственность: кыргызское великодержавие, создание Кыргызской союзной республики в составе СССР и создание независимого Кыргызстана. С кыргызской государственностью связываются наиболее выдающиеся, значимые события в жизни кыргызского народа. Такими считаются образование суверенной Кыргызской Республики в 1991 году (29,2 процента), вхождение в состав России (22,3 процента), образование Кыргыз-

кой ССР (12,6 процента) и создание кыргызского государства на Енисее в IX веке (9,9 процента)²³.

При этом есть существенные различия в оценке роли вхождения в состав России и обретения независимости. Значимым вхождение в состав России признают 17,1 процента кыргызов и 47,7 процента русских. К числу важнейших событий относят образование суверенной Кыргызской Республики 31,5 процента кыргызов, но только 8,5 процента русских²⁴.

БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Наибольшее внимание историков привлекали проблемы, имеющие актуальное политическое значение. Прежде всего, это вопросы, касающиеся отношений кыргызов с другими народами, в первую очередь – Китаем и Россией.

В массовое сознание транслировались как дискуссионные или даже конфликтные только те события истории, которые связаны с Россией: факт вхождения в состав России и события 1916 г. Вопрос о вхождении в состав России обсуждается в двух аспектах: было ли это необходимо и была ли альтернатива, а также был ли это акт добровольным? Исторические трактовки постепенно смещаются от толкования факта присоединения кыргызских земель к России как «вхождения в состав России» к утверждениям, что это было в основном насильственное присоединение, по крайней мере, когда речь идет о южных регионах страны. Интересно сравнить, что формулировка в пятитомном академическом издании истории Киргизской ССР 1986 г., гласила: «Добровольное вхождение Киргизии в состав России явилось выражением неодолимого стремления трудовых масс киргизского народа к установлению прочных дружественных связей с русским и другими народами России. Оно было исторической необходимостью на пути развития в прошлом отсталого и бесправного киргизского народа»²⁵. А уже в учебнике 2005 г. этот факт трактуется как «присоединение Россией Киргизии»²⁶, причем в отношении северного Кыргызстана речь еще идет о присоединении путем договоров и соглашений, а также прямым вооруженным подавлением, то в отношении юга уже однозначно говорится, что «присоединение ... происходило путем прямого завоевания» и с подавлением народного движения²⁷.

Существенное изменение претерпела и позиция в отношении восстания 1916 г. До обретения независимости это историческое событие рассматривалось как выступление против царского самодержавия, социального и национального угнетения, «чинимого царскими чиновниками, кулаками-мироедами и местными феодалами»²⁸, и осуждались «буржуазные фальсификаторы истории восстания 1916 г.», которые «усердно стараются изобразить его как религиозное движение мусульман края против русских вообще»²⁹. Лишь кратко упоминалось, что царизм жестоко подавил восстание.

В современной историографии вопрос о восстании обсуждается в залоге исторической вины России, как антироссийское и даже антирусское. Проведено несколько научных конференций, на которых были зафиксированы те оценки событий 1916 г., которые уже были даны в начале прошлого века³⁰, однако затем были скорректированы или игнорированы в более поздний советский период. Введена в научный оборот широкая информация о планах российских властей, связанных с выселением кыргызов с занимаемых ими плодородных земель,³¹ и даже поселением их в своего рода резервации в труднодоступных горных районах³². Приведены многочисленные данные о жестоких методах уничтожения кыргызского населения и огромном количестве жертв, достигающем нескольких сотен тысяч человек³³.

Политическими силами, оппозиционными власти, неоднократно организовывались акции, призванные подчеркнуть необходимость восстановления исторической справедливости, признания и фиксации вины России, исторической ответственности царствовавшей в России семьи Романовых за геноцид кыргызского народа. Кыргызский парламент статуировал как национальный праздник День памяти жертв восстания 1916 г. В основном обсуждение этих острых проблем инициировалось и осуществлялось усилиями движений и партий националистического толка.

КЫРГЫЗЫ И «ДРУГИЕ»

Кыргызскому историческому сознанию не удалось избежать этноцентризма в толковании собственной истории. Исторический этноцентризм проявился в двух формах: в виде теорий происхождения всех народов от древних кыргызов и в виде представлений о том, что кыргызы являются народом с самой древней государственностью в Евразии.

Идеи этноцентризма не получили особого распространения, более того, они воспринимаются в стране с большим скептицизмом. В большой степени это связано с тем, что они воспринимаются не как отражение исторической реальности, а как идеологическая политика власти. В Кыргызстане никогда не было негативного отношения к советской истории. Она всегда воспринималась и воспринимается сейчас как «счастливая история». Несмотря на то, что кыргызский народ не миновала ни волна уничтожения сторонников советского режима в первые годы советской власти, сторонников идеи национального самоопределения в 20-е годы и национальной элиты в 30-е и 40-е, а также русификация, которая осуществлялась все годы советской власти, тем не менее, советская история воспринималась позитивно, главным образом потому, что она восстановила кыргызскую государственность.

В то же время, появляются новые оценки роли России и СССР в развитии страны в период после 1917 г. Они касаются в основном двух моментов: иска-

жения существовавших у кыргызов, как и других народов Центральной Азии представлений о национальной автономии и происходившей все годы существования Кыргызстана в составе СССР русификации страны.

В этой логике некоторые авторы отмечают, что в первые годы советской власти центральными властями были жестко подавлены национальные движения и специфические национальные форматы государственной организации. Особенно большие споры существуют вокруг движения басмачества³⁴, таких национальных образований, как Кокандская автономия, автономия Алаш и другие, которые были заменены «марионеточными автономиями и правительствами»³⁵. Подвергается критике политика русификации, проводившаяся в Кыргызской Республике в годы советской власти, особенно в сфере применения кыргызского языка.

Однако в целом в оценке советского периода преобладают позитивные моменты, связанные с экономическим преобразованием страны и доступом кыргызского народа к образованию и достижениям культуры.

Надо отметить, что кыргызы, как и другие народы Центральной Азии восстанавливали собственную историю в автономном режиме. Автономно настолько, что до сих пор не возникло никаких заметных противоречий или конфликтов по поводу различных подходов к региональной истории с нашими соседями. В кыргызских исторических исследованиях нет претензий к соседям. В основном это объясняется тем обстоятельством, что такого рода претензии снимаются самим фактом исторического первородства кыргызов по отношению к таким народам, как казахи и узбеки. В кыргызском учебнике прямо написано: «этноним «кыргыз» является самым древним из всех современных названий народов, происходящих от тюркских корней. Тюркские этнонимы «туркмен», «узбек», «казах», «уйгур», «татар», «башкир» и др. появились гораздо позднее» И поясняется, что этническое упоминание «туркмен» берет свое начало примерно с VIII века, узбеки как народ сформировались между эпохами Караханидов и Тимуридов (вторая половина XIII – первая половина XIV веков)³⁶, а формирование казахского этноса сами казахские историки относят к XV веку³⁷.

Немаловажную роль играет и то обстоятельство, что древняя история кыргызов в большей степени связывается с другим регионом, нежели нынешняя территория их проживания. Каких либо серьезных свидетельств и доказательств проживания кыргызов на нынешней территории полтора и более тысячелетия назад не существует. Хотя и есть попытки установления связи кыргызов саками – признанными коренными жителями Центральной Азии, проживавшими в том числе и на нынешней территории Кыргызстана. Но они основаны не более чем на сходстве этнонима «саки» с названием одного из многочисленных кыргызских родов «саяки»³⁸.

Сложное отношение существует к Китаю и истории отношений с ним. Эта история в основном задокументирована китайской стороной и в эпосе

«Манас», а также ряде источников арабских авторов. В основном это история войн и конфликтов. Хотя в политических интересах президентом А.Акаевым была предпринята попытка изменить характер этой истории на дружественный. В этой связи был использован факт рождения на нынешней кыргызской территории недалеко от города Токмак крупнейшего китайского поэта Ли Бо (701-762), а также действительно имевшие место факты совместной борьбы кыргызов и китайцев с общими врагами. Были акцентированы те моменты истории, когда кыргызы были естественными союзниками Китая и в частности речь шла о «политическом союзе Енисейского государства кыргызов и Китайской империи», который «существовал более 100 лет и сыграл позитивную роль для обоих государств в танскую эпоху, а также заслуга Китая, остановившего арабские завоевание в битве при кыргызском городе Таласе³⁹. И даже в отношении цинского периода, когда Китай пытался завоевать Центральную Азию было сказано, что он «не вписывается в складывавшуюся веками общую тенденцию кыргызско-китайских отношений, всегда характеризовавшихся дружелюбием и взаимной симпатией»⁴⁰.

Следует сказать, что такой подход является принципиально противоположным существующим в общественном сознании представлениям и отношениям к Китаю. Он в большой степени был продиктован необходимостью завершить и оправдать кыргызско-китайское пограничное размежевание, которое проходило в те годы. В кыргызской среде существует устойчивое опасение по поводу Китая, связанное с его экономической и особенно – демографической экспансией.

ИСТОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Новое кыргызское историческое самосознание, которое появилось, нашло свои более чем двухтысячелетние истоки и восстановило в крупных чертах непрерывность национальной истории, столкнулось с тем фактом, что произведенная историческая реконструкция, и проделанная инструментализация прошлого не привели ни к пассионарному всплеску, ни к ясному образу будущего, ни даже к общенациональному согласию.

История, работа с историей оказались оторваны от реальности, от жизни народа так же как пафосные и глубокие по исследовательскому содержанию исторические экскурсии первого президента были далеки от реальных проблем страны. В стране царил двуличие относительно прошлого, двуличие относительно настоящего и двуличие относительно будущего. Говорилось о древней, богатой истории кыргызов, кыргызской государственности, кыргызской демократии и эффективных хозяйственных моделях, а царил квазирыночный суррогат экономики, прописанный по чужим моделям, квазидемократический суррогат общественного устройства, ничего не имевший общего с традицион-

ным кыргызским демократизмом, и народ с древней государственностью имел государство, которое рассыпалось под ударом горстки бунтовщиков⁴¹.

Столкновение с реальностью было настолько сильным, что многие историки и мыслители стали задавать вопрос: а была ли вообще кыргызская история как таковая, или же кыргызы – народ, которые не может сам управлять своей жизнью и всегда жил чужой историей? Были ли на протяжении более чем двух тысячелетий собственно кыргызские исторические проекты? Почему ни великое распыление кыргызов в первой трети второго тысячелетия, а затем годы подневольного существования на протяжении почти всего второго тысячелетия, ни жестокое уничтожение кыргызов в 1916 г. и кыргызской элиты в двадцатых и тридцатых годах XX века не породили исторического самодостоинства и способности выйти на самостоятельное историческое творчество.

Такое несоответствие великой истории и настоящего стал причиной заметного скепсиса по поводу истории. Исследование, связанное с идентичностью, показало, что ни один сюжет прошлого не стал значимым для массового исторического сознания, а среди выдающихся деятелей прошлого остались в памяти народа либо чужеродный Чингизхан, либо полумифические персонажи. Когда мы задали вопрос, кого из выдающихся личностей древней истории Кыргызстана вы считаете национальным героем, то первое место занял Чингизхан, (27,5 процента), еще 19 процента назвали героев эпоса «Манас» и Барсбега, правителя енисейской кыргызской державы. Но почти половина опрошенных попросту не знала никого⁴².

Видимо, мы имеем сейчас дело со своеобразной реакцией на историческое наполнение первых лет. Вопрос о древности кыргызов, кыргызского государства, об актуальности исторических исследований, о необходимости возрождения национальных традиций и форматов в политической, экономической, нравственной сфере полностью выпал из сегодняшней повестки дня. В определенной мере это связано и с личностью второго президента страны, обладающего скорее инженерным мышлением и подходом и не склонного к рефлексиям вообще и историческим, в частности.

История практически полностью исчезла из жизни общества и политической риторики власти, осталась жить только на страницах тех учебников, которые были написаны в первые годы независимости.

КЫРГЫЗСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Исторические исследования в Кыргызской Республике осуществляются силами историков, работающих в Институте истории Национальной Академии наук и на кафедрах высших учебных заведений. Поскольку история Кыргызстана является обязательным предметом в вузах, такие кафедры существуют во всех высших учебных заведениях страны.

Деятельность института истории осуществляется на основе Плана мероприятий на 2007-2010 гг., основными направлениями которого являются актуализация проблем фундаментальных исследований по истории кыргызской государственности, расширение источниковедческой базы, археологические и этнографические экспедиции, а также подготовка монографий, брошюр, учебников и учебных пособий. Тематика научных исследований института охватывает все основные этапы истории кыргызов и кыргызского государства с акцентом на досоветскую историю. Из 10 запланированных проблем 8 касаются досоветской истории, 1 – советской и 1 –постсоветской тематики⁴³.

Сам институт определяет свою главную задачу как переоценку и расширенное освещение истории кыргызов и Кыргызстана. В структуре института три отдела: истории Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века, истории Кыргызстана XX– начала XXI века и отдел археологии и этнологии. В штате института работает 21 научный сотрудник, в том числе 4 доктора и 11 кандидатов наук. Бюджетное финансирование института составляет 1790,8 тысяч сомов (45,9 тыс. долларов США) в год. Институт не обеспечен современной техникой, доступом в Интернет. Основной задачей института является подготовка академического трехтомного издания истории Кыргызстана, которая идет уже несколько лет. Кроме того, ученые института ежегодно делают около 50 публикаций, в основном в виде статей. Основной проблемой, сдерживающей развитие и эффективность исторической науки, является низкий уровень бюджетного финансирования. По этой же причине идет отток способной молодежи. Ныне в институте нет ни одного доктора наук моложе 60 лет и только один кандидат наук моложе 35 лет⁴⁴. Институт истории активно сотрудничает с 16 высшими учебными заведениями в подготовке дипломированных специалистов, учебников и учебных пособий.

Подготовка учебников осуществляется в основном силами вузовских историков. Выпущено несколько учебников по истории кыргызов и Кыргызстана, наиболее заметными из которых являются работы Осмонова О.Д.(учебники для вузов, средних школ и пособия)⁴⁵, Бактыгулова Д.С. и Момбековой Ж.К.⁴⁶, Асанканова А. и Осмонова С.Д.⁴⁷, Мокрынина В.П. и Плоских В.М.⁴⁸, а также сборников исторических материалов⁴⁹.

Оригинальных исторических работ, связанных с введением в научный оборот новых фактов и документов, достаточно мало. Из-за отсутствия возможностей изучения материалов древней и средневековой истории, а также нередко из-за отсутствия самих таких материалов, представление об огромных периодах в истории кыргызов носят либо фрагментарный характер, либо отсутствуют вовсе. Дискуссии между учеными в основном связаны не с историческим материалом, а с оценками исторических события и персонажей, с концептуализацией. Хотя и существуют исследования, раскрывающие роль отдельных наиболее выдающихся историков⁵⁰, тем не менее, нет практически нет ни одной обобщающей работы по кыргызской историографии и ее проблемам.

Кыргызское историческое знание во многом обязано своему развитию современной политике. Концепция пробуждения национального самосознания в условиях острейшего социально-экономического кризиса и дефицита ресурсов была выбрана в качестве одного из фундаментальных (наряду с демократией и рынком) источников трансформации и роста. Исторические книги первого президента страны Акаева, эпос «Манас» как источник национальной идеологии, переход к концепции моноэтничности страны составляют разделы национальной стратегии использования истории для формирования новой кыргызской государственности. Ведущим актором этого процесса являлась и является власть.

В последние годы интерес в обществе к истории, а власти к инструментализации прошлого заметно упал. Историческим исследованиям перестало уделяться серьезное внимание. Тем не менее, результаты первых лет работы – остались. И они сегодня создают, определяют рамки развития исторической науки. Различных проблем достаточно много, поскольку остаётся немало «белых пятен», недостаточно новых источников и еще меньше людей, которые были бы в состоянии провести их поиски. Основная часть материалов – это китайские и другие восточные источники, и нет никого, кто мог бы осилить эту громаду летописей.

Поэтому следует ожидать, что ближайшие и достаточно долгие годы будут посвящены работе с историческим материалом. Кыргызская национальная история нуждается в фактологическом наполнении. В числе основных проблем, которыми намерены заниматься историки страны, проработка проблем происхождения этнонимов, этногенеза и культурогенеза, прояснение исторических форм кыргызской государственности⁵¹, необходимость объективной оценки истории присоединения Кыргызстана к России и его развития в составе СССР, а также оценка современного исторического процесса⁵².

Но делаться это будет в режиме глубокого дефицита ресурсов и отсутствия государственной воли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Санжыра – устно передаваемая или записываемая родословная кыргызских родов. Как правило каждый обязан помнить своих непосредственных предков не меньше, чем до седьмого колена. Кроме того, существуют сведения в целом о роде, его генеологическом древе, насчитывающие глубину до нескольких десятков поколений. Как правило, запоминаются не только имена, но и наиболее яркие поступки из жизни тех или иных представителей рода. Санжира также является своего рода форматом социальной организации, показывающим место и статус каждого в рамках рода. Существуют также специальные люди – санжирачи, которое являются носителями информации о санжире тех или иных родов, групп родов или кыргызов в целом. Кыргызская санжира включает в себя сложную структуру из двух родовых «крыльев» – «Сол канат»(левого крыла) и «Оң канат»

(правого крыла), каждый из которых насчитывает несколько десятков родов, а также отдельную группу ичкилик, также состоящую из нескольких родов. См.: Атокуров С. Кыргыз санжырасы. Бишкек, 1995.; Закиров С. Кыргыз санжырасы. Бишкек, 1999.

² См.: Отчеты о деятельности Национальной Академии наук Кыргызской Республики за 1991-1999 годы, а также Научные отчеты Института истории Национальной Академии наук Кыргызской Республики за этот период.

³ Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник по истории государственности кыргызов. –Б., 2004.; Осмонов О. Дж. Эпос Манас – неиссякаемый источник истории Кыргызстана/ История Кыргызстана (С древнейших времен до наших дней). Бишкек, 2005. С. 12-28.

⁴ Резолюция ООН «Празднование тысячелетия киргизского национального эпоса «Манас». № 49/129 от 19 декабря 1994 года.

⁵ Акаев А. Памятное десятилетие. Бишкек, 2001. С. 177-178.

⁶ Акаев А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2002. С. 420-424.

⁷ Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. /Материалы Международной научной конференции, посвященной 1000-летию эпоса «Манас», 22-24 сентября 1994 г., г. Бишкек. Бишкек, 1996.

⁸ Выступление Президента Кыргызской Республики К.С. Бакиева на Международном форуме «XXI век -век межкультурного диалога, экономического подъема и духовного возрождения на евразийском пространстве». В кн.: Бакиев К.С. Впереди у нас ясный путь. Бишкек, 2007. С. 133-136.

⁹ Там же. С. 225-226.

¹⁰ Резолюция ООН «Год киргизской государственности». № 57/248 от 20 декабря 2002 года -

<http://daccess-ods.un.org/TMP/932892.3.html>

¹¹ Акаев А. Из глубины тысячелетий в достойное будущее (Выступление на II Всемирном курултае кыргызов). – В кн.: Акаев А. Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. М., 2004. С. 355– 378.

¹² См. например: Мусаев К. История великой кыргыз-кыпчакской империи (4500 г. до н.э. – 1500 г.н.э.) Бишкек, 2002.

¹³ Древнекитайские источники о кыргызской государственности (III в. до н.э. – IX в. н. э.). Бишкек, 2003.

¹⁴ Маанаев Э. Сведения о Тянь-шаньских и Памирских кыргызах / Э. Маанаев, З. Эралиев, К. Эссен улуу. Кыргызы в древности и средневековье (материалы и исследования). Бишкек, 1997.

¹⁵ См.: Плоских В. Новые проблемы истории Кыргызстана // Кыргызстан: история и современность: Сб.ст. Бишкек, 2006. С. 32-38.; Джунушалиев Д. Исторические этапы кыргызской государственности (III в. до н.э. – XIX в.) / ДД. Дунушалиев, А. Какеев, В. Плоских; НАН КР, КНУ им. Ж.Баласагына, КРСУ. Бишкек, 2003. С. 12-17; Кыргызстан: история и современность / НАН КР, Ин-т истории, КРСУ, Кафедра истории и куруртологии. Отв.ред. А. Дж. Джуманалиев. Бишкек, 2006; Сарыгулов Д. Кыргызы: прошлое, настоящее и будущее: Тезисы. Бишкек, 2005.

¹⁶ Курманов З.К. Об исторической самоидентификации кыргызов // История и идентичность: Кыргызская Республика = Geschichte und Identität: Kirgisische Republic. Бишкек, 2007. С. 29.

¹⁷ См.: Джуманалиев Т. Эволюция политической власти кочевников Притяньшана (III в. до н.э. – XII в.): Дис. ...д-ра исторических наук: КНУ им.Баласагына. Бишкек, 2005.

¹⁸ См.: Бакеева Б.З. Антисоветские движения в Кыргызстане в начале XX века. Дис... канд.ист.наук. КГУ им. И. Арабаева. Бишкек, 2007; Джунушалиев Д. Кыргызстан: Преобразовательные процессы 20-30-х годов (Исторический анализ проблем созидания и трагедий): Дис....д-ра ист.наук/НАН Кырг.Республики, Ин-т истории Кыргызстана. Бишкек, 1993.

¹⁹ Акаев А. Памятное десятилетие. Бишкек, 2001. С. 179-180.

²⁰ Заднепровский Ю.А. Ошское поселение: К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 2001.

²¹ История, культура и экономика юга Кыргызстана: Материалы международной научной конференции. –Ош.:2000.; Изучение древнего и средневекового Кыргызстана / НАН Кырг. Респ.; Госуд. дир. «Ош-3000» при Правительстве Кырг. Респ. Бишкек, 1998. (Серия «Ош-3000» и культурное наследие народов Кыргызстана»; Вып.1).

²² История и идентичность: Кыргызская Республика = Geschichte und Identität: Kirgisische Republic / пер. И. Мамытова, И. Писаренко. Бишкек, 2007. С.. 111.

²³ Там же. С. 112.

²⁴ Там же. С. 112.

²⁵ История Киргизской ССР (с древнейших времен до наших дней). – В 5-ти тт. / Том 2. Добровольное вхождение Киргизии в состав России и его прогрессивные последствия (разложение патриархально-феодальных и развитие капиталистических отношений 1855-март 1917 г.). Фрунзе, 1986. С. 53.

²⁶ Осмонов О.Д. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней): Учебник для вузов. Бишкек, 2005. С. 287.

²⁷ Там же. С. 291.

²⁸ История Киргизской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти тт. / Том 2. Добровольное вхождение Киргизии в состав России и его прогрессивные последствия (разложение патриархально-феодальных и развитие капиталистических отношений 1855-март 1917 г.). Фрунзе, 1986. С. 345.

²⁹ Там же. С. 345.

³⁰ См.: Исакеев Б. Киргизское восстание 1916 года (Доклад на собрании рабочих «Интергельпо» и «Железнодорожников в связи с 15-летием восстания 1916 года.). Киргосиздат, 1932.; Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 году. М., 1925.

³¹ См.: Айтпаева Г.А. Уркун: смысл трагедии 1916 года в контексте большого времени // Природа университетского образования: материалы научно-практической конференции. Бишкек, 1999. С. 38; Арзыматова А.А. Земельный вопрос и восстание 1916 г. в Кыргызстане // Вопросы истории Кыргызстана. 2006. №3. С. 16-18.

³² Каракеев К.К. Восстание 1916 года: его место и значение // Вопросы истории Кыргызстана. 2006. № 3. С. 9-11; Омурзаков С.О. О восстании кыргызов 1916 года // Гуманитарные науки на рубеже веков: материалы научно-практической конференции. Бишкек, 2000. С. 171-175.

³³ Усенбаев К. 1916: Героические и трагические страницы. Бишкек, 1997. С. 14, 16-19, 115-126,131-135.

³⁴ См.: Бекеева Б.З. Антисоветские движения в Кыргызстане в начале XX века. Дис...канд ист.наук / Б.З.Бекеева; НАН КР. Ин-т истории. Бишкек, 2007.

³⁵ Курманов З. История Кыргызстана и кыргызов / Центральная Азия: собственный взгляд = Zentralasien: eine Innenansicht / Пер. А. Трубицина. Бишкек, 2006. С. 131.

³⁶ Осмонов О.Д. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней): Учебник для вузов / О. Дж. Осмонов. Бишкек, 2005. С.91.

³⁷ Ерофеева И. Казахстан в потоке эпох: историческая динамика и традиция / Центральная Азия: собственный взгляд = Zentralasien: eine Innenansicht/ Пер. А. Трубицин. Бишкек, 2006. С. 27-30.

³⁸ Курманов З. История Кыргызстана и кыргызов / Центральная Азия: собственный взгляд = Zentralasien: eine Innenansicht / Пер. А. Трубицина. Бишкек, 2006. С. 120.

³⁹ Акаев А.А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2002. С. 356 – 358.

⁴⁰ Там же. С. 368.

⁴¹ См.: Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. Алматы, Бишкек, 2005.

⁴² История и идентичность: Кыргызская Республика = Geschichte und Identität: Kirgisische Republic. Бишкек, 2007. С. 115.

⁴³ План мероприятий Института истории НАН КР по реализации стратегии развития страны.

⁴⁴ Научный отчет Института истории НАН КР об основных итогах деятельности в 2007 году.

⁴⁵ Осмонов О.Д. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней): Учебник для вузов/ О.Дж. Осмонов. Бишкек, 2005; Осмонов О.Д. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней): 100 экзаменационных ответов / О.Дж. Осмонов. Бишкек, 2007; Осмонов О.Дж. История Кыргызстана: Краткий курс. 2-е изд. Бишкек, 2004.

⁴⁶ Бактыгулов Дж.С., Момбекова Ж.К. История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. Бишкек, 1999.

⁴⁷ Асанканов А.А., Осмонов С.Д. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней): Учебник для вузов / Отв. ред. В.М.Плоских. Бишкек, 2002.

⁴⁸ Мокрынин В.П., Плоских В.М. История Кыргызстана. Учебник для 8-9 классов русской школы. Бишкек, 1995.

⁴⁹ Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 1 / Ред. В.А.Ромодин. 2-е изд. Бишкек, 2002. (Серия: источники по истории тюркских народов: 2); Источники: история и перспективы изучения: Сб. Междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 2200-летию Кыргызской государственности / КГПУ им. И. Арабаева, Ин-т восточных языков и культур; Отв.ред. Ч.Дж. Турдалиева. Бишкек, 2003; Проблемы политгенеза кыргызской государственности: Аргументы, исследования, материалы / НАН Кырг. Респ. Бишкек, 2003.

⁵⁰ См., например: Дуйшеев Ж.А. Вклад профессора К. Усенбаева в становление и развитие исторической науки в Кыргызстане: Дисс... канд.ист.наук / Дуйшеев Ж.А.; НАН КР, Ин-т истории. Бишкек, 2005; Пиримбаева Ж.Ж. Вклад С.М. Абрамзона в изучение этнографии кыргызского народа: Дисс.. канд. ист. наук / Ж.Ж. Пиримбаева; Ин-т истории НАН КР . Бишкек, 2005.

⁵¹ Джунушалиев Ж.Д. Исторические проблемы исследования древнекыргызской государственности // Центральная Азия и культура мира. 2003. №1-2. С. 12-15.

⁵² Плоских В. Новые проблемы истории Кыргызстана // Кыргызстан. История и современность. Бишкек, 2006. С. 32-38.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН

Государственный флаг Республики Кыргызстан

Пропорции: 1:2. Представляет собой полотнище красного цвета. В центре помещено изображение солнца желтого цвета. На солнце размещено символическое изображение киргизской юрты.

Принят в 1992 г. Красный цвет флага символизирует доблесть и смелость. Солнце олицетворяет покой и богатство, а изображение юрты – символ Родины и мира.

Государственный герб Республики Кыргызстан

Герб Киргизии — официальный государственный символ Кыргызской Республики; был разработан А. Абдраевым и С. Дубанаевым и утверждён 14 января 1994 постановлением Жогорку Кенеша.

В центре герба на фоне озера Иссык-Куль и отрогов Ала-Тоо, над которым восходит солнце, расположено изображение белого сокола с распростертыми крыльями, символизирующее свободу и независимость Кыргызстана. Силуэт солнца является символом жизни, богатства и изобилия. Заметим, что этому элементу отводится главное место в государственных символах. Вершины гор, освещённые солнцем, похожи на киргизский национальный головной убор «калпак».

В миропонимании кочевников особое место занимает степной орел или беркут. На языке символики силуэт орла означает государственную власть, широту и прозорливость. Для степняков это символ свободы, независимости, стремления к цели, к высоте, полет в будущее. На гербе Кыргызстана это кречет «Ак-шумкар» Манаса.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН
Гимн утверждён постановлением Жогорку Кенеша Киргизии
18 декабря 1992 года

Слова: Ж.Садыкова, Ш.Кулуева.

Музыка: Н.Давлесова, К.Молдобасанова.

Перевод с киргизского К.Акматава и М.Рудова.

Ак мөңгүлүү аска зоолор, талаалар,
Элибиздин жаны менен барабар.
Сансыз кылым Ала-Тоосун мекендеп,
Сактап келди биздин ата-бабалар.

Припев:

Алгалай бер, кыргыз эл,
Азаттыктын жолунда.
Өркүндөй бер, өсө бер,
Өз тагдырың колунда.

Байыртадан бүткөн мүнөз элиме,
Досторуна даяр дилин берүүгө.
Бул ынтымак эл бирдигин ширетип,
Бейкуттукту берет кыргыз жерине.

Припев

Аткарылып элдин үмүт, тилеги,
Желбиреди эркиндиктин желеги.
Бизге жеткен ата салтын, мурасын,
Бйык сактап урпактарга берели.

Припев

Подстрочный перевод на русский язык

Высокие горы, долины, поля —
Родная, заветная наша земля.
Отцы наши жили среди Ала-Тоо,
Всегда свою родину свято храня.

Припев:

Вперёд, киргизский народ,
Путем свободы вперёд!
Взрастай, народ, расцветай,
Свою судьбу создай!

Извечно народ наш для дружбы открыт,
Единство и дружбу он в сердце хранит.
Земля Киргизстана, родная страна
Лучами согласия озарена.

Припев

Мечты и надежды отцов сбылись.
И знамя свободы возносится ввысь.
Наследье отцов наших передадим,
На благо народа потомкам своим.

Припев

Памятник Шабдан батыру

Университет им. Ж. Баласагына

Эпос «Манас» - золотая сокровищница народной мысли, в которой отразился более чем трёхтысячелетний опыт истории и духовной жизни кыргызов. По жанровым признакам эпос «Манас» следует относить к героическим эпосам. Однако, по охвату событий, объёму повествования, он выходит далеко за традиционные жанровые рамки. Содержание «Манаса» намного масштабней и глубже обычных песен о подвигах народных героев. Значительное место в эпосе занимают сцены военных столкновений. Это противостояние нашествию внешних врагов; ссоры с соседними племенами и народами за территории, перерастающие иногда в кровопролитные сражения; борьба за возвращение родных земель и обретение независимости; внешние военные походы кыргызов с целью упреждения угрозы военного вторжения; военная помощь дружественным племенам и соседним народам в их борьбе с общим внешним врагом.

В «Манасе» особо подчеркиваются богатырские качества героев, оцениваются их воинское умение и доблесть. Участие в военных походах, защита своего народа от врагов являлись по эпосу исполнением долга каждого мужчины. Но и роль женщин не ограничивалась только ведением домашнего хозяйства, женщины не раз принимали непосредственное участие в сражениях, оказывали богатырям помощь, а в трудные минуты поддерживали их своими советами и наставлениями. В содержание эпоса вошли также реальные многоплановые события мирной жизни народа, которые получили особое художественное отражение. Изображение мирной жизни содержит описание практически всех народных обычаев и традиций, начиная от устройства жилища, приготовления пищи, одежды, военного снаряжения, ухода за скотом, проведения семейно-бытовых праздников, и кончая похоронными причитаниями и погребальными обычаями. Эти сцены органично вплетены в сюжет эпоса, имеют свою художественную логику и эстетику.

Памятник Манаса расположенный перед зданием Национальной Государственной Филармонии

Проспект «Манаса» - одна из центральных улиц города Бишкек.

Денежные знаки с изображением эпического героя «Манаса»

Международный Аэропорт Манас

Пик Манас (4482 м),

Коллекционный коньяк «Манас»

Марки с Изображением героев эпоса Манасанаса великодушного «Государственной Филармонии и марки с изображением национальных орденов и медалей

Кафе «МАНАС»

«Манас Ордо» и кумбез в городе Талас

Медаль посвященная 1000-летию эпоса Манас

Банк «Манас»

Кинотеатр «МАНАС»

Высшая награда Кыргызской Республики – Орден Манаса

Кыргызско-Турецкий Университет МАНАС

озеро МАНАС в Алтае.

О. Д. Ж. ОСМОНОВ

ИСТОРИЯ КЫРГЫЗСТАНА

(С древнейших времен до наших дней)

СОДЕРЖАНИЕ

§ 1. История как наука.....	3
§ 1.1. Эпос «Манас» – исторический источник истории Кыргызстана.....	12
Часть I	
КЫРГЫЗСТАН С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СРЕДНЕВЕКОВ	
§ 1.1. Кочевья в бронзовый век в Кыргызстане.....	29
§ 1.4. Сюэнь тугансы. Государство Диньш.....	52
§ 1.5. Древняя история Кочуку.....	73
§ 1.6. Древние народы: Тюркские племена.....	91
§ 1.7. Борьба за господство в Центральной Азии. Кыргызские Великие Арканы.....	113
§ 1.8. Кыргызстан на пути в государственность.....	132
§ 1.9. Формирование кыргызского народа в этнокультурном и государственно-политическом аспектах.....	164
§ 1.10. Кыргызстан в период засилья Китайского владычества.....	189
§ 1.11-12. Культура Кыргызстана.....	214
Часть II	
КЫРГЫЗСТАН В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР	
§ 1.13. Присоединение Кыргызстана к России.....	264
§ 1.14. Колониальная политика империи. Национально-освободительная борьба в Кыргызстане.....	283
§ 1.15. Культура Кыргызстана периода XIX – начала XX вв. 293	

§ 16. Политика перестройки. Уставление Советской власти —	329
§ 17. Социально-экономические реформы в период становления советской социалистической системы (1917–1949 гг.) —	347
§ 18. Становление киргизской государственности. Уставление независимого района —	368
§ 19. Киргизская в годы Великой Отечественной войны —	391
§ 20. Восстановление и развитие народного хозяйства (1946–1964 гг.) —	408
§ 21. Киргизская в период “революции гласности” (1984–1989 гг.) —	423
§ 22. Киргизская в “эпоху перестройки” (1985–1991 гг.) —	439
§ 23. Развитие структуры Киргизстана в переходный период —	449
34	
Часть III СУВЕРЕННАЯ	
КИРГИЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА	
§ 24. Република СССР. Развитие суверенной Киргизской Республики —	481
§ 25. Социально-экономическая и правовая жизнь суверенной Киргизстана —	491
§ 26. Внешняя политика и международные связи суверенной Киргизской Республики —	548
§ 27. На пути к независимости киргизов —	588
Об авторе —	596

НОВОЕ ВИДЕНИЕ ИЛИ НОВАЯ АРХИТЕКТУРА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Мунира ДЖАМАЛОВА

90-е годы прошедшего столетия обозначены глобальным событием. Ушла в прошлое великая империя Советский Союз, а на политической карте мира появились новые независимые государства. В этих условиях коренным образом изменился взгляд каждого из народов на свою собственную историю. Практически во всех республиках наблюдался повышенный интерес к истории и новому ее осмыслению. К сожалению, в это время, как и прежде историю пытались использовать в качестве инструмента для манипуляции массовым историческим сознанием. Обострившаяся внутривнутриполитическая ситуация в центрально-азиатском регионе, с одной стороны, обусловила излишнюю абсолютизацию истории. Началась, в полном смысле этого слова, экспансия на нее со стороны отдельных лидеров политических партий и группировок, подавшихся националистической и религиозной эйфории. С другой стороны, руководители республик региона сами обращались к истории, чувствуя ее определяющее значение для воспитания национального самосознания и определения национальной идентичности, а также сохранения стабильности. Не случайно, что они сами являлись авторами исторических трудов, появившихся в первые годы независимости республик.

В этих условиях для профессиональных историков актуальность взвешенного научного подхода к изучению истории не только сохранялась, но и возрастала. Установление мира в Таджикистане стало мощным фактором консолидации сил, ума и творческой деятельности таджикских историков. Общество нуждалось в представлении истинной, неискаженной субъективным подходом к истории и историки были обязаны повернуться лицом к тем проблемам, которые бы способствовали укреплению таджикской нации и ее государственности. Итогом осознания этой нелегкой миссии стало появление целого ряда работ таджикских историков¹. Эти работы были изданы как в Таджикистане, так и за его пределами.

Хотя новые исторические реалии и тенденции существенно нарушили традиционный подход к изучению истории, сложившийся в годы советской власти, они открыли широкий простор для более объективного подхода к историческим изысканиям. Следует отметить, что в Таджикистане переосмысление прошлого проходило не только в условиях перехода от одного общественного устройства к другому, в условиях коренных изменений в политической системе общества, его экономических основ, выдвижения новых политических и идеологических

парадигм, новых морально-нравственных ценностей, но и в условиях гражданской войны (1991 – 1997 гг.), часто именуемой в исторической литературе межтаджикским конфликтом.

Не вдаваясь в подробный анализ, увидевших свет всех исторических трудов 90-х годов ушедшего века, остановимся лишь на главном достижении таджикской историографии данного периода. Когда бушевала вторая гражданская война, несмотря на радикальные перемены в характере общественно-политической и социально-экономической жизни страны, несмотря на болезненность процесса, для историков крайне важной становилась необходимость объективного изучения истории, представления ее во всех сложностях и противоречиях. Другой важной задачей историков было изучение истории таджикского народа в контексте региональной и мировой цивилизации. Эти задачи имеют важное значение для осознания себя как народа. Только на основе знаний своего прошлого можно определить своё место в мировом историческом процессе. Труды, отображающие героическое прошлое, призваны были стать цементирующим материалом, обеспечивающим сплочение таджиков и определения их национальной идентичности.

Таджикские историки должны ответить на крайне сложные вопросы: кто мы, откуда, из каких корней произросли? Кто наши первые предки, из каких краев они пришли, в каких пределах жили? Где берет начало, до берегов какого времени доходит история цивилизации и государственности таджиков? Каков исторический вклад нашей нации в зарождении и дальнейшем развитии совместной цивилизации арийцев? Имеют ли наш язык, быт, историческое и культурное наследие свою национальную первозданность или же мы заимствовали их у других народов?

ТАДЖИКИ: КТО МЫ?

Гражданская война создала своеобразный вакуум в сознании людей. С одной стороны, в прошлое ушла десятилетиями культивировавшаяся идеология, бывшая обязательной необходимостью, а, с другой, открывалась призрачная перспектива утверждения своего национального независимого будущего.

Что знали таджики к этому времени о своем прошлом?

Таджикский народ берет свои истоки в глубокой древности и является одним из ярких представителей арийской цивилизации. Его первые государственные образования относятся к IX – V вв. до н.э. Самыми древними считаются Согдийское, Хорезмское, Древнеферганское, Древнебактрийское² и Ахеменидское государства.³ Последнее было разгромлено войсками Александра Македонского в 329-327 гг. до н.э. С III века до н.э. и до III века н.э. предки таджиков находились в составе Селевкидского, Греко-Бактрийского, Парфянского и Кушанского государств. Затем они жили в составе государств Селевкидов, Эф-

талитов и Тюркского каганата (IV – VII вв.). В 70-х годах VII – начало IX вв. Средняя Азия была завоевана Арабским халифатом, в результате чего ислам стал господствующей религией в регионе.

После почти полуторавекового владычества арабской военно-теократической знати IX – X вв. стали временем возрождения экономики и культуры Исторической Родины таджиков – Мовароуннахра и Хорасана. Это был период становления и расцвета первого таджикского государства Саманидов (875 – 999 гг.). Государство Саманидов просуществовало не долго и уже XI – XIII вв. отмечены чередой завоеваний территории Средней Азии тюрко-монгольскими племенами Газневидов и Хорезмшахов. Начиная с XIII до середины XIV вв. таджики находились под игом татаро-монгольских завоевателей. В XIV – XVI веках они оставались в составе государства Тимура⁴ и тимуридов, и в составе узбекского государства Шейбанидов. С XVII до второй половины XIX вв. таджики выживали в условиях владычества тюркских племен Джанидов (или Аштарханидов) и династии Мангытов.

Следует отметить, что до присоединения Средней Азии к России таджикские земли входили в состав трех среднеазиатских ханств: Бухарского, Хивинского и Кокандского. Во второй половине XIX века Средняя Азия была завоевана царской Россией. В последствии таджикский народ и другие народы Средней Азии были втянуты в водоворот социально-экономических революционных событий. Победа Советской власти привела к созданию национальных республик, что имело судьбоносное значение для формирования национального самосознания всех народов региона, в том числе и таджиков.

Еще в период формирования таджикского народа, при Саманидах (IX – X вв.) у таджиков, имевших древнюю историю, имелась богатая историографическая традиция. В дореволюционный период к истории таджикского народа большой интерес проявляли представители российской школы востоковедов⁵. Не умоляя достоинства их работ, следует подчеркнуть, что они носили в большей степени описательный характер. Поэтому они не могли осмыслить реальную панораму событий древнейшей, древней и средневековой истории таджикского народа. Работы же историков советского периода страдали необъективностью из-за следования исключительно марксистско-ленинской методологии, постулату «дружбы народов», интернационализма. Историки, находясь под идеологическим прессом, вынуждены были подгонять исторические факты под конъюнктурную схему, определенную сверху. Это приводило к догматизму и мифологизации многих исторических событий и формированию искаженного исторического сознания, на основе которого невозможно строить объективные суждения и выводы.

Тем не менее, в наши дни в обществе не теряет своей актуальности фундаментальный труд академика Бабаджана Гафурова «Таджики»⁶. Эта книга была визитной карточкой таджиков, опорой национального самосознания и укрепления исторического мышления народа. В ней по крупницам собрано духовное

и культурное наследие таджикского народа, воссоздана и систематизирована историческая картина, доказано, что таджики являются древнейшими и исконными жителями Мавераннахра и Хорасана. В те времена, когда пресекались любые устремления к национальному самосознанию, глубокое исследование исторического прошлого своего народа и раздумья над его историческими судьбами со стороны первого руководящего лица республики, каковым являлся Бабаджан Гафуров, сегодня расценивается как подвиг⁷.

Но все же книга «Таджики» Бабаджана Гафурова была продуктом социалистического прошлого. Поэтому после братоубийственной войны большой резонанс в таджикском обществе вызвал другой фундаментальный труд – книга академика Н.Н. Негматова «Таджикский феномен: история и теория». Она была издана к 1100-летию расцвета государства Саманидов. О неподдельном интересе к ней свидетельствует большое количество рецензий и отзывов, написанных ведущими историками, политиками, философами, культурологами и журналистами в средствах массовой информации. Работа посвящена новому проблемно-реформаторскому анализу следующих проблем: формационная и культурно-антропологическая периодизация, этногенез, культурогенез и цивилизация, теория государственности таджикского народа. «Таджикский феномен» Н. Негматова отличается от всех предыдущих исторических работ тем, что он не является чьим-либо заказом. Он стал закономерностью завершения процесса накопления материала и необходимостью его научного осмысления, с одной стороны, и с другой – нетерпеливого желания народа знать историческую правду, освобожденную от всякого идеологического клише. И, наконец, существенным контекстом указанной книги стала разгоревшаяся трагическая гражданская война в Таджикистане.

Академик Н. Негматов подчеркивает все достоинства труда Бабаджана Гафурова и отстаивает позиции великого предшественника. Вместе с тем он отмечает некоторую старость ее структуры и материалов. В связи с этим Н. Негматов поднимает вопрос о необходимости проведения реформы самой исторической науки в Таджикистане и введения новой концепции таджикской исторической науки, дополняя, уточняя и, тем самым, усиливая и осовременивая книгу «Таджики» Бабаджана Гафурова новым видением коренных проблем истории таджикского народа, с применением новых понятий современной науки⁸.

После введения Негматовым таких терминов, как «Историческая прародина», «Родина», «Исторический Таджикистан», «Современный Таджикистан» историки стали уделять внимание географическим рамкам сложения таджикского этноса в единую народность в пределах «Исторического Таджикистана». В эту территорию включаются зоны Хоросана-Гиндукушских, Памиро-Алайских и Тянь-Шаньских горных систем, бассейнов Сыр-Дарьи, Зеравшана, Аму-Дарьи, Хоросанского Мургаба и Герируда на базе первых древнейших и древних таджикских государственных образований и оседло-земледельческих народов

– согдийцев, бактрийцев, тохаристанцев, маргианцев, парфян, хорезмийцев, ферганцев, горных и степных ираноязычных скотоводческих племен сакской и кангуйской конфедераций⁹.

Академик Р. Масов пишет, что процесс формирования современного таджикского народа имел место в первом тысячелетии нашей эры в пределах государств Сасанидов (начало) и Саманидов (завершение). В IX – X вв. завершается процесс сложения таджиков в единый народ, формируется единый литературный язык и на политической карте мира появляется первое собственное таджикское централизованное династическое государство с относительно преобладающим таджикским населением и таджикским государственным языком делопроизводства, наукой, литературой и искусством. Государство Саманидов сформировалось на территории древне-этнических народов и культурно-идентичных стран, занимало пространство от афганского Пандшера, Газни и Герата, Иранского Хоросана на юге до Хорезма на северо-западе, Исфиджаба и Хафтруда (Семиречье) на севере, пределов оазисов и долин Кашгара и Памира на востоке¹⁰. Однако мирная жизнь таджикского народа оказалась прервана беспрерывными нападениями и агрессией со стороны тюрко-монгольских племен. В итоге таджики потеряли свою династическую государственность и независимость, оказались под гнетом деспотических режимов и чуждых ему тюрко-монгольских образований, которые сменяли друг друга поочередно вплоть до свержения Бухарского эмирата в сентябре 1920 г.

Современное поколение таджиков преклоняет голову перед предками, которые в суровых испытаниях смогли не только выстоять, но и сохранить самые главные достоинства нации – язык и опыт государственного управления. Это был народ, который на беспощадные удары отвечал неотразимым воздействием своей культуры и языка: культура побежденного народа побеждала победителей¹¹. Парадоксальным было то, что рожденная революцией 1920 г. Бухарская народная власть установила тюркский язык. В 1920 г. привычная арабская графика была заменена латиницей, а в 1940 г. от латиницы перешли к кириллице. Смена письменности наносила серьезный удар по осмыслению наследия предков. Параллельно с этим изымались из свободного хождения и уничтожались книги на арабской графике. Сохранились только те из них, которые разными путями попали в государственные библиотеки.

Тысячу лет назад таджики лишились государственности, но на протяжении этого времени многие крупнейшие империи и государства Центральной Азии избирали своим государственным языком таджикский – фарси, и использовали опыт таджикского государствоведения с его чиновническим исполнительным аппаратом. Культурная и политическая история таджиков доказала, что они не создавали для себя образа общенационального врага – древнейшая этика ненависти всегда была преобладающей национальной чертой.

На переходном этапе из глубины памяти народа поднимаются проблемы, связанные с крутыми поворотами его истории. Наиболее актуальным ока-

зался вопрос национально-территориального размежевания, проведенного Советской властью в 1924 г. Этот акт для народов Средней Азии имел судьбоносное значение. У них появилась возможность создания своих национальных государств. Вместе с тем в результате национально-территориального размежевания произошла непоправимая историческая несправедливость по отношению к таджикам. Таджикистан вошел в состав Узбекской ССР в качестве автономной республики. И только в 1929 г. территории Ходжента и его областей были переданы Таджикской АССР, образовалась самостоятельная республика – Таджикская ССР. Однако главные консолидирующие центры таджикского народа – города Самарканд и Бухара – остались в составе Узбекской ССР. Таджикский народ лишился своих основных культурных, политических и экономических центров, его дальнейшая консолидация снова стала невозможной. Академик Рахим Масов посвятил этой несправедливости трилогию «Таджики: история национальной трагедии»¹². Она пользуется большой популярностью.

В результате «топорного» разделения (первая часть трилогии Р. Масова так и называется «История топорного разделения») таджикам были отведены горные и предгорные районы и области. Они оказались лишены принадлежавших им по праву исторических центров, экономически развитых районов и территорий, где компактно проживали¹³ на протяжении всего своего исторического пути. Кроме того, республика оказалась в сложных географических и климатических условиях, что вызывало внутреннюю разобщенность, особенно в зимнее время, и препятствовало ее прогрессу.

Однако у разделенных таджиков все же появилась возможность строить свое небольшое, но национальное независимое государство. Конечно, независимость эта была относительной, как и для всех союзных республик. Сверхцентрализация обеспечивала экономический подъем, но создавала серьезные препятствия в решении национальных и культурных проблем. Разобщенность народа порождала одно из самых негативных явлений – регионализм и местничество, которое было едва ли не самой главной причиной межтаджикского конфликта.

После установления мира таджики в пределах сложившегося в ходе истории Таджикистана строят свое независимое государство. За последнее десятилетие наблюдаются сдвиги в экономике, в темпах строительства гидроэлектростанций, железных и автомобильных дорог. Страна медленно, но уверенно выходит из состояния внутренней разобщенности посредством создания единого экономического рынка и единого информационного пространства. Стабилизация политической ситуации повысила авторитет Таджикистана среди стран СНГ и сделала ее привлекательной для инвестиций, для определения своего места в мировом сообществе и вместе с тем своей национальной идентичности.

ОБ АРИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

При размышлениях о причинах национальной трагедии 1992 – 1997 гг., становится очевидным, что в то время историей пытались манипулировать в своих интересах различные политические силы, пытаясь достичь своей заветной цели – власти. Но то время ушло и в Таджикистане действует законно избранная народом власть. Повышенный интерес общества к своему прошлому заставляет ученых заново строить мост между прошлым, настоящим и будущим.

Отстаивая идею единства нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмонов 12 сентября 2003 г. издал специальный указ “О годе арийской цивилизации” в целях изучения и пропаганды вклада арийцев в историю мировой цивилизации, воспитания у молодого поколения национального самосознания, развития связей между народами и культурами. В связи с этим 2006 г. был объявлен годом Арийской цивилизации, а связанные с ним торжества были проведены в дни празднования пятнадцатой годовщины государственной независимости Республики Таджикистан. Эти дни отразили стремление организаторов найти исторические корни своего народа, возродить многовековые гуманистические традиции и идеи, рожденные предками таджикского народа, реабилитировать тему ариев в глазах мировой общественности, освобождая ее от политических извращений. Так посредством исторических знаний был перекинут мост между прошлым и настоящим, чтобы строить новое таджикское государство на принципах демократии и гражданского общества.

Чтобы было понятно обществу, почему проблеме ариев уделяется столь серьезное внимание Президент АН РТ Мамадшо Илолов писал: «Объявляя 2006 год годом арийской цивилизации, современные таджики далеки от абсолютизации истории. Мы далеки от одностороннего культа истории, оставляющего без внимания острые проблемы современности. Тема Ариев – это опирающаяся на историю устремленность в будущее. История не представляется для нас чем-то существующим раздельно от будущего. Когда мы говорим о себе и своей культуре как части цивилизации ариев, то понимаем ее как этнокультурную целостность в пространстве и во времени, сохраняющую и приумножающую свою плодотворность в необычайно богатой и многообразной жизни человечества.

Обращение к подлинной истории ариев необходимо было не только для самопознания, не только для формирования идентичности народа в условиях современности, но, прежде всего, для поиска и нахождения энергии созидания в ответ на вызовы и угрозы современности. Таджики, освободившиеся от груза несвободы, должны найти в самих себе силы, чтобы новое становление государственности стало необратимым процессом. Никто не даст таджикам творческой силы, она дремлет в истории и культуре, в стремлении к миру, без которого невозможна созидательная поступь»¹⁴.

В определении своих исторических корней особый интерес представляет книга Ибрагима Умарзода «История цивилизации Арийцев» Она знакомит чи-

тателей не только с историей зарождения Арийцев, но и с историей появления народов Средней Азии и Европы. В книге говорится о первом языке Арийцев и о рождении на ее основе в конце пятого тысячелетия древнеперсидского, затем среднеперсидского и наконец, на их основе новоперсидского (таджикского) языков. Читатель впервые знакомится с начальной теорией разумного монотеизма Арийцев и с появлением после двухтысячелетнего расцвета Арийцев религии Зороастра и с причинами раскола в обществе Арийцев.

Пройденный таджикским народом исторический путь теснейшим образом переплетается с историей других народов Средней Азии и соседних с ними стран зарубежного Востока. Поэтому, рассматривая проблему арийцев, невозможно не затронуть сложный и запутанный вопрос истории кочевых и оседлых народов Средней Азии. Или более конкретно: историю двух соседних народов – таджиков и узбеков. Их история, равно как и их историография, является неотъемлемой основной частью истории и историографии близкого теперь с нами зарубежья и останется таковой на долгие годы. В этой связи почти невозможно осуществлять изолированное изучение нашей древней, средневековой, новой и новейшей истории и общей историографии.

Однако отсутствие или недоступность достоверных источников осложняет поиск истины и помогает современным политикам использовать историю в своих целях и писать свою «длинную и внушительную историю». В этом случае академик Р. Масов имеет в виду Сапармурата Ниязова (Туркмен-баши) и Ислама Каримова (Президента Узбекистана). В результате их обращения к истории появляются новые мифы, усугубляющие взаимоотношения соседних народов. Например, появляются высказывания о том, что в период образования Узбекистана в его состав не была включена вся территория Средней Азии, Казахстана и других сопредельных стран, где проживает тюркоязычное население, что не было создано государственное образование под названием «Туран» или «Туркестан», как предлагали пантюркисты¹⁵.

Чтобы внести ясность в эту проблему академик Р. Масов на основе имеющейся литературы, а также достоверных источников и мнений широко известных ученых-историков и востоковедов пытается раскрыть содержание понятий «Туран» и «Туркестан». Понятие «Туран» встречается в «Авесте», и предполагается, что это другая ветвь арийского народа, менее культурная. Между этими двумя народами, ариями и турами, была вражда и затем, когда Туркестан был завоеван в VI в. тюрками, эти два слова сблизились и название «Туран» стало относиться к тюркам, к которым оно не относилось первоначально.

Общеизвестно, – пишет Р. Масов, – что арийцы и туранцы не разные, не противоположные народы, со своей верой, языком и расовыми отличиями, а один народ, лишь с той разницей, что первые – арийцы – земледельцы, более культурные в своем развитии, а вторые – туранцы, в основном кочевники-скотоводы, более отсталые. В процессе проживания на одной территории они нередко враждовали друг с другом, но разделения между ними, в смысле госу-

дарственно-территориального понимания, не было. Все это появилось гораздо позже и приняло четкие границы в другие периоды истории. В мифологическом же отношении подобное разделение выразилось как борьба добра и зла. На стороне добра были иранцы (таджики), а на стороне зла – туранцы, о чем говорится в замечательной поэме Фирдоуси «Шах-наме», а еще раньше шла речь в книге зороастрийцев «Авеста».

Название «Туркестан» впервые было использовано персами, причем в пренебрежительном значении, во времена господства Саманидов, для определения территории проживания народов в междуречье Амударьи и Сырдарьи. После того как эти территории были названы арабскими географами Мавераннахром, «Туркестан» больше не использовался. Этот термин вновь появляется после того, как в 1867 г. Россией было создано Туркестанское генерал-губернаторство. Значение слова «Туркестан» – дословно «Страна тюрков» – носило этнический характер.

При введении понятия «Туркестан» не учитывалось, что в Средней Азии такого народа, как «туркестанцы» не существовало, что здесь были различные тюркские племена и самый многочисленный в то время – таджикский народ. С вступлением в законную силу названия «Туркестан» и затем при создании уже Советской властью самостоятельных республик, предпочтение было отдано узбекскому языку. Таким образом, родной язык большинства населения был вытеснен, он сохранился только в пределах Таджикской ССР. Введение в оборот «Туркестана» российскими чиновниками для обозначения территории края являлось неверным и антинаучным. Это касается как исторического, так и географического аспектов.

С употреблением понятий «Туран», а затем «Туркестан», оказалось, что таджики потеряли большую часть территории, на которой они проживали с глубокой древности. Но, несмотря на всю историческую несправедливость, даже после падения государства Саманидов все официальное делопроизводство, культурная и иная жизнь новых образований осуществлялась на основе таджикского языка и прежней системы управления страной.

С установлением Советской власти в регионе стала распространяться идеология пантюркизма, проводниками которой были так называемые «просветители», бывшие джаиды и государственные деятели. Многие из них были из числа самих же таджиков. Активное использование ими понятия «Туркестан» прочно укоренилось в таджикской литературе и истории и сохранялось до наших дней. Всякие споры и дискуссии о том, что территория Средней Азии никогда исторически не являлась «Туркестаном» были категорически запрещены. Это объяснялось советской политикой интернационализма, что и стало причиной фальсификации прошлой истории таджикского народа.

Таким образом, по мнению Р. Масова, Туран не имеет никакого отношения к Туркестану. И всякие домыслы о том, что «зороастрийцы, согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы также являлись предками тюркоязычных народов – настоящий

бред... и на глазах у всех происходит очередное присвоение древней истории таджикского народа»¹⁶.

Очевидно, что эта проблема носит крайне острый характер. Без обращения в глубь истории пролить на нее свет представляется невозможным. Исходя из этого, ученые Таджикистана пытаются проследить не только свои исторические корни, но и корни узбекского и турецкого народов. По мнению Ибрагима Умарзода, узбекский народ возник вследствие смешения незначительного количества кочевых турок с арийскими аборигенами и берет свое начало от имени золотоордынского хана Узбека (1312 – 1340 гг.). Его заслуга состоит в том, что он объединил все народы и племена под своей властью, и, опираясь на богатый опыт Саманидов, вовлек их в ислам. Это происходило в благоприятное для арийцев – представителей таджиков, время. Ведь они действовали под девизом «Правoverный правoverному брат». Второй заслугой Узбек-хана было то, что он ввел в обиход все арийские традиции, обряды и обычаи: Навруз (начало нового года – 21 марта), огнепоклонничество и т.п. В процессе такого совместного проживания у них складывалась практически единая философская мысль и литература¹⁷.

Если обратиться к границам их обитаемых мест, то мы увидим, что в эпоху Ахеменидов Бухара была одним из торговых центров Средней Азии, а в IX – X вв. стала столицей государства Саманидов. Еще в эпоху Кира Великого (550 – 530 гг. до н.э.) жители Бухары и ее окрестностей называли себя исконными арийцами. Также имеются убедительные сведения того, что в Самарканде и его окрестностях тоже обитали арийцы. Бухара и Самарканд всегда были сердцем Хорасана. Великий Хорезм в древности и сегодняшний Хорезм – тоже свидетельство истоков арийского движения. Значение слова Хорезм – Ховарзамин (Восточная земля). Ферганская и Андижанская долины никогда не были турецкими, а их население питало к туркам неприязнь.

Несмотря на плотность проживания, турки, узбеки и таджики – это разные народы. Турки и узбеки относятся к тюркской языковой группе, а таджики – индоевропейской. Современный (новоперсидский) язык прошел свой длительный путь становления. Однако наряду с этими различиями у узбеков и таджиков имеются и некоторые сходства. Ибрагим Умарзода объясняет это так: «Если мы будем рассматривать узбекский народ с позиции исторической справедливости, то надо признать: более 80 процентов узбеков имеют истинно арийский облик. А около 20 процентов таджиков, в том же смысле, на таджиков не похожи... Если оставить в стороне язык, то мы не обнаружим других различий между таджиками и узбеками»¹⁸. Эти данные свидетельствуют о процессе ассимиляции, которая проходила на протяжении длительного времени.

Об этом свидетельствует и высказывание европейского ученого Вамбери, еще в конце XIX в. занимавшегося историей турок. Он писал: «Основным признаком узбеков приходится считать политическое их положение... Тюркские племена, явившись в Трансоксанию с Шейбаниханом, менее других подверга-

лись смешению с таджиками..., а у узбеков заметны более глубокие следы арийского смешения»¹⁹. Поэтому сегодня самый простой узбек, столетиями живший бок о бок с согдийцами и бактрийцами, хоросанцами и хатлонцами (предками таджиков), принявший и знающий образ жизни арийца, вместе с таджиками проповедуют арийскую ориентацию.

Таджикские историки также пытаются дать ответ на вопрос, что означают слова «узбек» и «сарт»²⁰. Решение этого вопроса имеет принципиальное значение, так как оно связано с национальной политикой Советской власти в Средней Азии в 1920-е годы и осталось нам в наследство, как нерешенная проблема. В то время, при проведении переписи населения и других статистических обобщений, было дано указание заменять название «сарт» на другое – «узбек», а при заполнении графы «национальность» ни в коем случае не принимать ответов «мусульманин», «христианин», «старообрядец». Но поскольку на ассимиляцию исконных носителей «сарт» на «узбек» требовалось какое-то время, то было введено для первых уточняющее определение «оседлый узбек», а для вторых – «кочевой узбек».

Поэтому накануне национально-территориального размежевания «пантюркисты» рассматривали сартов как основу тюркской общности, проводя политику объединения вокруг них кочевых племен и народов Средней Азии, но под другим названием. При этом не учитывалось, что термин «сарт» – это единственный более или менее общеизвестный термин этнического значения, распространенный среди оседлых узбеков или отуреченных таджиков. Вместе с тем, «сарты», кроме знания смешанного таджикско-чагатайского языка, во всем остальном сохраняли свое таджикское оседлое происхождение – городскую жизнь, ведение торговли, земледелие, садоводство, освоение различных ремесел и имели высокий духовный и культурный уровень сравнительно с кочевыми племенами.

Одновременно многие представители джадидов-пантюркистов и панузбеккистов проводили огромную работу в поиске определения общего «национального» названия для всех тюркоязычных племен и родов. Они распространяли и внедряли в сознании населения Средней Азии идеи о том, что все народы этого региона, в том числе и таджики, являются тюрками. Вместо наименования «сарт» предлагались различные варианты – «тюрк», «туркестанец», «чагатай». Однако никто из этих лиц не предлагал образовать новую республику путем механического, искусственного соединения многочисленных тюрко-монгольских племен под общим названием «Узбекистан». Они были против образования и отдельных самостоятельных республик с титульным названием – «Казахстан», «Киргизия», «Кара-Калпакия» и т.д. После долгих споров все же образовалась Узбекская ССР.

В смешении и ассимиляции, которые проходили в Средней Азии, заключается причина всех недоразумений между двумя народами, втягивание узбеков и таджиков в бессмысленную вражду. Этот устоявшийся стереотип становил-

ся холодным оружием в руках реакционных политических сил, пытающихся распространить свое влияние в Центральной Азии. Но сегодня, раскрываемая историками подлинная история призвана остановить националистическое зазнайство, политические игры и изоляцию одного народа от другого. По мнению Ибрагима Умарзода, ныне остались только два пути. Первый путь – укрепление и проповедование бескорыстной дружбы соседних народов. Это дает возможность обеспечить покой, повысить экономический уровень и гарантировать народу на определенный исторический период защиту от экономической, политической и военной агрессии со стороны могущественных государств. Вторым путем – государственная индифферентность. Это беспечность, неосведомленность о ходе времени, что таит в себе смертельную опасность.

Хотя сегодня идеи пантюркизма уходят в прошлое, перед таджикской национальной историографией стоит серьезная задача – вести активную борьбу против современного агрессивного великодержавного пантюркизма, как во внутренней и внешней политике руководства Узбекистана, так и в исторической науке²¹.

ОБ ОПЫТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ТАДЖИКОВ

Задумываясь над тем, почему Таджикистан в первые годы независимости не справился с построением своей государственности, и столкнулся с гражданской войной, ученые задались вопросом о том, каков был опыт построения таджикской государственности в прошлом. Были опубликованы многие работы, основанные на рассуждениях о принципах построения государства нашими предками. В частности, была опубликована работа мыслителя и политического деятеля эпохи Саманидов Низам Аль-Мулька²².

В этом же контексте особое внимание было уделено эпическому своду «Шах-наме» Фирдавси. В нем говорится о строительстве и функционировании где-то в Туране идеального города-государства, построенного и возглавленного иранским справедливым героем-царевичем Сиявушем. Легендарный город-государство Сиявушгирд стал первым прообразом свободного и справедливого общества с равноправными членами в ирано-таджикской социологической мысли.

Продолжая эту идею и говоря о внутренних задачах государства, другой великий мыслитель Востока Абунаср Фараби считал, что «установление справедливости, просвещение народа, обучение его основным наукам, нравственное и интеллектуальное воспитание, распространение добра и лучших нравов и моральных норм должно подчиняться духовному совершенствованию людей с целью достижения счастья». Государство, ограничивающееся только экономическими проблемами, а политику превращающее в главную цель, мыслитель считал невежественным²³.

Ал-Фараби представлял 12 требований к главе идеального государства: мудрость, знание законов и правил государственного управления, умение творчески применять эти законы, знание военного искусства, справедливость, любовь к правде и т.д. Так как совместить в одном человеке все 12 качеств трудно, ал-Фараби предлагал в качестве главы или руководителя городского объединения не одного, а двух или нескольких равноправных людей, отвечающих в совокупности предъявляемым требованиям. Но он отдавал предпочтение власти одного человека – сильной личности. На должность главы и коллективного руководителя должны выдвигаться образованные или наиболее достойные лица из среды интеллигенции²⁴.

Эти идеи в высшей степени актуальны сегодня, когда Таджикистан делает первые самостоятельные шаги в государственном строительстве. К сожалению, социальный опыт 90-х годов XX в. показал, что современники предали забвению гуманистические ценности предков. На первый план выступили материальные, экономические и политические факторы. В итоге общество зашло в тупик, а государство превратилось в то, что ал-Фараби называл «мадинат ал-джахила» — «страной невежества».

Примечательно, что к обсуждению проблемы подключился Президент Республики Таджикистан Э. Рахмонов. Размышляя о таджиках с периода формирования таджикского языка и становления первой таджикской государственности, он ведет свой диалог с народом Таджикистана со страниц книги «Таджики в зеркале истории»²⁵. Э. Рахмон отмечает, что еще в эпоху Сасанидов переводились на среднеперсидский язык и канонизировались тексты зороастрийской «Авесты» – первой энциклопедии наших предков. В это время происходило активное накопление и распространение знаний по истории и философии, литературе и искусству, народной мифологии и героическому эпосу всех персоязычных народов древнего периода, закладывались основы современного таджикского языка фарси-дари. Центрами культурной жизни стали такие города, как Бухара, Самарканд, Мерв, Ходжент, Герат, Балх, которые с течением времени начали играть заметную роль в начальной консолидации таджикского народа и выступили в качестве главных очагов распространения таджикской культуры, его языка и его истории²⁶. В итоге было построено государство Саманидов (875 – 999 гг.). Оно было первым централизованным государственным образованием таджикского народа, которому удалось освободиться от владычества Арабского халифата. Это была эпоха самостоятельного экономического и культурного развития страны, у которой есть чему поучиться.

Поэтому по инициативе Президента была предложена идея празднования 1100-летия государства Саманидов – периода наивысшего расцвета таджикской государственности. В 1999 г. прошли официальные торжества, посвященные этой дате. В процессе подготовки к ним профессиональными историками были подняты богатые пласты истории таджикского народа. При этом учитывались достижения российской школы востоковедения, к которой относится целая пле-

яда ученых с мировым признанием: Василий Васильевич Бартольд, Александр Александрович Семенов, Михаил Степанович Андреев и многие другие. Их работа была продолжена в советский период национальными профессиональными историками, археологами, искусствоведами и т.д.

Неоценимый вклад в изучение истории государства Саманидов внесли ученые Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Республики Таджикистан. Ими издано несколько фундаментальных трудов по истории государства Саманидов, в частности, второй том «Истории таджикского народа» (1999), который в основном посвящен этому периоду. В этих работах впервые говорится о национальном характере и национальной принадлежности этого государства. Раскрытие этих вопросов имеет принципиальное значение на этапе консолидации таджикского народа и строительства национального государства.

В эпоху Саманидов были созданы условия для появления немеркнущих звезд таджикско-персидской литературы и науки, среди которых особенно выделялись такие гении творческой мысли, как Мухаммад ал-Хоразми, Абу-Наср ал-Фараби, Закария ар-Рази, Абу Али ибн-Сино (Авиценна), Абу Рейхан ал-Бируни, Абу Абдулло Рудаки, Абу-Мансур Дакики и Абулкосим Фирдоуси и многие другие. Они во все времена были объектом гордости народа.

Без преувеличения можно сказать, что опыт ведения государственных дел талантливым представителем династии Саманидов Исмоилом Сомони является примером подражания. Им был выдвинут актуальный на современном этапе принцип мирного сосуществования. Государство Саманидов включало в себя разные народы по своему этническому составу, образу жизни, уровню развития. Часто кочевые племена, создавая могущественные союзы, проявляли свою агрессивность по отношению к оседлому населению. Ради счастья и спокойствия своего народа Исмоил Сомони проводил миролюбивую политику даже с самыми непримиримыми врагами, стремился расширить круг своих друзей. Так Исмоил Сомони стал проводником идеи мира, духовной и материальной культуры среди оседлого населения и степных кочевых племен.

Благодаря таджикам многие кочевые племена были приобщены к культуре земледелия, функционированию в хозяйстве ирригационных сооружений, к торговле и ремесленному делу, городской жизни, культуре быта, письменности и книгоизданию. Таджики разными средствами обогащали духовный мир остальных в своем развитии кочевых соседей. Миролюбивая внутренняя политика, высокий экономический уровень развития, поддержание Великого Шелкового пути, на котором располагалось государство Саманидов, обеспечивали условия для налаживания экономических и дипломатических отношений государства Саманидов со многими ближними и дальними государствами. Весьма тесными были связи государства Саманидов с Киевской Русью. Об этом свидетельствуют найденные монеты IX – X вв. в Москве, Новгороде, Рязани и Владимирской губернии. Торговые отношения постепенно принимали дипломатический

характер. Известен исторический факт, что в 986 г. Киевский князь Владимир послал послов в Хорезм для установления торгово-дипломатических отношений между Русью и среднеазиатскими правителями²⁷.

Идеи мира, разума и духа, чести и совести, проводимые Исмоилом Сомони, возвышают его как личность, как важного политического деятеля таджикского народа. Однако его личность пока еще мало известна мировой общественности и историкам предстоит познакомить с ней будущие поколения таджиков и многие народы.

К сожалению, государство Саманидов просуществовало не долго. Под натиском кочевых племен, которые часто сменяли друг друга, таджикам пришлось пережить трагические времена упадка первого национально-династического государства. Но важным остается факт, что на протяжении тысячелетия крупнейшие империи и государства, создававшиеся в Центральной Азии, использовали его богатый опыт государственного управления, принимали опыт хозяйственной и культурной жизни. Тем самым, выработанные нашими предками на протяжении тысячелетий навыки государственного строительства, техника земледелия, культура, высокие научные знания и искусство преодолевали все трудности и суровые испытания. Созданный в то время весь духовный потенциал по достоинству получил мировое признание, пережил века и по сей день служит настоящему и будущему таджиков.

Вот почему подготовка к торжествам, посвященным Золотому веку таджиков – эпохе Саманидов – велась с особой ответственностью. Ведь прошло всего два года после гражданского противостояния, и очень было важно, как прореагирует на праздник народ, когда в его памяти еще «кровоточили раны». Но вопреки всему таджикский народ показал небывалую сплоченность и единство, вызывая изумление всего мира. Важно было знать, как воспримет мировое сообщество празднование юбилея государства Саманидов, в основе которого была заложена идея строительства новой государственности и консолидации таджикского народа.

В 1999 г. торжества прошли во всех уголках страны и даже за ее пределами. При поддержке Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств, его Председателя Егора Строева, представителей стран-участниц Межпарламентской Ассамблеи, администрации Санкт-Петербурга. В этом городе прошла международная конференция²⁸, раскрывающая расцвет культуры и государственности исторической эпохи Саманидов.

Празднование 1100-летия образования государства Саманидов показало, как на протяжении тысячелетий народ трудился и продолжает трудиться над процессом формирования своего национального государства. И теперь в условиях независимости это позволяет таджикскому народу занять, как и в былые времена, свое достойное место на международной арене. А новое открытие Великого шелкового пути, пролегающего через таджикские земли, привлекло сюда страны ближнего и дальнего зарубежья, заинтересованных в многообраз-

ном и взаимовыгодном сотрудничестве, особенно в области торговли, международного товарного обращения и культурного обмена. Таким образом, торжества стали визитной карточкой таджиков в большой мир.

Не все друзья таджикского народа могли бы одинаково отнестись к этим торжествам. «Свои» могли отнестись позитивно, «чужие» – негативно. Предвидя это, Э.Ш. Рахмонов, придерживаясь миролюбивой этики предков и прислушиваясь к ученым историкам, отмечал: «Саманидское государство, охватывавшее огромные территории великого Хорасана, относится к Историческому Таджикистану. Наше обращение к истории ни в коей мере не означает попыток возрождения старой политической географии Исторического Таджикистана. Приписывать нам это могут только люди, преследующие неблагоприятные цели²⁹.

В процессе построения новой таджикской государственности историки считают важным не впасть в волну мифологизации прошлого. Подходя взвешенно к истории государства Саманидов, раскрывается полная картина событий. Однако все еще остается много неясного. Таджикские историки, которые писали об этом государстве, практически повторяли то, что в начале XX в. ввел в оборот выдающийся востоковед В.В. Бартольд. Они не исследовали письменные источники, да и не могли их изучать из-за незнания языка, на котором они написаны. При этом до сих пор остаются неисследованными многие важнейшие проблемы. Так, упорно и в то же время справедливо называют Саманидское государство «таджикским», игнорируя, по крайней мере, реальные факты: в Саманидскую эпоху, то есть в IX – X вв., термин «таджик» еще не применялся для обозначения народа и главное, что государство Саманидов в ту пору было полуэтническим, династийным, родовым³⁰.

Таким образом, абсолютно очевидна значимость истории государства Саманидов для настоящих и будущих поколений таджиков в процессе построения своей государственности, но для его освещения необходим взвешенный и реалистичный подход к его изучению. Такой подход искоренит полуправду и ложь, а значит, повысит доверие народа к прошлому и настоящему, объединит людей.

Россия – Таджикистан: лицом к истории взаимоотношений

Гражданская война в Таджикистане послужила причиной массовой миграции из страны большого количества русского, русскоязычного и местного населения. Географией расселения таджиков стали пределы ближнего и дальнего зарубежья. В связи с этим закономерным было появление книги профессора Мансура Бабаханова «История таджиков мира»³¹ и введение этого предмета в учебную программу в университетах. На основе многочисленных материалов дореволюционных ученых и путешественников, ученых советского периода,

профессор доказывает древнее происхождение таджиков, и что они были миролюбивым, оседлым, коренным населением городов Самарканд, Бухара, Шахрисябз, Китаб, Термез, Денау, Сух, Охангаран (Ангрен) и многих других. Сегодня таджиков и наших соотечественников можно встретить почти в ста странах мира. В Таджикистане проживает 7 млн. населения, из них 5 млн. – таджики, и примерно 2 млн. – таджикистанцы, а количество таджиков, проживающих за пределами Таджикистана, превышает их число в семь раз. Став постоянными жителями соседних центрально-азиатских республик, России, Украины, Кавказа, Афганистана, Ирана, Индии, Пакистана, Китая, Турции, Арабских стран, США и многих других государств, таджики не только обогащают свою историю и культуру, но и вносят свои традиции и культуру в страны проживания. Автор книги «История таджиков мира» сам гордится своим происхождением таджика, и это чувство передает своим ученикам в процессе преподавания.

Наибольшее количество таджиков приютила Российская Федерация, обеспечивая их жильем и работой. Последние почти двадцать лет в разное время года в России проживает от 800 тыс. до 2 млн. граждан Республики Таджикистан. Уже одно это заставляет задуматься и посмотреть на историю взаимоотношений двух государств и их народов. Фактор взаимовыгодного сотрудничества обеспечивает сохранение дружественных отношений между Таджикистаном и великим северным соседом – Россией. В отличие от всех других республик бывшего Советского Союза, для Таджикистана Россия официально признается основным стратегическим партнером.

Начало российско-среднеазиатских отношений было положено практически с начала образования Киевской Руси. Их развитие носило динамичный характер и менялось в зависимости от исторических реалий как на Руси (России), так и в государствах Средней Азии. Особенно тесными контакты между среднеазиатскими и русскими купцами были в X в., в эпоху Саманидов. Об этом убедительно говорят исторические свидетельства. Торговые связи не прерывались и в XI – XII вв. Они осуществлялись через Поволжье, которое являлось торговой магистралью между Средней Азией и Восточной Европой. Среднеазиатские караваны осуществляли перевозки товаров из Табаристана, Баку, Дербента и Хорезма по Каспийскому морю и вверх по Волге³². Происходил обмен посольствами.

Нашествие монголо-татар послужило причиной приостановки дипломатических контактов, но даже в этот сложный период для народов Средней Азии и Руси торговые связи между ними продолжали сохраняться. Несмотря на значительный урон, причиненный нашествием монголо-татар, волжский путь не потерял своего значения. Среднеазиатские купцы, исполняя роль посредников между монгольскими ханами и русскими князьями, в значительной степени способствовали развитию торговых отношений.

Спустя некоторое время после завоевания Средней Азии и Руси монголы поняли всю выгоду от этой транзитной торговли и поощряли ее, невольно спо-

собствуя развитию производительных сил Руси и развитию внутренней и внешней торговли. В развитии внешней торговли монголы видели один из путей обогащения своей казны и распространения своей славы. С этой целью они всячески старались привлечь к себе купцов и даже назначали их правителями отдельных областей.

В XIII-XIV вв. торговые караваны из среднеазиатских городов в Восточную Европу продолжали ходить старыми, проторенными торговыми путями. К середине XV в. торговые связи Средней Азии с Россией, имевшие теперь уже исторические традиции, постепенно выходят за рамки чистой торговой связи и восстанавливаются дипломатические отношения. В XVI в., с присоединением к России Казанского и Астраханского ханств, открылись новые пути из Средней Азии в Россию, а также новые возможности для налаживания торгово-дипломатических отношений. Эти земли стали их связующим звеном. Даже одно из урочищ в центре Казани называлось «Тезицким рвом» (таджикским).

Упрочение регулярных торгово-дипломатических отношений Бухарского ханства с Россией в XVII в. было вызвано обоюдным стремлением двух государств. Последнее диктовалось социально-экономическими и политическими интересами Бухарского ханства и России. Затем Петр I активно стремился реализовать планы установления тесных политических и экономических взаимоотношений с государствами Средней Азии, но они были прерваны в последующий век из-за усиления интересов России в Европе и на Балканах (участие в антинаполеоновской коалиции, выполнение роли «жандарма» в Европе, участие в решении «восточного» вопроса).

После поражения России в Крымской войне начался процесс завоевания Средней Азии и ее присоединения к России. С этого времени начинается этап более тесных связей между нашими народами. Но крепкими они стали в годы Советской власти. Особенно со времени создания союзных национальных государств активно происходит процесс единения народов Таджикистана и России. Он выражался в совместном развитии различных отраслей народного хозяйства, экономики, культуры, искусства, науки, образования. Все достижения таджикского народа во всех сферах жизни непосредственно связаны с советским периодом.

После распада СССР образование и становление независимой Республики Таджикистан происходило благодаря активной политике России в регионе. В самые сложные дни межтаджикского конфликта неопределимую военно-экономическую помощь Таджикистану оказывала Российская Федерация. И на переходной стадии и стадии развития Россия и Таджикистан остаются добрыми друзьями, отношения которых носят взаимовыгодный характер.

К таким ровным и стабильным отношениям два народа пришли не сразу. Длительные торгово-дипломатические и культурные связи в определенные исторические периоды временно прерывались и снова налаживались. В этом контексте в современной историографии Таджикистана можно выделить ряд

проблем, связанных с историей взаимоотношений России и Таджикистана. Например, исследуя взаимоотношения русского и таджикского народов, ученые приходят к выводу, что в них прослеживаются негативные и позитивные стороны.

В историографиях России и Таджикистана особое место занимает история завоевания и присоединения Средней Азии к России. Издано большое количество работ и в Средней Азии и в России. Но оценка этого события в разные периоды была неоднозначной. В дореволюционной литературе этот вопрос освещался как цивилизаторская миссия более развитого государства по отношению к отсталым народам. В литературе советского периода завоевание Средней Азии Россией оценивалось как проявление реакционной политики царизма, а царская Россия называлась «тюрьмой народов». В этой связи до конца 30-х годов XX в. ученые применяли в основном термин «завоевание Средней Азии». В 40-50-х годах прошлого столетия появилась тенденция, в которой акцент делался на такой термин, как «присоединение» и даже «добровольное присоединение»³³ края к России.

В период «перестройки», введения плюрализма мнений, историки выступили с осуждением колониальной политики царизма в Средней Азии. В научный оборот снова, как и до 1930-х годов, вернулся термин «завоевание». Новые выводы подводились под конъюнктуру и переписывание истории. Действительно, историю всегда пытаются подогнать под исторические реалии и существующее время. Но все же нельзя согласиться с тем, что, якобы, историки «горбачевской перестройки» были необъективными. Это было время, когда архивы огромной страны стали доступными. Поэтому ученые смогли с большей точностью проследить, какие территории Средней Азии действительно были присоединены к России в результате насильственного завоевания, а какие вошли в ее состав добровольно. При этом практически все работы, опубликованные в то время, подчеркивали прогрессивность завоевания и присоединения Средней Азии к России. Как бы то ни было, именно в период «перестройки» историки Таджикистана отошли от конъюнктурных установок в отображении исторических событий. В результате, как отмечает Р. Масов, в исторической науке по отношению к данной проблеме утвердился широкий диапазон употребляемых понятий:

- Завоевание Средней Азии Россией;
- Присоединение Средней Азии к России;
- Добровольное присоединение;
- Колониальный захват;
- Колонизация края;
- Освоение края Россией.

Каждый из этих терминов имеет право на научное применение, потому что Средняя Азия – это большая территория и процесс ее завоевания и присоединения к России не проходил одновременно и по одной какой-то четко заданной

схеме. При оценке события необходимо учитывать каждый конкретный случай и исходить из принципа историзма и объективного подхода, чтобы избежать появления новых мифов. Остановившись же только на «присоединении», которое, по мнению Р. Масова «как бы (выделено Д.М.) объединяет оба понятия: «добровольное» и «насильственное» вхождение края к России»³⁴, мы снова придем к обобщению проблемы и утратим возможность детального изучения событий и их объективного освещения.

В современной историографии Таджикистана наметилась тенденция переосмысления последствий присоединения Средней Азии к России не только для таджикского народа, но и для России. В исторической литературе очень много писалось о прогрессивных последствиях этого акта, немного говорилось о негативных его последствиях, говорилось о том, что дала Россия Средней Азии после ее присоединения, но почти ничего о том, что Средняя Азия дала России. Какие выгоды получила Россия от завоеванной и присоединенной Средней Азии? Эти и многие другие вопросы нашли свое обсуждение в монографиях и научных докладах на многих научных конференциях, которые проводились на республиканском и внутривузовском уровнях³⁵.

Другая проблема, которая обсуждается в кругу ученых и вызывает особое любопытство простых граждан Таджикистана, касается решения национального вопроса в Средней Азии. После установления Советской власти было очевидно, что без образования отдельных национальных республик невозможно централизованное управление большим краем. Однако, начиная еще от утверждения царской административной системы управления, вплоть до национально-территориального размежевания Средней Азии Советской властью, никто из русских чиновников: сначала царской, а затем советской администрации, не изучал состояние этнической принадлежности народов Средней Азии, их компактного проживания. Никто не учитывал, что большую часть региона составляют таджики. Так внутренние границы Средней Азии трижды перекраивались, таким образом, предрешая судьбу таджиков и превращая их в афганцев и узбеков³⁶. Но, невзирая ни на что, в таджикской историографии подчеркиваются положительные стороны этой проблемы. Проводя национальную политику в Средней Азии, Россия во многом препятствовала процессу физического уничтожения таджикского народа внутренними и внешними врагами. И после распада СССР, в условиях гражданской войны в Таджикистане и после нее, Россия твердо и последовательно отстаивает свою политику, направленную на поддержание единства и национальной независимости республики Таджикистан. Без активной военной, экономической и дипломатической помощи России и русского народа сегодня было бы немислимо существование Таджикистана. Благодаря тесному сотрудничеству с Россией началось и все еще продолжается восстановление разрушенного войной хозяйства. Медленно, но поднимаются промышленность, энергетические возможности республики, сельское хозяйство и другие отрасли.

Проследившая многовековой путь взаимоотношений русского и таджикского народов, выявляется очевидность их взаимного тяготения и взаимоуважения, их солидарность и дружба. Так становится понятным, почему существовавший в советский период дружбы двух народов стереотип «старшего брата» трансформировался. Сегодня, когда Россия и Таджикистан стали равными и суверенными государствами, они являются стратегическими партнерами.

ЕДИНСТВО ДРЕВНЕЙ НАЦИИ

В последнее десятилетие перед таджикским народом стояли сложные задачи по выводу страны из социально-политического и экономического кризиса. Параллельно предстояло решить наиболее трудную концептуальную проблему, связанную с наметившимся расколом общества и угрозой исчезновения таджикского народа, как самостоятельной нации в мире.

«Именем нашей Родины – Республики Таджикистан – духовной и морально-нравственной правопреемницы исторической Родины таджиков;

во имя возрождения и процветания любимой Родины, ее единства и территориальной целостности, независимости и свободы;

светлой памяти погибших;

именем жертв противостояния, конфронтации, вооруженного сопротивления;

именем сирот и вдов, матерей и отцов, потерявших родных и близких;

принимая волю народа к миру и национальному согласию;

сознавая свою историческую ответственность за прошлое, настоящее и будущее Родины, за права и свободы каждого человека;

Президент Республики Таджикистан и Комиссия по национальному примирению принимают и провозглашают Акт о взаимопрощении»³⁷.

Так начинается исторический и судьбоносный документ «Акт о взаимопрощении», который вместе с «Общим соглашением об установлении мира и национального согласия в Таджикистане» принесли мир на таджикскую землю и заложили основу идеи «Единства».

Прежде всего, что означает «принцип взаимопрощения?» В этом принципе раскрыта вся ментальность таджиков, которые не приемлют войны и кровопролития, которые умеют найти в себе силу волю простить сосед соседа за годы лишений и бед, проведенные в изгнании, за то, что они оказались вытесненными со своей Исторической Родины. Потому, что для таджикской идентичности никогда не были свойственны такие стереотипы, как «око за око», «кровная месть». Напротив, таджики всегда понимали, что нельзя вести «бой с собственной тенью». «Принцип взаимопрощения» предполагает стирание в памяти народа черных страниц его истории. Это не значит, что надо заново переписать всю историю, но то, что новейшую историю таджикского народа необходимо

писать с чистого листа, однозначно. Этот принцип предполагает торжество мудрости веков и отражение лучших сюжетов из истории таджикского народа.

Еще более тысячи лет тому назад, находясь у истоков таджикской государственности, великий таджикский поэт Абуабдулло Рудаки писал:

«К добру и миру тянется мудрец,
К войне и распрям тянется глупец».

Со времен арийской цивилизации наши предки оставили свой самый главный завет – творить только добрые дела, произносить добрые слова и иметь чистые помыслы. Впитавший в себя этот завет Абуабдулло Рудаки оставил следующие строки:

«На мир взгляни разумным оком,
Не так, как прежде ты глядел.
Мир – это море. Плыть желаешь?
Построй корабль из добрых дел».

Но все же, как после кровопролитной войны восстановить расколотое общество? Как забыть гибель безвинных людей? Как преодолеть чувство вражды и ненависти в сознании каждого гражданина и всего общества в целом? Как снова объединить народ, установить взаимопонимание и согласие между противоборствующими силами? Где найти ответы на эти вопросы?

Решение этих и многих других подобных вопросов было значительно труднее, чем формирование новых структур государства. Прежде всего, необходимо было освободиться от прочно установившегося в массовом сознании стереотипа о государстве, как враждебном и угнетающем аппарате, а о власти – как источнике зла. Во-вторых, необходимо было повысить культуру познания национальной истории. Но как это сделать? Ответ, как и вопрос одновременно сложен и прост. Сегодня, как никогда таджики нуждаются в «Единстве».

Каждый народ на крутых поворотах судьбы, прежде всего, обращается к своей исторической памяти и сам решает, что ему взять из богатого наследия предков: факел, чтобы осветить свой путь в будущее, или копить боль и обиду, горевать о днях, которых уже не вернуть. Поэтому для утверждения единства нации необходимо было восстановить в памяти народа его исторические истоки.

Празднование памятных дат и юбилеев выдающихся сыновей нации стало фактором возрождения национальной государственности, национального самосознания, национальной гордости за принадлежность к таджикской нации. За годы независимости были проведены празднования 1000-летия «Шахнаме» Фирдоуси, 1100-летие государства Саманидов, 80-летнего юбилея города Душанбе – столицы республики, 680-летия Мирсаида Алии Хамадони, 675-летие Камола Худжанди, 90-летия, а затем в 2008 г. 100-летия академика Бабаджана Гафурова. Было присвоено высшее звание «Герой Таджикистана» выдающимся сыновьям таджикской нации Садриддину Айни, Бабаджану Гафурову, Мирзо Турсунзаде. Эти и многие другие юбилейные и знаменательные даты отмечаются как общий праздник всего таджикского народа.

Сложна история города Душанбе. В условиях независимости общество интересуется, почему не Самарканд, почему не Бухара или Ходжент, а именно Душанбе стал столицей Таджикской Автономной Республики. Эта идея зародилась в долгих спорах в Центральной комиссии по национально-территориальному размежеванию. В документе, датированном февралем 1925 г., который называется «Краткий анализ границ новых государственных образований с экономической точки зрения», говорится: «Целый ряд крупных экономических центров, населенных таджиками, благодаря тому, что они расположены чересполосно с узбеками, остается в пределах Узбекской республики»³⁸. Этими центрами были Самарканд, Бухара, Ходжент, Исфара, Канибадам, Сох. После них неизвестный провинциальный кишлак Дюшамбе имел наиболее выгодное географическое и градообразующее положение. Он имел хорошие условия для обеспечения населения питьевой водой, а его площадь позволяла в дальнейшем расширять и развивать свою инфраструктуру. Географические условия позволяли проложить автомобильные и железнодорожные дороги, обеспечивающие связь, как внутри, так и с центром Советской страны и союзными республиками.

Большое преимущество Душанбе перед другими аналогичными поселениями заключалось в том, что он не представлял центр какого-либо конкретного региона. Поэтому с самого начала он оказался консолидирующим городом. Исходя из этого, ученые пытаются теперь раскрыть его далекое историческое прошлое. Тем более что в 2004 г. столице республики исполнилось 80 лет. В исторической литературе появилась даже точка зрения о древнем происхождении города Душанбе. Сегодня об этом свидетельствуют раскопки древнего протогорода на левом берегу реки Душанбинки, проведенные таджикскими археологами. Найденные экспонаты хранятся в Национальном музее древностей, который был создан в годы независимости Республики Таджикистан. Следует отметить, что в этом музее хранится уникальная скульптура «Будда в нирване». После того как были взорваны скульптурные памятники буддизма в Афганистане «Будда в нирване» остается единственным сокровищем мировой цивилизации.³⁹

В контексте идеи «Единства» большая работа была проведена археологами, которые доказали древнее происхождение города Куляба, которому 2700 лет. В результате была издана книга, посвященная знаменательному юбилею⁴⁰. Она отвечает на вопросы о том, где, когда и как жили, кем были наши предки сто, тысячу лет, тысячелетия назад.

В то же время ряд вопросов прошлого остается спорным. В конце прошлого столетия появились работы некоторых этнографов, которые поставили под сомнение этническую принадлежность населения Горного Бадахшана к таджикскому народу. В связи с этим в 2005 г. вышла книга А.С. Давыдова, отражающая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана к таджикам⁴¹. Поднимая эту проблему, автор доказывает, что Горный Бадахшан – Памир – является единственной территорией Центральной Азии, где еще сохранились до

наших дней древнейшие этнические особенности таджикского народа в относительно чистом виде. Население Горного Бадахшана всегда было тесно связано с другими территориями современного Таджикистана. В более древние периоды он входил в состав Бактрии, Кушанского государства и государства Саманидов, имел тесные экономические и культурные связи с таджиками Ферганской долины, Каратегина, Куляба, Гиссара, Зарафшанской долины, Бухарского эмирата и Кокандского ханства, другими горными областями Памиро-Алая. Несмотря на языковые и религиозные особенности (таджики Памира – шииты, а остальная часть таджиков – суниты), население горного Бадахшана всегда идентифицировало себя с таджиками. Этот факт является важным доказательством целостности всего таджикского народа в тех географических рамках, которые признаны сегодня всеми и отмечены на политической карте мира.

Важное место в жизни каждого общества памятники, картины, тексты, изобретения, предания, т.е., то, что может быть собрано в музеях, книгохранилищах, изданиях литературных памятников и т.д. Охрана и освоение культурного наследия, организация и поддержание музеев, библиотек, архивов и т. д. – важная составная часть не только деятельности общественных организаций, но и обязательная задача государства. Они широко входят в состав международных мероприятий. Огромные усилия в этом плане предпринимаются не только государством, но и по линии ЮНЕСКО⁴².

Небывалый рост интереса в таджикском обществе к своему прошлому становится благотворной питательной средой для журналистов, кинематографистов, искусствоведов, культурологов и т.д. В последнее время в прессе, научных журналах, на телеэкранах приведено много новых исторических фактов, например, о блистательных подвигах таджикского народа (фильм «Спитамен»), его борьбы за свободу и независимость (многосерийный художественный фильм «Восстание Восе»), его участия и вклада в мировую культуру (многосерийный документальный фильм «Таджики мира») и многое другое. Все это способствует сплочению нации, формированию таджикской идентичности.

* * *

Таким образом, последнее десятилетие развития Республики Таджикистан характеризуется крайне сложными условиями переходного этапа на пути построения подлинно демократического общества. В этих сложных условиях в Таджикистане все же прослеживаются тенденции развития исторической науки. Об этом свидетельствует ее освобождение от твердых установленных идеологических и методологических рамок, присущих советской историографии. Хотя это освобождение и привело к чрезмерно свободному и даже порой безответственному обращению с историей, тем не менее, сложились более благоприятные условия и для реализации подлинного принципа историзма. При-

мером тому могут служить вышеперечисленные и многие другие исторические исследования, увидевшие свет в период независимости республики. Среди них особо выделяются вышедшие из печати три тома (I – 1998, II – 1999, V – 2006 гг.) из шеститомного академического труда «История таджикского народа».

В создании этого фундаментального труда приняли участие ведущие специалисты, которые готовили его с учетом последних достижений отечественной и мировой историографии. Выход в свет в ближайшее время III, IV и VI томов поможет выработать единую методологию подготовки новых учебников для средних школ и высших учебных заведений, которые к настоящему времени, к сожалению, отсутствуют.

На современном этапе историческая наука Таджикистана переживает и большие трудности. Они связаны с недоступностью архивных материалов, которые находятся на хранении в Москве, Санкт-Петербурге и Ташкенте. К сожалению, архивы Таджикистана не могут удовлетворить спрос историков, особенно тех, которые ведут исследования по истории дореволюционного периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Негматов Н.Н. Таджики. Исторический Таджикистан. Современный Таджикистан. Гиссар, 1992; Концепция центральноазиатской цивилизации XV века // Центрально-Азиатские гуманитарные исследования. Худжанд. 1997. №1. С. 54-59; Масов Р. История топорного разделения. Душанбе, 1991; Его же Таджики: история с грифом «Совершенно секретно». Душанбе, 1995; Бабаханов М. История таджиков мира. Душанбе, 1995 и 1999.

² Бактрийцы населяли южную часть современного Таджикистана, долину Сурхандарьи, часть территории Северного Афганистана, где и находилась столица Бактрии – город Бактры. Согд (или Согдиана) включал в себя долины рек Зерафшана и Кашкадарьи. На северо-востоке он доходил до среднего течения Сырдарьи. Столицей Согда была Мараканда – современный Самарканд.

³ Ахеменидское государство возвысилось в середине VI в. до н.э. в Иране. Его основателем был Кир (550-530 гг. до н.э.). При нем начало зарождаться деление государства на округа – сатрапии во главе с сатрапами. (Сатрап – греческая форма древнеперсидского слова, означавшего «защитник царства»).

⁴ Тимур принадлежал к монгольскому племени барласов, обитавших в долине Кашкадарьи.

⁵ Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Ташкент, 1910. (Книга была переиздана в Алматы в 2006 г.).

⁶ Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. (Второе издание в двух книгах: Кн. I. Душанбе, 1985; Кн. II. Душанбе, 1989).

⁷ Рахмонов Э.Ш. Таджики в зеркале истории. От арийцев до саманидов. Кн. 1. Лондон, 2000. С. 125.

⁸ Негматов Н.Н. Таджикский феномен: история и теория. Душанбе, 1997. С. 380.

⁹ Давыдов А.С. О восточных этнических границах таджикского народа // Этнография Таджикистана. Сб. статей. Душанбе, 1989; Масов Р. Становление и развитие

таджикской нации (1999 г.). // В кн.: Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе, 2005. С. 61.; Бабаханов М. История таджиков мира. Душанбе, 2005. С. 18 – 24.

¹⁰ Масов Р. Становление и развитие таджикской нации (1999 г.) // В кн.: Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе, 2005. С.61.

¹¹ Рахмонов Э.Ш. Таджики в зеркале истории. От арийцев до саманидов. Кн.1. Лондон, 2000. С. 224.

¹² Масов Р. Таджики: история национальной трагедии. Душанбе, 2008. (Исследование подготовлено на основе объединения трех ранее выпущенных в свет работ «История «топорного разделения», «Таджики: история под грифом «совершенно секретно»» и «Таджики: вытеснение и ассимиляция». Автор прослеживает процесс национально-территориального размежевания в Средней Азии – одного из загадочных регионов планеты, со множеством происходивших здесь человеческих трагедий.).

¹³ Масов Р. Становление и развитие таджикской нации (1999 г.) // В кн.: Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе, 2005. С.65.

¹⁴ Илолов М. Наследие наших предков // Народная газета. 2005, 22 июня.

¹⁵ Подробно см.: Масов Р. Актуальные проблемы современной Таджикской историографии // В кн.: Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе, 2005. С. 34-37; Его же. Арии: история и современность. Душанбе, 2006.

¹⁶ Подробно см.: Масов Р. Искажение и присвоение прошлой истории таджиков // В кн.: Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе, 2005. С.71 – 79.

¹⁷ Умарзода И. История цивилизации Арийцев. Душанбе, 2006. С. 165 -179.

¹⁸ Там же. С. 167.

¹⁹ Цит по: Умарзода И. История цивилизации Арийцев. Душанбе, 2006. С.174-175.

²⁰ Подробно см.: Масов Р. Родившийся на глазах истории. (К вопросу образования Узбекской ССР). Душанбе, 2008 (на русском и английском языках).

²¹ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2003.

²² Низам Аль-Мульк. Книга об управлении государством. Душанбе, 1998. (Посвящается 1100-летию государства Саманидов и 90-летию академика Б. Гафурова). Результатом обращения к теме построения таджикского государства стало так же появление книги И. Усмонова «Трактат о государстве». Душанбе, 2005 (на русском, английском и форси языках).

²³ Негматов Н.Н. Таджикский феномен: история и теория. Душанбе, 1997. С. 368.

²⁴ Там же.

²⁵ Рахмонов Э. Таджики в зеркале истории. От арийцев до саманидов. Кн.1. Лондон, 2000 (на таджикском и русском языках).

²⁶ Подробно см.: Негматов Н.Н. Государство Саманидов. Мавераннахр и Хорасан в IX – X вв. Душанбе, 1977.

²⁷ Савельев П. Археологические и нумизматические отрывки. Кн.1. СПб., 1853. С.23; Подробно см.: Раджабов З.Ш. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. Душанбе, 1957. С. 32.

²⁸ Материалы международной конференции «1100-летие образования государства Саманидов. 28 -29 апреля 1999 г. СПб., 1999.

²⁹ Рахмонов Э. Таджики в зеркале истории. От арийцев до саманидов. Кн.1. Лондон, 2000. С. 233.

³⁰ Масов Р. Актуальные проблемы современной Таджикской историографии // В кн.: Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе, 2005. С. 30-31.

³¹ Бабаханов М. История таджиков мира. Душанбе, 2005.

³² Баха-ад-дин Мухаммад ибн Хасан ибн Исфандияр. История Табаристана. Ч. I. Тегеран, 1941. С. 67.

³³ Подробно см.: Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959.

³⁴ Масов Р. Роль России в исторических судьбах таджикского народа и его национально-государственном строительстве // В кн.: Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе, 2005. С. 210-211.

³⁵ Пирумшоев Х.П. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. Душанбе, 1992; Его же. Русские дореволюционные исследователи о политике России в Средней Азии в XVIII в. Душанбе, 1996; Его же. Российско-среднеазиатские отношения XVI – середины XIX веков в русской историографии. Душанбе, 2000. Роль России в становлении Таджикской государственности (1917 – 1929) // Материалы международной конференции. Душанбе, 2000; Таджикистан – Россия: проблемы безопасности в Центральной Азии // Материалы международной конференции. Душанбе, 2001; Россия и Таджикистан: проблемы взаимоотношений // Вестник Российско-таджикского (славянского) университета. 2002. №1; 200 лет Министерству иностранных дел России и 10 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Таджикистаном // Материалы научно-практической конференции. Душанбе, 2002; Наследие Ахмада Дониша и актуальные проблемы взаимодействия Востока и запада // Материалы научно-практической региональной конференции. 24-25 октября 2002. Душанбе, 2003; Россия и Средняя Азия: исторический диалог и взаимодействие культур // Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 160-летию известного русского исследователя и деятеля народного образования Средней Азии Николая Петровича Остроумова. 20 декабря 2006. Душанбе, 2007 и др.

³⁶ Подробно см.: Масов Р. История топорного разделения. Душанбе, 1991.

³⁷ Акт о взаимопрощении // Accord. Лондон-Москва, 2001. С. 106.

³⁸ Цит по: Масов Р. История и современность столицы Таджикской Республики // В кн.: Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе, 2005. С. 258.

³⁹ К 80-летию юбилею столицы выпущена книга «История Душанбе с древнейших времен до наших дней». Изданы фотоальбом «Душанбе» и «Энциклопедия Душанбе».

⁴⁰ Якубов Ю., Дрвуди Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времен до наших дней. (Посвящена 2700-летию города Куляба). Душанбе, 2006.

⁴¹ Давыдов А.С. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира). Душанбе, 2005.

⁴² Юлдашева М.Р. Калейдоскоп культур. Учебное пособие. Душанбе, 2007 (Издано при поддержке ЮНЕСКО); Джамалова М.К. Участие Республики Таджикистан в межкультурном диалоге: проблемы и перспективы // Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 160-летию известного русского исследователя и деятеля народного образования Средней Азии Николая Петровича Остроумова. 20 декабря 2006 г. Душанбе, 2007. С. 111 – 123 и многие другие.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Государственный герб Республики Таджикистан

Государственный Герб Республики Таджикистан представляет собой изображение стилизованной короны и полукруга из семи звезд над ней в лучах солнца, восходящего из-за гор, покрытых снегом и обрамленного венцом, составленным справа из колосьев пшеницы, слева из веток хлопчатника с раскрытыми коробочками. Сверху венец перевит трехполосной лентой, в нижнем секторе помещена раскрытая книга на подставке.

В цветном изображении Государственного Герба Республики Таджикистан корона, солнце, горы, колосья, книга и подставка – золотые; стебли и листья хлопчатника зеленые, полосы на лентах красная, белая и зеленая; обложка книги красная.

Государственный флаг Республики Таджикистан

Государственный Флаг Республики Таджикистан представляет собой прямоугольное полотнище, на котором нанесены три горизонтально расположенных цветных полос: верхней полосы красного цвета и равной ей по ширине нижней полосы зеленого цвета; средней, белой полосы, составляющей полторы ширины цветных полос. На белой полосе на расстоянии половины длины полотнища от древка изображены золотом стилизованная корона полукруга из семи звезд над ней. Отношение общей ширины флага к его длине 1:2.

Корона и звезды вписываются в прямоугольник, стороны которого по вертикали составляют 0,8, а по горизонтали 1,0 ширины белой полосы. Пятиконечные звезды вписываются в окружности диаметром 0,15 и располагаются по дуге радиусом 0,5 ширины белой полосы. Корона высотой 0,55 ширины белой полосы прогибается в основании по дуге радиусом 1,2 ширины белой полосы. Четыре дугообразных элемента, формирующие верх короны, венчаются в центре частью круга диаметром 0,2 ширины белой полосы.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Государственный гимн Республики Таджикистан был утвержден постановлением Маджлиси Намояндагон и Маджлиси Оли РТ от 11 декабря 1999 года.

*Стихи К. Гульназара
музыка С. Юдакова*

Диёри арљманди мо,
Ба бахти мо сари азизи ту баланд бод.
Саодати ту, давлати ту бегазанд бод.
Зи дури замонањо расидаем
Ба зери парчами ту саф кашидаем, кашидаем.

*Зинда бош, эй Ватан,
Тољикистони озоди ман!*

Барои нангу номи мо
Ту аз умеди рафтагони мо нишонаї,
Ту бањри ворисон љањони љовидонаї,
Њазон намерасад ба навбањори ту,
Ки мазраи Вафо бувад канори ту, канори ту.

*Зинда бош, эй Ватан,
Тољикистони озоди ман!*

Ту модари ягонаї,
Бақои ту бувад бақои хонадони мо,
Мароми ту бувад мароми љисму они мо,
Зи ту саодати абад насиби мост
Ту њастиву њама љањон њабиби мост, њабиби мост.

*Зинда бош, эй Ватан,
Тољикистони озоди ман!*

Перевод Р.Р. Раджабовой

Страна моя, родной наш край
На счастье нам ты процветай
Да будем нерушимы мы
Делами предков мы горды
Придя из глубины времен
Обычаи свои несем.

Цвети родной Таджикистан
Издалека твой виден стан
Свободный, гордый, волевой
Живи во славу край родной.

Нет на земле природы краше
Да возгордятся предки наши
Что их начало мы продолжим
Потомкам мирный путь проложим
Так вейся на ветру наш стяг
Народа сердце бьется в такт.

Цвети родной Таджикистан
Издалека твой виден стан
Свободный, гордый, волевой
Живи во славу край родной.

Ты Родина, а значит мать,
Биенью сердца можешь внять
Пусть в каждом доме будет мир
В стремлениях мы сотворим
Богатство, счастье и покой
Будь вечно гордым край родной!

Цвети родной Таджикистан
Издалека твой виден стан
Свободный, гордый, волевой
Живи во славу край родной.

Политическая карта Республики Таджикистан

Памятник Исмоили Сомони и музей (расположен под памятником), построенные в честь 1100-летнего юбилея Государства Саманидов

Майдони Дусти (Площадь Дружбы) Центральная площадь города
Ранее Площадь имени В.И. Ленина

Исмоил Сомони – выдающийся правитель эпохи Саманидов. Это было время территориально-хронологического процесса сложения таджикского народа. Эпоха Саманидов характеризуется развитием производительных сил, существенными сдвигами в социальной структуре общества и в его этнокультурном развитии. В это время оформилась его государственность, развивалась материальная и духовная культура таджикского народа.

В пределах государства Саманидов созревали все определяющие признаки народа: общность языка, территории, культуры, сочетающиеся с наличием отдельных экономических связей. В условиях государственной независимости Саманидов резко усилилось стремление общества к объединению. Этому способствовали также активная борьба народных масс, непрерывные восстания против иноземного ига и ассимиляторской политики господствовавшей арабской военно-теократической знати.

После освобождения от арабского гнета социально-политическая стабильность обеспечивала экономический подъем в пределах обширного государства, в котором определился расцвет архитектуры и градостроительства, ремесел, промыслов и пр., впитавших достижения едва ли не всех народов, связанных Великим Шелковым путем. Политика Саманидов по возрождению местных культурных традиций привела к созданию новых культурных ценностей, получивших мировое признание классической поэзии и таджикской науки.

Памятник Абу-Али ибн Сино

Памятник Рудаки
Абу Абдаллах Джафар Рудаки –
Родоначальник таджикско-персидской поэзии

Касри Миллат (Дворец Нации), открытие которого состоялось 26.08.2009

Кохи Вахдат (Дворец Единства). Ранее Дом Политпросвещения

Проспект Рудаки (центральный проспект города Душанбе)

Фурудгоҳ(Аэропорт города Душанбе)

Российско-Таджикский (славянский) университет

Купюра номиналом в 1 Сомони

Коллекционные монеты

Запуск первого реактора Сангтудинской ГЭС-1

Сангтудинская ГЭС-1

Пик Исмоили Сомони (раннее Пик Коммунизма), высота 7495 м.

Озеро Сарез – один из водных ресурсов Республики Таджикистан

Сарезское озеро располагается на территории Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, в бассейне реки Амударьи, на правобережном притоке реки Пяндж – реки Бартанг (Мургаб), в 143 киломерах от ее устья. Озеро образовалось в 1911 году в результате девятибального землетрясения, вызвавшего оползень, перегородившего реку.

В настоящее время озеро Сарез обладает следующими параметрами:

длина озера – 55,8 км;

абсолютная высота зеркала озера над уровнем моря – 3,263 м;

максимальная ширина озера – 3,3 км;

средняя ширина – 1,44 км;

максимальная глубина – 499,6 м;

площадь поверхности озера – 79,64 км²;

максимальный объем воды -16,074 км³.

Будда в нирване

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ ПРОЕКТА

Андрес АДАМСОН

доктор истории, владелец издательства «Арго», автор трех монографий, нескольких учебных и пособий и одного романа; автор, соавтор либо составитель 13 учебников. В прошлом работал директором эстонского государственного экзаменационного центра, заведующим историческим отделением Таллиннского университета, заместителем директора Института истории.

Карл АЙМЕРМАХЕР

доктор философии, профессор славянских литератур Рурского университета в Бохуме, директор Института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана в отставке, член Международного Совета «АИРО-XXI». Автор книг и статей по истории русской литературы, советской культурной политики, методологии культуры, истории официального и неофициального искусства: «В тисках идеологии. 1917-1927 (1992), «Политика и культура при Ленине и Сталине, 1917-1932 (1998; 2001), «От единства к многообразию. Разыскания в области другого искусства 1950-х – 1980-х годов» (2004), (совместно с Вадимом Сидуром) «”О деталях поговорим при свидании...”». Переписка» (2004); главный редактор серии «Культура и власть от Сталина до Горбачёва» (издаётся с 1998 года).

Валентин БОГАТЫРЕВ

координатор Аналитического консорциума «Перспектива», вице-президент Центральноазиатского интеллектуального фонда «Восток», председатель Наблюдательного Совета Европейского клуба Кыргызстана, кандидат исторических наук, соавтор книг «Центральная Азия: собственный взгляд» (2006), «Кыргызская Республика: история и идентичность» (2007) и др., издатель центральноазиатского аналитического журнала «Этнический мир» и информационно-аналитического сайта «Tazar». В прошлом работал заместителем министра образования Кыргызской Республики, директором Международного института стратегических исследований при Президенте Кыргызской Республики, советником президента А. Акаева и президента К. Бакиева.

Фальк БОМСДОРФ

руководитель Московского бюро Фонда Фридриха Науманна, возглавлял научные проекты по проблемам создания гражданского общества, формирования толерантности, преодоления прошлого и мифологизации истории, создатель «Библиотеки либерального чтения» (23 выпуска)

Геннадий БОРДЮГОВ

доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Международного Совета Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), член Экспертного Совета РИА «Новости», автор книг «Вертикаль Большого террора» (М., 2008); «Чрезвычайный век российской истории» (СПб., 2004); «Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина» (М., 2004); «История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества» (М., 1992) и др.

Олег БУХОВЕЦ

доктор историч. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии БГЭУ, член (от Беларуси) Международного научного Совета РАН по сравнительному изучению цивилизаций; член редакционного совета журнала «Soviet and Post-Soviet Review». Автор книг: «Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты» (1997), «Постсоветское «великое переселение народов»: Беларусь, Россия, Украина и другие» (2000), «Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г.» (2002), «Союз РБ – РФ. Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией» (2003), «Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты» (2004) и др.

Мунира ДЖАМАЛОВА

канд. историч. наук, доцент Российско-Таджикского Славянского Университета, заместитель декана факультета истории и международных отношений по научной работе. Один из авторов учебника «Введение в конфликтологию» (Душанбе, 2006), «Руководство к преподаванию конфликтологии по учебнику «Введение в конфликтологию»», а также научных статей в области взаимоотношений России и Таджикистана и по проблеме присоединения Средней Азии к России.

Отар ДЖАНЕЛИДЗЕ

доктор историч. наук, профессор, старший науч. сотрудник Института политологии, руководитель научного центра изучения XX века, член Национального конгресса историков Грузии, эксперт Ассоциации педагогов истории Европы – Евроклио. Автор 11 книг, в том числе учебников новой и современной истории Грузии, а также монографий «Нико Николадзе» (1999, на груз. яз.), «Очерки истории Национально-демократической партии Грузии» (2002, на груз. яз.), «Спиридон Кедия. Политический портрет» (2002, на груз. яз.), «History of Georgia» (2009, в соавт. с Н. Асатиани) и др.

Александр ИСКАНДАРЯН

политолог, директор Института Кавказа (Ереван), автор и руководитель исследований по становлению постсоветских идентичностей, этнополитическим конфликтам на Южном и Северном Кавказе, избирательным процессам, миграциям, региональной интеграции, развитию СМИ и формированию общественных дискурсов.

Эльдар ИСМАИЛОВ

доктор историч. наук, профессор Бакинского Государственного Университета, автор книг «Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане. 1945-1953» (2003), «Азербайджан. Оттепель. Первые годы оттепели в Азербайджане. 1953-1956» (2006), «Очерки истории России советского периода» (2008) и др. Руководитель НПО «За гражданское общество» (с 1997 г.).

Алан КАСАЕВ

канд. историч. наук, руководитель Редакции стран СНГ и Балтии РИА «Новости», автор книг и сборников по проблемам постсоветского пространства.

Георгий КАСЬЯНОВ

доктор историч. наук, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Украины НАН Украины, автор книг «Украина 1991-2007. Очерки новейшей истории» (2008), «До питання про ідеологію ОУН» (2003), «Теорія нації та націоналізму» (1999), «Ukrainaan Historja» (1997), «Історія України: нове бачення» (1996), «Сталінізм і українська інтелігенція» (1991) и др.

Жанат КУНДАКБАЕВА

доктор историч. наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби, автор монографий «Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения» (2005) и «"Знаком милости Е.И.В.". Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке» (2005), статей по проблемам исторической памяти и национальной истории.

Виктор МАКАРОВ

директор Центра «EuroCivitas» (Рига, Латвия).

Ильгар НИФТАЛИЕВ

канд. историч. наук, доцент Бакинского государственного университета.

Гия СИАМАШВИЛИ

канд. философских наук, научный сотрудник Института политологии (Тбилиси, Грузия), журналист, автор научных и публицистических статей по вопросам истории и политики.

Татьяна ФИЛИППОВА

канд. историч. наук, зам. главного редактора Российского исторического журнала «Родина», член Международного Совета АИРО-XXI, автор ряда коллективных монографий: «Российские реформаторы» (1995), «Российские консерваторы» (1997), «Русский либерализм» (1999), «Национальные истории в советском и постсоветских государствах» (1999), «Россия: государственные приоритеты и национальные интересы» (2000), «Постимперская идентичность России» (2003) и др., участник ряда международных исследовательских программ по проблемам политико-культурной истории и постимперской идентичности России.

Ирина ЦВИК

культуролог, преподаватель Кишиневского Государственного Университета имени Иона Крянгэ (Молдавия), обозреватель агентства «Новости-Молдова», участник его телемостов со странами СНГ. Среди исследований и статей «Национальная самобытность как основа культурологической универсальности», «Национальная литература в сфере проблем современного мира», «Литература как зеркало национального характера» и др.

Нериюс ШЕПЕТИС

доктор истории, доцент факультета истории Вильнюсского университета, спецредактор академического ежемесячного журнала по религии, обществу и культуре «*Naujasis Židinys-Aidai*», член Национального комитета историков Литвы, секретарь Двухсторонней комиссии историков России и Литвы, автор книг: «*Litauen im Visier des Dritten Reiches: März-September 1939*» (нем., Вильнюс, 2002), «*Molotovo-Ribbentropo paktas ir Lietuva*» (лит. «Пакт Молотова-Риббентропа и Литва»), Вильнюс, 2006).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ – II

*Под редакцией
Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова*

Научные консультанты:

*Карл Аймермахер
Алан Касаев*

Научно-вспомогательная работа:

Надежда Козлова

Ответственный за выпуск:

А.Г. Макаров

ИД № 01428 от 05.04.2000
Подписано в печать с оригинал макета 02.12.2009
Формат 70x100 1/16 Бумага офс.
Усл. печ. л. 30,2
Тираж 1000 экз.

Фонд Фридриха Науманна
E-mail: office19.russia@moscow.fnst.org